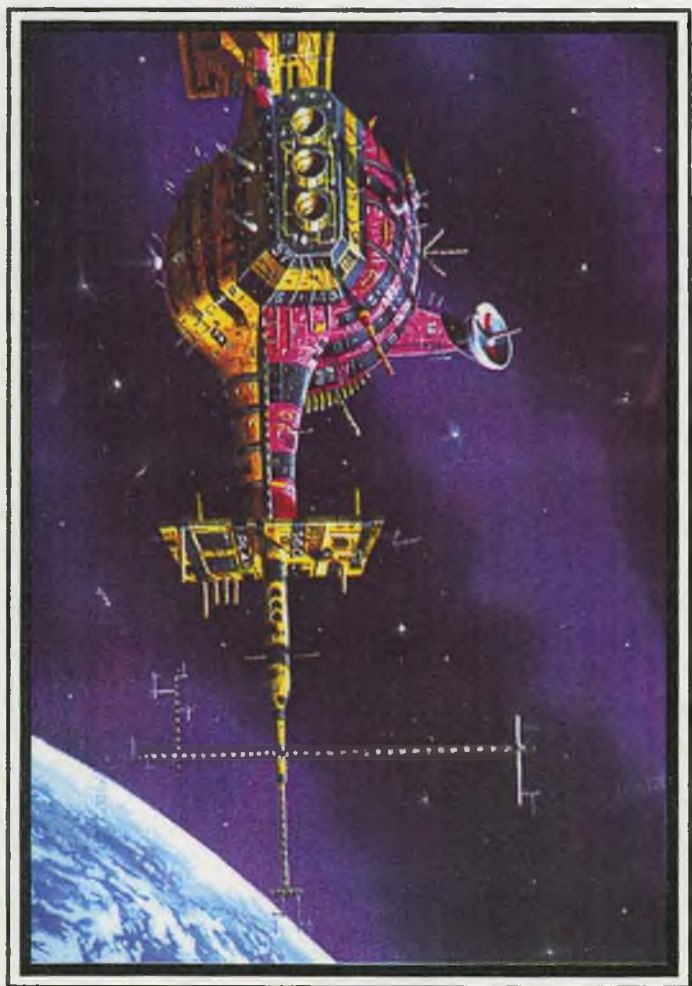

НОВЫЕ МИРЫ АЙЗЕКА АЗИМОВА

NEW WORLDS OF ISAAC ASIMOV

Volume five

SHORT STORIES

«POLARIS» PUBLISHERS
1997

НОВЫЕ МИРЫ АЙЗЕКА АЗИМОВА

Том пятый

РАССКАЗЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС»
1997

*Издание подготовлено
при участии АО «Титул»*

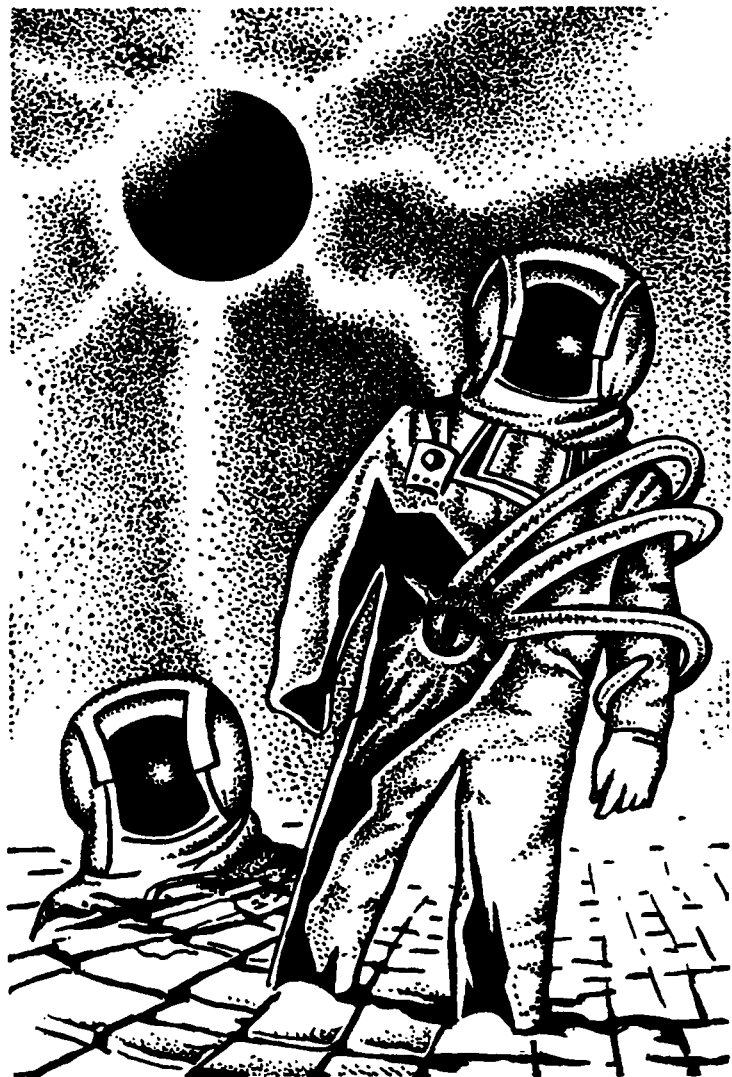
**Новые Миры Айзека Азимова. Т. 5 / Пер. с англ. —
Рига: Полярис, 1997. — 430 с.**

В пятый том собрания произведений малой формы известнейшего американского фантаста вошли рассказы из сборников «Двухсотлетний человек», «Ветры перемен» и «Золото».

Произведения, включенные в данное издание, охраняются законом Российской Федерации об авторском праве. Перепечатка отдельных рассказов и всего издания в целом запрещена без разрешения издателя. Всякое коммерческое использование данного издания возможно исключительно с письменного разрешения издателя.

ISBN 5-88132-269-X

© Издательство «Полярис»,
составление, оформление,
название серии, 1996

ДВУХСОТЛЕТНИЙ ЧЕЛОВЕК

Итак, перед вами еще один сборник моих фантастических рассказов — а я сижу здесь и гдую не без удивления, что пишу и публикую научную фантастику вот уже три восьмых столетия. Неплохо для человека, который на вопрос о возрасте отвечает «вторая молодость» — или «слегка за тридцать», если уж совсем к стенке припрут.

Вполне могу себе представить, что многим людям, пытавшимся проследить за мной от книги к книге и от жанра к жанру, кажется, будто я пишу гораздо дольше. Когда поток слов льется из гда в гда, не подавая признаков иссякания, это естественно приводит к самым забавным недоразумениям.

Всего пару недель назад, например, когда я был на собрании библиотечарей и подписывал книги, мне довелось услышать любезные реплики типа:

- Не могу поверить, что вы еще живы!
- Но как вам удастся настолько молодо выглядеть?
- Вы действительно один человек?

Больше того: в рецензии на одну из моих книг* в декабрьском номере «Сайентифик Америкэн» за 1975 гда обо мне написали так: «Бывший бостонский биохимик, ныне ярлык и главный стержень нью-йоркской группы соавторов».

Бог ты мой! Группы соавторов? Всего лишь стержень и ярлык?

Это не так. Прошу прощения, если мое обильное творчество мешает вам в это поверить, но я жив, я молод и я действительно один человек.

Практически всю свою работу я делаю сам. У меня нет никаких помощников: ни агента, ни менеджера, ни научных

* «Азимов о химии», издательство «Даблдей», 1974 — и это была очень благоприятная рецензия. (Примеч. авт.)

ассистентов, ни секретаря, ни стенографистки. Печатаю я сам, вычитываю тоже, сам составляю указатели, провожу исследования, сам пишу письма и отвечаю на телефонные звонки.

Мне так нравится. Поскольку мне не приходится отвлекаться на общение с людьми, я могу как следует сосредоточиться на работе и сделать гораздо больше.

В общем, я сохранил молодой зазор. Походка у меня по-прежнему легка и глаза по-прежнему блестят. Больше того: я все так же обходителен с молодыми женщинами, как и раньше (то есть чрезвычайно обходителен). Правда, насчет волос уже не могу сказать, что они густые и черные. Опасности облысения пока не наблюдается, но — увы! — я седею. Пару лет назад я отпустил пышные бакенбарды, и они почти совсем побелели.

А теперь, когда вам известно все худшее обо мне, давайте перейдем к самим рассказам — вернее (поскольку так легко вы от меня не отделаетесь), к предисловию, предваряющему первый рассказ.

ВОДНЫЙ ГРОМ

Где-то в середине 1969 года мне позвонили из издательства «Даблдей» и спросили, могу ли я написать научно-фантастический рассказ, который лег бы в основу фильма. Мне не хотелось, потому что я не люблю связываться с киношниками. У них есть деньги — но это все, что у них есть. Однако в «Даблдей» настаивали, а отказывать им мне тоже не хотелось. Я согласился.

Вскоре я уже обедал с неким очень симпатичным джентльменом из кинокомпании, и он обсудил со мной будущий рассказ.

Он сказал, что было бы желательно, чтобы действие происходило под водой. Я ничего не имел против. Затем он с воодушевлением принялся описывать характеры персонажей и события, которые, по его мнению, должны были произойти в кинофильме. Чем дольше он говорил, тем больше я падал духом. Мне совсем не нравился описываемый им герой, а героиня не нравилась еще сильнее; хуже того, мне совершенно не нравились события, о которых он повествовал.

К сожалению, я никогда в жизни не умел резко отказывать людям, особенно в лицо. Поэтому я старательно улыбался и делал вид, что весьма заинтересован.

Назавтра я позвонил в «Даблдей» в полной уверенности, что еще не поздно. Я спросил, подписан ли уже контракт. Выяснилось, что он уже подписан и в качестве аванса перечислена солидная сумма, большая часть которой предназначалась мне.

Мне казалось, что падать духом дальше некуда, но я ошибся. Отвертеться от рассказа не было никакой возможности.

Waterclap

© 1970 by Isaac Asimov

Водный гром

© Издательство «Полярис», перевод, 1997

— Ладно, — сказал я. — Но если вдруг мой рассказ забракуют, вы вернете им аванс?

— Мы не обязаны, — услышал я в ответ. — Аванс не оговорен никакими условиями. И если рассказ им не понравится, аванс все равно останется у нас.

— Нет, — сказал я. — Я так не хочу. Если рассказ не будет принят, я верну весь аванс целиком, а вашу долю выплачу вам из гонораров.

В «Даблдей» тоже не любили мне отказываться, поэтому согласились, хотя и дали понять, что из моих гонораров ничего не возьмут, а просто вернут свою долю аванса киношникам тоже.

Таким образом, я был свободен от всех обязательств, кроме как перед самим собой, и мог руководствоваться исключительно собственным вкусом. Первого сентября 1969 года я засел за «Водный гром» и написал его по-своему. Мне абсолютно точно было известно, чего хотят киношники, но я их желаниям не потрафил. Естественно, они отвергли рассказ, и я вернул им аванс до последнего цента.

Можете себе представить, какое облегчение я при этом испытывал.

Голливуд — это еще не весь мир. Редактору журнала «Гэлэкси» Эйлеру Якобсону рассказ понравился, и его опубликовали в майском номере 1970 года. Якобсон заплатил мне гораздо меньше, чем сулили киношники, но, в конце концов, он-то купил всего лишь рассказ.

Стивен Демерест смотрел на плотную небесную твердь. Смотрел долго и нашел ее голубизну мутной и омерзительной.

Машинально взглянув на солнце — позабыв, что здесь нет никаких затенителей, — он в панике зажмурил глаза. Но его не ослепило; перед глазами просто поплыли светящиеся круги. Даже солнце тут было размытое.

Ему невольно вспомнилась молитва Аякса из Гомеровской «Илиады». Греки с троянцами сражались за тело Патрокла в тумане, и Аякс взмолился: «Зевс, наш владыка, избавь аргивян от ужасного мрака! Дневный свет возврати нам, дай нам видеть очами! И при свете губи нас, когда уже так восхотел ты!»*

«И при свете губи нас», — подумал Демерест.

* Песнь 17, пер. Н. Гнедича.

Губи нас при ясном свете Луны, где небо прозрачное и черное, где ярко сияют звезды, где чистый вакуум не размывает очертаний, не то что в этой муторной голубизне.

Его передернуло. Не мысленно, а по-настоящему, физически — содрогнулось все его долговязое тело. Скоро он умрет. Он был уверен в этом. И умрет, кстати говоря, не под голубым сводом, а под черным — только чернота эта будет не та.

Словно услышав его мысли, к нему подошел перевозчик — коренастый, приземистый, с «ежиком» на голове — и спросил: — Готовы к погружению во тьму, мистер Демерест?

Демерест кивнул. Он возвышался над перевозчиком, как, впрочем, над всеми землянами. Все они были коренастые и с легкостью передвигались короткими и низкими шажками. Демерест же был вынужден следить за каждым своим шагом, преодолевая ступнями воздушную преграду; даже неосязаемая цепь, привязывавшая его к земле, была тягучей и плотной.

— Я готов, — откликнулся он.

Сделав глубокий вдох, он снова, теперь уже сознательно, взглянул на утреннее солнце. Оно стояло низко над горизонтом, размытое пыльным воздухом, и Демерест знал, что не ослепнет. Он также знал, что вряд ли когда-нибудь еще увидит солнце.

Батискаф он увидел впервые в жизни. Несмотря ни на что, Демерест представлял его в виде продолговатого баллона со сферической гондолой внизу. Он упорно думал о грядущем погружении как о космическом полете, с тоннами топлива, выбрасываемого огненным шлейфом, и неправильной формы модулем, вытягивающим паучьи лапы перед посадкой на Луну.

Батискаф несколько не походил на образ, созданный воображением Демереста. Внутри, возможно, были и гондола, и баллон, но они скрывались под сплошным округлым корпусом.

— Меня зовут Яван, — представился перевозчик. — Омар Яван.

— Яван?

— Странная для вас фамилия? Я иранец по происхождению и землянин по убеждению. Там, внизу, не существует национальностей. — Он улыбнулся, и смуглую кожу оттенила ровная белизна зубов. — Если вы не против, тронемся через минутку. Вы мой единственный пассажир, поэтому я думал, что у вас с собой какой-то груз.

— Да, — сухо ответил Демерест. — По крайней мере на сто фунтов больше, чем я привык.

— Так вы с Луны? То-то мне ваша походка такой странной показалась! Вам тут, должно быть, не очень уютно.

— Не очень, но терпеть можно. Мы специально тренируемся.

— Что ж, добро пожаловать на борт. — Перевозчик посторонился, пропуская Демереста к сходням. — Я бы лично на Луну ни в жизнь не полетел.

— А туда, в Океанскую Впадину, спускались?

— Раз пятьдесят, не меньше. Но это другое дело.

Демерест зашел в гондолу. Там было тесно, но к тесноте ему не привыкать. И вообще, похоже на космический модуль, разве что более... плотный. Опять это слово. Здесь во всем явственно ощущалось, что масса не имеет значения. Массу принимали как должное, с ней не приходилось бороться.

Батискаф еще не ушел под воду. Толстое стекло придавало голубому небу зеленоватый оттенок.

— Пристегиваться не обязательно, — сказал Яван. — Никаких перегрузок не будет. Пойдем вниз ровненько, как по маслу. Дорога займет не больше часа. Но курить нельзя.

— Я не курю, — сказал Демерест.

— Надеюсь, вы не страдаете клаустрофобией?

— У лунян клаустрофобии не бывает.

— Но у вас же кругом открытое...

— Только не в нашей пещере. Мы живем... — Он замешкался, подыскивая слово. — ...в лунной впадине, на глубине сотни футов.

— Сотни футов! — Перевозчика, похоже, это позабавило, но он не улыбнулся. — Начинаем погружение.

Стены внутри гондолы были с углами, но часть стены за приборами выдавала ее изначальную сферичность. Приборы казались продолжением тела Явана; его глаза и руки порхали над ними легко, почти любовно.

— Все уже проверено, — сказал он, — но я люблю напоследок убедиться. Внизу, как-никак, тысяча атмосфер.

Палец коснулся кнопки, и круглый массивный люк наглухо закрылся, войдя скошенным краем в стенное отверстие.

— Чем больше давление, тем крепче его прижимает, — сообщил Яван. — Бросьте последний взгляд на солнышко, мистер Демерест.

Свет все еще проникал сквозь толстое стекло иллюминатора, только теперь он сделался зыбким: между ними и солнцем уже была вода.

— Последний взгляд? — переспросил Демерест.

Яван хихикнул:

— Ну, не совсем последний. Я имею в виду — до возвращения. Вы никогда еще не путешествовали в батискафе, верно?

— А что, многие путешествуют?

— Да нет, очень немногие, — сказал Яван. — Но вы не волнуйтесь. Это обыкновенный подводный шар. Правда, со времен первого батискафа многое изменилось и усовершенствовалось. У нас есть атомный двигатель, а до определенных пределов можно идти и на водоструйном, — но если свести к основным элементам, так это по-прежнему сферическая гондола под поплавком. И нас по-прежнему опускают с борта корабля, чтобы не расходовать зря энергию, которая необходима при погружении вся до капельки. Ну, готовы?

— Готов.

Трос, соединявший батискаф с кораблем, вспорхнул вверх, и подводный аппарат погрузился чуть ниже; потом еще ниже, по мере того как морская вода заполняла поплавок. Несколько мгновений, пойманный поверхностными течениями, батискаф покачался — и перестал, продолжая тихо спускаться в сгущающуюся зелень океана.

Яван расслабился.

— Джон Берген — начальник Океанской Впадины. Вы собираетесь с ним встретиться?

— Совершенно верно.

— Он хороший парень. И жена его там, вместе с ним.

— Вот как?

— Ну конечно. Там, внизу, есть и женщины. А всего на станции человек пятьдесят. Некоторые не вылезают оттуда месяцами.

Демерест коснулся пальцем тонкого, почти незаметного стыка люка со стеной. Потом взглянул на палец.

— Это масло?

— Силикон. Давление выжимает какую-то часть. Специально для... Да вы не волнуйтесь. Система управления автоматизирована и надежна. При первых же признаках неисправности — любой неисправности — балласт будет сброшен и мы поднимемся на поверхность.

— Вы хотите сказать, что с батискафами вообще не бывает несчастных случаев?

— А что с ними может случиться? — Перевозчик искоса глянул на пассажира. — Как только мы окажемся на глубине, недоступной для кашалотов, нам и вовсе ничего не будет угрожать.

— Кашалотов? — Тонкое лицо Демереста нахмурилось.

— Ну да. Они ныряют вниз на полмили. Если кашалот ударит в батискаф — стенки-то у поплавка не очень прочные... Да и не нужна им особая прочность. Камера открыта, и когда бензин, обеспечивающий плавучесть, сжимается, туда проникает морская вода.

Стало темно. Демерест не отрывал взгляда от иллюминатора. В гондоле был свет, но снаружи ступилась тьма. Не такая, как в космосе, — тьма была густой и плотной.

— Давайте-ка без обиняков, мистер Яван, — резко сказал Демерест. — Ваш батискаф не оборудован для того, чтобы выдерживать атаку кашалотов. Думаю, с гигантскими кальмарами дело обстоит не лучше. Бывали подобные случаи или нет?

— Ну, дело в том, что...

— Только не заговаривайте мне зубы, ладно? Я спрашиваю из профессионального любопытства. Я главный инженер по технике безопасности в Луна-Сити, и я вас спрашиваю, какие меры предосторожности вы в силах принять против потенциальных столкновений с крупными животными?

Яван явно смутился.

— Да не было никаких столкновений, — пробормотал он.

— Но ведь они возможны? Пусть даже маловероятны, так ведь?

— Все возможно. Но кашалоты слишком умны, чтобы напасть на нас, а гигантские кальмары слишком робки.

— Они нас видят?

— Само собой. Мы же освещены.

— А прожекторы у вас есть?

— Мы уже прошли глубину, где водятся крупные животные, но прожекторы есть, и я их включу, если хотите.

В черном иллюминаторе внезапно вспыхнул снегопад — снегопад наоборот, падающий вверх. Мгла ожила, весь ее объем заполнили снежинки, и все они стремились кверху.

— Что это? — спросил Демерест.

— Да так, ничего особенного. Органическая материя. Мелкие организмы. Они плавают себе потихоньку и попадают в лучи прожектора. Мы снижаемся, поэтому чудится, будто они поднимаются вверх.

Демерест, вновь обретя чувство перспективы, поинтересовался:

— А мы не слишком быстро падаем?

— Да нет же. Я мог бы включить атомный двигатель, но зачем зря тратить энергию? К тому же я могу сбросить балласт — и сделаю это, только позже. А пока все нормально. Успокойтесь, мистер Демерест. Сейчас спустимся ниже и снегопад станет жиже. Там, внизу, нет никаких эффектных форм жизни. Лишь маленькие морские чертенята и прочая нечисть, но они нас избегают.

— Сколько пассажиров вы можете взять зараз? — спросил Демерест.

— Бывало, что и четырех, но тогда в гондоле не повернуться. Можно еще соединить два батискафа и перевезти десятерых, хотя такой тандем получается жутко неуклюжим. На самом деле нам нужны поезда из гондол с более мощными атомниками — то есть атомными двигателями — и с большей плавучестью. Говорят, такие поезда проектируются. Правда, так говорят уже несколько лет.

— Стало быть, существуют планы широкомасштабного расширения Океанской Впадины?

— Конечно, а как же! Раз на континентальных шельфах есть города, почему бы им не быть и в океанских глубинах? По-моему, мистер Демерест, если человек в силах куда-то добраться, он туда доберется. И правильно сделает. Земля нам дана для заселения, и мы ее заселим. Все, что нам нужно, чтобы сделать глубоководье обитаемым, — это маневренные батискафы. Камеры-поплавки замедляют движение, делают конструкцию уязвимой и слишком сложной.

— Но они также спасают вас, разве нет? Если все двигатели вдруг разом выйдут из строя, бензин в камерах вынесет вас на поверхность. А что вы будете делать в случае аварии без поплавок?

— Ну, если на то пошло, абсолютно надежных конструкций не существует в природе. Невозможно предусмотреть все случайности, в том числе и фатальные.

— Кто бы спорил, — с горечью сказал Демерест.

Яван сразу посерьезнел. Тон его голоса изменился:

— Извините. Я не хотел вас задеть. Мне жаль, что у вас случилось такое.

— Да, — сказал Демерест.

Погибли пятнадцать мужчин и пять женщин. Одному из «мужчин» было четырнадцать лет. Погибли, как было установлено, по собственной оплошности. Что мог сказать после этого главный инженер, отвечающий за безопасность?

— Да, — сказал он.

Между спутниками повисла тишина, такая же густая и плотная, как сжатая давлением морская вода в иллюминаторе. Как могли все двадцать человек поддаться разом панике, смятению и депрессии? «Лунная хандра» — глупое название, конечно, — поражала людей в самое неподходящее время. Ее приближение не всегда можно было распознать, но, когда она наваливалась, люди становились апатичными, а их реакции — замедленными.

Сколько падающих метеоритов удалось успешно отвести, погасить или захватить на лету? Сколько ущерба наносили

лунотрясения и сколько разрушений удавалось предотвратить? Сколько человеческих оплошностей не приводило к фатальному исходу благодаря принятым мерам предосторожности? Сколько несчастных случаев *не произошло*?

Но за неслучившееся несчастье ты не отвечаешь. Двадцать жертв...

Яван сказал (сколько долгих минут спустя?):

— А вот и огни Океанской Впадины!

Демерест ничего не увидел. Он не знал, куда смотреть. Дважды до того где-то вдаль в иллюминаторе мелькали люминесцентные существа, и, поскольку прожекторы опять были выключены, Демерест принимал их за огни подводной станции. А теперь он вообще ничего не видел.

— Вон там, внизу, — сказал, но не показал Яван, слишком занятый торможением и поворотом батискафа.

Демерест услышал отдаленные вздохи водных струй, выталакиваемых паром, который образовался от тепла моментальных выбросов атомной энергии.

В голове мелькнула смутная мысль: «Топливо у них — дейтерий, а его крутом предостаточно. Воды-то полным-полно, а стало быть, и тяжелого водорода тоже».

Яван сбросил также часть балласта, ведя при этом нечто вроде светской беседы:

— Балластом служила раньше стальная дробь, ее сбрасывали с помощью электромагнитов. При каждом погружении использовалось до пятидесяти тонн балласта. Служба охраны природы забеспокоилась, что дно океана покрывается ржавеющей сталью, поэтому мы перешли на минеральные конкреции, которые добываем из континентальных шельфов. Покрываем их тонким слоем железа, чтобы можно было сбросить электромагнитами, и в океане не остается никаких чужеродных элементов. Опять же дешевле... Но когда у нас будут настоящие атомные батискафы, нам балласт вообще не понадобится.

Демерест почти не слушал его. Станция была теперь как на ладони. Яван включил прожекторы, и далеко внизу показалось илистое дно пуэрто-риканской впадины. На дне, словно россыпь одинаково мутных жемчужин, покоились сферы станции Океанская Впадина.

Сферы походили на ту, в которой Демерест сейчас спускался, только были гораздо крупнее. Океанская Впадина все расширялась и расширялась — к россыпи то и дело добавлялись новые шары.

«Они всего в пяти с половиной милях от дома — это вам не четверть миллиона», — подумал Демерест.

— И как мы туда попадем? — спросил Демерест.

Стыковка уже произошла. Демерест слышал глухой стук металла о металл, но теперь тишину нарушала лишь сосредоточенная возня Явана с приборами.

— Не волнуйтесь, — отозвался наконец Яван. — Никаких проблем. Я просто проверяю, чтобы убедиться в точности стыковки. Там электромагнитное соединение, образующее правильную окружность. Если показания приборов в норме, значит, мы приклеились точненько ко входному люку.

— Который затем откроется?

— Он бы открылся, будь там воздух с той стороны. Но там морская вода, и ее нужно вытеснить. А потом — милости просим!

Демерест слушал, не пропуская ни слова. Он прибыл сюда в последний день своей жизни, дабы придать этой жизни смысл, и не собирался упускать ничего, даже самых мелких деталей.

— Зачем этот дополнительный этап? — спросил он. — Почему бы не сделать воздушный шлюз — настоящий шлюз, постоянно наполненный воздухом?

— Говорят, так безопаснее, — ответил Яван. — Это уже по вашей специальности. В соединительной камере давление с двух сторон всегда одинаковое, за исключением того времени, когда по ней проходят люди. Этот шлюз — самое слабое звено в системе, потому что он открывается и закрывается; тут и стыки есть, и швы — понимаете, что я имею в виду?

— Понимаю, — пробормотал Демерест.

Это слабое звено можно будет использовать как щель, через которую... Ладно, всему свое время.

— Чего мы ждем? — спросил он.

— Шлюз опустошается. Из него вытесняют воду.

— Воздухом?

— Да нет же, черт возьми! Они не могут себе позволить так разбазаривать воздух. Чтобы освободить камеру от воды, потребовалось бы не меньше тысячи атмосфер, а заполнять ее воздухом под таким давлением, даже временно, — это безумное расточительство. Шлюз осушают паром.

— Ну да. Конечно.

— Воду как следует разогревают, — оживленно продолжал Яван. — Никакое давление в мире не способно помешать воде превратиться в пар при температуре более 374°C. А пар выталкивает воду через односторонний клапан.

— Еще одно слабое звено, — заметил Демерест.

— Наверное. Хотя до сих пор не было никаких накладок. Сейчас из шлюза вытесняют воду. Когда в клапане забулькают струи горячего пара, процесс автоматически прекратится, и шлюз окажется наполнен перегретым паром.

— А потом?

— А потом к нашим услугам целый океан для его охлаждения. Температура начнет падать, пар сконденсируется. В камеру накачают обыкновенный воздух с давлением в одну атмосферу, и тогда люк откроется.

— Долго нам еще ждать?

— Недолго. Если что-то случится, мы услышим вой сирен. По крайней мере, так нас учили. Я их ни разу не слышал.

Несколько минут они сидели в тишине, а затем раздался громовой удар и батискаф трянуло.

— Простите, забыл вас предупредить, — сказал Яван. — Для меня это так привычно, что просто вылетело из головы. Когда люк открывается, давление в тысячу атмосфер с другой стороны резко прижимает батискаф к блоку Океанской Впадины. Никакие электромагниты не в состоянии предотвратить этот последний сдвиг на сотую долю дюйма.

Демерест разжал кулаки и перевел дух.

— Все в порядке? — спросил он.

— Стены не треснули, если вы это имеете в виду. А грохочет как настоящий гром, верно? Кстати, когда я отчаю и шлюз начнет по новой наполняться водой, грохот будет еще сильнее. Так что не пугайтесь.

Но Демересту внезапно все надоело. «Скорей бы покончить с этим, — подумал он. — Сколько можно резину тянуть?»

— Ну теперь-то мы идем наконец?

— Идем.

Отверстие люка было круглое и маленькое — меньше того, через которое они входили на борт. Яван скользнул в него, извиваясь и бормоча, что чувствует себя как пробка в бутылке.

Демерест ни разу не улыбнулся с начала путешествия. Он и теперь не улыбнулся по-настоящему, только дернул уголком рта при мысли о том, что для тощего лунянина это не проблема.

Он пролез в люк и почувствовал, как его подхватили за пояс крепкие руки Явана.

— Здесь темно, — предупредил перевозчик. — Нет смысла дрыгать корпус для проводки. На то и существуют фонари.

Демерест обнаружил, что стоит на перфорированном полу, тускло отблескивающим металлом. Сквозь дырочки угадывалась зыбкая поверхность воды.

— Камеру не осушили, — сказал он.

— Все сделано в лучшем виде, мистер Демерест. Раз воду вытесняют паром, ясно, что он остается в камере. А чтобы давление было достаточным для вытеснения, пар сжимают примерно до трети плотности воды. Когда он конденсируется, шлюз на треть заполняется водой — но это вода с давлением всего в одну атмосферу... Пойдемте, мистер Демерест.

Лицо Джона Бергена было знакомо Демересту. Он узнал его сразу. Берген, вот уже почти десятилетие возглавлявший Океанскую Владину, часто мелькал на телеэкранах Земли — точно так же, как и лидеры Луна-Сити.

Демерест видел начальника станции в плоском изображении и объемном, в черно-белом и цветном. Оригинал мало чем от него отличался.

Подобно Явану, Берген был низкорослым и коренастым — то есть полной противоположностью традиционным (уже традиционным?) лунным стандартам. Значительно светлее Явана, лицо асимметричное, толстый нос слегка свернут вправо.

Не красавец. Ни один лунянин не назвал бы его красивым — но тут лицо Бергена озарилось лучезарной улыбкой, и он протянул большую ладонь.

Демерест вложил в нее свою, тонкую и хрупкую, напрягаясь в ожидании крепкого пожатия. Однако его не последовало. Берген взял его руку и выпустил, а затем сказал:

— Рад вас видеть. Мы не в силах устроить вам роскошный прием. Мы не можем даже объявить выходной в вашу честь, но все равно ваше прибытие для нас — праздник. Добро пожаловать.

— Спасибо, — тихо проронил Демерест. Он и теперь не улыбнулся. Он стоял лицом к лицу с врагом и знал это. Берген тоже не мог этого не знать, а потому его улыбка была сплошным притворством.

И вдруг оглушительный металлический лязг потряс помещение. Демерест отпрыгнул назад и прислонился к стене.

Берген не шелохнулся.

— Это батискаф отчалил, и шлюз залило водой, — спокойно проговорил он. — Яван должен был вас предупредить.

Демерест тяжело дышал, сиюсь унять бешеное сердцебиение.

— Он предупредил. Но я все равно попался.

— В ближайшем будущем таких сюрпризов больше не предвидится. Гости у нас бывают редко. Мы плохо оснащены для приемов, поэтому, как правило, не пускаем к себе всяких сановников, которые считают, что путешествие в глубь океана будет

способствовать их карьере. Я говорю в основном о политиках разных мастей. Вы — другое дело, разумеется.

«Ой ли?» — подумал Демерест. Получить разрешение на спуск сюда было достаточно сложно. Сначала пришлось убеждать начальство в Луна-Сити, которое не одобряло его идею и сомневалось, что обмен дипломатическими визитами принесет хоть какие-то плоды. («Дипломатический визит» — так они это называли!) А когда он их уговорил, Океанская Впадина отнюдь не спешила с разрешением.

Нынешний визит состоялся исключительно благодаря его личной настойчивости. Так почему же он — другое дело?

— Полагаю, у вас в Луна-Сити те же самые проблемы, — сказал Берген.

— Не совсем, — ответил Демерест. — Путешествие длиной в полмиллиона миль не так привлекает политиков, как десяти-мильный спуск и подъем.

— Это верно, — согласился Берген. — К тому же круиз на Луну куда дороже... Кстати говоря, сегодня у нас первая встреча представителей внешнего и внутреннего миров. Ни один океанский житель еще не бывал на Луне, насколько мне известно, а вы — первый лунянин, посетивший глубоководную станцию. Луняне даже в поселениях на шельфах никогда не бывали.

— Значит, нашу встречу можно назвать исторической, — сказал Демерест, стараясь убрать из голоса иронию.

Если она и просочилась, то Берген не подал вида. Он закатал рукава, словно стремясь подчеркнуть свое неформальное отношение (или же тот факт, что он очень занят, а потому не сможет уделить гостю много времени?), и спросил:

— Кофе хотите? Как я понимаю, вы уже позавтракали. Может, отдохнете немного перед экскурсией? Или хотите освежиться — так, по-моему, деликатные хозяева предлагают гостю посетить туалет?

Демереста разобрало любопытство, и совсем не праздное. Все, что касалось взаимодействия Океанской Впадины с внешним миром, могло оказаться важным.

— И как у вас действуют санитарно-гигиенические устройства?

— В основном в виде замкнутого цикла, как и на Луне, наверное. Но мы можем выбрасывать отходы, если захотим или если понадобится. Люди, конечно, порядком загадили окружающую среду, но отходы единственной глубоководной станции вряд ли загрязнили бы океан. Добавили бы в него немного органики, вот и все, — рассмеялся Берген.

Демерест взял это на заметку. Раз отходы можно сбрасывать в океан, значит, существуют трубы для выброса. Их устройство

может оказаться интересным, и он, как инженер по технике безопасности, имеет законное право проявить интерес.

— Нет, — сказал он. — Сейчас мне ничего не нужно. Если вы заняты...

— Не беспокойтесь. Мы все время заняты, но я занят меньше всех. Я покажу вам наши апартаменты. У нас тут больше полусотни сфер, размерами не уступающих этой, а то и превосходящих ее...

Демерест окинул взглядом помещение. Как и в батискафе, здесь были углы, но за мебелью и оборудованием проглядывали признаки неизбежной сферичности внешней стены. Пятьдесят штук!

— ...созданных, — продолжал Берген, — усилиями не одного поколения. Блок, в котором мы находимся, самый старый из всех. Поговаривают о том, что пора его демонтировать и заменить. Кое-кто считает, что мы уже готовы к производству блоков второго поколения, но я не уверен. Это дорого — здесь, на дне, все дорого, — а выбивать деньги из Всемирного совета по проектам — занятие крайне утомительное.

У Демереста непроизвольно раздулись ноздри, и вспышка ярости объяла все его существо. Это был удар ниже пояса. Берген не мог не знать, какие жалкие крохи выделяет ВСП для Луна-Сити!

Но Берген все говорил и говорил, ничего не замечая:

— А кроме того, я поклонник традиций. Это первый созданный людьми глубоководный дом. В нем впервые на океанском дне заночевали двое человек. Они спали здесь безо всяких удобств, оснащенные всего лишь переносным атомным блоком питания для аварийного шлюза — я имею в виду воздушный шлюз, но тогда его называли аварийным — и парочкой приборов. Их звали Регера и Тремонт. Ни один из них больше не спускался на дно; всю оставшуюся жизнь оба проработали на суше. Что ж, они сделали свое дело, и сейчас их уже нет в живых. Зато теперь здесь работают пятьдесят человек, несущих вахту как минимум полгода. Я, например, за последние полтора года провел на суше всего пару недель.

Энергично махнув рукой и пригласив следовать за ним, Берген открыл дверь, плавно скользнувшую в полость стены, и повел его в следующий блок. Демерест задержался у двери, чтобы обследовать вход. Между смежными блоками не было видно ни единого шва.

Берген заметил его любопытство и пояснил:

— Когда мы пристраиваем новый блок, металл сваривают под давлением, превращая практически в единое целое с предыдущим

блоком, а потом еще и упрочняют. Мы не имеем права рисковать — впрочем, вам это вполне понятно, поскольку вы, как мне сказали, главный инженер по технике безо...

— Да, — оборвал его Демерест. — Мы, луняне, восхищаемся вашей статистикой несчастных случаев — вернее, отсутствием таковых.

— Нам везет пока, — пожал плечами Берген. — Кстати, примите мои соболезнования по поводу гибели ваших товарищей. Я имею в виду тот несчастный...

— Да, я понял, — снова прервал его Демерест.

Либо этот Берген болтлив по натуре, решил лунянин, либо он решил заговорить гостя до полусмерти, чтобы поскорее избавиться от него.

— Блоки образуют сильно разветвленную цепочку, — не унимался Берген. — Трехмерную цепочку. У нас есть карта — могу вам показать, если интересно. Большинство конечных блоков приспособлены под жилые помещения и спальни. Чтобы люди могли уединиться, понимаете? Рабочие блоки все проходные — это одно из неудобств, с которыми приходится мириться, живя на океанском дне.

Вот тут у нас библиотека. Вернее, часть ее. Она невелика, но здесь хранятся все наши архивы, записанные на компьютерную пленку, так что в этом смысле наша библиотека не только самая большая в мире, но также лучшая и единственная. А еще у нас есть отдельный компьютер, обрабатывающий специальную литературу. Он ее собирает, отбирает, сортирует, оценивает и выдает нам самую суть.

Есть у нас и другая библиотека, с микрофильмами и даже печатными книгами. Но это уже для развлечения.

В оживленный словесный поток вклинился чей-то голос:

— Джон! Я вам не помешаю?

Демерест вздрогнул. Голос раздался у него за спиной.

— Аннет! — воскликнул Берген. — Я как раз направлялся к тебе. Это Стивен Демерест из Лун-Сити. Мистер Демерест, позвольте вам представить мою жену Аннет.

Демерест повернулся, машинально сказал:

— Рад познакомиться, миссис Берген.

И уставился на ее талию.

Аннет Берген было на вид слегка за тридцать. Темные волосы, простая прическа, никакой косметики. Привлекательная, но не красавица, отметил про себя Демерест. А взгляд против его воли возвращался к талии.

— Да, я беременна, мистер Демерест, — сказала она, легонько пожав плечами. — Через пару месяцев буду рожать.

— Простите, — пробормотал Демерест. — Я не хотел быть невежливым... Я не...

Он растерянно умолк, словно удар был нанесен ему по-настоящему, под дых. Он не ожидал встретить здесь женщину, хотя и не мог объяснить почему. Он знал, что в Океанской Впадине есть женщины. И перевозчик тоже упоминал о том, что жена Бергена работает вместе с ним.

— Сколько у вас на станции женщин, мистер Берген? — запинаясь, спросил Демерест.

— Сейчас девять, — ответил Берген. — Все жены. Мы надеемся, что придет такое время, когда соотношение будет нормальным, то есть один к одному, но пока что нам в первую очередь требуются рабочие и исследователи, и если у женщины нет какой-нибудь нужной специальности...

— У них у всех есть *какая-нибудь* нужная специальность, дорогой, — перебила его миссис Берген. — И мужчины бы работали тут гораздо дольше, если бы ты...

— Моя жена, — со смехом прервал ее Берген, — убежденная феминистка. Но она не считает зазорным пользоваться привилегиями своего пола, чтобы добиться равноправия. Я все твержу ей, что это не феминистский, а чисто женский способ, на что она отвечает: «Потому-то я и беременна». Вы думаете, это любовь, или сексуальная мания, или жажда материнства? Ничего подобного! Она собирается родить ребенка здесь, внизу, исключительно из философских соображений.

— А почему бы и нет? — холодно сказала Аннет. — Океан либо станет для человечества домом, либо не станет. А если станет, то здесь будут рождаться дети, вот и все. Я хочу родить ребенка в Океанской Впадине. Ведь в Луна-Сити рождаются дети, правда, мистер Демерест?

Демерест глубоко вздохнул:

— Я сам родился в Луна-Сити, миссис Берген.

— И ей это прекрасно известно, — пробормотал Берген.

— А сейчас вам уже где-то под тридцать? — спросила Аннет.

— Мне двадцать девять, — ответил Демерест.

— И это ей прекрасно известно тоже, — сказал Берген с коротким смешком. — Могу поспорить, что она разузнала о вас всю подноготную, как только услышала о вашем визите.

— Это к делу не относится, — заявила Аннет. — К делу относится то, что как минимум двадцать девять лет в Луна-Сити рождаются дети, а в Океанской Впадине не было еще ни одного ребенка.

— Луна-Сити, дорогая моя, основан гораздо раньше, — сказал Берген. — Лунной колонии уже полвека, а нашей нет еще и двадцати лет.

— Двадцати лет вполне достаточно. Чтобы выносить ребенка, нужно всего девять месяцев.

— А сейчас на станции есть дети? — поинтересовался Демерест.

— Нет, — ответил Берген. — Нет. Но когда-нибудь обязательно будут.

— Через два месяца, — безапелляционно заявила Аннет.

Внутреннее напряжение в душе у Демереста все нарастало, и когда они втроем вернулись в первый блок, он с облегчением сел и взял чашечку кофе.

— Скоро пообедаем, — сообщил Берген. — Надеюсь, вы согласны посидеть пока что здесь. Первый блок не так уж часто используется для работы — разве что для приема батискафов, но сейчас мы никого не ждем. Можем поговорить, если хотите.

— Очень даже хочу, — отозвался Демерест.

— Надеюсь, я тоже приглашена принять участие в беседе? — осведомилась Аннет.

Демерест взглянул на нее с сомнением, но Берген сказал:

— Вам придется согласиться. Вы ее очень интересуете — вы и луняне вообще. По ее мнению, они... э-э... то есть вы представляете собой новую породу людей, и, я думаю, когда ей надоест быть океанской жительницей, она захочет стать лунянкой.

— Ты не даешь мне слова вставить, Джон. Но если позволишь, я бы все-таки хотела услышать мнение мистера Демереста. Что вы о нас думаете, мистер Демерест?

— Я попросил о встрече, миссис Берген, — осторожно сказал Демерест, — потому что я инженер по технике безопасности. В этом смысле у Океанской Впадины завидная статистика...

— Ни одного смертельного исхода за без малого двадцать лет, — весело подхватил Берген. — Всего одна жертва несчастного случая в поселениях на шельфах — и ни одной во время перевозок, будь то на подводных лодках или батискафах. Хотел бы я приписать это нашей мудрости и умению. Мы, конечно, делаем все, что в наших силах, но главным образом нам просто везет.

— Джон! — не выдержала Аннет. — Дай, пожалуйста, сказать мистеру Демересту.

— Как инженер по технике безопасности, — сказал Демерест, — я не могу себе позволить полагаться на везение и удачу. Мы не в состоянии предотвратить лунотрясения или падения на Луну больших метеоритов, но мы обязаны принять меры, чтобы ущерб от них был минимальным. Нет никаких оправданий — да их и не может быть! — человеческим жертвам. Нам в

Луна-Сити не удалось без них обойтись; наша статистика в последнее время, — голос у него упал, — очень печальна. Поскольку люди, как известно, несовершенны, необходимо обеспечить их техникой, которая компенсировала бы это несовершенство. Мы потеряли двадцать человек...

— Я знаю. Но население Луна-Сити приближается к тысяче, не так ли? Ваше выживание пока не находится под угрозой.

— Население Луна-Сити сейчас девятьсот семьдесят два человека, считая вместе со мной, но наше выживание тем не менее под угрозой. Мы зависим от Земли буквально во всем, включая предметы первой необходимости. Так не должно продолжаться, и положение можно было бы изменить, если бы Всемирный совет по проектам не погряз в мелочной экономии.

— Тут я с вами полностью согласен, мистер Демерест, — сказал Берген. — Мы тоже зависим от суши, хотя могли бы перейти на самообеспечение. Хуже того: мы не можем расширять станцию, пока не построим атомные батискафы. Эти поправки нас жутко ограничивают. Сообщение между нами и сушией крайне неудовлетворительно; на перевозку людей, а тем более материалов и оборудования уходит уйма времени. Я попытался выбить из совета...

— Да, и вы скоро получите дополнительные средства, мистер Берген.

— Я надеюсь, но почему вы так уверены?

— Мистер Берген, давайте не будем ходить вокруг да около. Вы прекрасно знаете, что Земля выделяет фиксированную сумму на проекты экспансии — то есть программы по расширению среды обитания человека, — и эта сумма не так уж велика. Население Земли не очень-то щедро расходует свои ресурсы на освоение внешнего или внутреннего пространства, особенно если при этом приходится поступиться комфортом и удобствами первичной среды обитания, то есть земной суши.

— Вы так говорите, будто земляне какие-то жуткие эгоисты, мистер Демерест, — вмешалась Аннет. — Но это несправедливо. Человеку свойственно заботиться о собственной безопасности. Земля перенаселена, и она с трудом оправляется от ран, нанесенных планете в «безумные двадцатые». Естественно, что интересы земной суши должны учитываться прежде всего, прежде интересов Луна-Сити и Океанской Впадины. Бог ты мой, да эта станция для меня все равно что дом родной, но я не хотела бы ее процветания за счет земной суши!

— Вопрос не стоит «или — или», миссис Берген, — убежденно проговорил Демерест. — Если океанское и космическое пространства будут осваиваться с умом, настойчиво и целеустремленно,

это пойдет на благо в первую очередь самой Земле. Мелкие инвестиции ничего не дадут, но крупные могли бы вернуться сторицей.

Берген поднял руку:

— Да, я согласен. Вам нет нужды меня в этом убеждать. Вы пытаетесь обратить обращенного. Давайте-ка лучше сделаем перерыв на обед. Вот что я вам скажу: мы пообедаем здесь, а если вы останетесь на ночь или на несколько дней — милости просим! — у вас хватит времени, чтобы познакомиться и поговорить с остальными. А сейчас пора расслабиться и отдохнуть.

— Я не против, — сказал Демерест. — Я с удовольствием останусь... Между прочим, я все хотел спросить: почему в блоках так мало народу?

— Это не секрет, — просто ответил Берген. — Человек пятнадцать сейчас спят и еще примерно столько же смотрят фильмы, или играют в шахматы, или, если они здесь с женами...

— Джон! — сказала Аннет.

— ...то их не принято беспокоить. Жилых помещений у нас мало, так что уединение, насколько оно возможно, дело святое. Несколько человек в океане — трое, по-моему. То есть работающих осталось около дюжины, и вы всех их видели.

— Я принесу обед, — сказала Аннет, вставая.

Она улыбнулась и шагнула за дверь, которая автоматически за ней закрылась.

Берген посмотрел ей вслед:

— Это уступка. Она разыгрывает из себя хозяйку в вашу честь. Иначе за обедом наверняка бы отправился я. Выбор определяется не полом, а чистой случайностью — сегодня ты, завтра я.

— Двери между блоками кажутся мне не очень надежными, — сказал Демерест.

— Вот как?

— Если случится авария и один из блоков будет пробит...

— У нас тут нет метеоритов, — улыбнулся Берген.

— Да, я неправильно выразился. Но если где-то вдруг начнет течь, неважно по какой причине, сможете ли вы изолировать блок или группу блоков так, чтобы они выдержали давление океана?

— Вы имеете в виду — так, как делают у вас в Луна-Сити, когда в случае попадания метеорита пробитый отсек автоматически блокируется, чтобы не пострадали остальные?

— Да, — подтвердил Демерест с еле уловимой горечью. — И что не было сделано во время давешней аварии.

— Теоретически это возможно, но вообще-то здесь довольно безопасно. Как я уже говорил, метеоритов у нас нет, как нет и каких-либо сильных подводных течений. Даже землетрясение с эпицентром прямо под нами не может повредить станции, поскольку у нее нет прочного контакта с донной поверхностью. Вода амортизирует удары. Поэтому мы имеем полное право надеяться, что сильные потрясения нам не грозят.

— А если все-таки?

— Тогда мы окажемся беспомощны. Видите ли, здесь не так-то просто заблокировать отдельные сферы или часть конгломерата. На Луне разница давлений составляет всего одну атмосферу: одна атмосфера внутри и нуль снаружи. Тонкой перегородки вполне достаточно. Здесь же, в Океанской Впадине, разница давлений около тысячи атмосфер. Чтобы обеспечить абсолютную надежность при такой разнице, нужно очень много денег, а вы сами знаете, что значит выбивать финансы из ВСП. Поэтому мы рискуем — и пока что нам везет.

— В отличие от нас, — заметил Демерест.

Берген явно смутился, но тут их обоих отвлекла Аннет, появившаяся с обедом.

— Надеюсь, мистер Демерест, — сказала она, — что вы привыкли к спартанскому рациону. Всю еду мы получаем в упаковках, ее остается только разогреть. Наш девиз — простота и отсутствие изысков, так что в сегодняшнем меню дыплята с морковью и вареной картошкой, а также нечто вроде шоколадных пирожных на десерт. Зато кофе можете пить сколько угодно.

Демерест встал, чтобы взять свой поднос, и попытался улыбнуться.

— Очень похоже на лунное меню, миссис Берген, а я на нем вырос. Мы производим и свою собственную микроорганическую пищу. Есть ее патриотично, но не очень приятно. Впрочем, мы надеемся со временем улучшить качество.

— Я уверена, что вам это удастся.

Демерест, медленно и тщательно пережевывая пищу, продолжал:

— Простите, что опять возвращаюсь к работе, но мне хотелось бы узнать, насколько надежно устройство вашего шлюза.

— Это и впрямь самое слабое место в Океанской Впадине, — сказал Берген. Он уже покончил с едой, значительно опередив остальных, и наполовину осушил первую чашку кофе. — Но без него, увы, не обойтись. Шлюз автоматизирован, насколько это возможно, и довольно надежен. Во-первых, атомные генераторы не начнут нагревать в нем воду, пока не будет электромагнитного контакта вдоль всей окружности внешней стенки люка.

Больше того — контакт должен быть металлическим, а металл должен обладать в точности такой же магнитной проницаемостью, как у батискафов. Если какой-либо камень или мифическое глубоководное чудовище свалится на дно и случайно прижмется как раз к месту стыковки, то ничего не произойдет.

А во-вторых, внешний люк не откроется, пока пар не вытеснит воду и не сконденсируется, то есть пока и давление, и температура не упадут ниже определенного уровня. Когда внешний люк начнет открываться, малейшее повышение внутреннего давления, вызванное притоком воды, тут же закроет его.

— Но потом, когда люди пройдут через шлюз, — заметил Демерест, — внутренний люк за ними закроется, и в камеру шлюза вновь хлынет вода. Вы можете впускать ее постепенно, несмотря на давление океана снаружи?

— Не совсем, — улыбнулся Берген. — С океаном не стоит сражаться слишком упорно. Перед его напором все равно не устоять. Мы снижаем скорость потока примерно до одной десятой, и тем не менее вода врывается как выстрел — вернее, как удар грома, или водного грома, если хотите. Внутренний люк способен выдержать напор, к тому же ему приходится это делать не так уж часто. Погодите-ка: вы же слышали водный гром, когда Яван отчалил. Помните?

— Помню, — сказал Демерест. — Но я все равно не совсем понимаю. Вы держите шлюз наполненным водой с высоким давлением, чтобы не подвергать напряжению внешний люк. Но из-за этого под напряжением постоянно находится внутренний люк.

— Да, конечно. Однако, если внешний люк сдаст под напором разницы давлений в тысячу атмосфер, в шлюз устремится весь океан с его миллионами кубических миль воды, и нам придет конец. Но поскольку под напряжением мы держим внутренний люк, то даже если он не выдержит, в блоки станции попадет только та вода, что находится в шлюзе, а так как ее количество ограничено, давление тут же упадет. У нас будет достаточно времени для ремонта, потому что внешний люк продержится довольно долго.

— А если оба не выдержат одновременно?

— Тогда нам каюк. — Берген пожал плечами. — Не мне вам объяснять, что абсолютной надежности и абсолютной безопасности не существует. Жизнь — это риск, а шансы одновременной двойной аварии настолько малы, что с ними вполне можно мириться.

— Но если все ваши автоматические приспособления выйдут из строя...

— Они надежны, — упрямо заявил Берген.

Демерест кивнул, приканчивая последний кусочек цыпленка. Миссис Берген начала убирать со стола.

— Надеюсь, вы простите мою назойливость, мистер Берген, — сказал Демерест.

— Спрашивайте обо всем, что вас интересует. Вообще-то меня не предупредили о цели вашего визита. «Сбор информации» — слишком расплывчатая формулировка. Но, судя по всему, недавнее несчастье вызвало сильное беспокойство на Луне, и вы, как инженер по технике безопасности, естественно, чувствуете себя ответственным за исправление всех существующих недостатков. Возможно, изучение системы безопасности в Океанской Впадине вам в этом поможет.

— Вот именно. Видите ли, если по какой-то причине, неважно какой, вся ваша автоматика выйдет из строя, вы останетесь живы, но все выходные люки будут наглухо задраены. Вы окажетесь в ловушке и умрете медленной смертью вместо мгновенной.

— Это маловероятно, но я надеюсь, что мы сумели бы в таком случае сделать ремонт до того, как кончится запас воздуха. А потом, у нас есть и ручная система управления.

— Ах вот как!

— Ну конечно. Когда станцию основали, этот блок, где мы сейчас находимся, был единственным, и здесь вообще была только ручная система. Вот она-то и впрямь ненадежна. Кстати, она находится прямо за вами, под крышкой из бьющегося пластика.

— В случае аварии разбейте стекло, — пробормотал Демерест, разглядывая хрупкое покрытие.

— Прошу прощения?

— Просто фраза, которую обычно писали на древних противопожарных устройствах... И эта система действует? Или, покрытая вашим бьющимся пластиком, она за двадцать лет превратилась в бесполезный хлам?

— Ничего подобного. Ее периодически проверяют, как и все остальное оборудование. Это не моя обязанность, но я знаю, что ее выполняют. Если какая-то электрическая или электронная цепь не сработает, замигают лампочки, взрвет сирена — в общем, будет все, кроме атомного взрыва. А знаете, мистер Демерест, Луна-Сити интересует нас не меньше, чем вас — Океанская Впадина. Надеюсь, вы пригласите к себе одного из наших молодых людей...

— А как насчет одной из молодых женщин? — тут же встряла Аннет

— Уверен, что ты имеешь в виду себя, дорогая, — сказал Берген. — Могу лишь напомнить, что ты собиралась родить здесь ребенка и нянчить его, а это напрочь исключает твою кандидатуру.

— Мы надеемся, что вы пришлете своих людей в Луна-Сити, — напряженно проговорил Демерест. — Мы заинтересованы в том, чтобы вы поняли наши проблемы.

— Да, взаимный обмен проблемами и рыдания друг у друга на плече сильно облегчили бы нашу жизнь. Между прочим, у вас в Луна-Сити есть одно преимущество, которому я завидую. Слабая гравитация и низкая разница давлений позволяют вам придавать своим жилищам любую неправильную и угловатую форму, какая удовлетворяет вашим эстетическим вкусам или же необходима для удобства. Мы здесь обречены исключительно на сферы, по крайней мере в обозримом будущем, и все наши дизайнеры через какое-то время проникаются лютой ненавистью к округлым формам. Люди просто не выдерживают и уходят, лишь бы не работать больше с шарами.

Берген покачал головой и откинулся назад, прислонив спинку стула к шкафу с микрофильмами.

— Знаете, — продолжил он, — когда в тридцатые годы Уильям Биби соорудил первую подводную камеру в мире, это была просто гондола, которую опускали с корабля на тросе длиной в полмили, без поплавка и двигателей, и если бы трос оборвался — прощайте навсегда! Но он не оборвался... О чем бишь я? Ах да, когда Биби мастерил свою первую подводную камеру, он хотел сделать ее цилиндрической, чтобы человеку было в ней удобно, понимаете? В конце концов, человек — это и есть удлинённый цилиндр с костями. Но друг Уильяма Биби отговорил его в пользу шара, и у него были веские доводы: ведь шар, как известно, выдерживает давление лучше любой другой формы. И знаете, кем был этот друг?

— Боюсь, что нет.

— Он был в то время президентом Соединенных Штатов. Франклин Рузвельт. Все эти сферы, что вы видели у нас, — правнучки предложения Рузвельта.

Демерест слушал внимательно, но никак не отреагировал. Он вернулся к предыдущей теме разговора.

— Мы бы очень хотели, чтобы кто-нибудь из сотрудников станции посетил Луна-Сити, — сказал он, — потому что это могло бы помочь вам осознать необходимость определенного самопожертвования со стороны Океанской Впадины.

— О-о! — Стул Бергена всеми четырьмя ножками хлопнулся об пол. — Что вы имеете в виду?

— Океанская Впадина — изумительное достижение; я ни в коем случае не хочу его умалять. Я вижу ее потенциал, она способна стать одним из чудес света. И тем не менее...

— Что тем не менее?

— Океан — только часть Земли; большая, но все-таки часть. А впадина — всего лишь часть океана. Это действительно внутреннее пространство: оно направлено внутрь, постепенно сужаясь к точке.

— Как я понимаю, — довольно мрачно перебила его Аннет, — сейчас последует сравнение с Луна-Сити.

— Именно так, — сказал Демерест. — Луна-Сити представляет собой внешнее пространство, расширяющееся до бесконечности. С точки зрения отдаленной перспективы у вас здесь тупик, а у нас там — простор.

— Размеры — это не самый главный критерий, мистер Демерест, — возразил Берген. — Океан и правда всего лишь часть Земли, однако именно поэтому он тесно связан с ее более чем пятиллиардным населением. Океанская Впадина — станция экспериментальная, но поселения на шельфах уже заслуживают названия городов. Наша станция предлагает человечеству шанс заселить всю планету...

— Загадить всю планету! — возбужденно воскликнул Демерест. — Изнасиловать ее и прикончить! Сосредоточение человеческих усилий только на самой Земле — явление нездоровое и даже фатальное, если оно не уравновешено расширением границ обитания.

— А что там, за этими границами? Сплошная пустота, — резко бросила Аннет. — Луна всего лишь безжизненный спутник, так же как и другие планеты. Если среди звезд, за световые годы от нас, и есть живые миры, то нам до них не добраться. А океан живой!

— На Луне тоже есть жизнь, миссис Берген, и, если Океанская Впадина нам позволит, Луна станет независимой. И тогда мы, луняне, начнем осваивать другие планеты и вдохнем в них жизнь. А если человечество проявит терпение, мы достигнем также далеких звезд. Мы! Именно мы! Только луняне, привыкшие к космосу, привыкшие к жизни в пещерах, к искусственной среде обитания, смогут провести всю жизнь на борту звездолета, которому, возможно, потребуются столетия, чтобы долететь до звезд.

— Погодите, погодите, Демерест, — сказал Берген, поднимая руку. — Давайте-ка уточним. Что вы имели в виду, говоря «если Океанская Впадина нам позволит»? Какое мы имеем к этому отношение?

— Вы конкурируете с нами, мистер Берген. Всемирный совет по проектам склоняется в вашу сторону. Он выделит вам больше денег, а нам меньше, потому что, как заметила ваша жена, в океане есть жизнь, а на Луне, если не считать тысячи человек, жизни нет; потому что до вас всего полдюжины миль, а до нас — четверть миллиона; потому что до вас можно добраться за час, а до нас — за три дня. А еще потому, что у вас идеальная статистика несчастных случаев, а у нас...

— Ну, последний аргумент просто нелеп. Авария может произойти в любом месте и в любое время.

— Однако нелепость тоже можно использовать, — сердито сказал Демерест, — чтобы манипулировать эмоциями. Для людей, не понимающих цели и важности космических исследований, гибель лунян в авариях — вполне достаточное доказательство того, что Луна опасна и ее колонизация бессмысленна. Почему нет? Под этим предлогом можно сэкономить денежки, а чтобы успокоить свою совесть, совет вложит часть инвестиций в Океанскую Впадину. Потому-то я и считаю, что давешняя авария на Луне представляет угрозу нашему выживанию, несмотря на то что погибло всего двадцать человек из тысячи.

— Я не могу принять ваши доводы. До сих пор денег хватало на оба проекта.

— В том-то и дело, что не хватало! Мизерные капиталовложения не позволили Луне за все эти годы перейти на самообеспечение, а теперь тот факт, что мы не в состоянии себя обеспечивать, используют против нас. Нехватка инвестиций и Океанской Впадине не давала обрести самостоятельность. Зато теперь совет сможет выделить вам достаточно средств, если совсем прикроет наш проект.

— Вы полагаете, совет на такое пойдет?

— Я почти уверен в этом, если только Океанская Впадина не проявит государственный подход к будущему человечества.

— Каким образом?

— Отказавшись от дополнительных фондов. Отказавшись от конкуренции с Луной. Поставив интересы всего человечества выше своих собственных интересов.

— Вы же не думаете, что мы демонтируем...

— Вам не придется этого делать. Неужели вы не понимаете? Поддержите нас, объясните совету, что Луна-Сити важнее, что освоение космоса — главная надежда человечества; скажите, что вы подождете и даже сократите расходы, если потребуется.

Берген, вздернув брови, взглянул на жену. Она сердито потомала головой.

— Сдается мне, у вас довольно романтическое представление о ВСП, — сказал Берген. — Даже если я начну толкать благород-

ные и самоотверженные речи, кто сказал, что к ним прислушаются? На осуществление проекта влияют не только мои мнения и высказывания. Есть еще экономические соображения и общественное мнение. И вообще, зря вы так беспокоитесь, мистер Демерест. Луна-Сити не закроют. Вы получите фонды, это я вам говорю. А теперь давайте лучше покончим с этой...

— Нет, я обязан вас убедить — убедить любыми способами — в том, насколько это серьезно. Океанская Впадина должна быть законсервирована, если ВСП не способен обеспечить оба проекта достаточной суммой денег.

— Это официальное заявление, мистер Демерест? — спросил Берген. — Вы уполномочены говорить от имени Луна-Сити, или это ваше личное мнение?

— Личное. Но я думаю, этого вполне достаточно, мистер Берген.

— Сожалею, однако я так не думаю. Боюсь, наш разговор начинает обретать неприятную окраску. Мой вам совет: возвращайтесь-ка вы на сушу с первым же батискафом.

— Нет! Я еще не закончил!

Демерест встал, дико озираясь по сторонам, и прижался спиной к стене. Он был высоковат для этого помещения, и он осознавал, что подошел к последней черте. Еще один шаг — и отступать будет некуда.

Он предупреждал их там, в Луна-Сити, что от переговоров не будет никакого толку. Борьба за деньги должна быть беспощадной, и он никому не позволит загубить Луна-Сити — ни ради Океанской Впадины, ни даже ради самой Земли, потому что интересы человечества и Вселенной превыше всего. Люди должны вырасти из своей колыбели и...

Демерест слышал свое хриплое дыхание и чувствовал, как иступленно мечутся мысли в мозгу. Супружеская пара встревоженно глядела на него. Аннет встала и спросила:

— Вам нехорошо, мистер Демерест?

— Со мной все нормально. Сядьте. Я инженер по технике безопасности, и я намерен преподать вам урок. Сядьте, миссис Берген.

— Садись, Аннет, — сказал Берген. — Я сам приведу его в чувство.

Он встал и шагнул вперед.

— Нет! — крикнул Демерест. — Ни с места! У меня есть кое-что при себе. Вы слишком наивны, мистер Берген: вы приняли меры предосторожности против океана и механических аварий, но недооценили опасность, исходящую от людей. У вас не принято обыскивать гостей, верно? Я вооружен, Берген.

Теперь, когда он сжег за собой мосты, отрезав все пути к отступлению, Демерест был спокоен. Что бы он ни сделал, ему все равно уже не жить.

— Ох, Джон! — выдохнула Аннет, вцепившись в руку мужа. — Он...

Берген заслонил ее собой.

— Вооружен? Эта штука и есть ваше оружие? Спокойно, Демерест, спокойно. Не стоит горячиться. Если хотите поговорить, давайте поговорим. Что это у вас в руках?

— Ничего особенного. Ручной лазерный лучевик.

— И что вы собираетесь делать?

— Разрушить Океанскую Впадину.

— Но вы не сможете, Демерест. Вы сами знаете, что не сможете. У ручного лазера не хватит энергии, чтобы пробить стены.

— Я знаю. Хотя у этой модели запас энергии больше, чем вы думаете. Мой лучевик изготовлен на Луне, а в вакууме заряжать энергией оружие куда удобнее. И все-таки вы правы. Эта штука предназначена для мелких работ и нуждается в частой подзарядке. Поэтому я не буду пробивать лучом стальной сплав толщиной в фут с лишним. Но лучевик мне пригодится. Хотя бы для того, чтобы вы двое вели себя спокойно. Убить двоих человек — на это у него энергии хватит.

— Вы не станете нас убивать, — невозмутимо заявил Берген. — У вас нет на то никаких разумных оснований.

— Если вы надеетесь образумить меня, можете не стараться, — сказал Демерест. — У меня есть все основания убить вас, и я вас убью. Если придется, то лазерным лучом, хотя мне этого и не хотелось бы.

— Но что вам даст наша смерть? Объясните. Вы хотите нас убить из-за того, что я отказался пожертвовать фондами Океанской Впадины? Но я не могу поступить иначе. Решение не зависит от меня одного. А если вы меня убьете, это отнюдь не поможет вам склонить мнение совета на свою сторону, скорее наоборот. Если лунянин совершит убийство — как по-вашему, это отразится на Луна-Сити? Представьте, какая буря возмущения поднимется на Земле!

В диалог вступила Аннет, и лишь отдельные звенящие нотки проскальзывали порой в ее ровном голосе:

— Разве вы не понимаете, что обязательно найдутся люди, которые скажут, будто космическая радиация на Луне оказывает опасное воздействие? Что гениальная инженерия, преобразовавшая ваши кости и мускулы, повлияла на психическую устойчивость? Вспомните значение слова «лунатик», мистер Демерест! Когда-то люди думали, что Луна провоцирует безумие.

— Я не безумец, миссис Берген.

— Это не имеет значения, — сказал Берген, подхватывая идею жены. — Люди назовут вас безумцем. Они решат, что безумны все луняне, и закроют Луна-Сити, возможно навсегда. Вы этого добиваетесь?*

— Так могло бы случиться, если бы кто-нибудь узнал, что я убил вас. Но никто не узнает. Это будет несчастный случай. — Левым локтем Демерест разбил пластик, покрывавший ручную систему управления. — Я с такими устройствами знаком, — продолжал он. — Я прекрасно знаю, как они действуют. По идее, когда разбивается пластик, должны замигать аварийные сигнальные лампочки — в конце концов, пластик можно разбить и случайно, — и кто-то должен прийти сюда, чтобы проверить, в чем дело. Хотя возможно, что система сработает сразу и во избежание аварии перекроет шлюз.

Он сделал паузу и продолжил:

— Да только я уверен, что никто не прибежит сюда с проверкой и никакого аварийного предупреждения не будет. Ваша ручная система ненадежна, поскольку в душе вы были уверены, что она вам никогда не понадобится.

— Что вы задумали? — спросил Берген.

Он весь напрягся, и Демерест, не отводя взгляда от его колен, предупредил:

— Если вы попытаетесь прыгнуть, я тут же выстрелю, а потом продолжу делать то, что задумал.

— В таком случае мне просто нечего терять.

— Вы потеряете время. Не мешайте мне, и тогда у вас останется несколько минут на разговоры. Не искушено, что вам даже удастся переубедить меня. Вот мое предложение: вы сидите на месте, а я даю вам шанс поспорить.

— Но что вы собираетесь делать?

— Сейчас увидите! — пообещал Демерест. Не оглядываясь, он сунул под разбитую крышку левую руку и замкнул контакт. — Скоро атомный генератор накачает в шлюз тепло, и пар вытеснит воду. Это займет несколько минут. Потом одна из кнопочек здесь на панели загорится красным светом.

— Вы собираетесь...

— Зачем вы спрашиваете? Вам и так ясно, что я собираюсь затопить Океанскую Впадину.

— Но зачем? Зачем, черт подери?

— Затем, что это будет выглядеть как несчастный случай и сильно подпортит вашу прекрасную статистику. Затем, что это будет полная катастрофа, которая сотрет станцию с лица земли. И тогда ВСП отвернется от вас, и слава Океанской Впадины

померкнет. Мы получим фонды; мы будем продолжать. Если бы я мог достичь этого каким-то другим способом, я был бы только рад, но интересы Луна-Сити и интересы человечества превыше всего.

— Вы тоже погибнете, — с трудом проговорила Аннет.

— Конечно. А зачем мне жить после того, что я вынужден буду сделать? Я не убийца.

— Но вы им станете. Затопив этот блок, вы затопите всю Океанскую Впадину и убьете всех до единого сотрудников станции, а тех, кто сейчас в океане, обречете на более медленную гибель. Пятьдесят человек, включая женщин — и нерожденного ребенка...

— Это не моя вина, — с болью сказал Демерест. — Я не ожидал встретить здесь беременную женщину. Но раз уж так случилось, меня это не остановит.

— И все же вы должны остановиться, — сказал Берген. — Ваш план не сработает, если возникнут хоть какие-то сомнения в том, что произошел несчастный случай. Найдут ваш труп с лазерным лучевиком в руках, увидят разбитый пластик ручной системы управления... Неужели вы думаете, будто никто не поймет, что здесь случилось?

— В вас говорит отчаяние, мистер Берген, — устало сказал Демерест. — Послушайте меня. Когда откроется внешний люк, сюда хлынет вода под давлением в тысячу атмосфер. Этот бешеный поток сметет на своем пути абсолютно все. Стены блоков останутся, но все внутренности будут перекорежены до неузнаваемости. Люди превратятся в кровавые ошметья с перемолотыми костями. Смерть будет мгновенной и безболезненной. Даже если мне придется сжечь вас обоим лазером, никаких подозрений ни у кого не возникнет, поскольку от трупов останется мокрое место. Поэтому, как вы понимаете, я колебаться не стану. А пластиковая крышка ручной системы в любом случае будет разбита потоком. В общем, все следы моих преступлений смоем водой.

— Но останется лазерный лучевик. Даже покореженный, он будет узнаваем, — заметила Аннет.

— Мы пользуемся такими лучевиками на Луне, миссис Берген. Это обыкновенное орудие труда, оптический аналог складного ножа. Я мог бы убить вас и складным ножом, но никому ведь не придет в голову обвинять в убийстве человека только потому, что в руках у него нож, пусть даже с раскрытым лезвием. А может, он решил заняться резьбой по дереву? Кроме того, лунный лучевик — это вам не реактивная пушка. Он вряд ли выдержит направленный внутрь взрыв. Корпус у него тон-

кий, механика непрочная. После водного удара от него останутся лишь жалкие обломки.

Демересту не приходилось обдумывать свои доводы. Все они были продуманы в течение нескольких месяцев на Луне, пока он спорил сам с собой.

— Неужели вы надеетесь, что расследованию удастся установить причину аварии? — продолжал он. — Сюда пошлют батискафы, чтобы посмотреть, что осталось от станции, но, чтобы люди проникли внутрь, нужно будет откачать из блоков воду. А для этого потребуются построить новую станцию, что займет массу времени. Да и вряд ли ее будут строить, поскольку общество не захочет зря тратить деньги. Скорее всего они ограничатся тем, что бросят лавровый венок на мертвые крыши мертвой Океанской Впадины.

— Люди в Луна-Сити узнают о том, что вы натворили, — сказал Берген. — И хоть у одного из них проснется совесть. Правда выплывет наружу.

— Правда в том, — сказал Демерест, — что я не дурак. Никто в Луна-Сити не знает о моих намерениях. Никто ничего не заподозрит. Меня послали сюда для переговоров по поводу финансирования. Я должен был убеждать — и ничего больше. Даже пропавшего лучевика никто не хватится, потому что я сам собрал его из запасных частей. Но он работает. Я проверял.

— По-моему, вы просто не ведаете, что творите, — тихо проговорила Аннет.

— Я прекрасно знаю, что делаю. Я также прекрасно знаю, что вы заметили, как загорелась красным светом эта кнопка. Я тоже заметил. Шлюз опустел — а значит, ваше время истекло.

Не выпуская из рук нацеленный лучевик, Демерест проворно замкнул еще один контакт. Крутой люк чуть сдвинулся в сторону, образовав узкую серповидную щель, а затем плавно скользнул в стену.

Уголком глаза Демерест видел зияющий темный круг, но в ту сторону не смотрел. Из отверстия потянуло соленой сыростью — запахом остуженного пара. Демересту почудилось, будто он слышит даже плеск воды на дне шлюза.

— Будь ваша ручная система устроена разумно, — сказал Демерест, — внешний люк сейчас бы заблокировало наглухо. Пока открыт внутренний люк, внешний не должен открываться ни при каких обстоятельствах. Но я подозреваю, что ручную систему соорудили наспех и такой предосторожности не предусмотрели, а потом ее заменили автоматикой, так и не удосужившись исправить огрехи. Думаю, мои подозрения небезосновательны. Вы бы не сидели сейчас с таким напряженным видом,

если бы были уверены в том, что внешний люк не откроется. Мне осталось замкнуть всего один контакт — и грянет водный гром. Мы ничего не почувствуем.

— Подождите минутку, — перебила его Аннет. — Я хочу кое-что вам сказать. Вы обещали, что дадите нам время, чтобы вас переубедить.

— Я вам его дал — пока осушался шлюз.

— Позвольте мне все-таки сказать. Подождите минуту. Всего одну минуту. Я говорила, что вы не ведаете, что творите. И это действительно так. Вы ликвидируете космическую — повторяю, *космическую* — программу! Не глубоководную, а космическую. — Ее голос зазвенел пронзительно и резко.

— О чем вы? — нахмурился Демерест. — Говорите, да не заговаривайтесь, не то я нажму на кнопку. Я устал. Я боюсь. Я хочу, чтобы все поскорее кончилось.

— Вы не являетесь членом ВСП. И мой муж тоже. Но я — член совета. Думаете, если я женщина, так я здесь играю вторую скрипку? Ничуть не бывало. Вы, мистер Демерест, зациклились исключительно на Луна-Сити. Мой муж — на Океанской Впадине. И ни один из вас ничего не знает.

Куда вы направите свои честолюбивые устремления, мистер Демерест, если получите все деньги, какие хотите? На Марс? На астероиды? На спутники планет-гигантов? Все это мелкие планетки, бесплодные и лишённые атмосферы. Может пройти еще много лет, прежде чем нам станут доступны межзвездные полеты, а до того нам придется довольствоваться карликовыми колониями. Ваши амбиции дальше не простираются, правда ведь?

Амбиции моего мужа тоже ограничены. Он мечтает заселить океанское дно — поверхность не намного большую, чем Луна и астероиды. Что же до нас, членов ВСП, то наши желания простираются гораздо дальше, и если вы нажмете на эту кнопку, мистер Демерест, величайшая мечта человечества обратится в прах.

Демерест невольно заинтересовался, но все же недоверчиво сказал:

— Вы просто болтаете.

Он понимал, что супруги могли каким-то образом предупредить остальных сотрудников станции и что сюда в любой момент может кто-нибудь ворваться и пристрелить его. Но он не сводил глаз с отверстия люка, и ему оставалось замкнуть всего один контакт — не глядя, молниеносным движением руки.

— Я не болтаю, — возразила Аннет. — Вам известно не хуже, чем мне, что для колонизации Луны одних ракет было бы недо-

статочно. Чтобы основать жизнеспособную колонию, пришлось генетически изменить людей и приспособить их к слабой гравитации. Вы сами — продукт генной инженерии.

— Ну и?..

— А разве генная инженерия не может приспособить людей к более сильной гравитации? Какая планета самая крупная в Солнечной системе, мистер Демерест?

— Юпи...

— Да, Юпитер. Диаметр в одиннадцать раз больше земного и в сорок раз — лунного. Площадь поверхности в сто двадцать раз превышает земную и в тысячу шестьсот раз — лунную. А окружающая среда настолько отличается от привычных человечеству условий, в том числе и от тех, какие нам могут встретиться на планетах размером с Землю и меньше, что любой ученый отдаст полжизни за возможность изучить их в непосредственной близости.

— Но Юпитер — нереальная цель.

— Вы так думаете? — Аннет удалось выдавить из себя слабую улыбку. — Такая же нереальная, как межзвездный полет? А почему? Генная инженерия способна создать людей с более сильным и плотным скелетом, с более мощной и компактной мускулатурой. Так же, как Луна-Сити защищен от вакуума, а Океанская Впадина — от океана, можно будет защитить будущую Юпитерианскую Впадину от насыщенной аммиаком атмосферы.

— Гравитационное поле...

— ...не сможет помешать атомным космическим кораблям, которые уже разрабатываются в конструкторских бюро. Вы об этом не слышали, но я-то в курсе.

— Да ведь мы даже не знаем, какова глубина атмосферы на Юпитере! Давление...

— Давление! Давление! Оглянитесь вокруг, мистер Демерест! Для чего, как вы думаете, на самом деле была построена Океанская Впадина? Чтобы эксплуатировать богатства океана? Поселения на континентальных шельфах прекрасно справляются с этой задачей. Чтобы исследовать океанские глубины? Для этого хватило бы батискафов, и мы могли бы сэкономить сотню миллиардов долларов, вложенных в развитие станции.

Неужели вы не понимаете, мистер Демерест, что у станции куда более важное предназначение? Океанская Впадина была основана для того, чтобы разработать виды транспортных средств и механизмов, которые будут пригодны для освоения и колонизации Юпитера. Посмотрите вокруг — и вы увидите приближительную модель юпитерианской окружающей среды, самую

близкую, какая только возможна на Земле. Это всего лишь слабое подобие могучего Юпитера, но это только начало. Уничтожьте станцию, мистер Демерест, и вы уничтожите все надежды на Юпитер. Оставьте нас в живых — и мы вместе освоим ярчайшую жемчужину Солнечной системы. И задолго до того как лимиты Юпитера будут исчерпаны, человечество будет готово к межзвездным полетам, к освоению планет земного — и юпитерианского — типа. Совет не собирается закрывать проект Луна-Сити, ибо для достижения конечной цели необходимы оба проекта.

На мгновение Демерест забыл даже о последней кнопке.

— Никто в Луна-Сити не слышал об этом.

— Вы не слышали. Но кое-кто из Луна-Сити в курсе. Если бы вы сообщили им о своих намерениях, они бы вас остановили. Естественно, мы не можем сделать этот проект достоянием общественности. В него посвящены только избранные. Общество и так скрепя сердце финансирует планетарные проекты. Если ВСП скряжничает, так только потому, что общество ограничивает щедрость совета. Как по-вашему, что скажут люди, если узнают о наших планах насчет Юпитера? Да они завопят, что мы выбрасываем их денюжки на ветер! А так мы работаем себе потихоньку, и все средства, которые удастся сэкономить, вкладываем в развитие разных аспектов проекта «Большая планета».

— Проекта «Большая планета»?

— Да, — сказала Аннет. — Теперь вы в курсе, а я совершила серьезный служебный проступок. Но ведь это не имеет значения, верно? Поскольку все мы погибнем, и проект в том числе.

— Погодите-ка, миссис Берген!

— Даже если вы измените свое решение, не вздумайте никому рассказывать о проекте «Большая планета». Это прикончит его так же верно, как затопление станции. А заодно положит конец и вашей карьере, и моей. Не исключено, кстати, что тогда закроют оба проекта — как Луна-Сити, так и Океанскую Впадину. Хотя вам, возможно, это без разницы. Вы по-прежнему можете нажать на кнопку.

— Я сказал — погодите! — Демерест нахмурил брови, гневно сверкая глазами. — Я не знаю...

Глядя, как настороженная готовность противника сменяется нерешительностью, Берген изготовился было к прыжку, но Аннет вцепилась в мужнин рукав.

Последовала бесконечная пауза, которая тянулась около десяти секунд, а затем Демерест протянул свой лучевик.

— Держите, — сказал он. — Считайте, что взяли меня под арест.

— Мы не можем вас арестовать, — возразила Аннет, — иначе вся история выплывет наружу. — Она взяла лучевик и протянула его мужу. — Нас вполне устроит, если вы вернетесь в Луна-Сити и будете хранить молчание. А пока вам придется немного посидеть под стражей.

Берген мгновенно очутился возле ручной системы управления. Внутренний люк закрылся, и вода с оглушительным ревом снова устремилась в шлюз.

Супруги остались наедине. Они не перемолвились ни словечком, пока Демереста не уложили спать под бдительным надзором двух сотрудников станции. Неожиданный удар водного грома поднял на ноги всю команду, и Берген выдал им сильно сокращенную версию происшествия.

Систему ручного управления закрыли на замок, после чего Берген заявил:

— Нужно немедленно сделать ее надежной. И обыскивать при входе всех посетителей.

— Ох, Джон, — сказала Аннет, — по-моему, люди просто безумны. Только что мы глядели смерти в лицо; гибель грозила и нам, и всей Океанской Впадине. И знаешь, о чем я все время думала? «Нужно сохранять спокойствие, — думала я. — Главное, чтобы не было выкидыша!»

— Ты была само спокойствие. Ты была изумительна. Я имею в виду проект «Большая планета». Мне такое даже в голову не приходило, но клянусь... клянусь... *Юпитером*, это заманчивая идея. Просто великолепная.

— Мне жаль, что пришлось задурить вам головы, Джон. Все это, к сожалению, вранье. Я все придумала. Но Демересту хотелось услышать нечто подобное. Он не убийца и не разрушитель. В своем разгоряченном воображении он видел себя патриотом и наверняка внушал сам себе, что должен разрушить ради того, чтобы спасти, — весьма распространенное заблуждение ограниченных умов. Но он сказал, что даст нам возможность его переубедить, и, по-моему, в душе он жаждал, чтобы нам это удалось. Ему хотелось услышать от нас нечто такое, что позволило бы ему спасти ради спасения, и я дала ему шанс... Жаль, что мне пришлось обмануть и тебя тоже, Джон.

— Ты меня не обманула.

— Ты не поверил?

— А как я мог поверить? Я знаю, что ты не член совета.

— Почему ты в этом так уверен? Потому что я женщина?

— Вовсе нет. Потому что я сам член совета, Аннет, и *это* действительно должно остаться между нами. Знаешь, если ты не против, я предложу совету твою идею — проект «Большая планета».

— Ну-у... — Аннет задумалась, а потом тихонько улыбнулась. — Ну что ж, я не против. Вот видишь: от женщин тоже порой бывает польза!

— Этого, — тоже улыбаясь, сказал Берген, — я никогда не отрицал.

ЖИЗНЬ И ВРЕМЕНА МУЛЬТИВАКА

От случая к случаю я, бывало, писал статьи для «Нью-Йорк Таймс Мэгэзин», но больше половины из них журнал обычно заворачивал.

В принципе такое отношение должно было меня расхолодить и убедить в том, что на данном рынке я не копируюсь, а значит, мне лучше сосредоточить свои усилия на чем-то другом. Но «Таймс» — это все-таки случай особый, поэтому я продолжал стараться.

Однако осенью 1974 года, получив три отказа подряд, я решил, что, если журнал закажет мне еще какую-нибудь статью, я тоже ему откажу. Правда, сказать это легче, чем сделать, потому что заказы мне обычно передавал Джеральд Уокер, а более славного парня мир просто не видел. Когда он позвонил, я отчаянно напряг силу воли, чтобы ответить отказом на все его предложения, — и вдруг он произнес волшебные слова «научная фантастика».

— Научно-фантастический рассказ? — переспросил я.

— Да, — сказал он.

— Для публикации в журнале?

— Да. Нам нужен рассказ примерно в четыре тысячи слов, чтобы речь в нем шла о будущем и в частности об отношениях между человеком и машиной.

— Я попробую, — сказал я.

А что еще я мог сказать? Возможность сразить «Таймс» научно-фантастической историей была слишком заманчивой, чтобы ее упустить. Восемнадцатого ноября 1974 года я начал работу над рассказом и послал его в редакцию без всякой

The Life and Times of Multivac

© 1975 by Isaac Asimov

Жизнь и времена Мультивака

© Издательство «Полярис», перевод, 1997

уверенности в результате: не опубликуют, ну и черт с ними. Рассказ появился в воскресном выпуске «Таймс» 5 января 1975 года, и, насколько мне известно, это было первое произведение художественной литературы, принятое и опубликованное журналом.

Весь мир был заинтригован. Весь мир мог наблюдать. Если бы кого-то интересовало точное число зрителей, Мультивак бы его сообщил. Большой компьютер Мультивак был в курсе дела — как и всех прочих дел на Земле.

Мультивак сам выступал судьей на этом процессе — судьей настолько беспристрастным, непредвзятым и справедливым, что не нужно было ни защитника, ни обвинителя. Присутствовали только обвиняемый, Саймон Хайнс, да свидетели, и в их числе Рональд Бакст.

Бакст, разумеется, наблюдал за процессом. Как свидетель, он обязан был сидеть у экрана, хотя его это утомляло. Видно, возраст давал себя знать: Бакст разменял уже десятый десяток, и в копне волос уже отчетливо виднелась седина.

Норин не хотела смотреть на процесс. В дверях она сказала:

— Если бы у нас остался хоть один друг... — Она сделала паузу и добавила: — В чем я очень сомневаюсь.

И ушла.

Бакст не мог сказать с уверенностью, вернется ли она вообще, но в данный момент это не имело значения.

Хайнс, как последний идиот, совершил нападение на Мультивак. Это ж надо додуматься — подойти к терминалу и попытаться его раздолбать! Как будто он не знал, что вездесущий компьютер — всемогущий Компьютер (с большой буквы, пожалуйста!), управляющий миллионами роботов, сумеет себя защитить. И даже если бы нападение удалось — ну, разбил бы он этот терминал, а толку-то?

Так ему еще, видите ли, приспичило сделать эту глупость в физическом присутствии Бакста!

Его вызвали точно по расписанию:

— А сейчас свидетельские показания даст Рональд Бакст.

Голос у Мультивака был чарующий, и обаяние его не приедалось, сколько ни слушай. Тембр не мужской, но и не женский. А язык — любой, на каком удобнее разговаривать собеседнику.

— Я готов дать показания, — откликнулся Бакст.

Ничего другого ему не оставалось. Хайнсу все равно не избежать наказания. И, кстати, если бы его судили люди, суд был бы более скорым на расправу и менее справедливым.

Прошло пятнадцать дней, которые Бакст провел в полном одиночестве. Впрочем, физическое одиночество не было редкостью в мире Мультивака. В эпоху великих катастроф вымерло почти все население Земли, и не кто иной, как компьютеры, спасли уцелевших и руководили возрождением цивилизации, совершенствуя заодно самих себя, пока не слились в Мультивак. Зато нынешние жители Земли — пять миллионов человек — жили припеваючи и не знали никаких забот.

Но эти пять миллионов были разбросаны по планете, и шансы встретиться с кем-то случайно, непреднамеренно, были невелики. А намеренно Бакста никто не навещал, даже по видео.

Бакст стойко переносил изоляцию. Он с головой ушел в свое любимое занятие, которому предавался вот уже двадцать три года: он придумывал математические игры. Каждый житель Земли мог заниматься чем душе угодно, если только Мультивак, тщательно и искусно взвешивавший все виды людской деятельности, не приходил к заключению, что выбранный род занятий может стать помехой человеческому счастью.

Но кому могли помешать математические игры? Занятие это чисто абстрактное, Баксту оно нравилось, а вреда не приносило никому.

Бакст надеялся, что одиночество не будет слишком долгим. Конгресс не мог приговорить его к длительной изоляции без суда — правда, совсем иного суда, чем над Хайнсом. Суд Конгресса был лишен тирании абсолютной справедливости, присущей Мультиваку.

И все же Бакст вздохнул с облегчением, когда изоляция кончилась; особенно приятно было то, что конец ей положило возвращение Норин. Она устало взобралась на вершину холма, и Бакст с улыбкой поспешил ей навстречу. Они прожили вместе пять лет. Это были славные годы. Даже редкие встречи с двумя ее детьми и двумя внуками не были Баксту в тягость.

— Спасибо, что вернулась, — сказал он.

— Я не вернулась, — ответила Норин.

Она выглядела усталой. Каштановые волосы разметало ветром, высокие загорелые скулы заострились.

Бакст набрал код для легкого обеда и кофе. Он знал ее вкусы. Она не прервала его и, поколебавшись минуту, все же поела.

— Я пришла поговорить с тобой, — сказала она. — Меня пригласил Конгресс.

— Конгресс! — воскликнул он. — Пятнадцать человек, считая вместе со мной. Беспомощные самозванцы.

— Ты так не думал, пока был его членом.

— Я стал старше. И немного умнее.

— Настолько, что у тебя хватило ума предать своих друзей?

— Я никого не предавал. Хайнс пытался разрушить Мультивак — это и глупо, и невозможно.

— Ты выдвинул против него обвинение.

— Я был вынужден. Мультивак знал все и без меня, а не выдвини я обвинение, я стал бы соучастником. Хайнс ничего бы от этого не выиграл, а я бы многое потерял.

— Без свидетеля Мультивак не вынес бы приговор.

— Только не в случае нападения на Мультивак. Это тебе не дело о незаконном рождении ребенка или работе без разрешения. Я не мог рисковать.

— И поэтому позволил на два года лишит Саймона разрешения на любой вид деятельности.

— Он получил по заслугам.

— Утешительная мысль. Ты потерял доверие Конгресса, зато завоевал доверие Мультивака.

— Доверие Мультивака в нашем мире дорогого стоит, — серьезно проговорил Бакст. Он вдруг обнаружил, что Норин выше его ростом.

Она выглядела такой разъяренной — того и гляди ударит. Губы побелели и крепко сжались. Но ей, как-никак, было уже за восемьдесят — молодость прошла, — и привычка к ненасилию укоренилась слишком глубоко. Как, впрочем, и у всех землян, за исключением недоумков типа Хайнса.

— Значит, тебе нечего больше сказать? — спросила она.

— Я многое мог бы сказать. Неужели ты забыла? Неужели все вы забыли? Ты помнишь, что творилось на Земле когда-то? Помнишь двадцатый век? Теперь мы живем долго; мы живем в безопасности; мы счастливо живем.

— Мы живем бессмысленно.

— Ты хотела бы вернуться в тот мир, что был здесь прежде?

Норин энергично помотала головой:

— Вечный жупол для устрашения, да? Хватит, мы усвоили урок. С помощью Мультивака мы уцелели — но теперь нам его помощь не нужна. Она размягчит нас до смерти. Без Мультивака мы сами будем управлять роботами, сами будем вести хозяйство на фермах, в шахтах и на заводах.

— Мы не умеем.

— Научимся. Умение приходит с практикой. Нам необходим жизненный стимул, иначе мы все вымрем.

— У нас есть работа, Норин, — сказал Бакст. — Любая, какая душе угодна.

— Любая, лишь бы не важная. И даже ту могут отнять в мгновение ока, как у Хайнса. А чем занимаешься ты, Рональд? Математическими играми? Рисуеть линии на бумажке? Подбираешь цифровые комбинации?

Бакст протянул к ней руки, почти умоляюще:

— Моя работа — не пустяк! Ты недооцениваешь... — Он замялся, снедаемый жадой объяснить, но боясь сказать слишком много. — Я работаю над серьезной проблемой комбинаторного анализа, основанного на генных структурах, которые можно использовать для того, чтобы...

— ...позабавить тебя и нескольких любителей. Наслышана я о твоих играх. Ты придумашь, как добраться из пункта А в пункт Б кратчайшим путем, и это научит тебя, как пройти от колыбели до могилы с минимальным риском. А потом ты научишь нас, и все мы возблагодарим Мультивака.

Она встала.

— Рон, ты предстанешь перед судом. Я в этом уверена. Перед нашим судом. И будешь признан виновным. Мультивак защитит тебя от физической расправы, но ты прекрасно знаешь, что он не в силах заставить нас видаться с тобой, разговаривать с тобой, иметь с тобой хоть что-то общее. И, лишенный человеческого общения, ты не сможешь больше думать и играть в свои игры. Прощай.

— Норин! Погоди!

Она обернулась в дверях.

— Правда, у тебя останется Мультивак. Вот и говори с Мультиваком, Рон.

Он смотрел вслед ее уменьшающейся фигурке. Она спустилась по дороге через зеленый парк, чья экологическая чистота поддерживалась упорным трудом спокойных и несложных роботов, которых никто практически не замечал.

«Да, мне придется поговорить с Мультиваком», — подумал Бакст.

У Мультивака не было какого-то определенного помещения. Его присутствие было глобальным: все точки земного шара связывались между собой проводами, оптическими волокнами и микроволнами. Мозг Мультивака был разделен на сотни частей, но функционировал как единое целое. Его терминалы были разбросаны по всей планете, и хоть один из них да находился поблизости от каждого из пяти миллионов.

Времени хватало на всех, поскольку Мультивак мог персонально общаться с каждым человеком одновременно, не отвлекаясь при этом от мировых проблем.

Но Бакст не испытывал иллюзий по поводу могущества Мультивака. Вся его немыслимая сложность по сути дела была математической игрой, и в правилах этой игры Бакст разобрался еще десять лет назад. Он знал, каким образом соединительные нити

бегут с континента на континент, сплетаясь в громадную сеть, анализ которой мог бы стать основой для увлекательной задачи. Как бы вы организовали сеть, чтобы поток информации никогда не смещивался? Как бы вы организовали систему переключений? Докажите, что в любой системе найдется хоть одно уязвимое звено, и если разорвать именно его...

Как только Бакст разобрался в правилах игры, он вышел из состава Конгресса. Там одни разговоры, а от разговоров какой толк? Мультивак равнодушно разрешал говорить о чем угодно и как угодно. Разговоры его не волновали. Его волновали только действия — именно их он предотвращал, направлял в нужное русло или наказывал за них.

Из-за действия Хайнса ситуация стала кризисной, а Бакст еще не был готов.

Но теперь, хочешь не хочешь, придется поторопиться. И Бакст попросил Мультивака уделить ему время для беседы.

Вопросы Мультиваку можно было задавать в любое время. Существовало около миллиона терминалов типа того, который попытался расколоть Хайнс, и каждый желающий мог спрашивать о чем угодно. Мультивак всегда был готов дать ответ.

Но *беседа* — дело другое. Для нее требовалось время и уединение; более того — Мультивак должен был рассмотреть прошение о беседе и решить, действительно ли она необходима. Хотя мощности Мультивака с избытком хватало на все глобальные проблемы, он начал экономить время. Возможно, это было результатом его непрестанного самоусовершенствования. Чем больше он осознавал свою ценность, тем меньше у него оставалось терпения на всякие глупости.

Баксту оставалось надеяться лишь на добрую волю Мультивака. Чтобы заслужить расположение компьютера, Бакст вышел из состава Конгресса и даже дал показания против Хайнса. Это был, безусловно, надежный ключ к успеху.

Подав прошение и почти не сомневаясь в положительном ответе, Бакст сразу же полетел к ближайшей подстанции. Он не стал проецировать туда свое изображение. Ему хотелось быть там лично — так он чувствовал себя ближе к Мультиваку.

В помещении подстанции вполне можно было проводить конференции по мультивидео. На секунду Баксту почудилось, что Мультивак примет на экране человеческий вид — что мозг сотворит плоть.

Ничего подобного, конечно, не произошло. Комнату наполнил еле слышный, похожий на шепот, шум непрерывной дея-

тельности Мультивака, постоянно сопровождавший его присутствие, — и на фоне этого шума раздался голос.

Голос был не такой, как обычно. По-прежнему чарующий, он стал вкрадчивым и тихим и звучал почти в самом ухе Бакста.

— Добрый день, Бакст. Рад тебя слышать. Твои приятели-люди осуждают тебя.

«Да, Мультивак не любит околичностей», — подумал Бакст. Вслух он сказал:

— Это не важно, Мультивак. Важно то, что я понимаю: все твои решения направлены во благо людям. Тебя создали для выполнения этой задачи еще в том, примитивном варианте...

— ...а мое самоусовершенствование позволило мне выполнять ее еще эффективнее. Если ты понимаешь это, почему другие не могут понять? Я все еще занимаюсь анализом данного феномена.

— Я пришел к тебе с проблемой, — сказал Бакст.

— С какой? — поинтересовался Мультивак.

— Я много времени провел над решением математических вопросов, связанных с изучением генов и их комбинаций. Я не могу найти ответа, а от домашнего компьютера мало проку.

Послышался странный щелчок, и Бакст невольно вздрогнул при мысли о том, что Мультивак пытается удержаться от смеха. Такое очеловечение даже Баксту было трудно принять. Голос переместился в другое ухо, и Мультивак сказал:

— В человеческой клетке тысячи разных генов. У каждого гена в среднем около пятидесяти существующих вариаций и бессчетное количество потенциальных. Если мы попытаемся составить все возможные комбинации, то простое их перечисление с самой большой скоростью, на какую я способен, займет все время существования Вселенной, и то я успею перечислить лишь бесконечно малую часть.

— Но мне не нужно полное перечисление, — сказал Бакст. — В том-то и есть суть игры. Некоторые комбинации более вероятны, чем другие, и, надстраивая вероятность над вероятностью, мы сможем существенно сократить задачу. Как раз об этом я и хотел тебя попросить.

— Но даже такое задание потребует немало времени. Каким образом я смогу оправдать его потерю?

Бакст помедлил с ответом. Нет смысла пытаться запудрить Мультиваку мозги. Кратчайшим расстоянием между двумя точками в общении с Мультиваком всегда была прямая.

— Подходящая комбинация генов могла бы создать человека, который с радостью подчинится твоему руководству, поверит в твои старания осчастливить людей и сам захочет быть

счастливым. Я не могу найти этой комбинации, но ты бы смог наверняка, а с помощью направленной генной инженерии...

— Я понимаю, что ты хочешь сказать. Это хорошая идея. Я уделю ей некоторое время.

Баксту с трудом удалось настроиться на личную волну Норин. Связь прерывалась три раза. Его это не удивило. Последние два месяца техника то и дело сбоила — недолго и по мелочам, но Бакст с мрачным удовлетворением отмечал каждый сбой.

Наконец связь наладилась. В воздухе появилось объемное голографическое изображение Норин. Оно немного померцало, но удержалось.

— Я отвечаю на твой звонок, — бесстрастно проговорил Бакст.

— Я уж думала, вовек до тебя не дозвонюсь, — сказала Норин. — Куда ты пропал?

— Никуда я не пропал. Я в Денвере.

— Почему в Денвере?

— В моем распоряжении весь мир, Норин. Я могу поехать куда вздумается.

Лицо ее слегка передернулось.

— И везде наверняка будет пусто. Мы собираемся судить тебя, Рон.

— Сейчас?

— Сейчас.

— И здесь?

— И здесь.

Воздух по сторонам от Норин замерцал — и сзади, и спереди тоже. Бакст вертел головой и считал. Их было четырнадцать — шестеро мужчин, восемь женщин. Он знал их всех. Еще недавно они были добрыми друзьями.

А вокруг простиралась девственная природа Колорадо. Погожий летний денек клонился к вечеру. Когда-то здесь был город под названием Денвер. Место и поныне сохранило это название, хотя сам город исчез с лица земли, как и большинство других городов. Бакст насчитал около десятка роботов, занимавшихся в окрестностях своими делами.

Поддерживают экологию, надо полагать. Бакст не знал в деталях, что они делают, но Мультивак знал, и все пятьдесят миллионов роботов на Земле трудились под его надзором.

За спиной у Бакста находился один из сетевых узлов Мультивака, похожий на маленькую неприступную крепость.

— Почему сейчас? — спросил Бакст. — И почему здесь?

Он машинально повернулся к Эдред. Она была старше всех и авторитетнее — если понятие авторитета вообще применимо к человеку.

Темно-коричневое лицо Эддред выглядело слегка осунувшимся. Годы давали себя знать — ей стукнуло уже сто двадцать, — но голос был резок и тверд:

— Потому что теперь у нас есть последнее доказательство. Пусть Норин расскажет. Она знает тебя лучше всех.

Бакст перевел взгляд на Норин:

— В каком преступлении меня обвиняют?

— Давай не будем играть в эти игры, Рон. В мире Мультивака нет преступлений, кроме стремления к свободе, а твое преступление против человечества для Мультивака не криминал. Поэтому мы сами решим, захочет ли хоть один из ныне живущих людей общаться с тобой, слышать твой голос, помнить о твоём существовании и отвечать тебе.

— За что мне угрожают изоляцией?

— Ты предал все человечество.

— Каким образом?

— Ты отрицаешь, что пытался загнать людей в рабство к Мультиваку?

— Ах вот оно что! — Бакст скрестил на груди руки. — Быстро же вы прознали. Хотя вам было достаточно просто спросить у Мультивака.

— Отрицаешь ли ты, что просил помощи для того, чтобы посредством генной инженерии вывести новую породу людей, которые станут покорными рабами Мультивака?

— Я предложил вывести более счастливую породу людей. Это предательство?

— Оставь свою софистику, Рон, — вмешалась Эддред. — Мы ее знаем наизусть. Не говори нам снова, что с Мультиваком нет смысла бороться, что мы живем в безопасном мире. То, что ты зовешь безопасностью, мы называем рабством.

— Сейчас ты огласишь приговор, или мне будет позволено защищаться?

— Ты слышал, что сказала Эддред, — заметила Норин. — Твои доводы мы знаем наизусть.

— Все мы слышали, что сказала Эддред, — отозвался Бакст, — но никто не слышал, что хочу сказать я. У меня есть аргументы, которых вы не знаете.

Изображения молча переглянулись. Потом Эддред сказала:

— Говори!

— Я попросил Мультивака помочь мне решить проблему в области математических игр, — начал Бакст. — Чтобы привлечь его интерес, я подчеркнул, что игра смоделирована на основе генных комбинаций и что решение могло бы помочь создать такую генную комбинацию, которая, никоим образом не ухудшив нынешнего положения человека, позволит ему с радостью

отдать себя под покровительство Мультивака и подчиниться его воле.

— Ты не сказал ничего нового, — промолвила Эдред.

— На других условиях Мультивак не взялся бы за решение задачи. Новая порода людей, с точки зрения Мультивака, является благом для человечества, и поэтому он не мог отказаться. Желание довести дело до конца будет подталкивать его к изучению всех сложностей проблемы, а они настолько неисчерпаемы, что даже ему не под силу с ними справиться. Вы все тому свидетели.

— Свидетели чему? — спросила Норин.

— Вы же с трудом дозвонились до меня, верно? Разве за последние два месяца вам не бросились в глаза мелкие неполадки, которых никогда раньше не было?.. Вы молчите. Могу я принять ваше молчание за знак согласия?

— Даже если и так, то что с того?

— Все свои свободные цепи Мультивак загрузил моей задачей. Его обычная деятельность постепенно сокращается до минимума, поскольку с точки зрения этики Мультивака нет ничего важнее счастья человечества. А человечество станет счастливым лишь тогда, когда добровольно и с радостью примет правление Мультивака.

— Но что нам это дает? — спросила Норин. — У Мультивака по-прежнему хватает сил, чтобы править миром — и нами, — а если он делает это менее эффективно, то наше рабство просто становится менее комфортным. Причем только временно, потому что долго это не протянется. Рано или поздно Мультивак сообразит, что проблема неразрешима — или же решит ее, и в обоих случаях его рассеянности придет конец. А в последнем случае рабство станет вечным и неистребимым.

— Но сейчас он рассеян, — сказал Бакст, — и мы даже можем вести крамольные разговоры без его ведома. Хотя долго рисковать я не хочу, поэтому поймите меня поскорее.

У меня есть еще одна математическая игра — создание модели сетей Мультивака. Мне удалось доказать, что, какой бы сложной и избыточной система ни была, в ней всегда есть хоть один слабый узел, где поток информации при определенных условиях может смешаться. И если повредить именно этот узел, систему непременно хватит апоплексический удар, поскольку перегрузка вызовет необратимую цепную реакцию.

— Ну и?..

— Это и есть тот самый узел. Зачем, по-вашему, я приехал в Денвер? Мультивак тоже знает, что здесь его слабое место, поэтому узел охраняется и электронной защитой, и роботами, так чтобы никто не мог к нему подступиться.

— И что же?

— Но Мультивак рассеян, и Мультивак верит мне. Я заслужил его доверие ценой потери вашего, ибо только доверие делает возможным предательство. Если бы кто-нибудь из вас попытался приблизиться к этому месту, Мультивак очнулся бы и не пустил вас. Не будь он так рассеян, он и меня бы не подпустил. Но он рассеян, и у меня есть шанс!

Бакст ленивой походкой приближался к сетевому узлу. Четырнадцать изображений, прикованных к нему, двигались следом. Еле слышное деловитое гудение одного из центров Мультивака наполняло окрестности.

— Зачем атаковать неуязвимого противника? — проговорил Бакст. — Сначала сделай его уязвимым, а уж потом...

Бакст старался сохранять спокойствие, но на карту в это мгновение было поставлено все. Все! Резким движением он разъединил контакт. (Если б только ему дали больше времени, чтобы убедиться как следует!)

Никто не шелохнулся — и Бакст, затаив дыхание, понял, что еле слышное гудение смолкло. Смолк непрерывный шепот Мультивака. Если через минуту он не возобновится, значит, Бакст угадал слабое звено и восстановление системы невозможно. Если же к нему сейчас на всех парах устремятся роботы...

Он обернулся. Было все так же тихо. Роботы спокойно трудились поодаль. Никто к нему не приближался.

Перед ним по-прежнему маячили голограммы четырнадцати членов Конгресса, пришибленных громадностью свершившегося.

— Мультивак перегорел, — сказал Бакст. — Восстановить его невозможно. — Бакст говорил, пьянея от собственных слов. — Я работал над этим с тех пор, как покинул вас. Когда Хайнс попытался разбить терминал, я испугался, что такие попытки будут продолжаться и Мультивак усилит охрану настолько, что даже я... Мне нужно было спешить... Я не был уверен... — Он задохнулся, но взял себя в руки и торжественно сказал: — Я вернул вам свободу.

Он умолк, заметив наконец тяжесть нависшей над ним тишины. Четырнадцать изображений смотрели на него, не отрываясь и не проронив ни слова в ответ.

— Вы говорили о свободе, — резко бросил им Бакст. — Вы ее получили!

И нерешительно добавил:

— Разве не этого вы хотели?

Когда я в первый раз закончил рассказ — или глум, что закончил, — меня не оставляло какое-то внутреннее неудовлетворение. Я не смыкал глаз до двух часов ночи, пытаясь сообра-

зять, что же меня не устраивает, а затем пришел к выводу, что последняя точка еще не поставлена. Я встал, быстро приписал три последних абзаца, закончив повествование этим пугающим вопросом, и спокойно уснул.

На следующий день я перепечатал последнюю страницу рукописи, включив в нее новое окончание. Посылая рассказ в «Таймс», я сообщил редакции, что кое в чем буду совершенно непреклонен (хотя мне очень хотелось увидеть его на страницах журнала).

«Учитите, пожалуйста, — написал я, — что концовка в виде вопроса без ответа не случайна. Она играет важную роль. Каждый читатель должен будет задуматься над смыслом вопроса — и ответа, который он дал бы на него сам».

Редакция «Таймс» попросила внести какие-то мелкие изменения и поправки, но, должен с радостью отметить, на мою концовку не покусились даже намеком.

Кстати сказать, в оригинале рассказ назывался «Математические игры», и я подумывал о том, чтобы восстановить это название в сборнике. Но в названии «Жизнь и времена Мультивака» есть определенный размах. К тому же очень многие читатели прочли рассказ в тот же день, когда он появился в журнале. В течение нескольких недель ко мне приходили люди, желающие поделиться впечатлениями; ни одно из моих произведений не вызывало такого наплыва посетителей. Я не хочу вводить их в заблуждение: они могут подумать, будто я изменил название специально для того, чтобы они купили этот сборник с якобы новым рассказом. Поэтому я оставил «Жизнь и времена Мультивака».

Среди тех, кто прочел мой рассказ* в «Нью-Йорк Таймс Мэгэзин», был и Уильям Левинсон, редактор журнала «Фишшенс Уорлд». В том же номере «Таймс» была помещена статья под заглавием «Присвоение приоритетов». Речь в ней шла о специфическом выборе: кого спасти, а кому дать погибнуть, когда обстоятельства не позволяют спасти всех. Такой выбор медикам порою приходится делать в экстремальных ситуациях, и, если их возможности ограничены, они спасают тех, у кого больше шансов выжить. Не исключено, что в наши дни подобную сортировку могут провести и на мировом уровне под тем предлогом, что некоторые государства и регионы спасти невозможно, а стало быть, нечего и пытаться.

Левинсону пришло в голову пропустить эту идею через призму научной фантастики, и, поскольку в содержании журнала маячила моя фамилия, он связался со мной. Идея меня поразила, и я сразу дал согласие. Девятнадцатого января 1975 года я засел за рассказ. Левинсону «Отсев» понравился, и он обещал опубликовать его в июньском номере за 1975 год. Но за номер до того журнал неожиданно прекратил свое существование.

Опечаленный и смущенный, Левинсон вернул мне рассказ, но в этом, естественно, не было его вины, и я написал ему ободряющее послание. В конце концов, за рассказ мне заплатили, к тому же я надеялся, что сумею его куда-нибудь пристроить.

Бен Бова взял его не раздумывая, и рассказ был напечатан в 1976 году в февральском номере журнала «Аналог».

The Winnowing

© 1976 by Isaac Asimov

Отсев

© Издательство «Полярис», перевод, 1997

* «Жизнь и времена Мультивака» (Примеч. пер.)

Пять лет возводилась стена секретности вокруг работ доктора Эрона Родмана, становясь год от года все крепче, пока не сомкнулась в кольцо.

«Это для вашей же собственной защиты», — объясняли ему.

«В грязных руках негодяев...» — предупреждали его.

В чистых руках (его собственных, например, как с горечью думал порой доктор Родман) открытие несомненно представляло собой величайший вклад в борьбу за здоровье человечества со времен Пастеровской вирусной теории и величайший ключ к пониманию механизма жизни со времен ее возникновения.

Но вскоре после речи, произнесенной Родманом в Нью-Йоркской академии медицины по случаю его пятидесятилетнего юбилея, в первый день двадцать первого века (что-то было в этом совпадении!), доктору наложили на уста печать и разрешили общаться лишь с избранными официальными лицами. Печататься, естественно, тоже запретили.

Правда, правительство не переставало о нем заботиться. Денег давали сколько хочешь, лабораторию оборудовали компьютерами и предоставили их в полное распоряжение ученого. Работа продвигалась быстрыми темпами. К Родману то и дело наведывались за разъяснениями правительственные чиновники.

«Доктор Родман! Как может вирус, передающийся из клетки в клетку внутри организма, оставаться в то же время не заразным для других организмов?» — спрашивали они.

Родман устало повторял вновь и вновь, что он не знает всех ответов. Он не любил слово «вирус». «Это не вирус, — говорил он, — потому что в нем нет молекулы нуклеиновой кислоты. Это совсем другая штука — липопротеин».

Было легче, когда вопросы задавали не медики. Тогда он мог попытаться объяснить в общих чертах, не вдаваясь в бесконечные подробности, в которых можно было увязнуть навек.

«Каждая живая клетка и каждая часть внутри клетки окружены мембранами. Деятельность клетки зависит от того, какие молекулы могут проникать через мембрану в обоих направлениях и с какой скоростью. Ничтожное изменение мембраны влечет за собой значительное изменение природы потока, а следовательно, и химического состава клетки, и ее жизнедеятельности.

Все болезни возникают из-за изменений мембранной активности. Посредством таких изменений можно вызвать любые мутации. Любая методика, контролирующая мембраны, контро-

лирует жизнь. Гормоны управляют жизнью организма потому, что воздействуют на мембраны, и мой липопротеин — скорее искусственный гормон, чем вирус. Липопротеин внедряется в мембрану и индуцирует производство точно таких же липопротеиновых молекул. Как он это делает — я и сам не понимаю.

Но мембранные структуры в организмах не идентичны. Они различаются не только у разных видов живых существ, но и внутри одного вида. Один и тот же липопротеин может оказать разное воздействие на два организма. То, что откроет клетки одного организма для глюкозы и вылечит диабет, закроет клетки другого организма для лизина и убьет его».

Именно это вызывало у них наибольший интерес. «Так, значит, ваш липопротеин — это яд?»

«Избирательный яд, — отвечал Родман. — Без тщательного компьютерного изучения биохимии мембран определенного индивида невозможно сказать, какое воздействие окажет на него определенный липопротеин».

Со временем петля вокруг доктора сжималась все туже, ограничивая его свободу, однако оставляя комфорт, — в мире, где и свобода, и комфорт исчезали с одинаковой скоростью, а перед отчаявшимся человечеством уже разверзлась пасть преисподней.

Наступил 2005 год. Население Земли выросло до шести миллиардов. Оно бы выросло до семи, если бы не голод. Миллиард жизней выкосил он в предыдущем поколении, и в будущем его жатва грозила стать еще обильнее.

Питер Аффер, председатель Всемирной продовольственной организации, частенько заходил в лаборатории Родмана сыграть партию в шахматы и покалякать. Как-то он с гордостью заявил, что первым понял значимость речи, произнесенной Родманом в академии, и это помогло ему стать председателем. Доктор подумал, что суть его речи понять было несложно, но промолчал.

Аффер был на десять лет моложе Родмана, но пламя волос на его голове уже потускнело. Он часто улыбался, хотя тема беседы редко давала повод для улыбки, поскольку любой председатель организации, имеющей дело с мировым продовольствием, неизбежно заводил разговор о мировом голоде.

— Если бы запасы продовольствия распределялись поровну между жителями планеты, все мы вымерли бы от голода.

— Если бы запасы распределялись поровну, — заметил Родман, — этот справедливый пример мог бы в конце концов привести к разумной мировой политике. А сейчас миром владеет отчаяние и ярость из-за эгоизма и процветания избранных, и люди в отместку совершают всяческие безрассудства.

— И тем не менее вы сами не отказались от дополнительной пайки, — поддел его Аффер.

— Я человек, а значит, эгоист. К тому же от моего поведения ничего не зависит. Даже захоти я, мне не позволят отказаться. У меня нет права выбора.

— Вы романтик, — заявил Аффер. — Неужели вы не видите, что Земля — та же спасательная шлюпка? Если запасы пищи делятся на всех поровну, все погибают. Но если некоторых выбросить за борт, остальные могут спастись. Вопрос не в том, погибнут ли некоторые, потому что кто-то обязательно погибнет; вопрос в том, удастся ли кому-нибудь выжить.

— То есть вы официально проповедуете отсев — принесение в жертву некоторых ради остальных?

— Увы, мы не можем. Люди в шлюпке вооружены. Кое-какие регионы открыто угрожают применить ядерное оружие, если им не увеличат поставки продовольствия.

— Вы хотите сказать, что в ответ на «Ты умрешь, чтобы я мог жить» они заявляют: «Если я умру, ты тоже умрешь»? Это тупик, — насмешливо сказал Родман.

— Не совсем, — возразил Аффер. — На планете есть такие районы, где спасти людей невозможно. Они перенаселили свои земли, заполнив их ордами голодающих. Что, если им прислать продовольствие, от которого большая часть голодных вымрет? Тогда дальнейших поставок в те районы не потребуется.

Родмана кольнуло недоброе предчувствие.

— Почему это они вымрут, получив продовольствие? — спросил он.

— Можно вычислить средние структурные свойства клеточных мембран определенной части населения. Липопротеины, созданные специально с учетом этих свойств, могут быть введены в поставки продовольствия, которое станет причиной гибели людей.

— Немыслимо! — воскликнул ошеломленный Родман.

— А вы все-таки поразмыслите. Смерть будет безболезненной. Мембраны постепенно закроются, и человек в один прекрасный день заснет и не проснется. Это куда более милосердная смерть, чем от голода или атомного взрыва. К тому же умрут не все, поскольку любое население неоднородно по мембранным свойствам. В худшем случае погибнет семьдесят процентов. Отсев будет производиться только там, где перенаселение совершенно безнадежно, а выживших будет достаточно, чтобы сохранить представителей каждой нации, каждой этнической и культурной группы.

— Сознательно убить миллиарды...

— Мы не будем убивать. Мы просто дадим людям возможность умереть. Кто именно из них погибнет — зависит от биохимии каждого индивида. Это будет перст Господень.

— А когда мир узнает о ваших злодеяниях?

— Нас тогда уже не будет, — сказал Аффер. — А процветающий мир будущего с ограниченным населением объявит нас героями за то, что мы пожертвовали некоторыми, дабы не допустить всеобщей гибели.

Жар бросился в голову доктору, и он почувствовал, что язык повинуется ему с трудом.

— Земля, — сказал он, — большая и очень сложная спасательная шлюпка. Мы до сих пор не знаем, к чему привело бы справедливое распределение ресурсов, и, что характерно, никто не хочет даже попробовать узнать. Во многих районах Земля продукты ежедневно выбрасывают, и это особенно бесит голодающих.

— Я с вами согласен, — холодно проронил Аффер, — но мы не можем переделать мир по своему желанию. Мы вынуждены принимать его таким, какой он есть.

— Тогда принимайте и меня таким, какой я есть. Вы хотите, чтобы я обеспечил вас молекулами липопротеинов, а я этого делать не стану. Даже пальцем не шевельну.

— В таком случае по вашей вине погибнет еще больше народу. Я искренне надеюсь, что вы передумаете, когда поразмыслите как следует.

Доктора Родмана навещали почти ежедневно, один чиновник за другим, все как на подбор откормленные и упитанные. Родману невольно бросалось в глаза, какими сытыми выглядят те, кто рассуждает о необходимости убийства голодных.

Государственный секретарь по сельскому хозяйству вкрадчиво сказал ему во время одного из посещений:

— Разве вы не одобрили бы забой скота, пораженного ящуром или сибирской язвой, с целью предотвращения распространения заразы на здоровое поголовье?

— Люди не скот, — ответил Родман, — а голод не заразен.

— Вот тут вы ошибаетесь, — возразил секретарь. — В том-то и дело, что заразен. Если мы не проредим перенаселенные районы, голод перекинется на те места, где его еще нет. Вы не должны отказывать нам в помощи.

— И как же вы меня заставите? Пытать будете?

— Мы и волоска на вашей голове не тронем! Ваши таланты в этой области слишком для нас драгоценны. Но продовольственные карточки можем отнять.

— Голод вряд ли пойдет мне на пользу.

— Вы не будете голодать. Но раз уж мы готовы обречь на гибель несколько миллиардов человек ради спасения рода человеческого, то нам не составит труда лишить продовольственных карточек вашу дочь, ее мужа и их ребенка.

Родман молчал, поэтому секретарь продолжил:

— Мы дадим вам время подумать. Мы не горим желанием причинять вред вашей семье, но сделаем это, если потребуется. Даю вам неделю на размышление. В следующий четверг состоится общее собрание комиссии. Тогда вас подключат к проекту, и никакой дальнейшей задержки мы не потеряем.

Охрану увеличили вдвое. Родман окончательно превратился в узника, и этого уже не скрывали. Через неделю к нему в лабораторию прибыли пятнадцать членов Всемирной продовольственной организации вместе с госсекретарем по сельскому хозяйству и представителями законодательных органов. Они уселись за длинным столом в конференц-зале роскошного исследовательского комплекса, построенного на общественные фонды.

Несколько часов они толковали и строили планы, время от времени задавая Родману вопросы по специальности. Никто не спрашивал, согласен ли он сотрудничать; все были уверены в том, что другого выхода у него нет.

— Ваш проект все равно провалится, — сказал в конце концов Родман. — Вскоре после того как в определенный район придут поставки, люди начнут умирать миллионами. Неужели вы думаете, что уцелевшие не увидят связи между поставками и повальной смертностью? Вы не боитесь, что в отчаянии они так сбросят вам на головы атомную бомбу?

Аффер, сидевший за столом прямо напротив Родмана, заявил:

— Мы предусмотрели все возможности. Неужели вы думаете, что мы, годами разрабатывая план операции, не учли потенциальную реакцию регионов, выбранных для прорезживания?

— Надеюсь, вы не рассчитываете на их благодарность? — с горечью съязвил Родман.

— Они и не узнают про отсев. Не все поставки зерна будут инфицированы липопротейнами. И мы не станем сосредоточивать их в каком-то одном районе. К тому же мы позаботимся, чтобы местное зерно тоже было частично зараженным. А потом, умрут-то не все и не сразу. Кто-то, лопавший зерно от пуза, вообще не умрет, а кто-то, съевший всего горсточку, скончается немедленно — в зависимости от их мембран. Это будет похоже на чуму. Как будто вернулась Черная Смерть.

— А вы подумали о психологическом воздействии Черной Смерти? Вы подумали о том, какая поднимется паника?

— Ничего, перетопчутся, — бросил секретарь, сидевший в конце стола. — Для них это будет хорошим уроком.

— Мы объявим об открытии противоядия, — пожав плечами, сказал Аффер. — Сделаем поголовные прививки в районах, не подлежащих прорезживанию. Доктор Родман, мир отчаянно болен и нуждается в отчаянных средствах. Человечество стоит на краю чудовищной гибели, поэтому не пытайтесь оспорить единственный способ, каким его можно спасти.

— В том-то все и дело. Действительно ли это единственный способ — или вы просто выбрали самый легкий путь, не требующий от вас никаких жертв, кроме миллиардов чужих жизней?

Родман прервался, так как в конференц-зал вкатили столик с подносами.

— Я решил, что нам не помешает немного подкрепиться, — сказал доктор. — Может, заключим на время перемирие?

Он потянулся за бутербродом и, прихлебывая из чашечки кофе, заметил:

— Мы обсуждаем величайшее массовое убийство в истории, но сами при том питаемся отменно.

Аффер критическим взглядом оглядел свой наполовину недо-еденный бутерброд.

— И это вы называете отменной едой? Яичный салат на кусочке белого хлеба сомнительной свежести — это не Бог весть что, и я бы на вашем месте сменил магазин, поставляющий кофе. — Он вздохнул. — Но в мире голода грешно выбрасывать еду.

И он прикончил свой бутерброд.

Родман обвел взглядом остальных и взял последний бутерброд, оставшийся на подносе.

— Я думал, обсуждаемая нами тема хоть кого-то из вас лишит аппетита, но, как видно, ошибся. Все вы поели.

— Включая вас, — огрызнулся Аффер. — Вы до сих пор жуете.

— Да, верно, — согласился Родман, медленно работая челюстями. — Кстати, примите мои извинения за сомнительную свежесть хлеба. Я сам готовил бутерброды прошлым вечером, так что им уже четырнадцать часов.

— Вы сами делали бутерброды? — изумился Аффер.

— Ну да. Я должен был убедиться, что все они инфицированы липопротеином.

— Что вы такое несете?

— Господа, вы утверждаете, будто необходимо убить некоторых, чтобы спасти остальных. Возможно, вы правы. Вы меня

убедили. Но чтобы мы как следует представили себе то, что намереемся сделать, необходимо провести эксперимент на самих себе. Я произвел небольшой опытный отсев с помощью вот этих бутербродов.

Несколько чиновников повскакивали с мест.

— Мы отравлены? — выдохнул секретарь.

— Ну, не все, — сказал Родман. — К сожалению, ваша биохимия мне неизвестна, поэтому я не могу гарантировать семидесятипроцентного уровня смертности, о котором вы так мечтали.

Они глядели на него, оцепенев от ужаса, и доктор Родман опустил глаза.

— Однако весьма вероятно, что в течение следующей недели двое или трое из вас умрут. Вам нужно просто подождать, чтобы выяснить, кто это будет. Никаких противоядий не существует, но вы не волнуйтесь. Смерть будет безболезненной. «Перст Господень», как выразился один из вас. Надеюсь, уцелевшим это послужит хорошим уроком, как сказал еще один из вас. Те, кто останется в живых, возможно, изменят свои взгляды на отсев.

— Вы блефуете, — заявил Аффер. — Вы сами тоже ели бутерброды.

— Конечно, ел, — сказал Родман. — Я подобрал липопотеины к своей собственной биохимии, так что жить мне осталось недолго. — Он прикрыл глаза. — Вам придется продолжать без меня — тем, кто выживет, разумеется.

КОГДА СВЯТЫЕ МАРШИРУЮТ

Раньше научную фантастику писали для научно-фантастических журналов. Джон Кэмпбелл как-то даже в шутку определил этот не поддающийся определению жанр следующим образом: «Научная фантастика есть то, что покупают издатели научной фантастики».

Но в наше время ее покупают все кому не лень, и я уже не удивляюсь предложениям, исходящим из самых неожиданных источников. Так, летом 1975 года журнал «Хай Фиделити» предложил мне написать научно-фантастический рассказ примерно в 2500 слов, действие которого происходило бы через двадцать пять лет и имело бы отношение к звукозаписи.

Меня заинтриговала узость предлагаемых рамок, весьма похожая на вызов. Я, естественно, объяснил редактору, что ничего не смыслю в музыке и звукозаписи, но он нетерпеливо отмахнулся, заявив, что это несущественно. Я начал писать рассказ восемнадцатого сентября 1975 года. Редактор предложил несколько поправок, ликвидирующих мою музыкальную безграмотность, и рассказ появился в апрельском выпуске журнала за 1976 год.

Джером Бишоп, композитор и тромбонист, никогда раньше не бывал в психиатрической больнице.

Он вполне готов был допустить, что может когда-нибудь попасть туда в качестве пациента (а кто не может?), но ему и в голову не приходило, что его пригласят как консультанта по вопросу о психическом расстройстве. *Как консультанта!*

Marching In

© 1976 by Isaac Asimov

Когда святые маршируют

© Издательство «Полярис», перевод, 1997

Он сидел там в году 2001-м, когда мир был в ужасающем состоянии, хотя и (как утверждали) начинал понемногу оправляться, а потом встал, приветствуя вошедшую женщину средних лет. Волосы ее были тронуты сединой, и Бишоп с благодарностью подумал о собственной пышной и совершенно черной шевелюре.

— Вы мистер Бишоп? — спросила женщина.

— По крайней мере был с утра.

Она протянула руку:

— Я доктор Крей.

Он пожал ей руку и пошел следом, стараясь не поддаваться унынию, навешиваемому казенными бежевыми халатами, в которые были облачены все, кто встречался им на пути.

Доктор Крей поднесла к губам палец и указала композитору на кресло. Нажав на кнопку, она выключила свет. В темной комнате ярко осветилось окно, выходящее в соседнее помещение. Бишоп увидел в окошке женщину в кресле вроде зубо-врачебного с откинутой назад спинкой. Уйма гибких проводов отходила от ее головы, а за ней от одной оконной рамы до другой тянулся узкий луч света, и чуть более широкая полоска бумаги ползла, раскручиваясь, вверх.

Свет в комнате зажегся снова; вид за окошком померк.

— Знаете, чем мы там занимаемся? — спросила доктор Крей.

— Записываете энцефалограмму. Это всего лишь догадка, конечно.

— Правильная догадка. Записываем. И это лазерная запись. Вы знаете, как работает лазер?

— Мою музыку тоже записывает лазер, — сказал Бишоп, закинув ногу на ногу, — но это не означает, будто я знаю, как он работает. Такие вещи знают инженеры... Послушайте, док, если вы думаете, что я инженер, то вы ошибаетесь.

— Я вовсе так не думаю, — нетерпеливо прервала его доктор Крей. — Мы пригласили вас по другой причине. Позвольте мне объяснить. Понимаете, лазерный луч поддается очень точной настройке; мы можем изменять его гораздо быстрее и точнее, чем электрический ток или даже электронный луч. Это значит, что сверхсложные биоволны могут быть записаны значительно более подробно, нежели раньше. Микроскопически тонкий лазерный луч записывает волны, а потом мы изучаем их под микроскопом в таких подробностях, какие не увидишь невооруженным глазом и не запишешь никаким из прежних способов.

— Если вы хотели проконсультироваться со мной по этому поводу, тогда я могу сказать, что при записи музыки все эти подробности ничего не дают. Вы просто не в состоянии их

услышать. Лазерную запись можно делать сколь угодно изощренной, но после определенного предела это лишь увеличивает затраты, не влияя на качество. Некоторые даже говорят, что появляется какой-то шум, заглушающий музыку. Сам я его не слышу, но могу вас уверить: если вам нужна высококачественная запись, лазерный луч не стоит сужать до бесконечности. Возможно, с энцефалограммами дело обстоит иначе, но я сказал вам все, что знаю, а потому позвольте откланяться. В счет включите только расходы на дорогу.

Он приподнялся, но доктор Крей энергично помотала головой:

— Сядьте, пожалуйста, мистер Бишоп. С записью энцефалограмм дело и правда обстоит иначе. Чем запись детальнее, тем лучше. Раньше нам удавалось записать лишь невнятные сигналы десяти миллиардов клеток головного мозга, и эти сигналы сливались в общий фон, заглушавший все оттенки, кроме самых выраженных тонов.

— Как будто десять миллионов пианистов играли каждый свою мелодию где-то вдали?

— Вот именно.

— И вы улавливали только шум?

— Не совсем. Кое-какую информацию мы получали — об эпилепсии, например. Но с лазерной техникой мы начали различать тончайшие оттенки; мы слышим отдельные мелодии, которые играют те самые пианисты; мы можем даже определить, какой из роялей расстроен.

Бишоп вздернул брови:

— Значит, вы можете сказать, в чем причина психического расстройства пациента?

— В каком-то смысле можем. Взгляните-ка сюда. — В другом углу комнаты осветился экран, и по нему побежала тонкая извилистая линия. — Видите, мистер Бишоп?

Доктор Крей нажала на кнопку индикатора, который держала в руках, и одна точка на линии покраснела. Линия двигалась от одного края экрана к другому, и периодически на ней вспыхивали красные точки.

— Это микроснимок, — сказала доктор Крей. — Красные вспышки невозможно увидеть невооруженным глазом и невозможно записать менее точной по сравнению с лазером аппаратурой. Они появляются только в тех случаях, когда у пациента начинается депрессия. Чем сильнее депрессия, тем ярче и заметнее красные точки.

Бишоп обдумал услышанное. А потом сказал:

— И вы можете как-то с ними бороться? Или просто констатируете таким образом наличие у пациента депрессии? Но ведь для этого достаточно просто выслушать больного.

— Все правильно, и тем не менее подробная запись помогает. Мы, например, можем преобразовывать биоволны мозга в слабо мерцающие световые волны и даже в эквивалентные звуковые волны. Мы пользуемся той же лазерной системой, что и вы при записи музыки, и получаем в результате некий смутный музыкальный фон, соответствующий мерцанию света. Я бы хотела, чтобы вы послушали его в наушниках.

— Музыку той самой пациентки, чьи биоволны отражаются этой линией?

— Да, и поскольку усиление звука невозможно без искажения деталей, я прошу вас надеть наушники.

— Я должен одновременно смотреть на мерцающий свет?

— Не обязательно. Вы можете закрыть глаза. Того мерцания, что проникнет сквозь веки, будет вполне достаточно для восприятия.

Бишоп закрыл глаза. Сквозь шум послышался еле уловимый грустный и сложный ритм — ритм, вобравший в себя все печали усталого старого мира. Бишоп слушал, смутно ощущая мигание света, бьющее по глазным яблокам в том же ритме.

И тут он почувствовал, что кто-то настойчиво дергает его за рукав:

— Мистер Бишоп... Мистер Бишоп...

Он глубоко вздохнул.

— Спасибо, — сказал он с легкой дрожью. — Меня это раздражало, но я не мог оторваться.

— Вы слушали энцефалограмму депрессии и поддались ее воздействию. Ваши собственные биоволны подстраивались под ритм. Вы чувствовали себя подавленным, верно?

— Всю дорогу.

— Когда нам удастся определить часть энцефалограммы, характерную для депрессивного состояния или любого другого психического расстройства, мы ее изымаем, а затем прокручиваем больному всю остальную запись, и его биоволны приходят в норму.

— Надолго?

— Увы, нет. После сеанса может пройти несколько дней. Максимум неделя. Потом приходится повторять все сначала.

— Это лучше, чем ничего.

— И все-таки этого недостаточно. Люди рождаются с теми или иными генами, которые определяют ту или иную потенциальную психическую структуру. Люди подвергаются определенным воздействиям окружающей среды. Такие вещи нелегко

нейтрализовать, и мы в своей больнице пытаемся найти более эффективные и длительные схемы нейтрализации... Не исключено, что вы сможете нам помочь. Поэтому мы вас и пригласили.

— Но я в этом ничего не понимаю, док. Я даже не знал, что энцефалограммы записывают лазером. — Бишоп развел руками. — Боюсь, я не в силах помочь вам.

Доктор Крей нетерпеливо сунула руки в карманы халата и сказала:

— Вы говорили, что лазер записывает больше деталей, нежели ухо способно воспринять.

— Да, и могу это повторить.

— Я вам верю. Мой коллега прочел ваше интервью в декабрьском номере «Хай Фиделити» за 2000 год, в котором вы как раз об этом говорили. Потому-то мы и обратили на вас внимание. Ухо не воспринимает деталей лазерной записи, но глаз воспринимает. Энцефалограмму изменяет и приводит в норму именно мерцающий свет, а не звуковые ритмы. Звук сам по себе ничего изменить не в силах. Однако он может усилить эффект воздействия света.

— Тогда вам просто не на что жаловаться.

— К сожалению, есть на что. Мы не можем добиться стабильного усиления, поскольку тончайшие, бесконечно сложные вариации звука, записанные с помощью лазера, не воспринимаются на слух. Вариаций слишком много, и те из них, что способны усилить воздействие света, тонут в общем фоне.

— А что заставляет вас предполагать, что такие усиливающие вариации вообще существуют?

— Иногда, в основном случайно, нам удается достичь долговременного лечебного эффекта, но мы не понимаем каким образом. Нам нужен музыкант. Если вы прослушаете записи, сделанные до и после сеанса терапии, возможно, вам интуитивно удастся определить музыкальный ритм, соответствующий нормальной энцефалограмме. Мы записали бы его, и он мог бы усилить воздействие света и повысить эффективность лечения.

— Эй! — обеспокоенно воскликнул Бишоп. — Это слишком большая ответственность. Когда я пишу музыку, я просто ласкаю слух и заставляю сокращаться мускулы. Я не пытаюсь лечить больные мозги.

— Все, о чем мы вас просим, — это ласкать слух и заставлять сокращаться мускулы, но только в такт с музыкой нормальной энцефалограммы... Поверьте, вам не стоит бояться ответственности, мистер Бишоп. Крайне маловероятно, чтобы ваша музыка могла пойти во вред, зато она может принести большую

пользу. Гонорар вы получите в любом случае, даже если ничего не выйдет.

— Что ж, — сказал Бишоп, — я попробую, хотя обещать ничего не могу.

Через два дня он вернулся. Доктор Крей, которую вытащили с совещания, посмотрела на него усталыми припухшими глазами:

— Как успехи?

— Есть кое-что. Думаю, должно получиться.

— Откуда вы знаете?

— Я не знаю. Просто чувствую... Я прослушал лазерные записи, которые вы мне дали: музыку энцефалограммы пациента в состоянии депрессии и в норме, то есть после сеанса. Вы были правы. Без мерцающего света ни та, ни другая запись на меня не подействовала. И тем не менее я вычленил вторую запись из первой, чтобы определить, в чем различие.

— У вас есть компьютер? — удивилась доктор Крей.

— Нет, компьютер тут бы не помог. Он выдал бы слишком избыточную информацию. Вы берете сложную лазерную запись, вычитаете из нее другую сложную запись и в результате получаете опять-таки довольно сложную запись. Нет, я вычленил ее мысленно, чтобы посмотреть, какой ритм останется. Этот ритм и будет ритмом депрессии, а стало быть, нужно заменить его контрритмом.

— Как вы могли проделать это мысленно?

Бишоп небрежно пожал плечами:

— Не знаю. А как Бетховен держал в голове Девятую симфонию, прежде чем записал ее? Мозг — довольно-таки хороший компьютер, разве нет?

— Да, наверное, — согласилась, сдаваясь, доктор Крей. — Вам удалось подобрать контрритм?

— Надеюсь. Он записан у меня на обычной пленке, никакой особой техники тут не нужно. Звучит он примерно так: тататаТА-тататаТА-тататаТАТАТАтаТА — и так далее. Я наложил на него мелодию, и вы можете пустить ее через наушники, пока пациентка будет наблюдать за мерцанием света, соответствующим нормальным биоволнам. Если я не ошибся, звук усилит воздействие света.

— Вы уверены?

— Будь я уверен, вам не нужно было бы проверять, док. Или я не прав?

Доктор Крей подумала немного и согласилась:

— Я договорюсь с пациенткой. А вы пока побудьте здесь.

— Если хотите. Это входит в обязанности консультанта, я полагаю.

— Вам нельзя будет находиться в комнате, где проходит лечение, но я хотела бы, чтобы вы подождали.

— Как скажете.

Пациентка выглядела измученной — глаза потуплены, голос еле слышный и невнятный.

Бишоп бросил на нее осторожный взгляд из угла, где он сидел тихо как мышка. Женщина вошла в соседнюю комнату. Он терпеливо ждал и думал: а вдруг получится? Почему бы тогда не сопровождать световые волны звуковым аккомпанементом, чтобы излечить обыкновенную хандру? Чтобы повысить жизненный тонус? Усилить любовь? Не только у больных людей, но и у здоровых; это могло бы стать заменителем алкоголя или наркотиков, которыми обычно накачиваются, чтобы привести в порядок чувства, — причем совершенно безопасным заменителем, основанным на биоволнах собственного мозга... И вот наконец, через сорок пять минут, она вышла.

Лицо ее стало безмятежным, угрюмые складки разгладились.

— Я чувствую себя лучше, доктор Крей, — сказала она улыбаясь. — Гораздо лучше.

— Так всегда бывало после сеансов, — спокойно отозвалась доктор Крей.

— Нет, не так, — возразила женщина. — Совсем не так. На сей раз все иначе. Раньше мне тоже становилось лучше после сеансов, но я всегда ощущала затаившуюся где-то в глубине депрессию, готовую вернуться в любую минуту. Теперь я ее не ощущаю — ее просто нет!

— Мы не можем быть уверены в том, что она не вернется, — сказала доктор Крей. — Вы придете ко мне на прием, скажем, недельки через две. Но если почувствуете что-то неладное раньше, сразу же позвоните, договорились? Скажите, как прошел сеанс? Как обычно?

Женщина задумалась.

— Нет, — сказала она нерешительно. И добавила: — Свет... Он мерцал как-то иначе. Более резко и отчетливо, что ли.

— Вы слышали что-нибудь?

— А я должна была что-то слышать?

Доктор Крей встала:

— Все нормально. Не забудьте записаться у секретаря.

Женщина задержалась в дверях, обернулась и сказала:

— Какое счастье чувствовать себя счастливой!

После ее ухода доктор Крей заметила:

— Она ничего не слышала, мистер Бишоп. Очевидно, ваш контрритм вписался в нормальную энцефалограмму настолько естественно, что звук, так сказать, растворился в свете. Похоже, у вас получилось.

Она повернулась к Бишопу, глядя ему прямо в глаза:

— Мистер Бишоп, согласитесь ли вы проконсультировать нас по поводу других больных? Мы заплатим вам столько, сколько сможем, и, если методика окажется успешной, вся честь открытия будет принадлежать только вам.

— Я буду рад помочь, доктор, но все это не так сложно, как вы думаете. Работа, в сущности, уже сделана.

— Уже сделана?

— На Земле веками жили композиторы. Они ничего не знали об энцефалограммах, но они старались изо всех сил придумать такие мелодии и ритмы, чтобы люди непроизвольно притопывали ногами, чтобы мускулы у них сокращались, лица расплывались в улыбке, на глаза наворачивались слезы, а сердца бились сильнее. Эти мелодии ждут вас. Как только вы определите контрритм, вам останется лишь подобрать к нему подходящую мелодию.

— Именно так вы и поступили?

— Конечно. Что может вывести вас из депрессии лучше, чем гимн возрождения? Для того их и писали. Их ритмы заражают вас радостью и энергией. Возможно, это ненадолго, но, если использовать их для усиления нормальных биоритмов мозга, эффект должен быть стократным.

— Гимн возрождения? — Доктор Крей смотрела на него во все глаза.

— Ну конечно. В данном случае я использовал самый лучший. Я прописал ей «Когда святые маршируют».

Он начал тихонько напевать, отбивая пальцами ритм; и с третьего такта доктор Крей подхватила аккомпанемент, постукивая по полу носком туфли.

СТАРЫЙ-ПРЕСТАРЫЙ СПОСОБ

Бен Эстес знал, что скоро умрет, и чувствовал себя ни на йоту не лучше от сознания того, что смерть вот уже несколько лет была его постоянным спутником. Такая уж у звездных старателей работа — их жизнь никогда не бывает легкой. Короткой — почти наверняка, а вот долгой и радостной — дудки!

Конечно, всегда есть шанс откопать что-то интересное, даже нарваться на месторождение драгоценных камней или металлов, и обеспечить себя до конца дней, но такое случалось редко, очень редко. А вот то, с чем столкнулся он, Бен Эстес, наверняка превратит его в мертвеца.

Харви Фюнарелли тихо застонал на своей койке, и Эстес, поморщившись от боли в противно скрипнувших мышцах, обернулся. Да, туговато им пришлось. То, что он, Бен, не получил таких тяжелых травм, как Харви, было чистой случайностью. Просто Фюнарелли оказался ближе к точке удара, вот и расшибся почти в лепешку. Бен с утрюмым состраданием посмотрел на приятеля и спросил:

— Ну как ты, старина?

Фюнарелли снова застонал, пытаясь подняться.

— Кажется, все суставы вывернуло наизнанку, — проворчал он. — Не удивлюсь, если теперь смогу ходить только коленками назад. Во что это мы врезались?

Слегка прихрамывая, Эстес подошел к другу

— Не вставай, Харви, не надо, — попросил он, видя, что тот собирается спустить ноги с койки

— Ничего, — кряхтя, ответил Фюнарелли — Я, кажется, смогу подняться. Дай только руку. О! Больно, черт! Наверное, ребро

Old-Fashioned

© 1976 by Isaac Asimov

Старый-престарый способ

© А Шаров, перевод, 1997

треснуло. Потрогай-ка вот здесь, только осторожно. Так что все-таки случилось, Бен?

Эстес махнул в сторону главного иллюминатора. Фюнарелли, опираясь на плечо друга, с трудом подошел к нему и выглянул наружу. Вокруг мерцали бесчисленные звезды, но астронавт не удостоил их даже беглого взгляда. То, что его интересовало, находилось гораздо ближе и было скоплением каменных глыб разных размеров, плававших в пространстве подобно рою сонных ленивых пчел.

— Ну и ну! — произнес Фюнарелли. — Такого я еще не видел. Что они тут делают?

— Плавают себе в аквариуме, что же еще? Должно быть, это осколки крупного астероида. Видишь, они все еще кружатся вокруг разрушившего этот астероид объекта. А теперь и мы вместе с ними.

— А что это за объект?

— Вот, смотри! — Эстес указал рукой туда, где в кромешной тьме изредка вспыхивали мелкие голубые искорки.

— Ничего не вижу.

— Неудивительно. Это «черная дыра».

— Да ты, видно, спятил, старик! — дрожащим голосом воскликнул он.

— Ни капельки. Ты же знаешь, что «черные дыры» могут быть самой разной величины. Масса этой, например, приблизительно равна массе большого астероида. Так я, по крайней мере, предполагаю. Мы ведь крутимся вокруг нее как на веревочке. А кроме «черных дыр», в космосе нет ничего, что способно удерживать крупные предметы на орбитах и при этом оставаться невидимым.

— Но ведь никаких сообщений...

— Знаю. Эту дрянь можно обнаружить, только напоровшись на нее. Так что мы открыли первую во Вселенной «черную дыру», с которой человек реально рискует войти в прямое взаимодействие. Прими мои поздравления. Вот только лавров нам пожать не удастся. Разве что посмертно...

— Скажи, наконец, что стряслось?

— Мы подлетели слишком близко, и нас раздавило приливным эффектом.

— Каким еще приливным эффектом?

— Я, знаешь ли, не астроном и поэтому могу объяснить, лишь как сам понимаю, согласен?

— Валяй, объясняй...

— Тут все дело в гравитации. Даже если общая сила притяжения такой штуки, как эта, мала, к ней нельзя подходить слишком близко, потому что тяготение приобретает интенсивный

характер. Интенсивность его убывает с увеличением расстояния так быстро, что если к «дыре» подходит, например, корабль, то его нос притягивается гораздо сильнее, чем кормовые отсеки, и корабль как бы растягивается. Чем ближе и больше объект, тем эффект сильнее, ясно? Даже твои мускулы — и те растянулись. Хоть кости-то, слава Богу, целы...

— Я в этом вовсе не уверен, — пробормотал Фюнарелли с гримасой боли на разбитом лице. — Ну, чем еще порадуешь?

— Все топливо до грамма ушло на экстренное торможение. Корабль хоть и отошел немного от «дыры», но все равно прилипи мы намертво.

— И не можем попросить помощи?

— Не можем. Аппаратура связи поломана.

— Ну и что нам теперь делать?

— Ждать. Ждать смерти, дружище. Больше ничего...

— Да... хорошенькое дело.

— У нас есть пилюли, — задумчиво произнес Эстес. — Так что можно и не дожидаться. Это, наверное, не так уж трудно... Плохо только, что мы так никому и не сообщим об этой штуке.

— О «дыре»?

— Да. «Дыра» в этой части системы представляет серьезную опасность. Хоть она и крутится вокруг Солнца, но никакой гарантии того, что ее орбита стабильна, нет. А если и стабильна, все равно эта дрянь наверняка будет расширяться.

— И проглотит кучу народу...

— Еще бы! Видишь, как космическую пыль засасывает? Омут, да и только.

Несколько минут оба молча смотрели в иллюминатор. Потом Эстес сказал:

— А ведь если прямо сейчас ребята с Земли смогут направить сюда большой астероид и заставят его пройти мимо «дыры» по определенной траектории, то есть шанс сбить ее с орбиты. Притяжение астероида вытащит ее из Солнечной системы, если найдется чем подтолкнуть сзади... Если оставить все как есть, то она может разрастись настолько, что проглотит все, начиная с Солнца и кончая Плутоном.

— Интересно, почему ее до сих пор не обнаружили?

— Потому что не пытались. Кому придет в голову искать «черную дыру» в поясе астероидов? Заметить ее нельзя. Масса пока небольшая, радиация слабая. Единственный способ — расквасить о нее нос, что мы и сделали.

— Ты уверен, что у нас нет никаких средств связи, Бен?

— Уверен.

— А сколько от нас до Весты? Может, оттуда придет помощь? Как-никак самая крупная наша база...

Эстес покачал головой.

— Я не знаю, где в данный момент находится Веста, — мрачно сказал он. — Компьютеру тоже крышка.

— Господи! Есть у нас что-нибудь целое?

— Кондиционеры и водоочистители. У нас до черта пищи, так что недели две протянем. Может, и больше...

— Послушай, — сказал Фюнарелли после нескольких минут тяжелого молчания, — пусть мы не знаем точно, где Веста, но зато мы твердо уверены в том, что до нее не может быть больше двух-трех миллионов километров. Если придумать какой-нибудь сигнал, они смогут прислать беспилотного спасателя уже через неделю.

— Беспилотного, говоришь? Возможно...

Это действительно было бы довольно просто. Беспилотный корабль мог лететь со скоростью, втрое превышающей скорость спасателя с экипажем на борту. Железо и пластик не боятся перегрузок.

— Возможно... — задумчиво повторил Эстес. — Только мы все равно не сможем послать сигнал. Просто нет такого способа. Даже кричать — и то бесполезно, потому что кругом вакуум.

— Если хорошенько пораскинуть мозгами, то способ можно найти, — упрямо сказал Фюнарелли. — Не верю, чтобы ты не мог ничего придумать. Особенно если от этого зависит твоя жизнь.

— Не только моя, Харви. В скором будущем и жизнь всего человечества. Но это ничего не меняет, старина. Попробуй ты, может, что и придет в голову.

Фюнарелли тяжело поднялся, схватившись за поручень на стене.

— Я уже попробовал, — сказал он.

— Выкладывай.

— Почему бы не отключить гравитацию? Тогда мы сможем сэкономить силы.

— Что ж, это, пожалуй, мысль...

Эстес поднялся и, подойдя к панели приборов, выключил гравитацию. Фюнарелли беспомощно повис в воздухе и, сокрушенно вздохнув, побормотал:

— Мне все еще больно, старик. Если так и дальше пойдет, то придется проглотить твои пилюли, черт бы их побрал!

— Эй!

— Что?

— Ты знаешь, я, кажется, вижу выход. Надо попытаться заставить саму «дыру» работать на нас.

— Это каким же таким образом?

— А вот каким. Когда в нее попадает какой-нибудь предмет, начинается интенсивное излучение...

— Стоп! А ты уверен, что на Весте его засекут?

— На Весте вряд ли, а вот на Земле почти наверняка. Там есть станции постоянного слежения за всеми радиационными изменениями в космосе. Они улавливают даже мизерные потоки частиц.

— Тогда все в порядке, Бен! Четверть часа, и Земля нас обнаружит. Еще пятнадцать минут, и на Весту дойдет их радио-приказ узнать, в чем дело. Максимум через два часа они отправят спасателей!

— Мне бы твою уверенность. Но нам нечего забросить в эту чертову «дыру». У нас нет даже ракет-зондов. Впрочем... Что, если направить в «дыру» наш корабль? Пусть мы сдохнем, но на Земле будут знать... Хотя нет, не пойдет. Одной вспышкой ничего не добьешься.

— Я, знаешь ли, не гожусь в герои, — быстро проговорил Фюнарелли. — У меня вот такая мысль. Вокруг плавают тучи самых разных валунов. Давай поймем два из них, смонтируем на них двигатели от скафандров и пустим в «дыру». Тогда будет две вспышки вместо одной. А если пустить их с суточным интервалом, на Земле сразу же заинтересуются.

— А вдруг не заинтересуются? Кроме того, я очень сомневаюсь, что к гранитной глыбе можно прикрепить двигатель. Другое дело наши скафандры... Интересно, целы ли они?

— Хочешь воспользоваться их передатчиками?

— Шутник! Их радиус не превышает нескольких километров.

— Тогда зачем тебе скафандры?

— Думаю пойти прогуляться.

Эстес подплыл к багажному отсеку и вытащил два скафандра:

— Смотри-ка, целы!

— Целы-то целы, только зачем тебе понадобилось выходить?

— Ты сам сказал, что неплохо бы иметь несколько ракет.

— Ну и что? У нас же нет ни одной...

— Тогда почему бы нам не заменить ракеты камнями?

— Я тебя что-то никак не пойму. Сперва говоришь, что это невозможно, потом предлагаешь...

— Но это же просто, Харви! Мы в абсолютном вакууме. «Дыра» довольно далеко, и ее притяжение нам пока не страшно. Я не слишком здорово ударился и способен шевелиться. В условиях невесомости брошенный предмет пролетает сколь угодно большое расстояние, так? А если так, то мне не составит труда швырнуть в «дыру» несколько камней. Надо только прицелиться поточнее, чтобы угодить в самое жерло. Как только камень

попадет куда надо, из «дыры» вырвется пучок лучей и его засекут на Земле.

— Думаешь, получится?

— Получится, если люк не заклинило.

— Ну попробуй. Только боюсь, мы потеряем часть воздуха.

— Все равно на две недели как-нибудь хватит.

— Ладно, давай попытаемся, чем черт не шутит. Терять-то нечего.

Все звездные старатели рано или поздно сталкиваются с необходимостью выхода в открытый космос. Иногда кораблю требуется ремонт, и тогда один из членов экипажа, надев скафандр, отправляется приводить в порядок внешние узлы или приборы. Кое-когда в пространстве попадают интересные объекты, и старатель, вновь облачившись в легкий и надежный костюм, вооружается танталовой сетью и вылавливает эти объекты, если они летят параллельно кораблю и имеют одинаковую с ним скорость. Выход в открытый космос — настоящий праздник для экипажа, потому что он разнообразит полет и нарушает его унылую монотонность.

Но сегодня Эстес не чувствовал особого энтузиазма. Вместо радостного возбуждения им овладели беспокойство и страх. Идея его была, по сути дела, примитивной, и он уже почти жалел, что высказал ее.

Он вышел в черное бездонное пространство. Вокруг мерцали миллиарды звезд, а бесчисленные осколки разбитого астероида, образовавшие вокруг «черной дыры» кольцо, подобное кольцу Сатурна, тускло отражали слабые лучи далекого Солнца.

Эстес сориентировался. Он знал, что корабль, так же как и обломки астероида, медленно движется в направлении, противоположном направлению звездного круговорота. Если бросить камень параллельно движению звезд, то часть его скорости относительно «черной дыры» нейтрализуется. Все будет зависеть от того, насколько большой окажется эта часть и как точно ему удастся рассчитать силу броска. Надо было швырнуть камень так, чтобы он приблизился к «дыре» на расстояние, обеспечивающее действие приливного эффекта на мелкие предметы. Тогда его засосет и произойдет интенсивная радиоактивная эмиссия.

Орудуя своей танталовой сетью, Эстес стал тщательно выбирать подходящие камни. Ему нужны были только маленькие, не больше кулака, обломки. Слава Богу, скафандр позволял свободно двигаться, и Эстес с благодарностью подумал о его создателях.

Набрав побольше камней, он тщательно прицелился и бросил один из них. Камень сверкнул в слабом солнечном свете и

растаял во мгле. Эстес даже приблизительно не знал, сколько времени нужно валуну, чтобы долететь до цели, и поэтому, сосчитав до шестисот, швырнул второй булыжник, потом третий, четвертый... Наконец впереди сверкнула ослепительная вспышка, и он понял, что попал. Тогда Эстес, набрав еще два десятка камней, стал один за другим посылать их в жерло «черной дыры». Теперь почти каждый бросок достигал цели. Очевидно, на самом деле «дыра» была больше, чем он рассчитывал, но это значило, что она способна засасывать довольно массивные предметы и что опасность ее они поначалу недооценили. Но с увеличением опасности возрастали и шансы на спасение, потому что обеспечить точность попадания становилось гораздо легче. Эстес немного воспрянул духом и с удвоенной энергией стал швырять камни в ненасытную черную пасть.

Наконец он, совершенно измотанный, вернулся в кабину корабля. Правое плечо онемело от постоянного напряжения, мышцы рук тупо ныли. Фюнарелли помог другу снять скафандр, и Эстес в изнеможении распластался на койке.

— Вот это был фейерверк! — восхищенно произнес Харви. — Мне даже страшно стало.

— А мне, думаешь, не страшно? Молю Бога, чтобы скафандры оказались достаточно устойчивыми против этих чертовых лучей!

— Ты думаешь, на Земле нас заметят?

— Наверняка. Вот только обратят ли внимание? Может ведь так случиться, что они поудивляются немного, поломают головы да и разойдутся по домам. Необходимо придумать что-нибудь такое, чтобы они обязательно послали корабль. Кажется, у меня есть идея. Надо только отдохнуть немножко, а то я совсем уже с ног валюсь...

Через час он надел второй скафандр. Подзаряжать батареи в первом не имело смысла.

Эстес снова набрал полную сеть камней и начал бросать их в направлении «черной дыры». Теперь попадать в цель стало еще легче, потому что каждый камень, вызывая ответную реакцию, значительно увеличивал размеры «дыры». Эстесу стало не по себе. Ему вдруг показалось, что «дыра» неумолимо надвигается на него и скоро проглотит корабль. Страх ни на мгновение не оставлял его, и хотя Эстес понимал, что все это лишь игра воображения, он почувствовал огромное облегчение, когда камни кончились. Совершенно разбитый и изможденный, он еле добрался до входного люка и мешком ввалился внутрь корабля.

— Все, — едва ворочая языком, произнес он, как только выкарабкался из скафандра. — Все, Харви... Больше ничего сделать не могу...

— Того, что сделано, уже должно быть достаточно, — стараюсь подбодрить его, сказал Фюнарелли. — Вспышки были такие, словно эта дыра строчила из пулемета.

— И их наверняка заметят, старина. Теперь надо просто ждать. Они должны прилететь...

— Ты серьезно в это веришь, Бен?

— Я думаю, они должны, Харви. Да, должны.

— Почему?

— Потому, что я с ними связался, — почти весело ответил Эстес. — Связался, понимаешь? Мы не только первые люди, столкнувшиеся с «черной дырой», Харви. Мы — первые, кто догадался воспользоваться ею как средством связи. Ты понимаешь или нет? Теперь можно будет, почти не тратя энергии, посылать сообщения из одной галактики в другую! Можно будет черпать из этой «дыры» сколько угодно энергии, знай только швыряй в нее камни. Ты представляешь, какое открытие мы с тобой сделали?

— Не очень...

— Это старый-престарый способ связи, Харви, но его еще помнят. Я воспользовался им, хотя он вышел из употребления еще сто лет назад. Раньше для передачи сообщений применяли ток, идущий по проводам...

— Ясно! Ты имеешь в виду этот, как его...

— Телеграф, Харви! Наши вспышки регистрируют и запишут. Представляешь, какой поднимется переполох, когда на Земле увидят, что источник рентгеновского излучения передает сигнал бедствий? Я же бросал камни в определенном ритме, понятно? Три с короткими промежутками, потом три с длинными и опять с короткими! Ну а уж если «черная дыра» начинает звать на помощь, то они обязательно прилетят. Обязательно!

Теперь им оставалось только ждать. Разбитые и измученные, друзья привязались к своим койкам и погрузились в тяжелый, беспокойный сон.

Беспилотный спасатель пришел ровно через пять земных суток.

ОЗАРЕНИЕ

Время бежит. Сам-то я всегда молодой, но все вокруг стареет. Подумать только: в апреле 1976 года старейший из журналов научной фантастики — «Эмэйзинг Сториз» — отметил полувековой юбилей!

На апрельском выпуске «Эмэйзинг Сториз» 1926 года было написано: «Том 1, номер 1». Это было самое первое издание первого в мире журнала, полностью посвященного научной фантастике, — и это было пятьдесят лет тому назад.

Хьюго Гернсбэк родился в Люксембурге в 1884 году, а в 1904 году эмигрировал в Соединенные Штаты. Он писал убого, но очень плохую научную фантастику с убого, но очень точными предсказаниями, издавал журнал, включая в него научно-фантастические рассказы (или наукофантастику, как он их называл), и подумывал об издании журнала, целиком посвященного этому жанру. В 1924 году он разослал предварительный проспект, не имевший никакого успеха, а в 1926 году безо всякой шумихи и рекламных фанфар выпустил новый журнал.

Сол Кохен, нынешний издатель журнала, позвонил мне осенью 1975 года и спросил, не желаю ли я внести свою лепту в празднование полувекового юбилея. Хотя, как обычно, я был по уши загружен и связан другими обязательствами, пропустить такое событие я не мог. Двадцать второго ноября 1975 года я сел за «Озарение» и был представлен этим рассказом в юбилейном выпуске журнала.

Birth of a Notion

© 1976 by Isaac Asimov

Озарение

© Издательство «Полярис», перевод, 1997

То, что изобретатель первой в мире действующей машины времени был поклонником научной фантастики, отнюдь не случайное совпадение. Иначе и быть не могло. С чего бы иначе вполне нормальному во всех остальных отношениях физику взбрело на ум копаться во всяких безумных теориях, признававших возможность перемещения во времени вопреки самой Теории относительности?

Конечно, машина требовала энергии. Все машины ее требуют. Но Симеон Уэйл был готов заплатить любую цену. Любую (ну почти любую) — лишь бы сбылась его тайная научно-фантастическая мечта.

Загвоздка заключалась в том, что ему никак не удавалось взять под контроль направление и расстояние хронологического броска. Результат целиком и полностью зависел от случайных темпоральных столкновений сверхсветовых частиц — тахионов. Уэйл мог заставить исчезнуть мышей и даже кроликов, но в прошлом или будущем — этого он сказать не мог. Одна мышь вернулась, побывав, очевидно, в недавнем прошлом. Путешествие, похоже, не причинило ей вреда. А другим? Как узнаешь?

Уэйл приспособил к машине автоматический возвратный механизм. Теоретически он должен был изменять изначальное направление броска (каким бы оно ни было) на противоположное и возвращать объект обратно (куда бы его ни занесло). Механизм срабатывал не всегда, но пять кроликов вернулись целыми и невредимыми.

Если бы возвратный механизм был понадежнее, Уэйл испытал бы машину сам. Ему *до смерти* хотелось ее испытать — желание неподобающее для физика-теоретика, зато вполне естественное для фана научной фантастики, который особенно любил произведения середины века, предпочитая их книгам нынешнего 1976 года.

И конечно же, что должно было случиться, то и случилось. Уэйл ни за что не шагнул бы между темподами намеренно. Он знал, что шансы на возвращение не больше трех из пяти. Но ему *до смерти* хотелось испытать машину, поэтому он споткнулся на ровном месте о собственную большую ступню и влетел в пространство между темподами. Совершенно случайно. Только бьют ли на свете совершенные случайности?

Его могло занести и в прошлое, и в будущее. Случилось так, что он очутился в прошлом.

Его могло занести за тысячи лет или за полтора дня. Случилось так, что он очутился в двадцать пятом году нынешнего

столетия, когда в стране повсюду кипел скандал под крышкой «чайника»*, хотя народ хранил спокойствие и не скулил под властью Кулиджа**, а также твердо верил в то, что никто в мире не может побить Джека Демпси***.

Но были кое-какие детали, о которых теории не поведали Уэйлу. Так, например, он знал, как ведут себя при перемещении во времени сами частицы, но не мог предсказать, что случится со связями между ними. А где эти связи сложнее всего, если не в мозгу?

Случилось так, что, когда Уэйл переместился во времени назад, извилины у него в мозгах размотались. К счастью, не совсем — иначе, если учесть, что за год до полуторавекового юбилея Америки Уэйл еще не был зачат, мозг с менее чем нулевым развитием явился бы для него досадной помехой.

Извилины размотались частично, но грубо и неуклюже, и когда Уэйл очутился в парке на скамейке неподалеку от своего дома в Манхэттене, где он экспериментировал в 1976 году в сомнительном симбиозе с Нью-Йоркским университетом, то очутился он там в году тысяча девятьсот двадцать пятом с жуткой головной болью и не совсем ясным представлением, на каком он свете.

Он уставился на человека лет сорока с прилизанными волосами, выдающимися скулами и орлиным носом, сидевшего на той же скамейке.

Человек выглядел озадаченным.

— Откуда вы взялись? — спросил он. — Минуту назад вас здесь не было.

Уэйл не знал, что сказать. Он не помнил. Но одно слово, похоже, пробилось сквозь хаос под черепом, хотя значение его осталось для Уэйла довольно туманным.

— Машина времени, — выдохнул он.

Человек насторожился.

— Вы читаете псевдонаучные романы?

— Что? — удивился Уэйл

— Вы имели в виду «Машину времени» Уэллса?

* Скандал, связанный с коррупцией в высших эшелонах власти и разразившийся в 1924 году, когда общественности стало известно о тайной сдаче в аренду частным компаниям нефтяных земель в Вайоминге и Калифорнии, где нефть должна была сохраняться нетронутой для будущих нужд флота. Своим названием скандал обязан скале, похожей по форме на чайник, находящейся в одном из нефтяных районов Вайоминга (*Здесь и далее примеч. пер.*)

** Калвин Кулидж (1871—1933) — тридцатый президент США (1923—1929)

*** Джек Демпси (1895—1983) — американский боксер, чемпион мира в тяжелом весе с 1919 по 1926 год.

Повторение этого словосочетания слегка успокоило Уэйла. Головная боль немного утихла. Фамилия Уэллс казалась знакомой — или то была его собственная фамилия? Нет, его фамилия Уэйл.

— Уэллс? — сказал он. — Я Уэйл.

Человек протянул ему руку:

— А я Хьюго Гернсбэк. Я пишу иногда псевдонаучные романы, хотя, конечно, называть их «псевдо» неправильно. Смахивает на какую-то подделку. На самом же деле, если вещь написана как следует, она соединяет в себе и научный подход, и фантастику. Я называю этот жанр, — черные глаза его заблестели, — наукофантастикой.

— Да, — сказал Уэйл, отчаянно стараясь привести в порядок хаотичные проблески познаний и размотавшиеся воспоминания. Но в голове вспыхивали лишь разрозненные образы и впечатления. — Наукофантастика. Лучше, чем «псевдо». Но как-то не совсем...

— Если вещь написана как следует. Вы читали мою книгу «Ральф 124С41 +»?

— Хьюго Гернсбэк, — сказал, нахмурясь, Уэйл. — Известный...

— Правда, в узком кругу, — кивнул человек. — Я несколько лет издавал журналы об изобретениях в области радио и электричества. Вам не приходилось читать журнал «Наука и изобретение»?

Уэйл ухватился за слово «изобретение», и оно почти прояснило ему, что он подразумевал под «машиной времени».

— Да, да, — сказал он, охваченный нетерпением.

— И что вы думаете о наукофантастике, которую я помещаю в каждом номере?

Опять «наукофантастика». Слово действовало на Уэйла успокаивающе, хотя звучало не совсем правильно. Что-то тут не так, решил он. Чего-то тут явно не хватает...

— Явно не хватает... — проговорил он вслух.

— Не хватает? То есть рассказов слишком мало? Да, я тоже об этом думал. Год назад я разослал проспекты с предложением подписаться на журнал, в котором не будет ничего, кроме наукофантастики. Я назвал бы его «Наукофантастика». Но почти никто не откликнулся. Почему, как вы думаете?

Уэйл не слушал его. Он по-прежнему сосредоточенно размышлял о слове «наукофантастика», силясь сообразить, что в нем звучит не так.

— Неправильное слово, — сказал он.

— Вы имеете в виду название? Возможно, вы правы. Я и не думал как следует о названии. Вообще-то нужно что-то броское, способное сразу привлечь внимание читателя и вызвать инте-

рес. Да, в этом все дело. Если бы мне удалось придумать хорошее название, я бы начал издавать журнал и наплевал на перспективы. Я не стал бы задавать вопросов — просто разослал бы журнал по всем киоскам Соединенных Штатов будущей весной, вот и все.

Уэйл непонимающе уставился на него.

— Мне, конечно, хотелось бы, — продолжал тот, — чтобы истории, помещенные в журнале, просвещали читателей в научном плане и в то же время развлекали. Они должны открыть перед людьми широкие перспективы мира будущего. Аэропланы будут совершать беспосадочные перелеты через Атлантику...

— Аэропланы? — В голове у Уэйла возник мимолетный образ большого стального кита, взлетающего с помощью собственных испражнений. Мгновение — и образ поблек. — Большие, — сказал Уэйл, — с сотнями пассажиров на борту, летят быстрее звука.

— Конечно. Почему бы и нет? А связь с землей поддерживают по радио.

— Спутники.

— Что? — пришел черед удивляться собеседнику Уэйла.

— Радиоволны отражаются от искусственных космических спутников.

Человек энергично закивал:

— Я предсказал использование радиоволн для определения расстояния в «Ральфе 124С41+». Космические отражатели? Я их тоже предсказал. И телевидение, конечно. И энергию атома тоже.

Уэйл оживился. Образы беспорядочно вспыхивали у него в мозгу один за другим.

— Атом, — сказал он. — Да. Атомная бомба.

— Радий, — самодовольно заявил человек.

— Плутоний, — возразил Уэйл.

— Что?

— Плутоний. И термоядерная реакция. Имитирующая Солнце. Нейлон и пластмасса. Пестициды для избавления от насекомых. Компьютеры для избавления от проблем.

— Компьютеры? Вы имеете в виду роботов?

— Карманные компьютеры, — с воодушевлением продолжал Уэйл. — Такие маленькие штучки. Берешь его в руки и решаешь все проблемы. Маленькие радиоприемники, тоже переносные. Фотоаппараты, проявляющие снимки прямо в камерах. Голограммы. Трехмерные изображения.

— Вы тоже пишете наукофантастику? — спросил человек.

Уэйл не слушал его. Он пытался уловить и удержать в памяти мысленные образы, которые становились все более четкими.

— Небоскребы, — сказал он. — Стекло и алюминий. Скоростные автострады. Цветные телевизоры. Человек на Луне. Зонды на Юпитере.

— Человек на Луне, — повторил Хьюго Гернсбэк. — Жюль Верн. Вы читаете Жюль Верна?

Уэйл затряс головой. В ней почти уже прояснилось. Мозг определенно выздоравливал.

— По телевизору. Все смотрели по телевизору, как он ступил на поверхность Луны. И снимки Марса. На Марсе нет каналов.

— Нет каналов? — изумился его собеседник. — Но их же видели!

— Это не каналы, — твердо сказал Уэйл. — Кратеры вулканов. Самый большой из них — Каньон. Транзисторы, лазеры, тахионы. Обуздать тахионы. Заставить их двигаться против течения времени. Перемещение во времени. Перемещение во времени. У-ди-ви...

Черты Уэйла начали расплываться, голос стал еле слышным. Случилось так, что его собеседник в этот момент не смотрел на Уэйла; он уставился в голубое небо, бормоча себе под нос:

— Тахионы? Что он такое болтает?

Гернсбэк думал о том, что неподдельный интерес, проявляемый к наукофантастике случайно встреченным в парке незнакомцем, — это добрый знак: стало быть, пора издавать журнал. Но тут он вспомнил, что так и не придумал названия, и с сожалением оборвал свои мечты.

Он оглянулся как раз вовремя, чтобы услышать последние слова Уэйла:

— Путешествия во времени... Тахионы... Удивительная история...

И Уэйл исчез, вернувшись в свое собственное время.

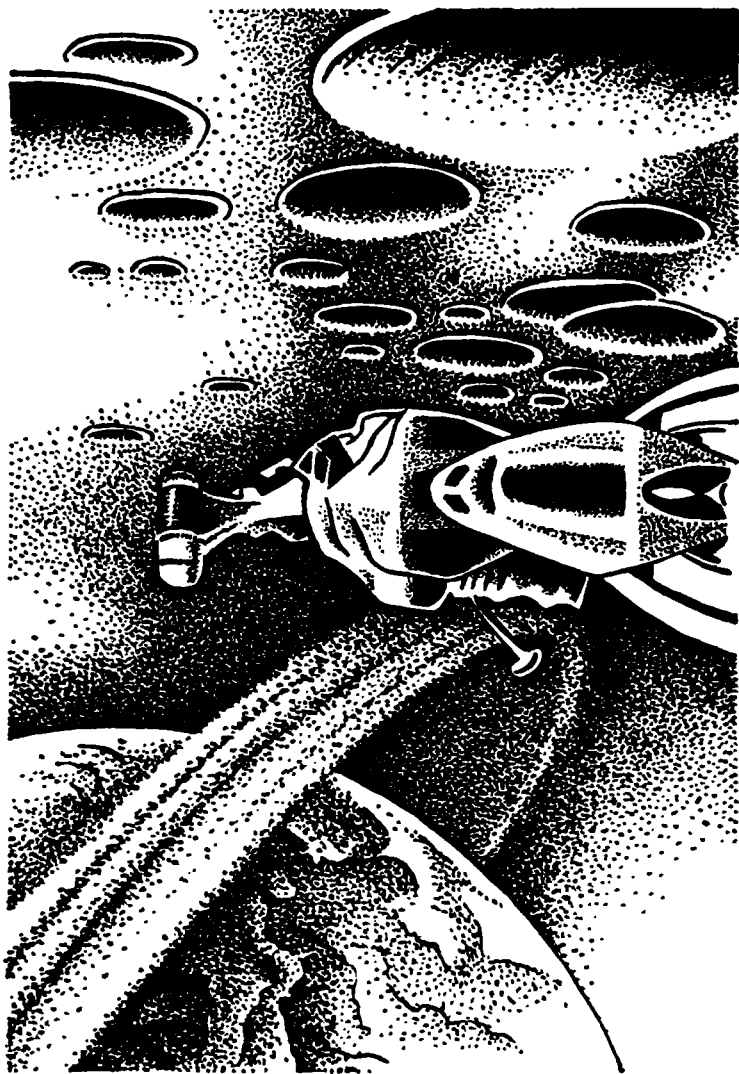
Хьюго Гернсбэк с ужасом воззрился на пустое место, где только что сидел человек. Он не видел ни его появления, ни ухода, но разум отказывался поверить в мгновенное исчезновение. И вообще — странный он какой-то, этот парень, и одежда у него странная, и, если задуматься, говорил он тоже как-то странно. Бессвязно и почти безумно.

Да, незнакомец правильно сказал — удивительная история. Его последние слова.

И тут Гернсбэк, затаив дыхание, еле слышно прошептал:

— Удивительная история... «Удивительные истории»?

И улыбка приподняла уголки его губ.

ВЕТРЫ ПЕРЕМЕН

Вся Земля ждала, когда с ней покончит маленькая черная дыра. Ее обнаружил профессор Джером Иеронимус, глядя в лунный телескоп в 2125 году. Вне всякого сомнения, дыра намеревалась подобраться к Земле и увлечь планету в свои страшные глубины, уничтожив окончательно и бесповоротно.

Все жители Земли составляли завешания и рыдали на груди друг у друга, прощаясь, прощаясь и снова прощаясь. Мужья говорили «Прощай» женам, братья говорили «Прощай» сестрам, родители говорили «Прощай» своим детям; все, у кого были любимые домашние животные, говорили им «Прощай», и влюбленные тоже прощались навсегда.

Однако когда черная дыра оказалась совсем рядом, профессор Иеронимус обратил внимание на отсутствие гравитационного эффекта. Он занялся тщательным изучением данного феномена и объявил, радостно хихикая, что это вовсе никакая не дыра.

— Ничего особенного, — сказал он. — Самый обычный астероид, который кто-то выкрасил в черную краску.

С ним расправилась разъяренная толпа — но совсем не за обман. Его убили только после того, как профессор публично объявил, что собирается написать великую и невероятно трогательную пьесу на тему о том, что произошло.

— Я назову ее «Много прощаний из ничего»*, — сообщил Иеронимус.

Все человечество радостно заплодировало, узнав о его смерти.

About Nothing

© 1977 by Isaac Asimov

Ни о чем

© В. Гольдич, И. Оганесова, перевод, 1997

* Имеется в виду пьеса В. Шекспира «Много шуму из ничего». (Примеч. пер.)

ИДЕАЛЬНОЕ РЕШЕНИЕ

Сейчас ко мне часто обращаются с просьбой написать фантастический рассказ на какую-нибудь тему, и, если финансовые условия располагают к творчеству, для меня становится вопросом чести успешно справиться с задачей.

В данном случае некое издание, посвященное компьютерной технике, заказало рассказ на две с половиной тысячи слов (при той цене за слово, которую я им выставил, они не могли заказать больше) об обществе будущего, где неумение пользоваться компьютером эквивалентно неграмотности в наше время. И вот что они получили.

Рассказ был написан в апреле 1981 года.

Ян Брэдстоун грустно бродил по улицам еще одного города, и вдруг его внимание привлекли люди, собравшиеся у открытой двери торгового центра. Сперва Ян хотел было повернуть и броситься бежать, но он не смог заставить себя сделать это. Против собственной воли, подчиняясь охватившему его ужасу, он неохотно приблизился к толпе.

Любопытство, видимо, нарисовало у него на лице огромный вопросительный знак, и тогда кто-то, стоявший в задних рядах, любезно объяснил ему, что происходит:

— Трехмерные шахматы. Интересная партия.

Брэдстоун знал, как это обычно бывает. Человек шесть, подолгу обсуждая каждый ход, играют против компьютера. Они скорее

A Perfect Fit

© 1981 by Isaac Asimov

Идеальное решение

© В Гольдич, И Оганесова, перевод, 1997

всего потерпят поражение. Шестеро слабых игроков против одного.

Его глаза неожиданно остановились на невыносимо яркой картинке на экране компьютера, и он тут же закрыл их. А потом с горечью отвернулся и только тут заметил восемь самодельных досок, установленных друг над дружкой на колышках.

Самые обычные шахматы. С пластмассовыми фигурками.

— Ого! — удивленно воскликнул Ян.

Молодой парень, стоящий возле досок, словно защищаясь, заявил:

— Нам было не подобраться к экранам. Я сам их тут установил, чтобы следить за партией. Осторожно! А то сбросите фигуры.

— Там сейчас такая позиция? — спросил Брэстоун.

— Да, ребята совещаются вот уже десять минут.

— Если передвинуть ладью с бета-В-6 на дельта-Д-6, победа у вас в кармане, — с интересом взглянув на позицию, посоветовал Брэстоун.

— Вы уверены? — Молодой человек принялся изучать доску.

— Конечно, абсолютно уверен. После этого, что бы компьютер ни стал делать, он в конце концов проиграет, поскольку будет вынужден потратить ход на защиту своего ферзя.

Еще несколько минут старательного изучения позиции на доске. И вдруг молодой человек крикнул:

— Эй, ребята! Тут у нас один парень говорит, что нужно поднять ладью на два уровня выше.

Все шесть игроков как один дружно вздохнули.

— Мне это приходило в голову, — произнес кто-то из них.

— Я понял, — быстро ответил другой голос. — Мы угрожаем его ферзю. Я этого хода не видел. — Он быстро повернулся и крикнул: — Эй, там! Кто предложил ход? Окажите нам честь, сделайте его!

Брэстоун отшатнулся, его лицо исказила гримаса невыносимого ужаса.

— Нет, нет... я не играю.

Он повернулся и поспешил прочь.

Он хотел есть. Ему частенько приходилось голодать.

Время от времени он оказывался возле фруктовых лотков, принадлежавших мелким торговцам, которым посчастливилось найти пустое местечко внутри тщательно компьютеризированной экономики. Если Брэстоун соблюдал осторожность, ему удавалось улизнуть, прихватив с собой яблоко или апельсин.

При этом Яна трясло от страха. Потому что он знал: если его поймут, то обязательно попросят заплатить. Естественно,

деньги у него были — с ним поступили великодушно, — но он ведь не мог воспользоваться своей кредитной карточкой.

Впрочем, каждый день возникало множество ситуаций, когда ему требовалось перевести деньги со своего счета — и каждый раз он испытывал невыносимые страдания от унижительного положения, в котором находился.

Брэдстоун обнаружил, что подошел к ресторану. Наверное, запах еды и напомнил ему, что он ужасно голоден.

Ян осторожно заглянул в окно. Внутри обедало несколько человек. Слишком много. И двоих-то было бы многовато. Он не мог заставить себя снова стать центром всеобщего внимания, знал, что не перенесет жалостливых взглядов.

Брэдстоун отвернулся, несмотря на сердитое урчание в животе, и увидел, что, оказывается, не он один глазеет в окно ресторана. Рядом стоял мальчишка лет десяти, у которого, впрочем, был не очень голодный вид.

— Привет, приятель. Хочешь есть? — постарался как можно добродушнее заговорить с ним Брэдстоун.

Паренек с подозрением посмотрел на него и отодвинулся в сторону.

— Нет.

Ян не шевелился и не пытался подойти к нему поближе. Он знал, что, если сделает хоть одно неверное движение, мальчишка убежит.

— Могу побиться об заклад, что ты уже достаточно большой и умеешь сам заказывать еду, — сказал он. — Не сомневаюсь, что ты можешь попросить, чтобы тебе подали гамбургер или еще что-нибудь.

Гордость победила подозрительность, и паренек заявил:

— Конечно! В любой момент!

— Но у тебя нет собственной кредитной карточки, верно? Поэтому тебе не довести заказа до конца. Верно?

Карие глаза принялись изучать подошедшего незнакомца — с опаской. Мальчишка был прилично одет и производил впечатление сообразительного ребенка.

— Послушай, — проговорил Брэдстоун, — у меня есть кредитная карточка, и ты можешь сделать по ней заказ. Получишь гамбургер или еще что другое, по собственному выбору. И мне что-нибудь закажешь. Например, отличный бифштекс на косточке, жареную картошку, лимонад и кофе. И два куска яблочного пирога. Один тебе.

— Мне нужно идти обедать домой, — сказал мальчишка.

— Да ладно!.. Сэкономишь деньги отцу. Твои родители ведь знают, что ты здесь?

— Мы тут частенько бываем.

— Ну вот видишь. Только на этот раз кредитная карточка будет у тебя в руках. Ты выберешь все, что пожелаешь — как взрослый. Давай иди первым.

Внутри у Брэдстоуна все сжалось. То, что он сейчас сделал, казалось ему совершенно разумным, он ведь не собирался причинить ребенку никакого вреда. Однако, если за ним кто-нибудь наблюдал, он мог прийти к ужасному и совершенно неверному выводу.

Брэдстоун все бы объяснил, если бы ему дали возможность, но как это унизительно — признаться в том, что тебе пришлось хитростью заставить маленького мальчишку сделать то, чего ты сам не можешь.

Паренек колебался, но все-таки вошел в ресторан, а Брэдстоун на некотором расстоянии последовал за ним. Мальчишка уселся за стол, Брэдстоун устроился напротив. Улыбнулся и протянул ему кредитную карточку. Он почувствовал неприятное покалывание в руке — как и всегда теперь — и облегчение, когда избавился от карточки. Кредитка металлически поблескивала, и Брэдстоун поморщился. Он не мог на нее смотреть.

— Давай, приятель. Выбирай, — тихо сказал он. — Все, что только пожелаешь.

Мальчишка не соврал ему. Он действительно прекрасно справлялся с маленьким компьютером, его пальцы уверенно касались кнопок клавиатуры.

— Вам бифштекс, мистер. Жареную картошку. Лимонад. Яблочный пирог. Кофе. Салат будете, мистер? — В голосе паренька появились снисходительные, взрослые нотки. — Мама всегда заказывает салат, а я не люблю.

— Пожалуй, рискну попробовать. Зеленый салат. Смешанный. Есть у них такой? С уксусным соусом. У них есть такой? Ты справишься?

— Что-то я не вижу ничего похожего на укс... как вы там сказали? Может быть, вот...

Кончилось дело тем, что Брэдстоун получил бифштекс с французским соусом, но его это вполне устроило.

Мальчишка так спокойно и уверенно вставил карточку в считывающее устройство, что Брэдстоун ему отчаянно позавидовал.

Паренек протянул ему карточку и с важным видом сказал:

— Надеюсь, денег там достаточно.

— А ты обратил внимание на цифру? — поинтересовался Брэдстоун.

— Нет. Смотреть нельзя; так говорит мой папа. Карточка не выскочила назад, значит, денег хватило.

Брэдстоун постарался скрыть свое огорчение. Он не мог прочитывать цифры и не мог заставить себя попросить кого-нибудь сделать это за него. Видимо, придется пойти в банк и придумать какую-нибудь историю, чтобы ему там сказали, сколько у него денег.

Он решил немного поболтать со своим спасителем.

— Тебя как зовут, сынок?

— Реджинальд.

— И какими предметами ты занимаешься дома, Реджи?

— В основном арифметикой, поскольку так хочет папа, и еще динозаврами, потому что мне ужасно интересно. Папа говорит, что, если я буду все делать как надо по арифметике, он позволит мне динозавров. Я могу запрограммировать свой компьютер так, чтобы динозавры двигались. Вы знаете, как бронтозавр ходит по земле? Ему приходится балансировать шеей, чтобы центр тяжести оказался в районе бедер. Он держит голову прямо, будто жираф, если только не находится в воде. А еще... Вот и мой гамбургер. И ваша еда.

Их заказ прибыл по движущейся ленте, которая остановилась в нужном месте.

Мысль о нормальном обеде, который можно съесть, не испытывав предварительно жестокого унижения, поглотила грусть, охватившую Брэдстоуна, когда он только представил себе, как мальчишка манипулирует компьютером, пытаясь отыскать интересующую его информацию.

— Я съем гамбургер у стойки, мистер, — вежливо сказал Реджинальд.

— Надеюсь, он тебе понравится, Реджи. — Брэдстоун помахал мальчишке рукой.

Паренек ему больше был не нужен, и он обрадовался, когда тот его оставил наедине с обедом. Из кухни вышел какой-то работник, скорее всего техник-компьютерщик, и принялся дружески болтать с Реджинальдом. Сомневаться в профессиональной принадлежности этого молодого человека не приходило. Техкомпов всегда отличает важный вид и немного ленивая уверенность в том, что мир держится на их плечах.

Однако Брэдстоун не стал глазеть по сторонам — он сосредоточил все свое внимание на еде, первом нормальном обеде за месяц.

Только после того как он закончил — совсем закончил, спокойно и не спеша все доел, — Ян принялся разглядывать место, в котором оказался. Мальчишка уже ушел. Брэдстоун с грустью подумал о том, что Реджи, по крайней мере, не жалел его, не

вел себя снисходительно и не важничал. Происшедшее с ним не показалось ему странным, потому что он был еще совсем ребенком и его гораздо больше занимала значимость момента — ведь он справился с компьютером в ресторане, значит, он уже взрослый!

Взрослый!

В ресторане было совсем немного народа, техкомп стоял за стойкой, видимо, проверял, как работают компьютеры.

Этим занимаются, с горечью подумал Брэдстоун, все техники по всему свету; постоянно создают программы, дополняют, переделывают их, следят за исправностью компьютерных сетей, которые обеспечивают спокойную жизнь для всех в мире — почти для всех.

Приятное тепло, поднимающееся откуда-то изнутри и рожденное великолепным бифштексом, разбудило чувство протеста. Почему бы не начать действовать? Почему бы не изменить то, что с ним происходит?

Брэдстоун привлек к себе внимание техкомпа и спросил, стараясь придать своему голосу уверенность, которая даже ему самому показалась фальшивой:

— Слушай, друг, я думаю, в этом городе есть адвокаты?

— Ты правильно думаешь.

— А ты не порекомендуешь мне какого-нибудь получше и чтобы жил неподалеку?

— На почте есть городской справочник, — вежливо ответил техкомп. — Нужно только нажать на кнопку, выдающую информацию про адвокатов.

— Я имел в виду, что мне нужен хороший адвокат. Умный. Который вел сложные дела и все такое.

Он рассмеялся, надеясь, что его собеседник хотя бы улыбнется в ответ.

Ничего не вышло.

— Они там подробно описаны, — сказал техкомп. — Сообщаешь, что тебе нужно, и получаешь все необходимые данные: характеристики, возраст, адрес, какие дела они ведут, сколько берут за услуги... Тебе выдадут полную информацию, если ты, конечно, будешь правильно нажимать на клавиши. И все там прекрасно работает. Я проверял на прошлой неделе.

— Мне не это нужно, приятель. — От предложения прикоснуться к клавишам, как и всегда в подобном случае, по спине у Брэдстоуна пробежали мурашки. — Я хочу получить совет от тебя лично. Понимаешь?

— Я не справочник, — покачал головой техкомп.

— Проклятье! — возмутился Брэдстоун. — Что с тобой такое, дружище? Просто назови мне имя какого-нибудь адвоката.

Разве существует закон, запрещающий получать информацию, не обращаясь к компьютеру?

— За пользование справочником нужно заплатить десять центов. Если у тебя на кредитной карточке имеется больше этой суммы, в чем проблема? Ты что, не умеешь обращаться с карточкой? Или ты... — Неожиданно глаза его широко раскрылись от изумления. — О, сукин ты... вот почему ты попросил Реджи заказать для тебя еду! Послушай, я не знал...

Брэдстоун съехался под его взглядом. Он быстро вскочил и помчался к двери, где чуть не столкнулся с крупным мужчиной, у которого было румяное лицо и лысеющая голова.

— Минутку, — проговорил мужчина мягко. — Не вы ли купили моему сыну гамбургер некоторое время назад?

Брэдстоун поколебался немного, а потом, смутившись, кивнул.

— Я хочу отдать вам за него деньги. Все в порядке. Я знаю, кто вы, и сделаю все необходимые операции сам.

— Если тебе нужен адвокат, парень... — вдруг вмешался техкомп. — Так вот, мистер Голд, он адвокат.

В глазах Брэдстоуна сразу загорелся интерес.

— Я действительно адвокат, — сказал Голд, — если вы нуждаетесь в услугах адвоката. Именно благодаря этому я и узнал вас. Уверяю вас, я внимательно следил за слушанием вашего дела. А когда Реджи пришел домой и рассказал мне о том, что уже пообедал и что сам воспользовался компьютером в ресторане... по его описанию я сразу сообразил, кто вы такой. Ну, и теперь, конечно, я тоже вас узнаю.

— Мы можем поговорить наедине? — спросил Брэдстоун.

— Мой дом находится отсюда в пяти минутах ходьбы.

Гостиная оказалась удобной, хотя назвать ее шикарней было нельзя.

— Хотите получить аванс? — спросил Брэдстоун. — Я вполне могу себе позволить вам заплатить.

— Я знаю, что у вас достаточно денег, — ответил Голд. — Сначала скажите мне, о чем пойдет речь.

Брэдстоун наклонился вперед на своем стуле и напряженно проговорил:

— Если вы следили за моим делом, то должны знать, что меня подвергли нетрадиционному и жестокому наказанию. Я первый получил такой приговор. Гипноз в сочетании с прямым воздействием на нервную систему — этот метод разработан совсем недавно. Природа наказания, которому меня подвергли, еще не до конца изучена. Его нужно отменить.

— Ваше дело рассматривалось в суде с соблюдением всех законных процедур, — заявил Голд, — а то, что вы виновны в совершении преступления, не вызывает сомнений...

— Пусть даже и так! Мы живем в компьютеризированном мире. Я ничего не могу: не могу получить информацию, не могу поесть, не могу развлекаться, не могу ни за что заплатить или что-нибудь проверить. Я вообще ничего не могу сделать — не прибегая к помощи компьютера. В результате исполнения приговора — как вам, вероятно, известно — я не могу даже взглянуть на компьютер, потому что у меня сразу начинают болеть глаза, а если я прикоснусь к клавиатуре, на руках у меня появляются весьма болезненные раны. Я даже использовать свою кредитную карточку не в состоянии. Меня тошнит от одной только мысли об этом.

— Да, мне все это известно, — ответил Голд. — Я знаю, что вам дали вполне солидную сумму денег, которой должно хватить на все время наказания, и что власти обратились к населению с просьбой, чтобы оно оказывало вам помощь и выражало сочувствие. Надеюсь, именно так дело и обстоит.

— Мне это не нужно. Я не хочу, чтобы меня жалели и помогали. Я не хочу быть беспомощным ребенком в мире взрослых. Мне не нравится быть неграмотным в мире, где все умеют читать. Помогите мне! Мой приговор должен быть отменен. Вот уже почти месяц я живу в аду. Я не выдержу еще одиннадцати.

Голд задумался, а потом сказал:

— Я возьму с вас аванс, чтобы стать вашим официальным представителем, и постараюсь сделать все, что в моих силах. Но должен предупредить: шансы на успех не велики.

— Почему? Я всего-то перевел пять тысяч долларов...

— Вы планировали перевести гораздо больше — к такому решению пришел суд, но вас поймали прежде, чем вы успели это сделать. Гениальное компьютерное мошенничество, вполне достойное вашего всемирно известного таланта шахматного игрока, и все же — преступление. Вы сами сказали, что в нашем мире все компьютеризировано и ни один шаг, пусть даже самый незначительный, не делается без компьютера. Следовательно, мошенничество, совершенное с его помощью, есть попытка расшатать основы цивилизации. Страшное преступление. Нужно сделать все, чтобы больше ни у кого не возникло желания повторить ваши подвиги.

— Кончайте проповедь.

— А я ее и не начинал. Я просто вам объясняю, как обстоят дела. Вы посягнули на систему, и в наказание система разрушена — только для вас одного, — а в остальном вам ведь не сделали ничего плохого. Если ваша жизнь кажется вам невыносимой, в

некотором смысле это должно показать вам, какой она стала бы для всех остальных из-за того, что вы совершили покушение на существующий порядок вещей.

— Но год — это слишком много!

— Ну, возможно, меньший срок тоже послужит хорошим примером для тех, кто задумывает аналогичное преступление. Я попытаюсь вам помочь, но боюсь, мне известно, что скажет суд.

— Что?

— Они скажут, что, если наказание должно соответствовать совершенному преступлению, ваше подходит просто идеально.

Время от времени Джорджу Скизерсу из журнала «Фантастика Азимова» нравится публиковать маленькие и возмущительные рассказы, а мне время от времени нравится их писать. Так я написал «Смерть фоя» и направил его Джорджу, перестав смеяться только для того, чтобы заклеить конверт.

Можете представить себе мое негодование, когда Джордж рассказ отклонил! (И хорошо сделал. Не хочу, чтобы складывалось впечатление, будто в моем журнале любой мой рассказ просто обязан быть напечатанным. У Джорджа есть строгие предписания отклонять любую мою писанину, которая придет к нему не по вкусу.)

Кое-что неодобрительно пробормотав про себя, я направил рассказ Эду Ферману из журнала «Фэнтези и научная фантастика» (далее именуемый журнал «Ф и НФ»). К счастью, Эд сумел справиться со смехом ровно настолько, чтобы выписать мне чек, и рассказ появился в октябрьском номере «Ф и НФ».

То, что фой умирал на Земле, было весьма необычно. Фои принадлежали к высшей касте у себя на планете (название которой произносилось — насколько это могли воспроизвести человеческие органы речи — Сортибакенстрете) и были фактически бессмертны.

Каждый фой, конечно, рано или поздно добровольно умирал. Этот решил, что пришла пора покончить все счета с жизнью из-за трагической любовной истории, если можно назвать любовью взаимодействие пяти индивидуумов, которые с целью

Death of a Foy

© 1980 by Isaac Asimov

Смерть фоя

© В. Гольдич, И. Оганесова, перевод, 1997

продолжения рода должны долгое время наслаждаться особыми контактами на ментальном уровне. Очевидно, после нескольких месяцев неудачных попыток он понял, что не вписывается в выбранную им пятерку — и это разбило ему сердце, точнее, сердца, потому что у него их было пять.

У каждого фоя пять сердец, и многие считают, что именно благодаря этому они фактически бессмертны.

Мод Брискоу, самый знаменитый хирург Земли, хотела прибрать эти сердца к рукам.

— Не может быть, что главное тут — количество и размеры, — сказала она своему ассистенту. — Уверена, что дело в физиологии или биохимии. Я должна их заполучить.

— Не знаю, удастся ли, — ответил Дуэйн Джонсон. — Я много и серьезно разговаривал с фоем, пытаюсь обойти их табу, запрещающее расчленение тела после смерти. Мне пришлось сыграть на его чувствах и напомнить о страданиях, которые испытывает каждый фой, умирая вдали от дома. Я ему солгал, Мод.

— Солгал?

— Я сказал, что, когда он умрет, самый известный в мире хор под управлением Гарольда Дж. Гассенбаума исполнит в его честь погребальную песнь. Я поведал ему, что земляне верят, будто это поможет его астральной сути мгновенно пересечь гиперпространство и вернуться на свою родную планету — Сортиб... или как она там называется. Он только должен подписать бумаги, позволяющие вам, Мод, получить его сердца для научных исследований.

— И что же, фой поверил в эту чушь собачью? — поинтересовалась Мод.

— Ну, вам ведь известно про новую тенденцию принимать мифы и верования разумных инопланетян. С его стороны было бы невежливо мне не поверить. Кроме того, каждый фой испытывает глубокое восхищение земной наукой, и мне кажется, этому стало лестно, что мы заинтересовались его сердцами. Он пообещал обдумать мое предложение, и надеюсь, примет решение достаточно скоро, потому что ему осталось жить еще день или два. Следуя межпланетному закону, мы обязаны иметь его разрешение на проведение экспериментов, а сердца должны быть свежими и... Вот он нас вызывает!

Дуэйн Джонсон двигался быстро, бесшумно и красиво.

— Да? — прошептал ассистент, незаметно включив голографическое записывающее устройство, на случай если фой все-таки захочет дать им разрешение.

Огромное, шишковатое, чем-то похожее на дерево тело фоя неподвижно лежало на кровати. Выпученные глаза пульсирова-

ли (все пять штук), поднимаясь каждый на своем стебельке и поворачиваясь в сторону Дуэйна. Голос фоя звучал как-то странно, а безгубый, круглый, широко открытый рот не шевелился, однако вполне внятно произносил слова. Фой глазами показал — как это у них принято, — что согласен на предложение Дуэйна.

— Отдайте мои большие сердца Мод, Дуэйн, — сказал фой. — Расчлените меня для хора Гарольда. Передайте всем фоям, живущим на Сортибакенстрете, что я скоро буду с ними...

СПРАВЕДЛИВАЯ ЗАМЕНА?

Я — рьяный член нью-йоркского «Общества Гилберта и Салливана» и, если только могу, обязательно посещаю все заседания.

Как-то раз на квартире одного из членов общества, репетируя что-то из того, что мы собирались показать на следующей встрече, была упомянута оперетта «Теспис» — почти целиком утраченный первый плод совместной работы Гилберта и Салливана. Сразу же я решил написать на эту тему рассказ и в январе 1978 года сел за работу — к вящему удовольствию членов общества.

Была только одна загвоздка. Я хотел придумать смешную историю, но, как знает всякий писатель, сочинения имеют дурную привычку жить собственной жизнью и тебе остается лишь смириться с получившимся результатом.

Рассказ увидел свет в осеннем выпуске вскоре почившего в бозе — увы! — «Научно-фантастического и приключенческого журнала Азимова».

Потом «Справедливая замена?» вышел в 1981 году в маленьком авторском сборнике «Три из-под пера Азимова», опубликованном Уильямом Таргом очень ограниченным тиражом в двести пятьдесят экземпляров по цене в шестьдесят долларов. Похоже, достать эту книгу сейчас практически невозможно, и, на мой взгляд, вполне уместно включить рассказ в сборник значительно более широкий, дешевый и доступный. Между прочим, два грутых рассказа, вышедших в книге «Три из-под пера Азимова», тоже включены в этот сборник, и, когда дойдет очередь, я укажу их.

Fair Exchange?

© 1978 by Isaac Asimov

Справедливая замена?

© В. Гольдич, И. Оганесова, перевод, 1997

Я приходил в себя и снова терял сознание, при этом время от времени слышал какие-то обрывки музыкальных фраз.

Потом пришли слова. «Когда олухи получают высокие титулы, нет места тонкому уму».

Сначала я понял, что стало светло, затем надо мной склонился Джон Сильва.

— Привет, Герб, — произнес его рот.

Я не слышал слов, только видел губы, которые выговаривали звуки. Я кивнул и снова провалился в ночь.

Когда я в очередной раз открыл глаза, было темно. Около меня суежилась медсестра, но я лежал тихо, и она куда-то исчезла.

Естественно, я был в больнице.

Меня это несколько не удивило. Джон предупреждал, но я согласился рискнуть. Я пошевелил ногами, потом руками — очень осторожно. Они не болели. И я их чувствовал. В голове что-то отчаянно пульсировало; впрочем, этого следовало ожидать.

Когда олухи получают высокие титулы, нет места...

Теспис*, радостно подумал я. И опять погрузился в черную пучину.

Наступил рассвет. Вкус апельсинового сока у меня на губах. Я потягивал его через соломинку и был счастлив.

Машина времени!

Джону Сильве не нравилось, когда я ее так называл.

Темпоральный перенос, такое имя он дал своему эксперименту.

Я слышал, как он что-то об этом говорил, и испытал истинное наслаждение. Мой мозг, казалось, был в полном порядке. Я принялся решать в уме задачи и с легкостью высчитал, чему равняется квадратный корень из пятисот сорока трех. Потом приказал себе назвать имена всех президентов — по порядку! Мне казалось, что я нахожусь в прекрасной интеллектуальной форме. Но разве я могу об этом судить беспристрастно? Я убедил себя в том, что могу.

Конечно же, больше всего нас волновала опасность мозговой травмы, и не думаю, что я согласился бы рискнуть, если бы не «Теспис». Нужно быть фанатичным поклонником Гилберта и Салливана**, чтобы понять это. Я именно таковым и являлся, как, впрочем, и Мэри. Мы познакомились на собрании «Общества

* Греческий поэт, 6 век до нашей эры. (Здесь и далее примеч. пер.)

** Сэр Уильям Гилберт (1836—1919) — английский драматург и поэт; сэр Артур Салливан (1842—1900) — английский композитор.

Гилберта и Салливана», обратили друг на друга внимание и всегда были вместе во время всех последующих заседаний и на концертах «деревенской оперной труппы». Когда мы наконец поженились, хор наших друзей из «Г и С» спел нам свадебную песнь из «Гондольеров».

С моим мозгом все было в порядке. Я в этом ни секунды не сомневался, глядя в окно на холодный серый рассвет и прислушиваясь к своим воспоминаниям о том, что произошло.

— Машина времени, — снова прозвучал в моем сознании голос Джона, — что-то вроде автомобиля, который ты отправляешь в путь по коридорам времени. Теоретически такого быть не может. Мы занимаемся темпоральным переносом. Мозг человека в состоянии... ну, можно сказать и так: он в состоянии проникнуть сквозь время. Точнее, не он сам, а субатомные частицы. И если речь идет о достаточно развитом интеллекте, их реально увидеть и, полагаю, использовать. Если два сознания достаточно похожи друг на друга, они могут войти в резонанс и путешествовать во времени.

— А ты знаешь, как установить такой контроль?

— Думаю, да. Должен сказать, что мозг каждого человека каким-то образом входит в контакт с сознанием других людей; возможно, это и является объяснением наших снов, ощущения *deja vu**, неожиданного вдохновения и тому подобных вещей. Однако настоящий перенос, когда два определенных сознания входят в состояние резонанса друг с другом, — задача, требующая для своего решения серьезных усилий.

Я был одним из сотни человек, которые принимали участие в экспериментах. Не имело никакого смысла проверять идеи Сильвы на животных. Только человеческий мозг создает достаточно сильное поле. Возможно, еще дельфины, но как, скажите на милость, вы бы стали с ними работать?

— Почти все сумели добиться резонанса, который можно зафиксировать, — произнес Джон. — Вот ты, например, установил довольно прочную связь в одном определенном направлении.

— С кем? — с интересом спросил я.

— Это невозможно сказать, Герб, — ответил он, — и мы не совсем уверены, насколько точно определили время и место, но нам кажется, что твое сознание вошло в резонанс с кем-то, жившим в Лондоне в 1871 году.

— В Лондоне, в 1871 году?

* Парамнезия, ложная память, когда новые впечатления кажутся уже пережитыми в прошлом (*фр.*).

— Да. Мы не можем проверить это наверняка, пока кто-нибудь не согласится подвергнуться темпоральному переносу. Честно говоря, я сомневаюсь, что нам удастся найти желающих.

— Я готов, — ответил я.

Мне понадобилось достаточно много времени, чтобы убедить его в том, что я не шучу. Мы были старинными друзьями, и он знал о том, как интересовала меня тайна «Г и С», но, боюсь, Джон не до конца понимал, в какой степени я был в ее власти.

А вот Мэри понимала! Она была в восторге.

— Ты представляешь, какая это удача, — сказал я ей. — Ведь «Теспис» поставили в Лондоне в 1871 году. Если бы я неожиданно оказался там в это самое время, я смог бы послушать ее, смог бы...

Эта мысль захватила меня. «Теспис» — первая из четырнадцати оперетт Гилберта и Салливана, слабое произведение, которое, естественно, не пользовалось никаким успехом, но его тем не менее написали Гилберт и Салливан, причем партитура пропала. Пропало все, кроме небольшого хорового вступления, которое было с успехом использовано в «Пиратах из Панзанса», и одной баллады.

Если бы я только мог ее послушать!

— И не только послушать! — с энтузиазмом воскликнул я. — Если бы я мог подержать в руках партитуру и как следует ее изучить. Если бы я мог положить экземпляр в сейф в банке и каким-нибудь образом открыть его сейчас. Если бы я мог...

Глаза Мэри сияли, однако она не потеряла присущего ей чувства реальности.

— Если тебе удастся заполучить хоть что-нибудь из «Теспис», это будет потрясающей находкой, имеющей отношение к наследию Гилберта и Салливана, но я бы не стала уж очень рассчитывать на такую удачу. Если тебе и удастся проникнуть в сознание какого-то человека, жившего в 1871 году, уверен ли ты, что сумеешь заставить его делать то, что нам нужно?

— Можно попытаться, — ответил я. — Он, должно быть, на меня похож, раз наше сознание вошло в такой мощный резонанс, что покрыло расстояние в сто лет. У него должны быть мои вкусы.

— А если с тобой что-нибудь случится?

— Ради достижения некоторых целей стоит рискнуть, — твердо сказал я, и Мэри со мной согласилась; она не была бы моей Мэри, если бы было иначе.

И тем не менее я не стал говорить ей, что существует серьезная опасность мозговой травмы.

— Мы не в состоянии предсказать, насколько велика опасность, — заявил Джон, — и существует ли она на самом деле, пока не проведем эксперимент. Мне не очень хочется, чтобы в нем участвовал мой лучший друг.

— Твой лучший друг настаивает, — проговорил я и подписал все необходимые бумаги, которые подготовили адвокаты компании «Темпоральный Перенос».

Однако я все-таки принял меры предосторожности. Я скрыл от Мэри, на какое число намечен эксперимент. Если произойдет что-нибудь непредвиденное, незачем ей при этом присутствовать. Она собиралась вскоре отправиться — Мэри всегда это делала раз в год — навестить родителей, которые жили в Канаде. И я решил, что это самое подходящее время для того, чтобы попытаться совершить темпоральный перенос.

— Джон будет готов самое раннее к осени, — сказал я ей и изо всех сил постарался продемонстрировать свое огорчение.

Через три дня после отъезда Мэри все было готово.

Я не нервничал, даже когда Джон предупредил меня:

— Могут возникнуть неприятные ощущения.

— Джон, — пожав плечами, поинтересовался я, — оказавшись в Англии, я смогу делать все, что пожелаю? Я имею в виду, по собственной воле?

— Это еще один вопрос, на который я не могу ответить ничего определенного, — проговорил Джон, — по крайней мере пока ты отсюда не вернешься — что, кстати, произойдет автоматически. Даже если я скоростно скончаюсь и выйдут из строя все приборы питания, резонанс вернет тебя назад. В данном случае мы не зависим ни от каких непредвиденных обстоятельств, потому что твое физическое тело остается здесь. Ты понял?

— Я понял. — Джон был уверен, что если ему удастся сделать так, чтобы я не волновался в начальный момент эксперимента, то снизится вероятность мозговой травмы. Он много раз повторял одно и то же, рассчитывая снять напряжение. — Я смогу делать все, что пожелаю? — снова спросил я.

— Не думаю. Только наблюдать.

— А я буду в состоянии повлиять на историю?

— Тогда возникнут парадоксы, именно поэтому путешествия во времени в обычном смысле нереальны. Ты сможешь посмотреть, вернуться назад со своими наблюдениями и изменить историю с этого момента и дальше — и никаких парадоксов не возникнет.

— Ну, лучше, чем ничего, — проворчал я.

— Конечно, — согласился Джон. — Ты слушаешь свою обожаемую оперетту — уже кое-что!

Кое-что — верно, однако недостаточно. Я же не музыкант и не смогу повторить всю партитуру.

Я утешился мыслью о том, что Джон ошибается или, вполне возможно, просто врет. Если бы возможность воздействовать на историю действительно существовала, ему бы никогда не разрешили продолжать эксперименты. Поэтому Джону приходилось уверенно утверждать, что такой возможности нет, иначе он перестал бы получать деньги на свои исследования.

Привезли мой завтрак, и медсестра, профессионально изображая искреннюю радость, сказала:

— Сегодня вы прекрасно выглядите.

Завтрак был так себе, ничего особенного, но я проголодался, и поэтому горячая овсянка показалась мне вкусной.

Отличный знак, а в голове у меня чей-то голос пропел: «Ну-ну, вот так и устроен мир, и он всегда будет оставаться таким; когда олухи получают высокие титулы, нет места тонкому уму».

Я его узнал. Соло Меркурия в сопровождении хора в первом акте «Теспис». Точнее, я узнал слова. Музыка была для меня новой — но, вне всякого сомнения, принадлежала Салливану.

В десять утра прибыл Джон Сильва.

— Мне позвонили и сказали, что тебе отменили внутривенные инъекции, — сказал он, — и что ты про меня спрашивал. Как ты себя чувствуешь? Выглядишь вполне прилично. — Я заметил беспокойство в его глазах.

— Я тебя звал?

— Постоянно, пока находился в полубессознательном состоянии. Я был здесь вчера, но ты еще не совсем пришел в себя.

— Мне кажется, я это помню, — проговорил я. — Послушай, Джон, — голос у меня был совсем слабым, но я начал с соло Меркурия. — «О, я небесный труженик. Работаю с утра до поздней ночи. Все исполняю разные поручения...» — и дошел до самого конца.

Джон, который молчал все время, что я пел, кивнул.

— Симпатично, — похвалил он.

— Симпатично! Это же «Теспис». Я был на трех спектаклях в Лондоне. Мне даже не пришлось ничего предпринимать, чтобы это получилось. Мое второе «я» — кстати, он биржевой маклер и зовут его Джереми Бентфорд — сделал все по собственной воле. Я даже попытался добыть экземпляр партитуры. Мне удалось убедить Бентфорда забраться в гримерную Салливана утром того дня, когда состоялся третий спектакль. Впрочем, я даже не особенно старался. Он и сам этого страшно хотел; мы с ним

ужасно похожи, именно поэтому между нами и произошел резонанс, естественно.

Проблема в том, что его поймали и выставили вон. Бедняга держал партитуру в руках, но у него ее отобрали. Так что ты оказался прав. Мы не можем изменить историю. Зато мы в состоянии воздействовать на будущее, потому что я запомнил все самые важные мелодии и партии «Теспис»...

— О чем это ты, Герб? — спросил Джон.

— Англия! 1871-й! Ради всех святых, Джон. Темпоральный перенос!

— Именно поэтому ты хотел меня видеть? — Джон даже на месте подпрыгнул.

— Да, конечно. Почему ты в этом сомневаешься? О Господи, ты же отправил меня в прошлое. Ну, не меня, а мое сознание.

У Джона сделался такой вид, словно ему стало нехорошо. Неужели я сказал какую-то ерунду? Может быть, мой мозг все-таки пострадал? И я говорю совсем не то, что думаю, будто говорю?

— Мы много раз обсуждали темпоральный перенос, да, Герб, — сказал Джон. — Но...

— Но что?

— У нас ничего не получилось. Неужели ты забыл? Мы потерпели неудачу.

Теперь пришла моя очередь изумиться.

— Как это — потерпели неудачу? Ты же послал меня в прошлое!

Джон немного подумал, а потом поднялся на ноги:

— Давай-ка я позову доктора, Герб.

Я попытался схватить его за рукав:

— Ты это сделал! Где же еще я мог услышать музыку «Теспис»? Может, ты решил, что я все это сам придумал? Неужели ты считаешь, что я в состоянии сочинить мелодию, которую несколько минут назад пропел тебе?

Однако он все равно позвонил, вызвал медсестру, а потом ушел. Вскоре появился доктор и принялся долго и скучно меня осматривать.

Почему Джон мне врет? Может быть, у него возникли неприятности с правительством из-за того, что он послал мое сознание в прошлое? Может быть, он собирается спасти свой проект, заставив и меня солгать? Или хочет убедить всех в том, что я спятил?

Неприятная, удручающая мысль. У меня была музыка «Теспис», но мог ли я доказать, что она настоящая? Не проще ли

предположить, что это фальшивка? Сумеют ли мне помочь члены «Общества Гилберта и Салливана»? Ведь наверняка должны быть специалисты, которые сумеют опознать «отпечатки пальцев» — надеюсь, можно так сказать — Салливана. Однако, если Джон будет продолжать твердо стоять на своем, никакие доводы не окажутся убедительными.

На следующее утро я проснулся, твердо решив, что буду сражаться. На самом деле я не мог думать ни о чем другом. Я позвонил Джону (точнее, попросил медсестру позвонить ему) и сказал, что мне нужно его увидеть. К сожалению, я забыл напомнить ему, чтобы он принес мою почту, — среди прочего там должны были быть письма от Мэри.

Когда Джон пришел, я объявил, как только он открыл дверь и в проеме возникло его лицо:

— Джон, у меня есть музыка «Теспис». Я ее тебе пропел. Ты утверждаешь, что я лгу?

— Нет, естественно, нет, Герб, — ласково проговорил он. — Я тоже знаю эту музыку.

Я замер, с трудом сглотнул, а потом спросил:

— Как ты мог...

— Послушай, Герб, я все понимаю. Я прекрасно понимаю, что тебе хотелось бы, чтобы это музыкальное произведение исчезло с лица земли. Но оно существует. Тебе придется с этим смириться. Посмотри вот сюда.

Он протянул мне книжку в голубой обложке. Заголовок гласил: «Теспис», слова Уильяма Гилберта, музыка Артура Салливана.

Я открыл книжку и пролистал ее, испытав настоящее потрясение.

— Где ты ее взял?

— В магазине нот рядом с Центром Линкольна. Ее можно купить всюду, где только продаются партитуры Гилберта и Салливана.

Я немного помолчал, потом язвительно произнес:

— Будь так любезен, сделай для меня один телефонный звонок.

— Кому?

— Президенту «Общества Гилберта и Салливана».

— Конечно. Только скажи мне телефон и как зовут президента.

— Попроси его навестить меня. При первой возможности. Это очень важно.

И снова я забыл сказать ему про почту. Нет, сначала «Теспис»!

Саул Рив посетил меня сразу после ленча, его доброе лицо и брюшко показались мне тем элементом надежности, которого мне так не хватало. Я с облегчением вздохнул. Он олицетворял собой Общество, и я был немного удивлен, когда не увидел на нем футболки с надписью «Гилберт и Салливан».

— Я ужасно рад, что тебе удалось выкарабкаться, Герб, — сказал он. — Все члены нашего Общества о тебе беспокоились.

(Выкарабкался? Откуда? Беспокоились по какому поводу? Откуда они узнали про эксперимент с темпоральным переносом? Если им про него известно, почему тогда Джон лжет и утверждает, что никакого эксперимента не было?)

— Что с «Теспис»? — резко спросил я.

— А что может быть с «Теспис»?

— Эта музыка существует?

Бедняга Саул никудышный актер. Ему известно все про Гилберта и Салливана, но если он знает что-нибудь еще, то в таком случае ему удалось обмануть всех окружающих. Изумление на его лице было самым настоящим, самым искренним.

— Конечно, существует, — ответил он мне, — однако партитура чуть не пропала, если ты это имеешь в виду.

— В каком смысле — чуть не пропала?

— Ты же знаешь эту историю.

— Все равно Расскажи мне ее. Расскажи!

— Ну, Салливан был по-настоящему возмущен тем, как публика принимала его пьесу, и не собирался публиковать партитуру. А потом была совершена попытка ограбления: какой-то биржевой маклер попытался ее украсть; в тот момент, когда его поймали, он держал ее в руках. И тогда Салливан сказал, что раз она достаточно хороша для того, чтобы ее украсть, значит, ее можно спокойно напечатать. Если бы не тот биржевой маклер, мы бы никогда не услышали эту оперетту. Впрочем, она не особенно популярна. Ее очень редко исполняют. Тебе же это известно.

Я не слышал того, что он говорил потом.

«Если бы не биржевой маклер!»

Я все-таки изменил историю.

Можно ли считать это объяснением? Неужели такое незначительное событие, как публикация партитуры «Теспис», создало иное будущее и я в нем оказался?

Почему так произошло? Разве музыка имеет такое большое значение? А может, она вдохновила кого-то совершить или сказать нечто такое, что в противном случае не было бы сказано или совершено? Или карьера биржевого маклера изменилась в результате его попытки украсть партитуру — и это привело к таким переменам?

Следует ли отсюда, что Джон Сильва не разработал технологию темпорального переноса и я навсегда останусь в этом новом для себя мире?

Я был один. Оказалось, я даже не заметил, как Саул ушел.

Я покачал головой. Неужели такое возможно? Неужели положительные результаты в экспериментах с темпоральным переносом стали отрицательными? Джон Сильва не изменился. Саул Рив не изменился. А ведь серьезные перемены должны сопровождаться мелкими.

Я позвонил, вызывая медсестру.

— Вы не могли бы принести мне экземпляра «Таймс»? Сегодняшний, вчерашний, недельной давности... Мне все равно.

Вдруг она придумает причину, по которой оставит меня без газеты? Может быть, вокруг плетется заговор, целью которого является ввести меня в заблуждение, по причинам мне совершенно непонятным?

Она принесла газету без промедления.

Я посмотрел на число. Газета вышла через четыре дня после эксперимента с темпоральным переносом.

Заголовки показались мне самыми обычными: президент Картер... Кризис на Среднем Востоке... Запуск спутников...

Я перелистывал страницу за страницей, пытаясь отыскать несоответствия, которые смог бы распознать. Сенатор Абзут предложила законопроект, по которому федеральному правительству надлежит оказать помощь Нью-Йорку, где возникли финансовые трудности.

Сенатор Абзут? Разве она не проиграла выборы в 1976 году, когда победил Патрик Мойнихэн?

Я изменил историю. Я спас «Теспис», а сделав это, каким-то образом уничтожил все достижения Джона в области темпорального переноса и помог Белле Абзут выиграть предварительные выборы от демократической партии.

Что еще? Миллионы мелких перемен, происшедших с миллионами людей, о которых мне и не суждено узнать? Если бы у меня был «Таймс» за этот же день из моего мира и я смог бы сравнить его с этим номером, то наверняка нашел бы самые разные несоответствия.

А если это так, то что стало с моей собственной жизнью?

Я чувствовал себя совершенно таким же, как и прежде. Я помнил свою жизнь такой, какой она была в другом мире, в ином временном измерении. Моя собственная жизнь. В этой у меня могли быть дети. Мой отец, возможно, еще жив. А вдруг я безработный?

И тогда я вспомнил про свою почту и понял, что она мне просто необходима. Я позвонил, чтобы пришла медсестра, и

попросил ее снова связаться с Джоном Сильвой. Он должен был принести мне мою почту. У него был ключ к моей квартире. (Так ли это здесь, в этом временном континууме?) В особенности мне нужны были письма от Мэри.

Джон не пришел, а через некоторое время после обеда меня навестил доктор. Он не стал меня осматривать, а с задумчивым видом уселся на стул.

— Мистер Сильва, — заговорил наконец доктор, — рассказал мне, что вам кажется, будто пьеса «Теспис» была утеряна.

Я снова насторожился. Им не удастся запрятать меня в сумасшедший дом.

— Вы поклонник творчества Гилберта и Салливана, доктор?

— Нет, не поклонник, однако я видел несколько оперетт, включая и «Теспис», около года назад. А вы знакомы с этой опереттой?

— Да. — Я кивнул и принялся тихонько напевать соло Меркурия; пожалуй, не стоит говорить ему, что я присутствовал на спектакле «Теспис» в Лондоне в 1871 году.

— В таком случае вы не считаете, что партитура пропала? — спросил доктор.

— Очевидно, нет, поскольку мне она знакома.

Это его озадачило. Он откашлялся и попытался зайти с другой стороны.

— Мне кажется, мистер Сильва думает, будто вы считаете, что побывали в прошлом...

Я чувствовал себя матадором, который сражается с быком. Мне это почти нравилось.

— Это наша с ним шутка, личная, — пояснил я доктору.

— Шутка?

— Мистер Сильва и я частенько обсуждали путешествия во времени.

— И все же, — продолжал доктор, в голосе которого зазвучало вселенское терпение, — именно по этому поводу вы решили с ним пошутить? Вы заявили ему, что ноты «Теспис» утеряны?

— А почему бы и нет?

— У вас есть какая-нибудь уважительная причина желать, чтобы ее вовсе не существовало на свете?

— Нет, естественно, нет.

Доктор снова задумчиво на меня поглядел:

— Вы сказали, что видели «Теспис». Когда это было?

— Мне трудно вспомнить точно, — пожав плечами, ответил я. — А очень нужно?

— Может быть, год назад, в декабре?

— Именно тогда вы видели оперетту, доктор?

— Да.

— Вполне возможно, что это было в декабре прошлого года.

— День был просто отвратительным, — проговорил доктор. — Когда я ходил на спектакль. Ледяной дождь. Вспоминаете?

Неужели он пытается поймать меня в ловушку? Если я сделаю вид, что вспомнил, окажутся ли его слова полнейшей чепухой?

— Доктор, — сказал я, — понятно, что я не совсем здоров, и не стану делать вид, что припоминаю все до мельчайших подробностей. А что приходит на память вам? — Я перекинул мяч на его сторону поля.

— В тот день в театре свободных мест не было, несмотря на погоду, — проговорил доктор. — Многие пришли на спектакль только потому, что играли «Теспис». Эту пьесу ставят редко, и потому мало кто с ней знаком. Единственная причина, по которой я тоже отправился в театр. Если бы партитура «Теспис» пропала и если бы речь шла о какой-нибудь другой пьесе, я бы и вовсе остался дома. Именно поэтому, придя в сознание, вы сказали мистеру Сильве, что музыки не существует?

— В каком смысле?

— Что в этом случае вы тоже не стали бы выходить на улицу?

— Я вас не понимаю.

— Вы же попали в автомобильную катастрофу, сэр.

— И потому я здесь? Вы это хотите сказать? — Я сердито на него уставился.

— Нет, сэр. Ведь мы говорим о событиях годичной давности. Речь идет о вашей жене.

Когда я услышал его слова, у меня возникло ощущение, что кто-то вонзил острый клинок прямо мне в сердце. Я попытался приподняться, опираясь на локоть, но рядом оказалась медсестра и заставила меня снова опуститься на постель. Я не заметил, когда она вошла.

— Вы помните? — спросил доктор.

Что я должен был помнить? Что могло быть самым худшим?

— Моя жена погибла?

Скажи, что это не так. Пожалуйста, скажи, что я ошибся...

Однако доктор немного расслабился, вздохнул и произнес:

— Значит, вы все-таки помните.

Я перестал сражаться. В их истории было одно непонятное мне место.

— В таком случае почему я в больнице? Отвечайте!

— Значит, вы не помните?

— Скажите.

Он собирался заставить меня посмотреть реальности в глаза. Его реальности. Реальности этого временного пути. Я ждал, что он скажет.

— С того самого момента вы находитесь в состоянии депрессии. Вы пытались совершить самоубийство. Мы вас спасли. И постараемся вам помочь, — пообещал он.

Я не шевелился. Молчал. Разве кто-нибудь в состоянии мне помочь?

Мне удалось изменить историю. Но я не могу вернуться назад.

Я получил «Теспис».

И потерял Мэри.

ДЛЯ ПТИЦ

В 1978 году некий французский журнал мог решил подготовить выпуск для рынка США, и его американский редактор попросил меня написать рассказ, где фигурировал бы модельер.

На самом деле все, что я знаю о модельерах — да и вообще об одежде, — можно взять и засунуть между клавиш пишущей машинки, ничуть не затруднив им работу. Но сумму мне предложили весьма заманчивую, да и вообще это был вызов моим писательским способностям, поэтому в ноябре семьдесят восьмого я написал рассказ «Для птиц», получил обещанный гонорар и предвкушал уже чувство новизны, которое я испытаю, увидев свою фамилию в журнале мог.

Увы, меня ужасно разочаровали — по до сих пор неизвестной мне причине французские издатели отказались от своего намерения. (А если кто-то из вас, умники, сейчас сочинил некую теорию на этот счет, то хочу сообщить: редактор заверил меня, что мой рассказ не имел никакого отношения к принятому решению.)

Так или иначе, я направил рассказ Джорджу Скизерсу, и он был опубликован в майском номере журнала Азимова.

Чарльзу Модайну было уже около сорока, и он отличался отменным здоровьем, однако, несмотря на это, ни разу не бывал в космосе. Чарльз, конечно же, видел космические станции по телевизору и время от времени читал про них в газетах и журналах, но не более того.

For the Birds

© 1980 by Isaac Asimov

Для птиц

© В Гольдич, И. Оганесова, перевод, 1997

По правде говоря, космос его совершенно не интересовал. Он родился на Земле, и Земли ему было вполне достаточно. Когда ему хотелось переменить обстановку, Чарльз отправлялся на море, потому что был заядлым и весьма умелым моряком.

Поэтому он испытал настоящее отвращение, когда представитель Корпорации космических поселений сообщила, что для выполнения заказанной ему работы Чарльзу придется покинуть Землю.

— Послушайте, — заявил Модайн, — я не имею к космосу никакого отношения. Я занимаюсь тем, что моделирую одежду. Мне ничего не известно про ракеты, ускорение, траектории и тому подобные вещи.

— Зато мы в этом отлично разбираемся. Так что не беспокойтесь, — ответила его собеседница.

Ее звали Найоми Баранова, и у нее была необычная походка — походка человека, который провел в космосе так много времени, что не очень понимает, какой в данный момент является сила тяготения в том месте, где он находится.

Одежда, с раздражением заметил Модайн, служила Барановой лишь для того, чтобы прикрывать наготу — и ни для каких других целей. Видимо, эта женщина прекрасно чувствовала бы себя в какой-нибудь бесформенной брезентовой накидке.

— А зачем мне отправляться на эту станцию? — поинтересовался он.

— Из-за вашей профессии. Мы хотим, чтобы вы для нас кое-что сконструировали.

— Одежду?

— Крылья.

Модайн задумался. Его большой бледный лоб всегда слегка розовел, когда модельер предавался размышлениям, — по крайней мере так ему говорили. На этот раз если он и покраснел, то во многом потому, что Чарльз разозлился.

— А разве здесь я этого сделать не смогу?

Баранова твердо и уверенно покачала головой. У нее были темные, чуть рыжеватые волосы с проблесками седины, и казалось, ее это совершенно не беспокоило.

— Мы хотим, чтобы вы поняли нашу ситуацию, мистер Модайн, — сказала она. — Мы обратились к специалистам компьютерщикам, и они создали для нас самые лучшие крылья, какие только смогли построить — так они говорят. Они приняли в рассмотрение натяжение и качество материалов, их эластичность, общую маневренность и... в общем, самые разные аспекты. Однако ничего не получилось. Мы подумали, что, может быть, несколько оборочек...

— Оборочек, мисс Баранова?

— Ну, что-нибудь в дополнение к техническому совершенству. Нечто, могущее вызвать интерес. Иначе наша космическая станция не выживет. Именно поэтому я и хочу, чтобы вы лично там побывали; вы должны на месте оценить ситуацию. Мы готовы заплатить вам очень большие деньги.

Обещанное солидное вознаграждение и немалый гонорар, который Модайн должен был получить, даже если бы потерпел неудачу, заставили его решиться на космическое путешествие. Нельзя сказать, чтобы он любил деньги больше, чем обычные люди, но и равнодушным к ним не был, а еще ему нравилось, что его работа высоко ценится.

По правде говоря, все получилось совсем не так плохо, как он ожидал. В самом начале эры космических путешествий пассажиры на короткое время становились жертвами ускорения, а потом вынуждены были мучиться от тесноты и неудобств в крошечных модульных отсеках. Постепенно сложилось, что живущие на Земле люди по-прежнему именно так и представляли себе передвижение в космическом пространстве. Однако со времени первых кораблей прошло целое столетие, нынешние шаттлы были максимально удобны, а гидравлические сиденья поглощали ускорение так же незаметно, как ловкая хозяйка вытирает пролитый нечаянно кофе.

Модайн все время в пути изучал фотографии крыльев в действии и просматривал голографические видеопленки.

— Они это делают очень грациозно, — заявил он.

— Вы смотрите на специалистов, спортсменов. — Найоми Баранова грустно улыбнулась. — Если бы вы увидели, как я пытаюсь справиться с крыльями, как меня мотает из стороны в сторону и я постоянно падаю — боюсь, вы бы на славу повеселились. И это при том, что я еще не самая худшая ученица.

Шаттл приближался к Пятой космической станции. Официально она именовалась Куколка, но все называли ее Пятой.

— Кажется, должно быть как раз наоборот, — заметила Баранова, — но это место не навеивает никаких высоких или романтических мыслей. Вот в чем наша главная проблема. Здешнее поселение не стало домом для тех, кто к нам приехал; люди просто делают свою работу, и мы не можем убедить их привезти сюда семьи и обосноваться как следует. Пока они не станут относиться к Пятой как к дому...

Далеко впереди Модайн заметил небольшую сферу. Пятая космическая станция выглядела совсем так же, как в телевизионных передачах о ней, которые Чарльз видел на Земле.

Модайн, конечно же, знал, что станция на самом деле гораздо больше, чем кажется, но был совершенно не готов к тому, как быстро начала расти сфера на обзорных экранах. Корабль да и сам он казались крошечными и становились все меньше и меньше по мере того, как шаттл приближался, а потом начал медленно кружить над громадным объектом из стекла и алюминия.

Модайн долго не отводил глаз от экранов, пока не сообразил, что они по-прежнему висят над станцией.

— А мы разве не сядем? — спросил он тогда.

— Все не так просто, — ответила Баранова. — Пятая оборачивается вокруг своей оси за две минуты. Благодаря этому возникает центробежная сила, которая прижимает все содержимое станции к внутренним стенам и создает искусственное тяготение. Прежде чем приземлиться, нам следует набрать необходимую скорость, а это требует времени.

— Неужели она должна так быстро вращаться?

— Да, для того, чтобы центробежная сила воссоздала земную силу тяжести. Это главная проблема. Было бы гораздо лучше, если бы мы могли воспользоваться медленным вращением, но тут приходится учитывать человеческую физиологию. Возникшее тяготение тогда было бы в десять раз меньше, а люди не могут долго выносить низкую силу тяжести.

Скорость корабля почти достигла скорости вращения Пятой. Модайн ясно видел изгиб внешнего зеркала, которое собирало солнечные лучи и освещало поселение. Он даже разглядел солнечную электростанцию, обеспечивавшую Пятую энергией, которой хватало еще и для отправки на Землю.

Наконец они оказались возле одного из полюсов сферы, а через некоторое время и вовсе прибыли на место.

Модайн провел на Пятой целый день и устал — неожиданно для себя он понял, что ему здесь нравится.

Они сидели в удобных, плетеных креслах, расставленных на поросшей травой лужайке. Над головой плыли облака, и хотя солнца не было видно, явно ощущалось тепло его лучей, дул легкий ветерок, а вдалеке виднелась небольшая речушка.

Трудно было поверить, что он находится в сфере, парящей в космическом пространстве на орбите Луны, с периодом обращения вокруг Земли в один месяц.

— Очень похоже на настоящую планету!

— Так всегда кажется вначале, — сказала Баранова — Через некоторое время вы обнаружите, что вам известен каждый уголок, здесь все ужасно одинаковое.

— Если ты постоянно живешь в каком-нибудь одном городе на Земле, там тоже все одинаковое, — проговорил Модайн.

— Да, я знаю. Но на Земле можно отправиться путешествовать, стоит тебе только захотеть. И даже если ты этого не делаешь, то знаешь, что это возможно. А здесь — нет. Создается неприятная ситуация; однако это не самое худшее.

— Зато вы не страдаете от определенных неудобств, которым подвержены жители Земли, — напомнил ей Модайн. — Например, я уверен, что вам незнакомы перепады погоды.

— Знаете, мистер Модайн, погода у нас действительно райская, только к этому привыкаешь. Давайте я вам кое-что покажу. Вот смотрите, я держу в руках мяч. Вы можете подбросить его вверх, а потом поймать?

— Вы серьезно? — Модайн улыбнулся.

— Абсолютно. Пожалуйста, попробуйте.

— Я плохо умею играть в мяч, — проговорил Модайн, — но не сомневаюсь, что уж бросить я его смогу. Возможно, даже сумею поймать, когда он будет падать.

Он подбросил мяч вверх. Мяч полетел по странной параболической траектории, Модайн метнулся вперед, а потом побежал, но схватить мяч ему не удалось.

— Вы бросили его не вертикально, мистер Модайн, — сказала Баранова.

— Нет, вертикально, — задыхаясь, возразил Модайн.

— По земным стандартам, — сказала Баранова. — Сложность в том, что у нас действует кориолисово ускорение — так мы его называем. Здесь, на внутренней поверхности Пятой мы двигаемся довольно быстро относительно оси, по большому кругу. Если вы бросаете мяч вверх, он приближается к оси, в ту область, где все предметы двигаются медленнее и по меньшему кругу. Однако мяч сохраняет первоначальную скорость, поэтому он устремляется вперед, а вы не можете его поймать. Если вы хотите до него добраться, его нужно бросить вверх и назад, и тогда он к вам вернется, как бумеранг. Движение на Пятой подчиняется иным законам, чем на Земле.

— Полагаю, к этому со временем привыкаешь, — задумчиво проговорил Модайн.

— До конца — нет. Мы живем в экваториальном районе нашей маленькой сферы. Тут все движется быстрее и возникает ощущение нормальной силы тяготения. Вверху же, ближе к оси, или у полюсов, эта сила быстро уменьшается. Мы частенько бываем в тех районах, и нам каждый раз приходится помнить про кориолисово ускорение. У нас есть монорельсовые дороги, которые идут по спирали по направлению к обоим полюсам; находясь в пути, ощущаешь постоянный наклон в одну сторону.

Нужно довольно много времени, чтобы к этому привыкнуть, некоторым это так и не удается. Поэтому никому здесь жить не нравится.

— А вы можете каким-нибудь образом воздействовать на эффект искривления?

— Если замедлить вращение, то можно повлиять и на корiolисово ускорение, но тогда сила тяготения станет меньше, а этого-то как раз и нельзя делать.

— Плохо и так, и этак.

— Не совсем. Мы могли бы приспособиться к меньшей силе тяжести, если бы тренировались — каждый день в течение довольно продолжительного периода времени. А такие тренировки должны доставлять удовольствие. Люди не станут ежедневно заниматься гимнастикой, которая наводит тоску и заставляет их прикладывать серьезные усилия. Поэтому мы подумали, что нашу проблему могли бы решить полеты. В районах с низкой гравитацией, возле полюсов, люди становятся почти невесомыми. Так и кажется, что стоит немного помахать руками — и поднимаешься в воздух. Если к каждой руке приделать легкие пластмассовые крылья, закрепленные гибкими стержнями, если эти крылья складывать и раскрывать, следуя определенному ритму, люди смогут летать, как птицы.

— А это сойдет за необходимое физическое упражнение?

— Конечно. Могу вас уверить, что летать очень трудно. Мышцы рук и плеч мало делают для того, чтобы вы оставались в воздухе, но они должны находиться в постоянном движении для маневрирования. И если подобными упражнениями заниматься регулярно, они поддерживают мышцы в тонусе и укрепляют кости. Но люди не желают летать.

— Я думал, они делают это с удовольствием.

— Так и было бы, — фыркнула Баранова, — если бы не приходилось прикладывать столько усилий. Проблема в том, что для равномерного, уверенного полета требуется умелая координация движений. Малейшая ошибка приводит к тому, что ты начинаешь падать, болтаться из стороны в сторону, и, естественно, тебя ужасно тошнит. Совсем немногим удастся красиво и грациозно летать — вы видели подобных людей на голокассетах.

— Птицы не страдают морской болезнью.

— Птицы летают над полями, где действуют нормальные законы тяготения. В отличие от людей на Пятой.

Модайн нахмурился и погрузился в размышления.

— Не могу обещать вам, что вы хорошо выспитесь, — проговорила Баранова. — Первые ночи на станции многим доставляют серьезные неудобства. Однако я все же попрошу вас поста-

раться как следует отдохнуть, потому что завтра мы отправляемся в районы, где проводятся полеты на крыльях.

Модайн довольно быстро понял, что имела в виду Баранова, когда говорила, что кориолисово ускорение может быть весьма неприятным. Маленький вагончик, который вез их по монорельсовой дороге в сторону полюса, казалось, все время соскальзывал влево, и у Чарльза постоянно возникало ощущение, будто то же самое проделывают и его внутренности. Он с такой силой впился в поручни, что костяшки его пальцев побелели.

— Мне очень жаль, — проговорила Баранова, — если бы мы ехали медленнее, вы бы чувствовали себя не так отвратительно, но мы вынуждены придерживаться графика движения.

— А вы к этому уже привыкли? — простонал Модайн.

— До некоторой степени. Но не до конца.

Он был счастлив, когда они в конце концов остановились; впрочем, радость его продолжалась совсем недолго. Модайну потребовалось некоторое время, чтобы приспособиться к ощущению, что он будто бы парит в воздухе. Каждый раз, когда модельер пытался сделать какое-нибудь движение, он спотыкался, но не падал, а медленно уплывал вперед или вверх, а потом постепенно возвращался на прежнее место. А когда он чисто инстинктивно начинал дергать ногами, становилось еще хуже.

Баранова предоставила ему возможность некоторое время самостоятельно справляться с непривычной ситуацией, потом догнала и медленно отвела назад.

— Некоторым это нравится, — сказала она.

— Лично мне — нет, — печально сообщил ей Чарльз Модайн.

— А многим не нравится. Пожалуйста, вставьте ноги вот в эти скобы в земле и не делайте резких движений.

Модайн увидел в небе пятерых летателей.

— Эти пятеро птиц бывают здесь почти каждый день, — сообщила Баранова. — Несколько сотен приезжают время от времени. На полюсах и на оси вращения мы можем разместить около пяти тысяч человек одновременно. А почему бы нам не использовать все пространство Пятой для того, чтобы поддерживать ее персонал — все тридцать тысяч человек — в хорошей физической форме? Только вот как это сделать?

Модайн махнул рукой, и его тело тут же качнулось назад.

— Те, кто сейчас в небе... они ведь научились летать. Они же не родились птицами. Значит, другие тоже смогут.

— У этих пятерых исключительная координация движений — врожденная.

— В таком случае как я-то могу оказаться вам полезным? Я кутюрье. Я не создаю врожденной координации движений.

— Отсутствие врожденной координации не является непреодолимым препятствием. Это только означает, что тренироваться нужно дольше и сил приложить больше. Не существует ли какого-нибудь способа... не могли бы вы сделать этот процесс более... ну, модным, что ли? Может быть, вы придумаете какой-нибудь особенный летательный костюм для упражнений; или у вас есть идеи насчет того, как, используя психологию, заманить людей на тренировки? Если бы нам удалось создать настоящие программы и персонал станции стал бы с удовольствием заниматься физическими упражнениями, тогда можно было бы замедлить вращение Пятой, ослабить кориолисово ускорение. Мы надеемся, что в этом случае Пятая наконец стала бы домом для тех, кто здесь живет.

— По-моему, вы хотите, чтобы я совершил чудо!.. А нельзя ли попросить их подлететь поближе?

Баранова помахала рукой, одна из птиц ее заметила и грациозно поплыла вниз. Молодая женщина. Улыбаясь, она повисла футаж в десяти над землей, кончики ее крыльев немного подрагивали.

— Привет! — крикнула она. — Что случилось?

— Ничего особенного, — ответила ей Баранова. — Мой друг хочет посмотреть, как ты управляешь крыльями. Покажи их в работе.

Женщина снова улыбнулась и, повернув сначала одно крыло, а потом и другое, сделала сальто. Выпрямилась, замерла на месте, отведя оба крыла назад, начала подниматься, медленно шевеля крыльями. Постепенно крылья задвигались быстрее, а через мгновение женщина скрылась из виду.

— Чем-то похоже на балет, — через некоторое время проговорил Модайн. — Только крылья ужасно уродливы.

— Правда? Вы так считаете?

— Конечно, — сказал Модайн. — Похожи на крылья летучей мыши. Возникают ненужные ассоциации.

— Так скажите нам, что нужно сделать? Может, украсить их перьями? И тогда все захотят научиться летать и станут, не жалея сил, тренироваться?

— Нет. — Модайн задумался. — Возможно, нам удастся облегчить сам процесс.

Он вытащил ноги из скоб, немного оттолкнулся и поплыл в воздухе. Затем пошевелил руками и ногами, чтобы посмотреть,

что из этого получится, и его тело как-то странно накренилось. Он попытался вернуться к скобам, и Баранова, протянув руку, помогла ему.

— Послушайте, — проговорил Модайн. — Я кое-что сконструирую, а если кто-нибудь сможет претворить мои чертежи в жизнь, я сам попробую взлететь. Я никогда ничего подобного не делал; вы же только что видели, как я попытался оторваться от земли и чуть-чуть подняться в воздух — у меня ничего не вышло. Так вот, если из моей идеи что-нибудь получится и если я смогу летать, значит, любой будет в состоянии сделать это.

— Наверное, мистер Модайн. — В голосе Барановой сомнения смешались с надеждой.

К концу недели Чарльз Модайн начал привыкать к Пятой космической станции. Когда он находился на земле в экваториальных районах, где действовала привычная для него сила тяготения, он забывал о кориолисовом ускорении, потому что здесь станция почти ничем не отличалась от Земли.

— В самый первый раз, — сказал модельер, — я бы не хотел, чтобы на меня смотрело все население Пятой — реализовать мою идею может оказаться труднее, чем я предполагаю. Будет обидно, если она провалится с самого начала. Однако официальные лица пусть присутствуют на испытаниях — на случай, если у меня все получится.

— Мне кажется, следует испробовать вашу модель без свидетелей, — проговорила Баранова. — Неудача во время первого полета, какими бы ни были причины...

— Зато успех будет таким впечатляющим!

— А каковы шансы на успех? Если серьезно?

— Весьма солидные, мисс Баранова. Поверьте мне. Вы все делали неправильно. Вы поднимаетесь в воздух, пытаетесь подражать птицам — а это очень трудно. Ваши летатели вынуждены учитывать отсутствие силы тяготения — следовательно, подходить к решению проблемы нужно было с другого конца.

Температура воздуха, как и всегда, была отрегулирована. И влажность тоже. И скорость ветра. Атмосферные условия были настолько безупречными, что о них и не думалось. И все же лоб Модайна покрылся испариной — он волновался, словно актер перед выходом на сцену. И тяжело дышал. В районах, где отсутствовала гравитация, воздух был более разреженным, чем на экваторе — не намного, но тем не менее Модайну его явно не хватало, так отчаянно колотилось его сердце.

Летателей в воздухе не было; зрителей собралось совсем мало — Координатор, министр здравоохранения, представитель службы безопасности и кое-кто еще из официальных лиц. Всего присутствовало около дюжины мужчин и женщин. Модайн был знаком только с Барановой.

У него был небольшой микрофон, и Модайн постарался говорить так, чтобы не дрожал голос.

— Мы здесь летаем без поддержки силы тяготения, — начал он. — Пример птиц, да и летучих мышей в данном случае нам совершенно бесполезен. Они-то обитают в местах, где гравитация есть. В море все по-другому. В море сила тяготения практически отсутствует, и там нас поднимает на поверхность плавучесть. Когда мы летаем в воде, где нет гравитации, мы называем это плаванием. На Пятой космической станции, в районах, где не действует сила тяготения, воздух отлично годится для плавания. Нам следует подражать дельфинам, а не орлам.

Произнеся эти слова, он поднялся в воздух. На нем был изящный комбинезон, который, с одной стороны, не обтягивал фигуру плотно, но и не висел на ней, точно балахон. Модайн начал мгновенно падать, но стоило ему вытянуть одну руку вперед, как тут же заработал небольшой газовый приборчик, и у него на спине появился изогнутый плавник, а на животе возникло что-то вроде маленького кия.

Он перестал падать.

— Без силы тяготения, — продолжал объяснять кутюрье, — этого достаточно для того, чтобы стабилизировать полет. Вы сможете делать повороты и наклоняться в ту сторону, в какую захотите, причем будете постоянно контролировать свое движение. Я это делаю первый раз, и у меня не очень хорошо получается, но научиться совсем не трудно.

Он вытянул вперед другую руку, на ногах и на локтях раскрылись плавательные перепонки.

— Они нужны, — сказал Модайн, — для возникновения движущей силы. Нет никакой необходимости размахивать конечностями, достаточно тихонько пошевелить руками или ногами, но, если вы захотите сделать разворот, нужно наклониться и выгнуть шею. А потом повернуться и изменить угол, под которым вы держите ноги и руки. В данном физическом упражнении задействовано все тело, но мягко и ненавязчиво. Это очень хорошо, потому что работают все мышцы, однако вы можете часами, не уставая, парить в воздухе.

Теперь он почувствовал, что двигается гораздо увереннее и грациознее — и быстрее. Он взмыл вверх. Мимо пронеслись потоки воздуха, и Модайн вдруг запаниковал, опасаясь, что не

сможет замедлить своего полета. Потом — почти интуитивно — пошевелил пятками и локтями, начал разворачиваться, а вскоре и замедлил ход.

Смутно — сердце так гулко билось в груди — Чарльз Модайн услышал взрыв аплодисментов.

— Как вы догадались о такой возможности, ведь нашим специалистам подобная идея даже и в голову не приходила? — с восхищением в голосе спросила Баранова.

— Потому что они начали с вполне очевидного предположения, что для решения проблемы нужно воспользоваться крыльями, их сбили с толку птицы, самолеты и все такое. Они действительно построили самые лучшие искусственные крылья, какие только могли. Это работа технаря. А вот подход модного кутюрье — посмотреть на проблему с художественной точки зрения как на единое целое.

— Мы начнем выпускать костюмы дельфинов, и очень скоро население станции поднимется в воздух. Теперь я уверена, что нам будет сопутствовать успех. И тогда мы всерьез задумаемся, как лучше замедлить вращение Пятой станции, — радостно проговорила Баранова.

— Или вообще ее остановить, — вставил Модайн. — Я подозреваю, что в скором времени все жители станции станут с удовольствием плавать. — Он рассмеялся. — Может быть, они больше совсем не захотят пользоваться ногами. Лично я так бы и поступил.

Ему выписали солидный чек, как и обещали, и Модайн, улыбнувшийся при виде суммы, сказал:

— Крылья — для птиц.

НАШЛИ!

Компьютер-Два, как и три другие, которые сидели друг у друга на хвосте, гоняя по орбите вокруг Земли, был гораздо больше, чем требовалось.

Будь он и в десять раз меньше в диаметре, его объема вполне хватило бы для складирования всей накопленной и накапливаемой информации, необходимой для слежения за космическими полетами.

Дополнительное пространство, однако, нужно было для того, чтобы, если понадобится, туда могли войти мы с Джо. И нам понадобилось.

Компьютер-Два вполне мог позаботиться о себе сам. В нормальных, разумеется, условиях. Он обладал дублирующей системой. Все задачи он решал параллельно трижды, причем все три программы должны были быть идеально совместимы, а все три результата должны были точно соответствовать друг другу. Если же они в чем-то не сходились, ответ задерживался на несколько наносекунд, пока Компьютер-Два проверял себя, находил неисправный блок и заменял его.

Обыкновенные люди никогда не знали наверняка, сколько раз он ловил себя. Возможно, ни разу. А может, и по два раза на день. Задержку, вызванную ошибкой, мог изменить лишь Центральный Компьютер, и лишь Центральный Компьютер знал, сколько блоков пошло на замену. Но Центральный Компьютер никогда об этом не распространялся. Ведь единственная достойная репутация — это безупречность.

Found!

© 1978 by Isaac Asimov

Нашли!

© В Постников, перевод, 1991

А Компьютер-Два действительно был безупречен. До сих пор нас с Джо ни разу к нему не вызвали.

Мы с Джо — аварийные наладчики. Мы появляемся там, где случается настоящая беда, когда Компьютер-Два или какой-то другой не в состоянии сам себя скорректировать. За те пять лет, что мы занимаемся этим делом, такого еще не случалось. Такое иногда случалось в прежние времена, но это было еще до нас.

Мы — практики. Не поймите меня неправильно. Не найдется компьютера, которому мы с Джо не могли бы поставить диагноз. Назовите нам ошибку, и мы назовем вам причину неисправности. Во всяком случае, Джо назовет. Я не из тех, кто сам себя хвалит. Факты говорят сами за себя.

И все же на этот раз ни один из нас не сумел поставить правильный диагноз.

Прежде всего, на Компьютере-Два резко упало внутреннее давление. Факт, безусловно, не беспрецедентный, и это, безусловно, не фатально. В конце концов, Компьютер-Два может работать и в условиях вакуума. В былые времена, когда предполагалось, что Компьютер-Два постоянно будет сопровождать наладчики, на нем была создана внутренняя атмосфера. И она так и поддерживалась по традиции. Кто это сказал, будто ученые не скованы цепями традиций? В свободное от ученых занятий время они ведь тоже люди.

Судя по степени снижения давления, сделали вывод, что в Компьютер-Два угодило метеорное тело размером с кусочек гравия. О его точном радиусе, массе и энергии сообщил сам Компьютер-Два, взяв в качестве расчетных данных скорость падения давления и ряд других отклонений.

Более того, пробоина так и осталась незаделанной, а атмосфера — невозстановленной. После чего Компьютер-Два стал лепить ошибку за ошибкой, и тут уже пригласили нас.

Ситуация казалась совершенно необъяснимой. Простецкое лицо Джо искажилось страдальческим выражением, и он сказал:

— Да тут, наверное, наберется целая дюжина неполадок.

— Вполне вероятно, этот кусок гравия срикошетил, — заметил кто-то из находившихся на Центральном Компьютере.

— При такой энергии на входе он бы прошел насквозь, — возразил Джо. — Никаких рикошетов. Даже при рикошетах, я полагаю, компьютер получил бы несколько малоприятных ударов.

— Ну и что же нам теперь делать?

Вид у Джо был явно обеспокоенный. Наверное, именно в тот момент до него дошло, что нам предстоит. Вопрос не оставлял сомнений в том, что наладчики должны явиться на место происшествия, — а Джо никогда еще не бывал в космосе. Он говорил мне 2х раз — причем этот «х» представляет собой довольно большое число, — что согласился на эту работу лишь потому, что ему никогда не придется летать в космос.

Поэтому я ответила за него:

— Придется нам подниматься.

Единственным выходом для Джо было бы заявить, что вряд ли он справится с работой, и мне представилась возможность понаблюдать, как гордость в нем постепенно выступает вперед, опережая малодушие. Не так уж и намного, вы понимаете, — скажем, всего лишь на нос. Хочу напомнить тем, кто не бывал на космических кораблях последние пятнадцать лет — думаю Джо здесь не исключение, — что единственная неприятная штука — это начальное ускорение. Его, разумеется, не избежать.

Зато потом — сущие пустяки, если не считать возможной скуки. Вы превращаетесь в обыкновенного зрителя. Космический корабль полностью автоматизирован и компьютеризирован. Романтические времена пилотируемых космических полетов навсегда ушли в прошлое. Мне представляется, они возвратятся на время, когда наши космические поселения начнут перемещаться к астероидному поясу, о чем постоянно твердят, — да и то лишь до тех пор, пока на орбите не появятся дополнительные компьютеры, чтобы обеспечить необходимые добавочные вычислительные мощности.

Во время ускорения Джо затаил дыхание — во всяком случае так казалось. (Должна признаться, я и сама чувствовала себя не особенно уютно. Это был лишь мой третий космический полет. Я пару раз в отпуск летала с мужем в поселение Роу, вот и весь мой опыт.) Потом Джо немного полегчало, но лишь на время. Вскоре он снова помрачнел.

— Надеюсь, эта штукавина хоть знает, куда летит, — раздраженно произнес он.

Я протянула руки, ладонями вверх, и почувствовала, как мой корпус слегка откачнулся в поле нулевой гравитации.

— Ты же, — сказала я, — специалист по компьютерам. Разве ты сам не знаешь, что он знает?

— Разумеется, но ведь Компьютер-Два вышел из строя.

— Не он же нас ведет, — объяснила я — Есть три других. Даже если бы работал всего один, он запросто обеспечил бы все космические полеты, предпринимаемые в обычный день.

— Могут выйти из строя все четыре. Если Компьютер-Два ошибается, почему его примеру не могут последовать другие?

— Тогда мы перейдем на ручное управление.

— Я полагаю, этим будешь заниматься ты. Ты ведь знаешь, как с ним управляться, — или нет?

— Да уж придется.

— Помилуй, Бог, — простонал он.

На самом же деле полет проходил нормально. Мы благополучно неслись к Компьютеру-Два, и не прошло и двух суток после взлета, как нас поставили на орбитальную парковку метрах в десяти за ним.

Не все, однако, шло столь гладко. Примерно через двадцать часов после взлета мы получили сообщение с Земли, что и на Компьютере-Три тоже падает внутреннее давление. То, что поразило Компьютер-Два, собиралось поразить и остальные, а когда все четыре компьютера выйдут из строя, космические полеты прекратятся. Их, разумеется, можно было бы перевести на ручное управление, но на это уйдет по меньшей мере несколько месяцев, если не лет, не говоря уже о том, что это грозит серьезными экономическими катастрофами на Земле. Самое же страшное заключалось в том, что несколько тысяч человек, находящихся в космосе, наверняка погибнут.

Думать об этом было невыносимо, и ни я, ни Джо об этом не говорили, но настроение у Джо несколько не улучшалось и, что греха таить, у меня тоже.

Земля висела за двести тысяч километров под нами, только Джо волновало не это. Он был занят своим крепезным тросом и реактивным пистолетом. Он хотел быть уверен, что доберется до Компьютера-Два и потом благополучно вернется на корабль.

Бы бы удивились, если никогда этого не пробовали, до чего трудно передвигаться в открытом космосе. Не сказала бы, что нам далось это так уж просто, и половину топлива мы израсходовали впустую, пока наконец-то не добрались до Компьютера-Два. Мы едва не ударились, причаливая к нему. (Разумеется, звук удара слышно даже в вакууме, поскольку вибрация распространяется по металлоидной ткани скафандра, но удара почти не было — так, какой-то шелест.)

Понятное дело, наше столкновение с Компьютером-Два и сообщенный нами импульс слегка изменили его орбиту, зато мы почти не израсходовали топлива, так что особенно не переживали. Орбиту исправил Компьютер-Два, ибо, насколько мы могли судить, с ним не произошло ничего такого, что как-то отразилось бы на его внешней деятельности.

Естественно, прежде всего мы осмотрели все снаружи. Была исключительно велика вероятность того, что небольшой кусочек гравия прошел Компьютер-Два насквозь и оставил дырочку. Скорее всего даже две дырочки — одну на входе, а другую на выходе.

Вероятность подобного происхождения — одна двухмиллионная на любой данный день, то есть это может иметь место раз в шесть тысяч лет. Маловероятно, как понимаете, но все же возможно. Вероятность же того, что в какой-то день в него может угодить метеорное тело, достаточно большое, чтобы его разрушить, вообще ничтожно мала.

Я не упомянула об этом, чтобы Джо, чего доброго, не подумал, что и нам грозит подобная опасность. Право же, такой удар нанес бы гораздо больший ущерб нашим мягким и нежным телам, нежели стойкой и крепкой машине, и мне не хотелось, чтобы Джо еще больше нервничал.

Однако это оказалось не метеорное тело.

— Что это? — спросил наконец Джо.

На корпусе Компьютера-Два торчал небольшой цилиндр — первая аномалия, которую мы обнаружили в его внешнем виде. Цилиндр примерно полсантиметра в диаметре и сантиметров шесть в длину. Ни дать ни взять сигарета — сравнение, понятное любому, кто еще не избавился от архаической привычки курения.

Мы вытащили свои фонарики.

— Эта штуковина — явно не внешний компонент, — сказала я.

— Разумеется, — буркнул Джо.

Вдоль цилиндрика, от одного конца до другого, бежал едва заметный спиральный след. Ничего больше. Что касается остального, он был явно металлический, но какой-то странной зернистой текстуры — по крайней мере на глаз.

— Сидит он неплотно, — сказал Джо и слегка коснулся цилиндрика толстым пальцем в рукавице. Тот поддался, отлепился от поверхности Компьютера-Два, и наши фонарики высветили отверстие.

— Вот почему давление внутри упало до нуля, — заметила я.

Джо что-то буркнул, надавил посильнее, и цилиндр отскочил совсем и поплыл, но мы его почти тут же поймали. На корпусе Компьютера-Два зияла совершенно круглая дырочка, с полсантиметра в диаметре.

Джо сказал:

— Эта штуковина, чем бы она ни была, всего лишь фольга.

Цилиндр легко уступал под его пальцами, его стенки были тонкими, но пружинистыми. Джо надавил посильнее, и на ци-

линдрике появилась вмятина. Джо положил его в карман, который застегнул на молнию.

— Обойди вокруг и посмотри, нет ли на корпусе еще чего-нибудь такого, — бросил он. — Я зайду внутрь.

С этим заданием я справилась быстро, затем тоже вошла внутрь.

— Корпус чист, — доложила я. — Эта штуковина — единственная. И дырочка единственная.

— Достаточно одной, — мрачно произнес Джо.

Он посмотрел на гладкую алюминиевую стену, где в свете фонарика четко обрисовывался черный кружочек.

Залатать отверстие не представляло особого труда. Несколько труднее оказалось восстановить атмосферу. Запас газообразующих веществ на Компьютере-Два был невелик, и блоки управления требовали ручной настройки. Солнечная батарея барахлила, но нам удалось включить свет.

Наконец мы сняли рукавицы и шлемы, но Джо осторожно положил рукавицы в шлем и надежно прикрепил все к одному из колец на скафандре.

— Надо держать их под рукой, а то вдруг давление снова станет падать, — кисло заметил он.

Я последовала его примеру.

На стене рядом с отверстием была какая-то отметина. Я обратила на нее внимание еще при свете фонарика, когда заделывала отверстие. Теперь, при свете ламп, ее стало отчетливо видно.

— Ты видишь, Джо? — спросила я.

— А как же.

На поверхности стенки была узкая вмятина, в общем-то не очень заметная, однако стоило провести по ней пальцем, как все сомнения рассеивались. Ее можно было разглядеть чуть ли не с метрового расстояния. Как будто кто-то соскреб очень тонкий слой металла на пробу, и поверхность стала явно не такой гладкой, как в любом другом месте.

— Пожалуй, нам лучше позвонить вниз, на Центральный Компьютер, — предложила я.

— Если ты имеешь в виду — на Землю, то так и скажи, — окрылся Джо. — Ненавижу это фальшивое космическое сюсюканье. И вообще мне ненавистно все, что связано с космосом. Вот почему я и выбрал работу на родине — я хочу сказать, на Земле, — во всяком случае до сих пор я так считал.

— Нам следует связаться с Центральным Компьютером на Земле, — терпеливо поправилась я.

— Для чего?

— Чтобы сообщить, что мы нашли неполадку.

— О-о?! И что же мы нашли?

— Дырочку. Помнишь?

— Представь себе, помню. И откуда же она взялась? Во всяком случае, не от метеорного тела. Сроду еще не видел, чтобы после него оставалось совершенно круглое отверстие без каких-либо следов прогиба или оплавления. Как не видел, чтобы после него оставался цилиндр, — он вытащил цилиндр из кармана на скафандре и задумчиво разгладил вмятину на тонком металле. — Ну, так откуда же взялась дырочка?

— Не знаю, — призналась я без колебаний.

— Если мы свяжемся с Центральным Компьютером, нам зададут тот же самый вопрос, а мы ответим, что не знаем, ну и чего мы этим добьемся, кроме бесплодного разбирательства?

— Если мы не выйдем на связь с ними, Джо, они сами свяжутся с нами.

— Ну конечно. А мы им не ответим, правда?

— Тогда они решат, что мы от чего-то погибли, Джо, и пошлют вверх спасательную команду.

— Ты же знаешь, какие они там, на Центральном Компьютере. Им понадобится два дня, чтобы решиться на это. К тому времени мы уже что-нибудь выясним, а уж тогда сами свяжемся с ними.

Внутреннее устройство Компьютера-Два не было рассчитано на проживание там людей. Зато оно предусматривало временное присутствие аварийных наладчиков. Это означает, что там должно было быть пространство для маневрирования, а также инструменты и запас продовольствия.

Кресел там, правда, не оказалось. Как не оказалось и гравитационного поля или хотя бы его центробежной имитации.

Мы оба плавали в воздухе, медленно дрейфуя туда и сюда. Иногда кто-то из нас касался стены и слегка отскакивал от нее. Или один сильно задевал другого.

— Не суй мне ногу в рот, — сказал Джо и с силой оттолкнул мою ногу.

И совершил ошибку, потому что мы оба завертелись волчком. Разумеется, нам так не казалось. Казалось, вращается интерьер Компьютера-Два, что было неприятней всего, и нам понадобилось какое-то время, чтобы снова обрести относительный покой. Теоретически-то мы здорово поднатаскались во время наземной подготовки, но нам не доставало практики. Очень не доставало.

Когда мы более или менее обрели покой, я ощутила неприятный приступ тошноты. Можете называть это тошнотой, или астро-

тошнотой, или космической болезнью, но, как бы вы ее ни называли, это была самая настоящая рвота, а в космосе это хуже, чем где-либо еще, потому что содержимое вашего желудка не опускается вниз. Оно плавает вокруг вас в виде облака из шаровидных частиц, а вам жуть как не хочется плавать вместе с ним. Поэтому мне пришлось сдержаться, сдержался и Джо.

Я сказала:

— Джо, тут явно сломался компьютер. Давай заглянем внутрь его.

Что угодно, только бы отвлечь мысли от моих внутренностей и дать им успокоиться. К тому же дела у нас шли недостаточно быстро. Я никак не могла перестать думать о Компьютере-Три, дни которого, а может, уже и Компьютеров Один и Четыре, сочтены, и о тысячах людей, находящихся в космосе, — ведь их жизнь зависит теперь от того, что делаем мы с Джо.

Джо тоже слегка позеленел, но тем не менее сказал:

— Сначала мне надо подумать. Что-то проникло внутрь компьютера. Явно не метеорное тело, потому как, что бы это ни было, оно прогрызло аккуратную дырочку в корпусе. Ее ведь не вырезали, поскольку кружочка металла я нигде внутри не нашел. А ты?

— Нет. Но я даже и не подумала о том, чтобы поискать.

— Зато я поискал, и здесь его нигде нет.

— Он ведь мог вывалиться и наружу.

— Это когда цилиндрик закрывал отверстие, пока я его не оторвал? Весьма вероятно. Ты видела, чтобы что-нибудь вылетело?

— Нет.

Джо продолжал:

— Мы еще можем, разумеется, обнаружить его здесь, только я в этом сильно сомневаюсь. Кружочек этот каким-то образом растворился, и что-то проникло внутрь.

— Что значит «что-то»? Откуда оно?

Улыбка у Джо вышла на удивление злая.

— Тебе непременно надо задавать вопросы, на которые нет ответа? Будь это в прошлом веке, я бы сказал, что русские каким-то образом приклеили этот приборчик на корпус Компьютера-Два с внешней стороны — только, пожалуйста, без обид. А ты бы сказала, будь это в прошлом веке, что тут не обошлось без американцев.

Я решила обидеться и сухо, с преувеличенным русским акцентом, сказала:

— Нам же нужно что-то такое, что имеет смысл в нашем веке, ничтожество.

— Остается предположить, что появилась какая-то группа диссидентов.

— Тогда, — продолжала я, — следует допустить, что они имеют возможность летать в космос, и настолько изобретательны, что могут придумать такой необычный прибор.

— Космический полет, — ответил Джо, — не представляет никаких проблем, достаточно нелегально подключиться к орбитальным компьютерам, что уже не раз делалось. Ну а что касается цилиндрика, тут, вероятно, будет больше смысла, когда на Земле — внизу, как сказали бы вы, космофилы, — сделают его анализ.

— И все равно это бессмысленно, — возразила я. — Зачем выводить из строя Компьютер-Два?

— Возможно, это лишь часть программы, имеющей целью покончить с космическими полетами.

— Тогда страдают все. В том числе и диссиденты.

— Но это же привлекает к себе всеобщее внимание, разве нет? И о нас вдруг везде говорят, что бы вы там ни сделали. Либо же план заключается в том, чтобы всего-навсего вырубить Компьютер-Два, а затем угрожать вырубить остальные три. Реального ущерба никакого, зато потенциальный — огромный и страшная шумиха.

Он тщательно обследовал все части интерьера, медленно осматривая квадратный сантиметр за квадратным сантиметром.

— Я был рискнул сказать, что эта штукавина придумана не человеком.

— Не болтай глупостей.

— Хочешь, чтобы я все обосновал? Цилиндрик коснулся корпуса и приклеился к нему, после чего нечто, находившееся внутри его, выело кусочек металла и проникло в Компьютер-Два. Оно сползло по внутренней стенке, съев по какой-то причине тонкий слой металла. Это похоже на что-нибудь, созданное человеком?

— Мне такое не известно, но я ведь знаю далеко не все. Даже ты не все знаешь.

Джо пропустил мою колкость мимо ушей.

— Вопрос, стало быть, в том, как оно — что бы это ни было — проникло в компьютер, несмотря на то что он хорошо герметизирован. Причем сделало это настолько быстро, что почти сразу же лишило компьютер способности повторной герметизации и регенерации воздуха.

— А это не то, что ты ищешь? — указала я.

Он хотел было резко остановиться, но перевернулся назад и крикнул:

— Именно то!

В возбуждении он замолотил руками и ногами, что, разумеется, ничего не дало. Я схватила его, и какое-то время мы оба пытались совершать толчки в нескоординированных направлениях, но это тоже оказалось безрезультатно. Джо принялся обзывать меня всякими словами, но я не осталась в долгу, причем здесь у меня было преимущество. Я в совершенстве владею английским, пожалуй, лучше самого Джо, тогда как его знание русского, мягко говоря, *фрагментарно*. Ругательства же на языке, которого не понимаешь, всегда производят больший эффект.

— Вот оно, — сказал Джо, когда мы наконец разъединились.

Джо смахнул в сторону цилиндрик, и там, где экранирующая обшивка компьютера смыкалась со стенкой, появилась небольшая круглая дырочка. Цилиндрик был точно такой же, как и на внешнем корпусе, только тоньше. Когда Джо к нему прикоснулся, он рассыпался.

— Пожалуй, нам лучше влезть внутрь компьютера, — сказал Джо.

В компьютере царил разгром. Я вовсе не хочу сказать, будто он напоминал деревянную балку, изъеденную термитами.

Собственно говоря, окинув его небрежным взглядом, вы могли бы поклясться, что он цел-целехонек.

Стоило, однако, приглядеться повнимательней, как обнаружилось, что некоторые части куда-то пропали. И чем внимательнее вы вглядывались, тем лучше понимали, насколько велико разорение. Хуже всего было то, что от запчастей и материалов, которыми Компьютер-Два пользовался при саморемонте, почти ничего не осталось. Мы смотрели и смотрели, обнаруживая недостаток то одного, то другого.

Джо вытащил цилиндрик из кармана и покрутил его в руках.

— Я подозреваю, — заговорил он, — что это почти чистый кремний. Разумеется, утверждать с полной уверенностью я не могу, но думаю, что боковая поверхность здесь в основном из алюминия, а торец из кремния.

— Ты хочешь сказать, — спросила я, — что эта штукавина — солнечная батарея?

— Частично — да. Именно так, она получает энергию в космосе — энергию, чтобы добраться до Компьютера-Два, энергию, чтобы проесть в нем дырку, чтобы... чтобы... не знаю, как еще выразиться. Энергию, чтобы оставаться живой.

— Ты называешь ее живой?

— А почему бы и нет? Вот послушай. Компьютер-Два может сам себя ремонтировать. Он может отторгнуть негодные блоки оборудования и заменить их работоспособными, но ему непременно нужен запас блоков, с которыми он мог бы работать. Имей он достаточно всевозможных запчастей, он мог бы построить подобный себе компьютер, если его запрограммировать на это. Но без этого запаса он не может обойтись, поэтому мы не считаем его живым. Объект же, который проник в Компьютер-Два, определенно сам снабжает себя всем необходимым. Это подозрительно жизнеспособно.

— Ты хочешь сказать, мы имеем дело с микрокомпьютером, настолько высокоразвитым, что его можно считать живым?

— Я не знаю, что я хочу сказать.

— Кто ж мог сделать такую штуковину?

— *Сделать?*

— И тут я обнаружила что-то еще. «Что-то» было похоже на обрубленную авторучку, плавающую в воздухе. Я увидела это всего лишь краешком глаза, и оно отпечаталось в моем сознании как ручка.

При нулевой гравитации вещи выплывают из карманов и медленно удаляются. Если только пространство физически не ограничено, невозможно ничего удержать на месте. Естественно, вы ожидаете, что ручки, монеты и любые другие предметы, которые вырвутся на свободу, будут плыть туда, куда увлекут их воздушные потоки и инерция.

И вот мой разум зарегистрировал: «ручка», я рассеянно потянулась за ней, и, конечно же, пальцы мои на ней не сомкнулись. Стоит только потянуться за чем-нибудь, как сразу же возникает воздушный поток, который этот же предмет и отталкивает. Сначала нужно завести за него одну руку, а уж потом осторожно тянуться за ним другой. Схватить какой-нибудь небольшой предмет в воздухе — это операция, требующая участия обеих рук.

Я повернулась, чтобы посмотреть на этот предмет и уделить побольше внимания его возвращению на место, когда до меня дошло, что моя ручка в полной безопасности в своем кармашке. Я ее нащупала — она была на месте.

— Ты не потерял ручку, Джо? — окликнула я.

— Нет.

— А что-нибудь подобное? Ключ? Сигарету?

— Я же не курю. Ты это знаешь.

Глупый ответ.

— Но хоть что-нибудь? — раздраженно спросила я. — Мне тут уже мерещится всякое.

— А никто никогда и не говорил, что у тебя устойчивая психика.

— Смотри, Джо. Вон. Вон там.

Он метнулся за ней. Мне бы следовало сказать ему, что ничего из этого не выйдет.

От суматохи, которую мы подняли в компьютере, эти штуковины тоже пришли в беспорядочное движение. Мы видели их везде, куда бы ни посмотрели. Они плавали в воздушных потоках.

Наконец я остановила одну. Или скорее она сама остановилась, потому как оказалась на локте скафандра Джо. Я отдернула ее и вскрикнула. Джо в ужасе подпрыгнул и чуть не выбил ее у меня из рук.

— Смотри! — сказала я.

На скафандре Джо появился блестящий кружочек — в том месте, где я оторвала эту штуковину. Она уже собиралась прокладывать себе путь, проедая ткань.

— Дай-ка ее сюда, — сказал Джо.

Он осторожно взял ее у меня и приложил к стене, чтобы удержать ее на месте. Затем, сняв тонкий, как бумага, слой металла, осторожно развернул ее.

Внутри оказалось что-то, очень напоминающее столбик сигаретного пепла. На него упал свет, и оно заблестело, как аморфный металл.

Была в нем и какая-то влага. Штуковина медленно корчилась, один ее конец, казалось, чего-то слепо ищет.

Этот конец соприкоснулся со стенкой и прилип к ней. Джо отбросил штуковину от стенки пальцем. Для этого оказалось достаточно незначительного усилия. Джо потерял этот палец о большой и заметил:

— Похоже на масло.

Металлический червь — не знаю, как еще его назвать, — казалось, после прикосновения Джо совершенно обмяк и больше уже не двигался.

Я вся корчилась и извивалась, стараясь оглядеть себя.

— Джо, — попросила я, — ради Бога, нет ли одного из них где-нибудь на мне?

— Не вижу ни одного, — ответил он.

— Ну же, посмотри на меня. Ты должен следить за мной, Джо, а я буду следить за тобой. Если наши скафандры испортятся, мы не сможем вернуться на корабль.

— Тогда давай двигаться, — сказал Джо.

Жуткое это чувство — оказаться в окружении голодных металлических червей, грозящих продырявить твой скафандр в любом месте, где бы они к нему ни прикоснулись. Увидев

какого-нибудь из них, мы старались поймать его и одновременно убраться с его пути, что было почти невозможно. Один, довольно длинный, подплыл к моей ноге, и я его пнула: глупо, конечно, ведь, попади я в него, он мог бы и приклеиться. А так воздушный поток, который я вызвала, подогнал его к стене, где он и остался.

Джо потянулся за ним — только чересчур поспешно. Его тело отскочило назад, он сделал сальто, нога в ботинке слегка стукнулась о стену рядом с цилиндром. Когда Джо наконец выпрямился, цилиндр все еще был там.

— Я его не раздавил?

— Нет, — сказала я. — Промахнулся примерно на дециметр. Он не уйдет.

Я подставила руки с двух сторон. Он был в два раза длиннее того, что мы нашли перед этим. По сути, он напоминал два цилиндрика, соединенных торцами, с перехватом в месте соединения.

— Акт размножения, — заметил Джо, содрав металлическую оболочку. На этот раз внутри оказался столбик пыли. Два столбика. По одному с каждой стороны от перехвата.

— Убить их довольно просто, — сказал Джо. Ему явно полегчало. — Я думаю, нам ничто не грозит.

— Они и впрямь кажутся живыми, — неохотно признала я.

— И не просто живыми. Они вирусы — или нечто эквивалентное вирусам.

— Ты что имеешь в виду?

— Пусть я техник-компьютерщик, а не вирусолог, — заговорил Джо, — но, насколько я понимаю, вирусы на Земле, или внизу, как сказала бы ты, состоят из молекулы нуклеиновой кислоты в протеиновой оболочке.

Вторгаясь в какую-нибудь клетку, вирус, применив соответствующий энзим, продырявливает стенку клетки, или мембрану, и нуклеиновая кислота проникает внутрь, оставляя протеиновую оболочку снаружи. Материал для новой протеиновой оболочки для себя он находит внутри клетки. Фактически он умудряется воспроизвести себе подобных и производит новую протеиновую оболочку для каждой копии. Как только он лишит клетку всего, что в ней было, клетка распадается, а вместо одного интервента-вируса появляются несколько сотен дочерних вирусов. Знакомая картина?

— Да. Весьма. Именно это и происходит здесь. Но откуда он взялся, Джо?

— Очевидно, не с Земли и не с земной колонии в космосе. Я полагаю, откуда-то еще. Они плавают в космосе, пока не обнаруживают подходящую среду для размножения. Они вы-

искавают крупные металлические конструкции. Вряд ли они могут расплавлять руды.

— Но ведь крупные объекты из металла с компонентами из чистого кремния и некоторыми другими аппетитными штучками — это продукты лишь разумной жизни, — заметила я.

— Совершенно верно, — согласился Джо. — Значит, мы имеем превосходнейшее подтверждение того, что разумная жизнь распространена во Вселенной, и объекты, подобные тому, на котором мы сейчас находимся, получили широкое распространение, иначе было бы невозможно поддерживать существование этих вирусов. Это также означает, что разумная жизнь стара, возможно, ей десять миллиардов лет, — достаточно стара, чтобы в результате своего рода металлической эволюции появилась металло-кремниевомасляная жизнь, точно так же, как в свое время появилась нуклеиново-протеино-водная жизнь. И вот на артефактах космического века эволюционировал паразит.

— По-твоему, — сказала я, — каждый раз, когда какая-нибудь форма разумной жизни развивает космическую культуру, последняя вскоре подвергается паразитической инвазии.

— Совершенно верно. И это надо держать под контролем. К счастью, эти существа легко убить, особенно теперь, когда они еще только формируются. Позже, когда они будут готовы покинуть Компьютер-Два, я полагаю, они вырастут, их оболочки станут толще, а внутренняя организация устойчивей, и после этого они будут способны, как споры, дрейфовать миллион лет, прежде чем отыщут себе новый дом. Тогда, вероятно, с ними уже будет не так-то легко справиться.

— А как ты собираешься их убивать?

— А я уже убил. Того первого, когда он инстинктивно выискивал металл, чтобы начать вырабатывать новую оболочку, поскольку я сорвал с него старую. Я просто коснулся пальцем, и это прикосновение его прикончило. Второго я даже не касался, а ударил по стене рядом с ним, и от звуковых вибраций в металле его внутренности рассыпались в металлическую пыль. Так что до нас им не добраться — да и до остальной части компьютера тоже, — если мы их как следует встряхнем.

Дальше не нужно было объяснять — во всяком случае столь пространно. Он не спеша надел рукавицы и стукнул одной рукой по стене. Удар отбросил его назад, и он пнул стену ногой там, где в следующий раз приблизился к ней.

— Делай то же самое! — крикнул он.

Я повиновалась, и какое-то время мы оба этим занимались. Вы и не представляете, как трудно ударить по стене при нулевой гравитации, причем ударить достаточно сильно, чтобы стена

зазвенела. Добрую половину раз мы просто промахивались или наносили бесполезные скользящие удары, от которых лишь кружились волчком. Скоро мы уже задыхались от злости и усталости.

Но постепенно приспособились. Мы продолжали заниматься этим делом, и вскоре подобрали еще несколько вирусов. В каждом из них внутри была только пыль. Они определенно адаптировались к пустым автоматизированным космическим объектам, избавленным, наподобие современных компьютеров, от вибрации. Это-то, я полагаю, и сделало возможным появление исключительно хрупких сложных металлических образований, которые не обладали достаточной устойчивостью и были наделены свойствами простейших существ.

— Ты думаешь, мы поубивали их всех? — спросила я.

— Откуда я знаю? Если остался хоть один, он сожрет других и начнет все сначала. Давай еще постучим.

И мы снова принялись за работу, пока не вымотались до такой степени, что нам уже было все равно, остался хоть один из них в живых или нет.

— Разумеется, — заметила я, переводя дыхание, — Планетарная ассоциация развития науки останется недовольна тем, что мы убили их всех.

Предложение Джо, куда может катиться ПАРН, было весьма сильно, но невыполнимо. Потом он сказал:

— Послушай, наша задача — спасти Компьютер-Два, несколько тысяч жизней и, как оказывается, собственные жизни тоже. А теперь пусть сами решают, восстанавливать этот компьютер или построить его заново. Это их детище.

ПАРН может кое-что узнать и по мертвым образцам, а это тоже немало. А нужны живые — так, я подозреваю, они могут найти их плавающими в космосе в этих краях.

— Ну что ж, — согласилась я. — Предлагаю сообщить на Центральный Компьютер, что мы кое-как подлатаем этот компьютер — пусть выполняет хоть какую-то работу — и останемся, чтобы воспрепятствовать повторной инвазии, пока наверх не пришлют команду для капитального ремонта или как они там решат. А тем временем им лучше побывать на других компьютерах и установить на них какую-нибудь систему, которая вызывала бы сильную вибрацию, как только начнется падение внутреннего давления.

— Довольно просто, — язвительно заметил Джо.

— Нам повезло, что мы нашли их вовремя.

— Постой, постой, — сказал Джо, и в его глазах промелькнуло выражение сильной тревоги. — Не мы их нашли. Это они нашли нас. Если возникла металлическая жизнь, неужели ты думаешь, что она проявляется только в этой форме?

А что, если формы подобной жизни каким-то образом сообщаются друг с другом, и в бескрайних космических просторах другие сейчас устремились сюда, чтобы пожить? Другие виды — и всем им подавай роскошный новый корм еще нетронутой космической культуры. Другие виды! Одни достаточно крепкие, чтобы выдержать вибрацию. Другие достаточно развитые, чтобы живее реагировать на опасность. Третьи достаточно оснащенные, чтобы вторгнуться в наши поселения на орбите. Четвертые, Юнивак*, помилуй, могут оказаться способными вторгнуться на Землю — ведь там столько металла в городах!

Вот это я и сообщу, просто обязан сообщить: нас нашли!

* Юнивак — торговая марка универсального компьютера. (Примеч. пер.)

ХОРОШИЙ ВКУС

В конце 1975 года Алан Бехтольд, хозяин маленького полу-профессионального издательства, которое он назвал «Апокалипсис», задумал малотиражную серию научно-фантастических рассказов; через год все права должны были вернуться к авторам.

Меня предложение заинтересовало, и в январе 1976 года я написал «Хороший вкус», который, честно говоря, мне самому очень понравился, особенно увлекательный социальный фон. Бехтольд рассказ опубликовал, однако другие писатели по разным причинам ничего вовремя не дали, и проект, увы, провалился.

Тем не менее, когда год истек, я предложил «Хороший вкус» Джорджу Скизерсу, ибо тогда как раз начал выходить мой собственный журнал, и рассказ был опубликован в осеннем выпуске «Азимова».

1

Ничего бы этого не произошло — семья не была бы опозорена, а ошеломленный мир Гаммера не пришел бы в ужас, — если бы Чокер Младший не отправился в Большой Тур.

В Большом Туре не было ничего противозаконного, по крайней мере на Гаммере, но всегда считалось, что всякий, кто решается предпринять это путешествие, поступает не слишком разумно. Чокер Старейший с самого начала был против, но, когда Леди Чокер приняла сторону своего младшего сына — как это нередко случается в жизни, — предпочел не возражать. У нее

Good Taste

© 1978 by Isaac Asimov

Хороший вкус

© В Гольдич, И Оганесова, перевод, 1997

было всего два ребенка (так уж распорядилась судьба, что оба оказались мальчиками), на большее Леди Чокер рассчитывать уже не могла, поэтому никого не удивляло, что она частенько баловала младшего.

А младший сын хотел увидеть другие миры и обещал, что его отсутствие не продлится больше года. Леди Чокер разрыдалась, ужасно огорчилась, несколько дней не разговаривала со своим любимцем, а потом решительно вытерла слезы и жестко поговорила с Чокером Старейшим — и Чокер Младший получил то, что желал.

Теперь, ровно год спустя (а Чокер Младший всегда держал свое слово; впрочем, денежная поддержка Чокера Старейшего кончилась тогда же, тут уж можете не сомневаться), он вернулся, и вся семья собралась отпраздновать это событие.

Старейший надел новую блестящую черную рубашку, однако его лицо сохраняло холодное выражение, и он не задал сыну ни одного вопроса. У него не было интереса к другим мирам с их странными обычаями и примитивным питанием (ничуть не лучше, чем на Земле, о которой жители Гаммера никогда не говорили).

— У тебя ужасно грязное лицо, Чокер Младший. — Использование полного имени явно указывало на его неудовольствие.

Чокер рассмеялся, и на чистой коже его худого лица появились морщины.

— Я старался держаться подальше от солнца — насколько это было возможно, мой Старейший, но обитатели других миров не соблюдают этого обычая.

Леди Чокер не могла не вмешаться.

— И совсем он не грязный, Старейший. Его лицо дышит теплом.

— Теплом солнца, — проворчал Старейший. — Наверное, он постоянно копался в грязи — они же просто обожают это делать.

— Нет, фермерством я не занимался, Старейший. Это трудная работа. Впрочем, я несколько раз посещал грибные плантации.

Чокера Старшего, который родился на три года раньше Младшего и сильно походил на него, хотя был выше ростом и заметно шире в плечах, раздирали противоречивые чувства: зависть к младшему брату, повидавшему разные миры орбиты, и отвращение при одной только мысли об этом.

— Ты ел их Блюда, Младший? — спросил он.

— Должен же я был что-то есть, — ответил Чокер Младший. — Конечно, у меня были ваши подарки, моя Леди. Иногда они оказывались настоящим спасением.

— Я полагаю, — презрительно бросил Чокер Старейший, — что Блюдо там абсолютно несъедобное. В него наверняка попадает столько всякой пакости.

— Да ладно вам, мой Старейший. — Чокер Младший помолчал, словно старался найти подходящие слова, а потом пожал плечами. — Ну, во всяком случае, я там не умер с голода. Ко всему привыкаешь. Я больше не буду говорить об этом. Но, моя Леди, я так рад снова оказаться дома. Свет здесь такой теплый и мягкий.

— Похоже, ты сыт солнцем по горло, — сказал Старейший. — А ведь сам прямо рвался в поездку... Ну, добро пожаловать обратно во внутренний мир, где свет и тепло находятся под контролем и не зависят от капризов горячего светила. Добро пожаловать в колыбель человечества, как гласит известная поговорка.

— И все же я рад, что побывал там, — сказал Чокер Младший. — Восемь разных миров, вы понимаете. Появляется новый взгляд на вещи.

— Лучше бы его не иметь, — усмехнулся Старейший.

— Не уверен, — возразил Чокер Младший, и его правое веко дрогнуло, когда он бросил быстрый взгляд на Старшего.

Чокер Старший поджал губы, но ничего не сказал.

2

В честь его возвращения устроили самый настоящий пир. Все вынуждены были это признать, а в конце и сам Чокер Младший, которому не терпелось начать и который был вынужден первым отодвинуть в сторону тарелку. У него не было выбора — в противном случае Леди продолжала бы накладывать ему все новые и новые угощения из своих обширных кладовых.

— Моя Леди, — с любовью проговорил он, — мой язык устал. Я больше не ощущаю вкуса.

— Ты утратил вкус? — переспросила Леди. — Это еще что за глупости? Ты обладаешь искусством самого Великого Старейшего. В возрасте шести лет ты уже был Дегустатором, у нас есть тому бесчисленные доказательства. Не было такой добавки, которую ты не смог бы узнать, хотя иногда и не умел правильно произнести название.

— Вкусовые рецепторы теряют остроту, когда ими перестают пользоваться, — мрачно заявил Чокер Старейший, — а беготня по другим мирам может окончательно испортить человека.

— Вот как? Ну давай проверим, — сказала Леди. — Мой Младший, расскажи своему впадшему в сомнения Старейшему, что ты сегодня ел.

— По порядку? — уточнил Чокер Младший.

— Да. Покажи ему, что ты не забыл.

Чокер Младший закрыл глаза.

— Ну, это не очень-то честное испытание, — заявил он, — я так наслаждался вкусом, что не делал пауз, чтобы проанализировать Блюда; к тому же прошло много времени.

— Он придумывает себе оправдания. Видишь, Леди? — мрачно усмехнулся Старейший.

— Но я попытаюсь, — поспешно проговорил Чокер Младший. — Ну, во-первых, основа всех Блюд взята из грибковых цистерн, находящихся в тринадцатом коридоре Восточной секции, так мне кажется — если только в мое отсутствие не произошло существенных перемен.

— Нет, ты прав, — с удовлетворением сказала Леди.

— И это стоило нам немалых денег, — добавил Старейший.

— Возвращение Блудного Сына, — не без яда заметил Чокер Старший. — Мы должны подать на стол упитанный грибок, так говорится в известной пословице. А как насчет добавок, Младший?

— Ну, — задумчиво протянул Чокер Младший, — первая состояла из «Весеннего Утра» с легкой примесью свежих листьев А и чуточку побега спара.

— Совершенно верно, — заявила Леди, расплываясь в счастливой улыбке.

Чокер Младший, так и не открывая глаз, продолжал комментировать меню, полностью положившись на свои вкусовые рецепторы. Он пропустил восьмое блюдо, но потом вернулся к нему.

— А вот это, — признался он, — поставило меня в тупик.

— Ты что, совсем его не попробовал? — усмехнулся Чокер Старший.

— Конечно, попробовал. Я его почти все съел. Пожалуй, это был «Резвящийся Ягненок» — нет, не Скачущий. Впрочем, что-то в нем чувствовалось и от Скачущего.

— Да ладно тебе, не выдумывай всяких сложностей. Это совсем просто, — заявил Чокер Старший. — Что там в нем еще было?

— Зеленая мята с небольшим количеством горькой мяты и щепотка «Сверкающей Крови». И еще что-то незнакомое.

— Тебе понравилось? — поинтересовался Чокер Старший.

— Понравилось? Сегодня не самый подходящий день для таких вопросов. Мне все понравилось. А то, что я не могу определить, мне показалось очень удачным. Близо к «Цветущему Шиповнику», но лучше.

— Лучше? — довольно переспросил Чокер Старший. — Это мое!

— Что ты хочешь этим сказать? — спросил Чокер Младший.

— Мой оставшийся дома сын, — с одобрением заявил Старейший, — не терял времени даром. Он написал программу для компьютера, при помощи которой создал три новые совместимые вкусовые молекулы, весьма многообещающие. Сам Великий Старейший Томас попробовал блюдо, о котором ты сейчас говорил, мой беспокойный Младший, и одобрил его.

— На самом деле он ничего не сказал, мой Старейший, — возразил Старший.

— Но выражение его лица не требовало комментариев, — с улыбкой добавила Леди.

— Получилось здорово, — сказал Чокер Младший, несколько разочарованный тем, что перестал быть центром всеобщего внимания. — Ты собираешься претендовать на Приз?

— Да, подумывал, — кивнул Чокер Старший, стараясь говорить небрежно. — Но не с этим Блюдом — кстати, я назвал его «Пурпурный Свет». Мне удалось создать нечто более удачное, с чем можно будет принять участие в соревновании.

Чокер Младший нахмурился:

— Я считал, что...

— Да?

— Что я уже созрел для отдыха. Но сначала я хочу попробовать еще немного изобретения Старшего, постараюсь определить химическую структуру «Пурпурного Света».

3

С неделю в доме Чокеров царила праздничная атмосфера. Чокер Старейший пользовался известностью на Гаммере, поэтому создалось впечатление, что чуть ли не половина обитателей сектора побывала у них в гостях, чтобы удовлетворить свое любопытство и убедиться в том, что Чокер Младший вернулся домой живым и здоровым. Большинство обращало внимание на цвет его лица, и не одна молодая женщина просила разрешения дотронуться до его щеки, словно легкий загар можно было пощупать пальцами.

Чокер Младший благородно соглашался, но Леди явно не одобряла подобной фамильярности, о чем и не преминула тут же сообщить.

Даже Великий Старейший Томас, округлый и упитанный, как это может позволить себе только истинный обитатель Гаммера, покинул свой уединенный уголок. Время не имело над ним власти: ни морщины, ни седина не испортили его царственной

внешности и не притупили талантов. Он был замечательным Мастером Дегустатором, с ним мог сравниться лишь Великий Старейший Фарон, живший более полувека назад. Все, что пробовал Томас, мгновенно открывало перед ними свою структуру.

Чокер Младший, никогда не страдавший от недооценки собственных способностей, охотно признавал, что даже и близко не может подойти к удивительным возможностям опытного Мастера.

Великий Старейший, который вот уже больше двадцати лет возглавлял комиссию по присуждению Приза на ежегодном фестивале, подробно расспросил Младшего о других мирах — ведь Томас их, конечно же, никогда не видел.

Однако вел он себя снисходительно и даже улыбнулся Леди Чокер.

— Нет нужды беспокоиться, Леди, — сказал он. — В наши дни молодые люди страдают от порока по имени любопытство. В мое время молодежь довольствовалась нашим собственным цилиндром достоинств, как гласит поговорка, но теперь все изменилось, и многие совершают так называемый Большой Тур. Возможно, это совсем неплохо. Увидеть другие миры — легкомысленные, пропитанные солнцем, без царя в голове, лишенные вкусовых рецепторов... Подобные путешествия должны лишь увеличить уважение к старшему брату, как гласит поговорка.

Великий Старейший Томас был единственным жителем Гаммера, который говорил о Гаммере как о «старшем брате», хотя на видеокассетах подобные слова встречались часто. Гаммер был третьей колонией, основанной на лунной орбите, но первые две — Альфер и Бейтер — оказались непригодными с экологической точки зрения. В отличие от Гаммера.

— Люди на других мирах не уставали повторять, сколь многим они обязаны опыту Гаммера, — тщательно подбирая слова, говорил Чокер Младший. — Они все учились, глядя на Гаммер.

Томас сиял:

— Конечно. Конечно. Хорошо сказано.

— Однако люди склонны к самоутверждению, — еще с большей осторожностью продолжал Чокер Младший. — Некоторые считают, что они смогли улучшить то, что изобрели на Гаммере.

Великий Старейший Томас выдохнул через нос (старайтесь как можно меньше дышать ртом, повторял он снова и снова, потому что это притупляет чувствительность языка Дегустатора) и пристально посмотрел на Чокера своими темно-синими глазами, цвет которых прекрасно оттеняли снежно-белые брови.

— В каком смысле улучшили? Они говорили о чем-то определенном?

Чокер Младший, который шел теперь по тонкому льду, не мог не заметить, что Томас нахмурил лоб.

— В тех вопросах, которые для них важны — боюсь, впрочем, что я не могу об этом судить.

— В вопросах, которые для них важны... Ты нашел мир, где больше нас знают о химии производства продуктов питания?

— Нет! Конечно, нет, Великий Старейший. Никого это не волнует, насколько я успел заметить. Всюду пользуются нашими достижениями. Они прямо говорят об этом.

— Да, они могут на нас рассчитывать, мы знаем все побочные действия сотен тысяч молекул; каждый год мы находим, определяем и изучаем тысячи новых. Они пользуются результатами нашей работы — в том, что касается диеты и употребления витаминов. А что до Дегустации, то без нас им никак не обойтись. Верно?

— Они признают это без колебаний.

— А где можно найти компьютеры более сложные и надежные, чем наши?

— Нигде, если речь идет об их применении в нашем деле.

— И что они подают в качестве основного Блюда? — поинтересовался Томас и с сарказмом добавил: — Или они полагают, что молодой житель Гаммера будет питаться травкой?

— Нет, Великий Старейший, у них есть Блюдо. На всех мирах, которые мне довелось посетить, есть Блюдо; и на всех, что мне не довелось посетить — так говорят, — оно тоже есть. Даже на мире, где Блюдо считается привилегией низших классов...

Томас побагровел.

— Идиоты! — пробормотал он.

— Разные миры, разные обычаи, — торопливо заговорил Чокер Младший. — Но даже и там, Великий Старейший, Блюдо популярно, когда кто-то хочет поесть чего-нибудь недорогого и питательного. Они позаимствовали Блюдо у нас. Повсюду оно происходит от грибковой популяции, выведенной на Гаммере.

— Какой популяции?

— А-5, — виноватым голосом ответил Чокер Младший. — Самая стойкая и энергосберегающая.

— И самая грубая, — с удовлетворением проговорил Томас. — А какими вкусовыми добавками они пользуются?

— Очень немногими, — ответил Чокер Младший. Он чуть подумал и промолвил вслед: — На Каппере есть одна интересная добавка — очень перспективная. Конечно, она совершенно не разработана, а когда я показал им то, что прислала мне моя

Леди, они вынуждены были признать, что их добавка не идет ни в какое сравнение с нашей.

— Ты не рассказывал мне об этом, — заметила Леди Чокер, которая до этого момента не осмеливалась вступить в разговор с Великим Старейшим. — Значит, на других мирах понравились мои заготовки?

— Я не слишком часто делился ими, — признался Чокер Младший. — Мне хотелось сохранить их для себя, но все были в восторге, если я давал им их попробовать, моя Леди.

4

Только через несколько дней у братьев появилась возможность спокойно поговорить.

— А на Ки тебе удалось побывать? — поинтересовался Старший.

Чокер Младший понизил голос:

— Да. Всего пару дней. Там слишком дорого, чтобы оставаться надолго.

— Не сомневаюсь, Старейший не одобрил бы и двух дней.

— Я не собираюсь этим с ним делиться. А ты?

— Глупое замечание. Расскажи мне о Ки.

Немного смущаясь, Чокер Младший поведал брату о своих приключениях, а в конце сказал:

— Все дело в том, Старший, что для них это является нормой. Они даже и не думают об этом. Знаешь, у меня возникла совершенно новая мысль: не существует ничего истинно верного или ложного. То, к чему ты привык, и является правильным. А то, к чему не привык, — ложно.

— Попробуй скажи это Старейшему.

— То, что он думает, — верно, а то, к чему привык, тоже верно. Ты не можешь не признать этого.

— Какая разница, признаю я или нет? Старейший считает, что все правила поведения определены создателями Гаммера и записаны в книгу, единственный экземпляр которой есть незабываемый образец для подражания, так что другие миры заведомо обречены на бесконечные ошибки. Я, конечно, говорю в метафорическом смысле.

— Я с тобой согласен, Старший — в метафорическом смысле. Но меня потрясло то, как спокойно люди других миров это воспринимают. Я видел, как они паслись.

На лице Старшего появилась гримаса неудовольствия.

— Словно животные, ты хочешь сказать?

— Они совсем не походили на животных. В этом-то все и дело.

— Значит, ты наблюдал, как убивают, разделяют...

— Нет, — быстро перебил его Младший. — Я просто видел это, когда все было закончено. Они едят нечто, похожее на некоторые виды Блюд, да и запах такой же. Наверное, на вкус...

На лице Чокера Старшего возникло выражение полнейшего отвращения, и Чокер Младший виновато сказал:

— Но пастись там — главнейшее дело, ты же знаешь. Я хочу сказать — на Земле. Вполне возможно, что, когда на Гаммере было изобретено первое Блюдо, по вкусу оно должно было напоминать выращенную, живую пищу.

— Я предпочитаю в это не верить, — заявил Чокер Старший.

— Твои предпочтения не имеют никакого значения.

— Послушай, — сказал Чокер Старший, — меня не волнует, чем они там питаются. Если бы у них был шанс попробовать настоящее Блюдо — не популяцию А-5, а упитанный грибок, — если бы у них были изощренные вкусовые добавки, а не та примитивная дрянь, которую они используют, им бы и в голову не пришло есть тех, которые пасутся. Если бы они могли попробовать то, что я придумал и еще придумаю...

— Ты что, действительно собираешься принять участие в соревновании, Старший? — задумчиво поинтересовался Чокер Младший.

Чокер Старший немного помолчал, а потом ответил:

— Да, пожалуй, да. Я принял решение. Даже если мне сейчас не удастся победить, рано или поздно я добьюсь успеха. Я придумал совершенно новую программу. — Чокер Старший был явно возбужден. — Никогда ранее мне не приходилось видеть ничего похожего, и она работает! Все дело... — Тут он оборвал себя и с некоторым смущением продолжил: — Надеюсь, Младший, ты не обидишься, если я не стану посвящать тебя в подробности? Я ни с кем ими не делился.

Чокер Младший пожал плечами:

— Было бы глупо об этом рассказывать. Если у тебя действительно хорошая программа, ты сможешь получить за нее целое состояние. Ты и сам это прекрасно понимаешь. Взять хотя бы Великого Старейшего Томаса. Прошло не меньше тридцати пяти лет с тех пор, как он сотворил «Песнь Туннеля», но формулу до сих пор не опубликовал.

— Да, но существует весьма правдоподобное предположение о том, как он это сделал, — сказал Чокер Старший. — И, по моему мнению, Песнь не такая уж... — Он с сомнением покачал головой, не желая произносить вслух крамольные слова.

— Я спросил о твоём возможном участии в соревнованиях потому... — начал Чокер Младший.

— Да?

— Потому что и сам хотел бы испытать судьбу.

— В самом деле? Ты еще слишком молод.

— Мне уже исполнилось двадцать два года. У тебя нет возражений?

— Тебе не хватает знаний, Младший. Ты с компьютером-то умеешь обращаться?

— Какая разница? Компьютер тут ни при чем.

— Правда? А что же тогда важно?

— Вкусовые рецепты.

— Все-решают-вкусовые-рецепты-от-них-зависит-удача-или-поражение. Мы все знаем эту песню, и я готов в один прыжок преодолеть нулевую ось, как гласит поговорка.

— Но я совершенно серьезно, Старший. Компьютер дает начальные импульсы, верно? А решает все язык.

— И, естественно, Мастер Дегустатор, вроде нашего Младшего, с этим справится лучше всех.

Чокер Младший покраснел — его загар был не настолько сильным, чтобы это скрыть.

— Может быть, и не Мастер Дегустатор — но Дегустатор, и ты это прекрасно знаешь. Дело в том, что за год, проведенный вдали от дома, я сумел оценить достоинства хорошего Блюда и часто думал о том, что можно с ним сделать. Я кое-чему научился... Понимаешь, Старший, мой язык — все, что у меня есть, и я бы хотел вернуть деньги, которые Старейший и Леди на меня потратили. Ты не против моего участия? Не боишься конкуренции?

Чокер Старший напрягся. Он был выше и крепче Чокера Младшего, к тому же на его лице появилось совсем не дружелюбное выражение.

— Я не боюсь конкуренции. Если хочешь участвовать — давай, Младшенький. Только не приходи ко мне поплакать, когда опозоришься. И могу сказать тебе заранее, что Старейшему совсем не понравится, когда ты будешь выглядеть как дурачок, лишенный всякого вкуса — как гласит поговорка.

— Никто не обязан побеждать с первого раза. Рано или поздно победа достанется мне, как гласит твоя поговорка, — с этими словами Чокер Младший повернулся и ушел.

Он и сам немного обиделся.

5

Прошло время. Все, похоже, были сыты по горло рассказами о других мирах. Чокер Младший в пятнадцатый раз описал живых животных и в сотый заявил, что никогда не видел, как их убивают. Он нарисовал словесные картины полей с пшеницей

и попытался объяснить, как выглядит солнечный свет, отражающийся от мужчин и женщин, зданий и долин, как на открытых пространствах появляется голубоватая дымка. Он в двухсотый раз повторил, что солнечный свет на других мирах совсем не похож на то, что можно наблюдать во внешних отсеках Гаммера (которые уже давно никто не посещал).

И теперь, когда все это закончилось, ему даже немного не хватало всеобщего внимания. Чокеру Младшему понравилось быть знаменитостью. Он чувствовал себя странно, когда просматривал фильмы, привезенные с собой, и старался не сердиться на Леди.

— Что с вами, моя Леди? Вы ни разу не улыбнулись за весь день.

Мать задумчиво посмотрела на него:

— Очень огорчительно видеть разногласия между Старшим и Младшим.

— О, ничего страшного. — Чокер Младший вскочил на ноги и подошел к вентилятору.

Это был день жасмина, и он любил его запах — каждый раз, совершенно автоматически, Чокер Младший задумывался над тем, как его улучшить. Конечно, аромат был очень слабым, потому что всем известно, что сильные цветочные запахи притупляют чувствительность языка.

— Леди, нет ничего плохого в том, что я буду участвовать в соревновании за Приз. Каждый гражданин Гаммера, которому исполнился двадцать один год, имеет на это право.

— Но хороший вкус запрещает конкурировать со старшим братом.

— Хороший вкус! А почему бы и нет? Я буду конкурировать со всеми. Как и он. Да, и при этом мы будем соперничать между собой. Ну и что из того? Почему вас не беспокоит, что он будет моим соперником?

— Он на три года старше тебя, мой Младший.

— И очень может быть, что он победит, моя Леди. У него есть компьютер. Старший просил вас уговорить меня оставить эту затею?

— Нет, не просил. Не нужно плохо думать о своем брате, — Леди говорила искренне, но в глаза Младшему старалась не смотреть.

— Ну, значит, он вел себя таким образом, что вы сделали этот вывод самостоятельно. И все из-за того, что я прошел квалификационный тур — Старший на это явно не рассчитывал.

— Любой может пройти квалификацию, — заявил с порога Чокер Старший.

Чокер Младший резко повернулся к нему:

— Почему же тогда ты так огорчился? И почему сотни людей не в состоянии этого сделать?

— Слова тех, у кого и вкуса-то нет, мало меня занимают, Младший. Подожди момента, когда придет время финальных состязаний.

— Поскольку ты тоже прошел квалификацию, Старший, нет никакого смысла убеждать меня в том, что это решение приняли люди, у которых нет никакого...

— Мой Младший, — решительно вмешалась Леди. — Прекрати! Возможно, вам пора вспомнить, что это весьма редкий случай, когда Старший и Младший из одной семьи одновременно прошли квалификацию.

Никто из них не посмел нарушить молчание в присутствии Леди — но их физиономии так и остались мрачными.

6

Шли дни, и Чокер Младший увлекся созданием своего Блюда с особыми вкусовыми добавками — с нетерпением дожидаясь того момента, когда его собственные вкусовые рецепторы не скажут, что ему удалось придумать нечто уникальное, еще никогда не попадавшее на язык строгим Дегустаторам Гаммера.

Теперь он сам посещал Центральные Цистерны, где в идеальных условиях с удивительной скоростью размножались грибки — всего их было три дюжины видов, каждый из которых разделялся на подвиды.

Мастер Дегустатор, отведав Блюдо без добавок — грибок неизменный, как гласит пословица, — мог указать его источник с точностью до номера секции и коридора. Великий Старейший Томас многократно публично заявлял, что может определить цистерну, а иногда даже ее конкретную часть, хотя никто ни разу не решился проверить, так ли это.

Чокер Младший не делал вид, что обладает умениями Томаса, но пробовал чистые Блюда до тех пор, пока не решил, какую именно разновидность грибка ему следует выбрать для того, чтобы смешать его с ингредиентами, которые он собирался использовать для нового Блюда. Хороший Дегустатор, говорил Великий Старейший Томас, может мысленно соединить ингредиенты и ощутить их вкус в своем воображении. Для Томаса — насколько было известно Чокеру Младшему — это были просто красивые слова, но сам он не сомневался, что в состоянии проделать такой фокус.

Он снял в аренду кухню (дополнительные расходы для несчастного Старейшего) и не роптал на свою судьбу — ведь он не умел работать с компьютером, поэтому пришлось обходиться

без него. Смесители, нагреватели, кипятильники, миксеры и подобные приспособления занимали не слишком много места. Кроме того, в кухне имелась отличная вытяжка, позволявшая скрывать запахи. (Всем известны истории про Дегустаторов, которые не уберегли запах своего изобретения, а потом оказывалось, что их новое Блюдо подается на стол в обычных домах еще до того, как они успели представить его на суд жюри. Украсть чужой продукт считалось, конечно, дурным вкусом, но бороться с этим было достаточно сложно.)

Загорелся сигнальный огонек — код Чокер Младший узнал без труда, им пользовался только Чокер Старейший. И Младшего охватило знакомое ощущение стыда — нечто похожее он испытывал, когда без разрешения пробовал главное Блюдо, приготовленное для гостей.

— Одну минутку, мой Старейший, — пропел он, быстро убирая на место все ингредиенты, вышел из кухни и плотно закрыл за собой дверь. — Сожалею, но искусство дегустации имеет первостепенное значение.

— Я понимаю, — напряженно ответил Старейший, хотя его ноздри на миг широко раскрылись, словно он попытался поймать неуловимый аромат. — Последнее время ты так мало бываешь дома — едва ли больше, чем во время своего Большого Тура, а мне нужно поговорить с тобой.

— Никаких проблем, Старейший, мы можем посидеть в холле.

Холл находился совсем рядом, к счастью, там никого не было. Чокер Младший внутренне сжался — он понял, что ему предстоит выслушать очередную лекцию.

— Младший, ты мой сын, — наконец заговорил Старейший, — и я должен выполнять обязательства, которые у меня есть по отношению к тебе. Однако они состоят не только в том, чтобы оплачивать твои расходы и дать возможность устроить самостоятельную жизнь. Иногда приходит время для поучений. Тот, кто хочет создать достойное Блюдо, не должен гнушаться грязной работы, как гласит пословица.

Чокер Младший опустил глаза. Он, вместе с братом, оказался среди тридцати финалистов, которые через неделю должны были разыграть Приз. По слухам, рейтинг у Чокера Младшего был выше, чем у Старшего.

— Старейший, — сказал Чокер Младший, — не хотите ли вы попросить меня, чтобы я не слишком старался и отдал победу моему брату?

Чокер Старейший удивленно заморгал, и рот Младшего со стуком захлопнулся. Похоже, он сказал глупость.

— Мне и в голову это не приходило, — сердито сказал Старейший, — как раз наоборот, я хотел попросить тебя выдать все,

на что ты способен. Вспомни о позоре, который ты навлек на нашу семью во время столкновения со Стенс Старшей на прошлой неделе.

Некоторое время Чокер Младший никак не мог понять, о чем идет речь. Он не имел никакого отношения к Стенс Старшей — глупой молодой женщине, с которой перебросился несколькими ничего не значащими фразами.

— Стенс Старшая? Опозорил? Каким образом?

— Только не говори мне, что не помнишь слов, которые ты ей сказал. Стенс повторила их своим родителям, они друзья нашей семьи, а теперь об этом болтают по всей нашей секции. Что побудило тебя, Младший, нарушить традиции Гаммера?

— Я ничего подобного не делал. Она спросила меня о Большом Туре, и я рассказал ей примерно то же самое, что и трем сотням других наших знакомых.

— А разве ты не говорил ей, что женщинам следовало бы разрешить участие в Большом Туре?

— Ах вот оно что.

— Да.

— Но, Старейший, я просто сказал ей, что если бы она сама отправилась в Большой Тур, то ей бы не пришлось задавать вопросы; а когда она сделала вид, что шокирована моим предложением, я заявил, что, по моему мнению, будет только лучше, если многие обитатели Гаммера побывают на других мирах. Мне кажется, Старейший, что наше общество слишком замкнуто — и не я единственный так считаю.

— Да, я слышал о радикалах, высказывающих аналогичную точку зрения, но не в нашей секции и не в нашей семье. Мы имеем солидный опыт, в отличие от других миров. У нас сбалансированное и стабильное общество, а у них множество проблем. Разве у нас есть преступность? Или коррупция?

— Но, Старейший, мы платим за это застоем. Мы так закрыты, наша жизнь однообразна!

— Чему могут научить нас другие миры? Разве ты сам не радовался, когда вернулся в наш замкнутый и комфортабельный мир? И вновь смог бродить по коридорам Гаммера, залитым золотистым светом?

— Да, но я увидел немало интересного и полезного. Есть очень многие вещи на других мирах, к которым я бы с удовольствием привык.

— И что же конкретно ты имеешь в виду, мой безумный Младший?

Чокер Младший был готов проглотить свой слишком длинный язык. После паузы он пробормотал:

— Зачем делать голословные утверждения? Вот когда я смогу доказать, что какие-то вещи на других мирах лучше, чем на Гаммере, тогда я о них и расскажу. А до тех пор какой смысл напрасно сотрясать воздух?

— Ты и так попусту тратишь время на дурацкие рассказы, Младший, и никакой пользы тебе это не принесло, а вот вреда — немало. Младший, если у тебя после Большого Тура — деньги за который меня заставила заплатить Леди — осталась хоть капля уважения ко мне и если ты ценишь то, что я и сейчас ни в чем тебе не отказываю, ты будешь с этих пор держать рот на замке.

— Как скажете, Старейший, — тихо проговорил Чокер Младший. — С этого момента я буду говорить только тогда, когда у меня появятся доказательства.

— А поскольку у тебя их никогда не будет, — мрачно подытожил Старейший, — меня очень порадует, если ты сдержишь свое слово.

7

Финалы, которые проводились ежегодно, считались самым крупным праздником, величайшим событием года. Финалисты готовили свой вариант Блюда. Каждый из тридцати членов жюри пробовал каждое Блюдо по прошествии необходимого для восстановления чувствительности языка промежутка. Процедура занимала целый день.

Честно говоря, обитателям Гаммера приходилось признать, что из почти сотни победителей ежегодных финалов далеко не всякому удавалось создать Блюдо, которое впоследствии стало бы классическим. Некоторые были просто забыты, а другие теперь считались самыми заурядными. С другой стороны, по меньшей мере два из любимейших Блюд обитателей Гаммера были настоящими бестселлерами в ресторанах в течение двух десятков лет, хотя и не являлись победителями состязаний. А «Черный Бархат» — необычная комбинация шоколада и цветущей вишни, самые любимые конфеты всех времен — даже не вышел в финал.

У Чокера Младшего не было сомнений относительно исхода состязаний. Он был настолько уверен, что с удивлением обнаружил: ему даже скучно. Он продолжал наблюдать за лицами членов жюри, когда время от времени один из них набирал в ложку немного очередного Блюда и производил дегустацию. Каждый старался сохранять невозмутимость, прикрывая глаза. Ни один настоящий судья не позволит себе удивленного восклицания или удовлетворенного вздоха — не говоря уже о гримасе

отвращения. Они просто фиксировали свои впечатления в маленьких компьютерных карточках.

Чокер Младший размышлял о том, смогут ли они скрыть удовольствие, когда попробуют его Блюдо. В последнюю неделю оно стало великолепным, достигло таких вершин, превзойти которые невозможно...

— Уже считаешь барыши? — произнес Чокер Старший прямо ему в ухо.

Чокер Младший вздрогнул и быстро повернулся к брату. Чокер Старший выглядел просто великолепно.

— Да перестань, мой Старший, я желаю тебе всего самого лучшего, — проговорил Чокер Младший. — Честное слово. Я хочу, чтобы ты занял как можно более высокое место.

— Второе, если победишь ты, верно?

— А ты бы отказался от второго места, если бы победил я?

— Ты не можешь победить. Я кое-что выяснил. Мне известно, какой популяцией ты пользовался; и все ингредиенты...

— Ты своей-то работой занимался или потратил все время на игры в детектива?

— Обо мне не беспокойся. На то, чтобы понять, что из таких составляющих нельзя сделать ничего путного, много времени не понадобилось.

— Ты проверил это с помощью компьютера?

— Совершенно верно.

— Как же я в таком случае дошел до финала? Вдруг тебе не все известно о моих ингредиентах? Послушай, Старший, количество возможных комбинаций даже из нескольких составляющих необычайно велико, а если еще учесть разные пропорции и типы обработки до и после смешивания, порядок смешивания и...

— Я не нуждаюсь в твоих лекциях, Младший.

— Тогда ты должен знать, что ни один компьютер не может заменить тонко чувствующий язык. Можно добавлять некоторые ингредиенты в неувовимо малых количествах, однако общий вкус и аромат Блюда существенно изменится.

— Ты научился этому на других мирах, Малыш?

— Я научился этому сам. — И Чокер Младший ушел прочь, опасаясь наговорить лишнего.

Не вызывало сомнений, что Великий Старейший Томас в этом году, как и во все предшествующие годы, держал жюри на кончике языка — как гласит поговорка. Судьи расселись за длинным столом, оставив посередине место для самого Томаса.

Результаты были отосланы в главный компьютер; Томас получил ответ. В зале, где собрались соревнующиеся, их друзья и семьи, наступила гробовая тишина. Они ждали мига славы или, в худшем случае, утешения в том, что каждому доведется попробовать тридцать новых Блюд.

Остальное население Гаммера, все без исключения, наблюдало за происходящим по головизорам. Когда все будет закончено, на рассмотрение публики вынесут дополнительные порции тридцати новых Блюд; пир будет продолжаться целую неделю — далеко не всегда общественное мнение совпадало с решением жюри; впрочем, это никак не влияло на определение победителя.

— Я не помню другого случая, — заявил Томас, — когда между членами жюри царило бы такое полное согласие.

И судьи закивали, удовлетворенно улыбаясь.

Чокер Младший подумал: «Они искренне рады, что едины во мнении с Великим Старейшим. Значит, они присудили пальму первенства мне».

— В этом году, — продолжал Томас, — нам удалось попробовать Блюдо, обладающее столь тонким вкусом и изумительным ароматом, какого за долгие годы моего председательства мне встречать не доводилось. Оно лучше всех. Я не могу себе представить, что его можно превзойти. — Он поднял вверх компьютерные карточки судей. — Мнение жюри единодушно, и компьютер нам понадобился только для того, чтобы расставить по порядку остальных претендентов. Победителем признан... — Томас сделал эффектную паузу, ведь его следующие слова будут с изумлением встречены всеми, кроме победителя, — ...Чокер Младший, за Блюдо, названное «Вершина Горы».

Чокер Младший подошел к столу, чтобы получить ленту, значок, диплом и рукопожатие; в это время остальные внимательно слушали Томаса Старейшего, чтобы не пропустить свой порядковый номер и узнать, какое место в списке финалистов досталось им. Чокер Старший получил пятое.

9

Немного погодя Великий Старейший Томас отыскал в толпе Чокера Младшего, взял под руку и отвел в сторону.

— Ну, Чокер Младший, сегодня замечательный день для тебя и для всех нас. Я не преувеличиваю. Никогда еще мой язык не прикасался к такому изумительному Блюду. И все же меня не оставляет любопытство. Я сумел определить все ингредиенты, но не понимаю, как их комбинация смогла произвести такой поразительный эффект. Готов ли ты поделиться со мной своим

секретом? Я не стал бы винить тебя в случае отказа, но, учитывая, что ты достиг такого невероятного успеха в столь юном возрасте...

— Я отвечу на ваш вопрос, Великий Старейший. Я собираюсь поведать об этом всем. Я сказал своему Старейшему, что буду молчать до тех пор, пока у меня не появятся доказательства. Теперь вы обеспечили меня этими доказательствами!

— Что? — с удивлением спросил Томас. — Какими доказательствами?

— Идея этого Блюда пришла мне в голову, когда я находился на друтих мирах. Каппер — так назывался тот мир, именно поэтому я и назвал свое Блюдо в его честь: «Вершина Горы». Я действительно использовал обычные ингредиенты, Великий Старейший, тщательно смешанные — все, кроме одного. Я полагаю, вы заметили «Садовый Запах»?

— Да, заметил, но там было легкое изменение, так кажется, до конца мне не удалось понять. Какое к этому отношение имеет тот другой мир, о котором ты говорил?

— Потому что это не «Садовый Запах», Великий Старейший, он не химического происхождения. Я использовал сложную смесь вместо «Садового Запаха», смесь, происхождение которой мне не до конца известно.

Томас сурово нахмурился:

— Ты хочешь сказать, что не можешь создать это Блюдо еще раз?

— Конечно, я могу воспроизвести его, не сомневайтесь, Великий Старейший. Ингредиент, о котором я говорю, называется чеснок.

— Но это же вульгарное название «Горного Запаха»! — нетерпеливо воскликнул Томас.

— Нет, это не «Горный Запах», который является химическим соединением. Я говорю о дольке растения.

Глаза и рот Великого Старейшего Томаса широко открылись.

— Никакая смесь не может заменить неповторимый вкус натурального продукта, Великий Старейший, — продолжал Чокер Младший с все возрастающим энтузиазмом. — На Каппере выращивают замечательную разновидность этого растения, и оно употребляется в качестве приправы к Блюду. Аборигены используют его бездарно, не понимая заложенного в чеснок потенциала. Я сразу сообразил, что истинный житель Гаммера сможет достичь несравненно лучших результатов, поэтому и привез с собой это замечательное растение и применил его во время приготовления Блюда. Вы сказали, что это лучшее Блюдо, к которому когда-либо прикасался ваш язык за долгие годы, и

я не могу себе представить более весомого доказательства преимущества открытого общества...

Тут он споткнулся и замолчал, с удивлением и беспокойством глядя на Томаса. Томас быстро отходил от него.

— Я ел растение... из грязи... — В горле Великого Старейшего что-то забулькало.

Томас часто хвастался, что он обладает удивительной крепостью желудка и его никогда не рвало, даже в детстве. И уж можно не сомневаться, что никого и никогда не рвало в Зале Жюри. Великий Старейший установил сразу два прецедента.

10

Чокер Младший так и не оправился. Он никогда не оправится. Если Чокер Старейший приговорил его к ссылке, значит, так тому и быть. Он никогда не вернется.

Старейший не пришел его проводить. Как и Старший, конечно. Это не имело значения; Чокер Младший поклялся, что справится с трудностями без их помощи, даже если ему придется работать на Каппере поваром.

Однако Леди пришла его проводить; единственная из всех, кто осмелился иметь дело с парией. Она вздрогнула и с такой тоской посмотрела на Чокера Младшего, что тому захотелось оправдаться в глазах матери.

— Моя Леди, — заговорил Чокер, которого переполняла жалость к себе, — это нечестно! Я создал лучшее Блюдо, которое когда-либо готовили на Гаммере. Великий Старейший сам это сказал. Лучшее. Если в нем была долька растения, из этого не следует, что Блюдо никуда не годится. Любой сообразит, что это может означать лишь одно: чеснок очень хорош. Неужели не понятно?.. Послушайте, мне пора подниматься на борт корабля. Скажите, что вы понимаете. Неужели не ясно, как важно, чтобы Гаммер стал открытым обществом и не только учил остальных, но и сам учился у них? Иначе нас ждет неизбежный упадок.

Платформа уже начала подниматься к кораблю. Леди печально смотрела на сына, словно понимала, что больше никогда не увидит своего Младшего.

Он наклонился над перилами.

— Что я сделал не так, моя Леди?

— Неужели ты не понял, мой Младший, — она говорила тихо и грустно, — то, что ты сделал, дурной...

Грохот закрывающегося люка заглушил ее последнее слово. Чокер Младший сделал шаг вперед и постарался забыть о Гаммере навсегда.

КАК ЭТО ПРОИЗОШЛО

Не все из задуманного у меня получается. В частности, в июне 1978 года я решил написать юмористическую историю мира, состоящую из серии забавных сцен, потому что сочинил, как мне казалось, очень смешную начальную сцену.

К сожалению, никаких иных сцен я сочинить не сумел, и от проекта пришлось отказаться. Ту, первую и единственную, я назвал «Как это произошло», предложил ее Джорджу Скизерсу, и она появилась в майском номере журнала Азимова.

Мой брат начал диктовать в своем излюбленном ораторском стиле — народы слушали его, затаив дыхание, когда он так говорил.

— В начале, ровно пятнадцать целых и две десятых миллиарда лет назад, произошел Большой взрыв, и Вселенная...

Я перестал писать.

— Пятнадцать миллиардов лет назад? — изумленно переспросил я брата.

— Совершенно точно, — уверенно заявил он, — на меня снизошло откровение.

— Я не ставлю под сомнение твои откровения, — сказал я. (Впрочем, лучше этого не делать. Он на три года меня моложе, но я не пытаюсь с ним спорить — как, впрочем, и все остальные. Слишком дорого это стоит.) — Ты что же, собираешься рассказать историю Сотворения, занявшую пятнадцать миллиардов лет?

How It Happened

© 1978 by Isaac Asimov

Как это произошло

© В. Гольдич, И. Оганесова, перевод, 1997

— Я должен, — ответил мой брат. — Ведь на него потребовалось именно столько времени. У меня тут все запечатлено, — он постучал себя пальцем по лбу, — а это высший авторитет.

Однако я уже отложил свое перо.

— А ты знаешь, сколько стоит папирус? — поинтересовался я.

— Что? — (Возможно, его и в самом деле посещали откровения, но я часто замечал, что такие мелочи, как цена папируса, никогда в них не фигурировали.)

— Предположим, ты сможешь описать события миллиона лет на одном папирусе, — продолжал я. — Отсюда следует, что тебе понадобится пятнадцать тысяч свитков. И все это время тебе придется говорить. Довольно быстро ты начнешь заикаться. А мне нужно будет все это записать — у меня просто отвалятся пальцы. Но даже если мы и купим столько папируса, у тебя хватит голоса, а у меня сил, кто будет в состоянии скопировать наш труд? Необходимо сделать по меньшей мере сотню копий, ведь без этого нам не получить никаких доходов.

Мой брат задумался.

— Выходит, мне лучше подсократить свою историю? — наконец спросил он.

— И очень существенно, — решительно ответил я, — если ты считаешь, что твоя писанина будет пользоваться популярностью.

— Как насчет ста лет?

— Мне больше нравится шесть дней.

— Втиснуть Сотворение в шесть дней — невозможно! — с ужасом воскликнул он.

— На большее у нас нет папируса, — строго проговорил я. — Ну, согласен?

— Ладно, — вздохнул мой брат и принялся снова диктовать: — В начале... неужели я должен уложиться в шесть дней, Аарон?

— Шесть дней, Моисей, — твердо заявил я.

ТРУДНО ОТКАЗАТЬСЯ ОТ ИЛЛЮЗИЙ

В пятидесятых годах «Гэлэкси» (редактор — Гораций Голд) был одним из ведущих журналов в области НФ и успешно конкурировал с журналом «Поразительная научная фантастика». Голд, однако, отличался тяжелым характером, и его отказы зачастую носили обидный характер. В конце концов мне они надоели, и я перестал писать для «Гэлэкси».

В марте 1957 года Голд попросил меня вновь испытать судьбу и обещал в случае отказа проявить вежливость. И я согласился, ибо, если не брать в расчет форму отказов, Гораций мне нравился. Так появился на свет рассказ «Трудно отказаться от иллюзий»; Гораций Голд, против обыкновения, его принял и опубликовал в октябрьском номере «Гэлэкси».

Минуло четверть века. Почему же рассказ не вышел ни в одном из моих авторских сборников? С моей точки зрения, он вовсе не плох.

И ответ — он устарел. Обычно я стараюсь так выстроить произведение, чтобы не оказаться на пути развивающейся науки, но тут я дал маху. В 1957 году все только и говорили о полете на Луну, хотя еще и спутника не вывели на орбиту. Поэтому я со спокойной душой сел писать о полете на Луну, ничуть не ожидая, что реальные события чуть ли не опередят мой рассказ. Через несколько лет не только спутники стали обычным делом, но даже дальнюю сторону Луны сумели облететь и сфотографировать.

Теперь я думаю, что сам факт устаревания — не такой уж грех. Его можно использовать в качестве поучительного опыта.

Ideas Die Hard

© 1957 by Isaac Asimov

Трудно отказаться от иллюзий

© В Гольдич, И Оганесова, перевод, 1997

Вот вам пример того, что в 1957 году мне казалось умной идеей; сами убедитесь, как наука может обогнать даже ухищренное воображение.

Их привязали ремнями, чтобы они не пострадали от ускорения во время старта, окружили хитроумно сконструированные кресла газообразной средой, а тела укрепили специально подобранными наркотиками.

Потом, когда пришла пора отстегнуть ремни, они получили возможность шевелиться — но не намного больше, чем прежде.

Простые, легкие комбинезоны создавали иллюзию свободы, но это была всего лишь иллюзия. Они могли двигать руками как угодно, а вот ногами — лишь до определенной степени. Одну еще можно было выпрямить полностью, обе одновременно не получалось.

Встать они не могли, только откинуться на спинку кресла и сдвинуться чуть влево или вправо. У них не было ничего, кроме кресел. Они ели, спали, выполняли все, что требовали их тела, сидя. И только сидя.

Дело в том, что на целую неделю (на самом деле чуть больше чем на неделю) они оказались погребенными в этом склепе. В данный момент не имело никакого значения, что их склеп окружал бездонный космос.

С ускорением было покончено, и теперь они безмолвно неслись сквозь пространство, разделяющее Землю и Луну, а в их душах поселился ужас.

Брюс Г. Дейвис-младший спросил глухим голосом:

— О чем будем разговаривать?

— Не знаю, — ответил Марвин Олдбери, и снова наступило молчание.

Они не были друзьями, до недавнего времени даже не знали друг друга. Однако оказались в этом заточении вместе. Каждый вызвался добровольцем. Каждый прошел все испытания. Холостяки, с отличным здоровьем и высоким уровнем интеллектуального развития.

Более того, оба прошли курс солидной психотерапевтической подготовки, длившейся несколько месяцев.

Главный совет специалистов психологов был таким — разговаривайте!

«Если нужно, разговаривайте непрерывно, — твердили специалисты в один голос. — Очень важно не почувствовать одиночество».

— Откуда они знают? — спросил Олдбери, крупный сильный парень, который был выше и мощнее своего напарника. Брови

у него срослись над переносицей, точно кто-то поставил тире между черными дугами.

У Дейвиса были песочного цвета волосы, множество веснушек, озорная улыбка и легкие тени под глазами. Видимо, они и придавали его лицу мрачноватое выражение.

— Ты про кого? — спросил он.

— Про психологов. Помнишь их совет: разговаривать? А откуда им известно, что от этого будет какой-нибудь прок?

— Им-то, вообще, какое до нас дело? — проговорил Дейвис резко. — Это же эксперимент. Если он провалится, другой паре они посоветуют: «Ни в коем случае не разговаривайте во время полета».

Олдбери вытянул руки, и его пальцы коснулись окружавшей их большой полусферы, где находились приборы, с которых поступала информация. Он мог нажимать на кнопки, регулировать кондиционеры, вытаскивать пластиковые трубочки, через которые поступала безвкусная питательная смесь, избавляться от отходов и касаться клавиш, управляющих видеоскопом.

Мягкий электрический свет давали надежные солнечные батареи, закрепленные на корпусе корабля.

Благодарение небесам, подумал Олдбери, за то, что наш корабль вращается. Возникающая в результате центробежная сила прижимает нас к креслам и создает ощущение веса. Если бы не сила тяжести, равная земной, это вообще было бы невыносимо.

И все равно могли бы построить корабль и побольше, где поместилось бы все необходимое оборудование, а два члена экипажа не сидели друг у друга на головах.

Он облек свою мысль в слова:

— Что им стоило сделать так, чтобы места тут было побольше?

— Зачем? — спросил Дейвис.

— Встать хочется.

Дейвис фыркнул — ничего другого ему не оставалось.

— Почему ты вызвался добровольцем? — спросил Олдбери.

— Тебе следовало спросить меня об этом до того, как мы стартовали. Тогда я знал. Я намеревался стать первым человеком, облетевшим Луну и вернувшимся домой. Героем в двадцать пять лет. Колумб и я. Ты меня понимаешь? — Он сердито покачал головой и попил немного воды из трубочки. — Но последние два месяца я думал только о том, что хочу отказаться от этой затеи. Каждый раз я ложился спать, замирая от ужаса, и давал себе торжественное обещание: утром обязательно скажу, что передумал участвовать в их эксперименте.

— Однако ты этого не сделал.

— Нет, не сделал. Потому что не смог. Я оказался трусом: побоялся признаться в том, что космос меня пугает. В тот момент когда меня привязывали к этому креслу, я уже был готов крикнуть: «Нет! Поищите кого-нибудь другого!» И не нашел в себе для этого сил — даже тогда!

Улыбка Олдбери получилась совсем невеселой.

— А я и говорить им не собирался. Написал записку, в которой просто сообщал, что никуда не полечу. Хотел отправить ее и затеряться где-нибудь в пустыне. Знаешь, где сейчас эта записка?

— Где?

— В кармане рубашки. Здесь, со мной.

— Неважно, — проговорил Дейвис. — Мы вернемся героями — могучими, покрытыми славой, дрожащими от ужаса героями.

У Ларса Нильссона были грустные глаза, очень бледное лицо и большие костяшки на тонких пальцах. Представителю гражданских властей и главе проекта «Глубокий Космос» нравилась его работа во всех отношениях, нравилось даже напряжение и минуты, когда они терпели неудачи. До сих пор. До того момента, когда двоих людей наконец привязали к креслам и оставили в утробе летательного аппарата.

— Я чувствую себя так, будто подвергаю их вивисекции. Не знаю почему, — сказал он.

— Мы должны рискнуть людьми, мы же рисковали машинами, — с обиженным видом ответил ему возглавлявший группу психологов доктор Годфри Мэйер. — Мы сделали все, что в человеческих силах, чтобы подготовить их к полету и обеспечить безопасность. В конце концов, они же добровольцы.

— Я не забыл, — бесцветным голосом проговорил Нильссон, которого это знание явно не утешало.

Глядя на панель управления, Олдбери раздумывал о том, когда же — если это вообще произойдет — какая-нибудь из кнопок загорится красным светом и прозвучит тревожный сигнал, сообщающий об опасности.

Их заверили, что скорее всего ничего подобного не случится, однако каждого тщательно подготовили к возникновению критической ситуации и объяснили функции всех кнопок и приборов на панели, чтобы они смогли взять управление кораблем на себя.

И не без причины. Автоматизация достигла такого уровня, когда корабль превратился в саморегулирующийся организм, стал почти живым существом. Однако трижды беспилотные

корабли, почти такие же сложные, как и этот, внутри которого они отбывали заключение, словно два преступника в тюремной камере, должны были облететь вокруг Луны... но не вернулись.

Далее — каждый раз устройства, передающие на Землю информацию, переставали работать еще до того, как летательные аппараты выходили на орбиту вокруг Луны.

Общественное мнение проявляло нетерпение, и все, кто работал над проектом «Глубокий Космос», дружно проголосовали за то, что не следует ждать успешного возвращения беспилотного корабля и лишь потом рисковать людьми. Было решено, что настала пора привлечь к участию в эксперименте людей, которые смогут отрегулировать приборы в случае небольших неполадок в работе несовершенных автоматов.

Команда должна состоять из двух космонавтов — к такому выводу пришли руководители проекта, которые опасались, что рассудок одного человека, оказавшегося в космосе, не выдержит столь серьезного испытания.

— Дейвис! Эй, Дейвис! — позвал Олдбери.

Дейвис пошевелился, словно возвращаясь издалека.

— Что?

— Давай посмотрим на Землю.

— Зачем? — поинтересовался Дейвис.

— А почему бы нам на нее не взглянуть? Она, наверное, ужасно красивая.

Олдбери откинулся на спинку кресла. Видеоскоп был одним из примеров автоматизации. Соприкосновение с коротковолновым излучением выключало его. Ни при каких обстоятельствах не могли бы астронавты увидеть Солнце. Если не считать этого, видеоскоп всегда поворачивался в сторону самого яркого источника света в космическом пространстве, учитывая направление движения корабля — будто между прочим, объяснили космонавтам инженеры. Маленькие фотоэлементы, установленные с четырех сторон корабля, постоянно вращались, изучая небо. А если в самом ярком источнике света не возникало нужды, всегда можно было отключить видеоскоп вручную.

Нажатие на кнопку — и видеоскоп засветился, словно ожил. Дейвис погасил в каюте свет, и картинка стала ярче.

Ничего похожего на глобус с континентами они, естественно, не увидели. Их глазам предстало переплетение размытых белых и сине-голубых пятен, заполнивших экран.

Прибор, путем расчета значения гравитационной константы определявший, на какое расстояние корабль удалился от Земли, утверждал, что они пролетели уже около тридцати тысяч миль.

— Настрою-ка получше, — сказал Дейвис, протянул руку, чтобы отрегулировать картинку, и она сдвинулась.

На экране появилась черная тень. И ни единой звезды.

— Это ночь, — сказал Олдбери.

Изображение резко вернулось на место. Мрак подступал с другой стороны, на этот раз сквозь него просвечивали звезды.

— Хотел бы я там сейчас оказаться, — сглотнув, проговорил Олдбери.

— По крайней мере теперь мы точно знаем, что Земля круглая, — заявил Дейвис.

— Какое замечательное открытие!

Дейвиса, казалось, возмутил тон Олдбери.

— Да, это потрясающее открытие, если угодно. Только небольшой процент жителей Земли твердо знает, что она именно такая. — Он выключил видеоскоп, нахмурился, а через несколько мгновений в каюте загорелся свет.

— Все, кто родились после 1500 года, — напомнил ему Олдбери.

— Да будет тебе известно, что некоторые племена, живущие в Новой Гвинее, до 1950 года верили в то, что Земля плоская. Еще в 1930-х годах в Америке существовали религиозные секты, проповедники которых утверждали, что Земля круглой быть не может. Они даже предложили награду тому, кто сможет им доказать, что они ошибаются. От иллюзий трудно отказаться!

— Психи, и все тут, — проворчал Олдбери.

Дейвис начал распалатся.

— А ты можешь доказать, что наша Земля круглая? Ну, если не считать того факта, что ты видел ее сейчас на экране видеоскопа...

— Послушай, это же смешно.

— Смешно? А может быть, до сих пор ты просто верил своей учительнице из начальной школы так, словно она изрекала прописные истины? Какие доказательства тебе были тогда представлены? Что во время лунного затмения Земля отбрасывает на поверхность Луны круглую тень — следовательно, она является сферическим объектом? Полнейшая чепуха! Круглый диск тоже отбрасывает круглую тень. И яйцо, и любой предмет любой другой формы, пусть даже и самой необычной, имеющий хотя бы одно круговое сечение. Ты скажешь, что многим людям удалось совершить кругосветное путешествие. Но они могли, проходя определенное расстояние, просто кружить по центральному району плоской части Земли. Эффект был бы точно таким же. Разве корабли возникают на горизонте кверху дном? Оптическая иллюзия, не более того? Есть и более диковинные вещи.

— А маятник Фуко? — быстро спросил Олдбери, которого поразили напряженный голос и лихорадочные доводы Дейвиса.

— Ты имеешь в виду маятник, который остается в одной плоскости, а эта плоскость вращается по мере того, как под ней

вращается Земля со скоростью, зависящей от широты того места, где проводится эксперимент, — усмехнулся Дейвис. — Ясное дело! Если маятник остается в одной плоскости. Если эта теория верна. А как к этому отнесется самый обычный прохожий на улице, если только не поверит физикам на слово? Вот что я тебе скажу: пока космические корабли не поднялись достаточно высоко и не сделали снимки Земли, не было никаких серьезных доказательств того, что она круглая!

— Глупости, — заявил Олдбери. — Как бы выглядела Аргентина, если бы Земля была плоской, а Северный полюс находился по центру? Да и любое другое место, оказавшись центром, изменило бы внешний вид других районов. Поверхность Земли имела бы совсем иную форму, если бы она была не сферической. Уж против этого-то ты спорить не будешь!

Дейвис замолчал на некоторое время, потом мрачно произнес:

— Слушай, а какого черта мы тут с тобой спорим? Да провались оно все пропадом!

Олдбери охватило невыносимое чувство тоски после того, как он взглянул на Землю и поговорил о ней. И тогда он принялась очень тихо рассказывать про свой дом, про юность в Трентоне, штат Нью-Джерси, вспомнил старые, банальные анекдоты про родственников — ему казалось, что он давно их забыл. Он смеялся над тем, что и смешным-то не было, и снова почувствовал детскую боль, от которой, как он думал, давно излечился.

В какой-то момент Олдбери задремал, потом неожиданно проснулся и испугался, обнаружив, что его тело заливают холодный, голубоватый свет. Инстинктивно он попытался вскочить на ноги, но тут же со стоном опустился в кресло, потому что больно ударился локтем обо что-то металлическое.

Видеоскоп снова был включен. Голубоватый свет, испугавший Олдбери, когда он проснулся, отражался от Земли.

Теперь изгиб края Земли было гораздо заметнее.

Сейчас Земля находилась от них в пятидесяти тысячах миль.

Дейвис повернулся, когда его напарник неудачно попытался встать, и ядовито проговорил:

— Тот факт, что Земля круглая, не подвергается сомнению. В конце концов, Человек может проползти по ее поверхности и понять, какой она формы, по географическим признакам — ты ведь так сказал? Но существуют другие вопросы, в которых мы ведем себя так, будто уверены, что обладаем истинным знанием, а это вовсе не так уж и однозначно.

Олдбери потер разбитый локоть и сказал:

— Да ладно тебе, ладно.

Однако Дейвис не унимался.

— Вот наша Земля. Посмотри на нее. Сколько ей лет?

— Я полагаю, несколько миллиардов, — осторожно ответил Олдбери.

— Ты полагаешь? А какое право ты имеешь полагать? Почему бы не сказать, что Земле несколько тысяч лет? Твой прапрадедушка, видимо, считал, что Земле шесть тысяч лет, если взять за истину то, что написано в Книге Бытия. Насколько мне известно, мой дед именно так и думал. С какой стати ты уверен, что они ошибались?

— Существует множество доказательств — с точки зрения геологии.

— Время, которое требуется на то, чтобы океан стал таким соленым, как сейчас? Время, которое требуется на то, чтобы скалы из осадочных пород стали такими, как сейчас? Время, которое требуется на то, чтобы в урановой руде образовалось определенное количество свинца?

Олдбери откинулся на спинку кресла и как-то отстраненно принялся разглядывать Землю. Он почти не слышал того, что говорил Дейвис. Еще немного, и они увидят ее всю. Уже и сейчас в одном углу экрана видеоскопа можно было разглядеть ее изгибы на темном фоне космического пространства, в то время как ночная тень напозала с другой стороны.

Конечно, ночная тень не изменила своего положения. Земля вращалась, и людям в космическом корабле казалось, что она купается в свете.

— Ну? — потребовал ответа Дейвис.

— Что? — удивленно спросил Олдбери.

— Как насчет твоих идиотских доказательств с точки зрения геологии?

— А... распад урана, например.

— Я уже об этом говорил. Ты дурак.

Прежде чем ответить, Олдбери сосчитал до десяти.

— Я так не думаю.

— В таком случае послушай. Предположим, Земля возникла шесть тысяч лет назад, как говорится в Библии. Почему она не могла быть рождена таким образом, чтобы в уране уже содержался определенный процент свинца? Если можно сделать уран, почему бы не засунуть в него свинец? Почему бы не сделать океан соленым, а скалы из осадочных пород именно такими, какие они сейчас? Почему бы не нашпиговать почву известными нам ископаемыми?

— Иными словами, почему бы не создать Землю с полным набором свидетельств, доказывающих, что ей миллиард лет?

— Точно, — согласился Дейвис, — почему бы и нет?

— Позволь мне задать тебе другой вопрос: а зачем?

— Мне наплевать на причины, я пытаюсь объяснить тебе: так называемые доказательства возраста Земли вовсе не отрицают того, что она родилась шесть тысяч лет назад.

— Мне кажется, тебе все это представляется чем-то вроде игры, — проговорил Олдбери. — Научная загадка для проверки умственных способностей человечества. Или заданная людям намеренно — чтобы они отточили свое логическое мышление. Похоже на хитроумную погремушку, подвешенную над интеллектуальной колыбелью.

— Пытаешься пошутить, да, Олдбери? А на самом деле, что невозможного в твоих предположениях? Может быть, в них содержится правда. Ты же не в состоянии доказать, что это не так.

— А я и не пытаюсь ничего доказывать.

— Нет, тебя вполне устраивает, что можно принимать все на веру. Именно поэтому я и сказал, что ты дурак. Если бы мы могли отправиться в прошлое и увидеть все собственными глазами, вот тогда другое дело. Если бы могли попасть в какой-нибудь период времени до четырехсотого года до нашей эры и посмотреть на Древний Египет, или даже в еще более раннюю эпоху и словить саблезубого тигра...

— А еще хорошо было бы поймать тираннозавра.

— Конечно, тираннозавра. Просто отлично. До тех же пор мы имеем право только предполагать — и у нас нет никакой возможности доказать, в каком месте наши предположения правильны, а где мы ошибаемся. Вся наука основана на вере в стартовые постулаты и в значение методов дедукции и индукции.

— Тут нет никакого преступления.

— Тут есть преступление! — с возмущением воскликнул Дейвис. — Ты начинаешь им верить, и, как только это происходит, твой разум погружается в спячку. У тебя уже возникли определенные представления, и ты ни за что не захочешь поменять их. Галилей знал, что людям трудно отказаться от иллюзий.

— Колумб тоже, — сонно проговорил Олдбери.

Голубоватая Земля, мимо которой проносились клубящиеся облака, усыпляла его.

Дейвис ухватился за этот аргумент с явным ликованием.

— Колумб! Ты, видимо, думаешь, будто он считал Землю круглой, в то время как все остальные были уверены в том, что она плоская.

— Ну, до определенной степени.

— Вот к чему приводит вера во всезнание учительницы начальной школы. Каждый разумный и образованный человек, живший во времена Колумба, был готов признать, что Земля круглая, а спорили они по поводу ее размера.

— Точно?

— Абсолютно! Колумб пользовался картами итальянского географа, из которых следовало, что в окружности Земля составляет пятнадцать тысяч миль, а восточная граница Азии находится на расстоянии четырех тысяч миль от Европы. Придворные географы короля Иоанна Португальского утверждали, что это неверно. По их расчетам Земля составляла около двадцати пяти тысяч миль в окружности, а восточная граница Азии находилась на расстоянии двенадцати тысяч миль к западу от западной границы Европы, поэтому они советовали королю Иоанну не оставлять попыток объехать вокруг Африки. Португальские географы были, естественно, на сто процентов правы, а Колумб на все сто ошибался. Португальцы добрались до Индии, а Колумб — нет.

— И тем не менее он открыл Америку, — возразил Олдбери. — Вряд ли ты станешь отрицать этот факт.

— Это не имело никакого отношения к его представлениям. Он открыл Америку по чистой случайности. Колумб был самым настоящим интеллектуальным мошенником: когда во время путешествия выяснилось, что его карты неверны, он просто взял и подделал записи в судовом журнале, но ни за что не пожелал расстаться со своими заблуждениями. Ему было очень трудно отказаться от своих иллюзий — они умерли вместе с ним. Так и с нами происходит. Я могу до посинения пытаться убедить тебя в собственной правоте, но ты все равно будешь продолжать считать Колумба великим человеком, поскольку он верил в то, что Земля круглая, в то время как все остальные представляли ее себе плоской.

— Пусть будет по-твоему, — проворчал Олдбери.

Его охватила апатия. Вдруг вспомнился куриный суп, который готовила его мать, когда он был ребенком. С ячменем. Он не забыл запахи, наполнявшие кухню в субботу утром, когда к завтраку подавали поджаренный французский хлеб, и то, как выглядели улицы после дождя, и...

Ларс Нильссон держал в руках расшифровки, в которых психологи поместили наиболее важные места.

— Мы по-прежнему слышим их четко и ясно?

Его заверили, что приемники работают безупречно.

— Мне не нравится, что мы подслушиваем разговоры Дейвиса и Олдбери без их ведома, — заявил он. — Наверное, это глупо с моей стороны.

Годфри Мэйер не посчитал нужным спорить с диагнозом, который выставил себе Нильссон.

— Конечно, — согласился психолог, — очень глупо. Ты должен рассматривать их разговоры как дополнительную информацию, необходимую для изучения реакции человека на космическое пространство. Когда мы проверяли, как человек реагирует на ускорение выше чем одно «же», ты испытывал смущение из-за того, что занимался сравнительным анализом кровяного давления?

— Что скажешь о Дейвисе и его весьма необычных теориях? Он меня беспокоит.

Мэйер покачал головой:

— Пока еще мы не знаем, по какому поводу следует испытывать беспокойство. Дейвис выпускает наружу свою ненависть к науке, из-за которой он оказался в таком положении.

— Ты так думаешь?

— Одно из предположений. Не держать в себе возмущение и злобу иногда бывает очень полезно. Именно благодаря этому он может сохранить стабильность. Впрочем, вполне возможно, что Дейвис зайдет слишком далеко. Еще рано делать выводы. Я думаю, Олдбери грозит более серьезная опасность. Он становится все пассивнее и пассивнее.

— Слушай, Мэйер, а вдруг окажется, что Человек — человеческое существо вообще — не в состоянии переносить космос?

— Если мы построим корабли, внутри которых все будет как на Земле и они смогут взять на борт сотню человек — у нас не возникнет никаких проблем. А пока речь идет о посудинах вроде этой... — он показал пальцем куда-то себе за спину, — нужно быть готовым к разного рода неприятностям.

Нильссон почувствовал легкое разочарование.

— Ну, сейчас идет третий день полета, и до сих пор ничего непредвиденного не произошло, — напомнил он.

— Идет третий день, — резко сказал Дейвис. — Мы уже пролетели полпути.

— Угу. У меня был двоюродный брат, хозяин лесопилки. Его звали Реймонд. Иногда по дороге из школы домой я заходил к нему, — заговорил Олдбери.

Каким-то совершенно необъяснимым образом он вдруг вспомнил стихотворение Лонгфелло* «Деревенский кузнец», а потом в памяти всплыла строчка про «детей, возвращающихся домой из школы», и он подумал о том, сколько людей, с выражением произносивших слова: «Под раскидистым каштаном деревенская кузница стоит», знает, что кузница и кузнец — не одно и то же?

* Генри Уодсворт Лонгфелло (1807—1882) — американский поэт. (Примеч. пер.)

— О чем я говорил? — спросил он.

— Не знаю, — раздраженно ответил Дейвис. — Я сказал, что мы пролетели уже больше половины пути и еще ни разу не посмотрели на Луну.

— В таком случае давай на нее поглядим.

— Ладно, только видеоскоп будешь настраивать ты. Мне уже надоело этим заниматься. Черт подери, у меня на заднице образовались мозоли! — Он поерзал в ограниченном пространстве своего кресла, стараясь устроиться как-нибудь по-другому. — Знаешь, я думаю, что идея заставить корабль вращаться, чтобы гравитация вдавливала нас в эти сиденья, была не очень-то удачной. Хорошо было бы немного полетать в невесомости, чтобы расслабиться.

— Здесь места нет, чтобы летать, — вздохнул Олдбери, — а в состоянии свободного падения ты бы обязательно стал жаловаться, что тебя тошнит.

Олдбери занимался настройкой видеоскопа и говорил одновременно. Мимо проплыли звезды.

То, что он делал, было совсем просто. Инженеры дома, в Трентоне — нет, на самом деле, в Нью-Мексико; ну хорошо, на Земле... — инженеры прекрасно выполнили свою задачу, научили Дейвиса и Олдбери управляться с приборами, которыми был оборудован корабль. Видеоскоп нужно повернуть на сто восемьдесят градусов от Земли. Потом за дело возьмется автоматика. Луна окажется самым ярким объектом в данной области. Приборам понадобится несколько секунд для того, чтобы обследовать небо и повернуть видеоскоп в сторону Земли, однако этих нескольких секунд будет достаточно, чтобы переключиться на ручное управление и — прямо в яблочко!

Они увидели лунный серп. Луна должна находиться в противофазе относительно Земли, поскольку корабль мчался курсом, который почти прямой линией соединял две планеты.

Но полумесяц был какой-то распухший, словно сошел с картинки дешевого календаря. Олдбери подумал, что надеялся увидеть две головы, прижавшиеся друг к другу, короткие прямые волосы и длинные вьющиеся, на фоне Луны. Полной Луны.

— По крайней мере, она на месте, — фыркнул Дейвис.

— А ты предполагал, что ее там не окажется?

— Я ничего не предполагаю, когда речь идет о космосе. Ничего определенного. Никому еще не довелось тут побывать, так что никто ничего не знает наверняка. Но во всяком случае Луну я вижу собственными глазами.

— Если уж на то пошло, ты ее и с Земли видишь.

— А почему ты так уверен, что видишь ее с Земли? Тот, кто находится на Земле, может лишь утверждать, что Луна — рас-

крашенная желтая заплатка на голубом фоне, которая точно по расписанию прячется в тень.

— Звезды и планеты тоже подчиняются расписанию?

— Совсем как в планетарии. Почему бы и нет? А телескоп показывает больше звезд, нарисованных на...

— Со встроенным моторчиком, чтобы они двигались?

— Вполне возможно, — с вызовом проговорил Дейвис. — Только вот мы уже на полпути к Луне, и она становится все больше и больше. Может быть, мы все-таки убедимся, что она и в самом деле существует. По поводу планет и звезд я пока не стану делать никаких выводов.

Олдбери взглянул на Луну и вздохнул. Через несколько дней они приблизятся к ней, облетят вокруг и увидят ту часть, что спрятана от глаз землян.

— Я никогда не верил в истории о человеке, живущем на Луне, — сказал он. — Мне ни разу не довелось его разглядеть. Зато я видел женское лицо — глаза, немного асимметричные и очень грустные. Я смотрел на полную Луну из окна своей спальни, и она всегда была доброй и одновременно вызывала во мне грусть. Когда мимо проносились облака, мне казалось, что в движении находится Луна, а не облака, но при этом она никогда не уходила от моего окна. А еще Луну можно увидеть сквозь облака, Солнце — никогда, даже если облака совсем маленькие. Луна такая яркая, она намного ярче Солнца. Почему так, папа... хм-м-м, Дейвис?

— Что с твоим голосом? — спросил Дейвис.

— С моим голосом все в порядке.

— Ты пицишь.

Олдбери усилием воли заставил свой голос звучать на октаву ниже.

— Я не пишу!

На панели управления было две пары часов, и его глаза частенько останавливались на их циферблатах. Впрочем, одни часы показывали обычное время, Олдбери оно не интересовало. А вот другие, отмерявшие время, прошедшее с момента старта, завораживали его. Выходило, что Олдбери с Дейвисом провели в полете шестьдесят четыре часа с небольшим; красными цифрами в обратном порядке обозначалось время, остающееся до того момента, когда они снова окажутся на Земле. Эта цифра в данный момент равнялась ста сорока четырем с небольшим.

Олдбери жалел, что им известно, сколько часов они должны провести в космосе. Он с радостью вычислил бы сам. В школе Олдбери обычно считал, сколько времени осталось до летних каникул. Он делал вычисления в уме — и это было невероятно трудно — во время уроков географии, всегда почему-то географии;

у него получалось много дней и страшно много часов. Он записывал полученный результат крошечными цифрами в своей тетрадке. И каждый день эта цифра уменьшалась. Частично удовольствие от приближающихся каникул заключалось в наблюдении за тем, как медленно, медленно сокращается число дней до вожаделенного мига.

Но сейчас их количество уменьшалось по воле часов, когда секундная стрелка проходила круг за кругом, кромсая время на минуты, едва заметные, тонкие, точно папиросная бумага, кусочки, прозрачные, совсем как ломтики солонины, которую нарезал автомат в магазине деликатесов.

Неожиданно в его размышления ворвался голос Дейвиса:

— Пока все идет хорошо.

— А ничего плохого и не произойдет, — спокойно заявил Олдбери.

— С какой стати ты так уверен?

— Потому что числа становятся меньше.

— Что? Повтори-ка.

Олдбери смутился на одно короткое мгновение, а потом сказал:

— Да ладно, ничего особенного.

В корабле царил полумрак, внутрь проникал лишь свет лунного полумесца. Олдбери снова погрузился в сон, словно нырнул в воду. Ему приснилась полная Луна в окне его комнаты — грустное женское лицо, которое пытается и не может сдвинуть с места ветер. А может, оно все-таки не так неподвижно, как ему кажется?

— Двести тысяч миль, — сказал Дейвис. — Мы проделали почти восемьдесят пять процентов пути туда.

Освещенная часть Луны была словно покрыта крапинками или утрями и теперь уже не помещалась на экране. Море Кризиса темнело слегка искаженным овальным пятном, достаточно большим, чтобы просунуть туда кулак.

— И ничего плохого не произошло, — продолжал Дейвис. — Ни один красный огонек не зажегся на панели управления.

— Хорошо, — сказал Олдбери.

— Хорошо? — Дейвис уставился на Олдбери, подозрительно прищурившись. — Во время всех предыдущих попыток неприятности начинались как раз в этом месте, следовательно, пока нельзя говорить, что все хорошо.

— Я не думаю, что у нас что-нибудь выйдет из строя.

— А я уверен: обязательно случится какая-нибудь мерзость. Предполагается, что Земля не должна знать.

— Чего не должна знать?

Дейвис рассмеялся, и Олдбери устало посмотрел на товарища. Его немного пугала усиливающаяся мания Дейвиса, который совсем не был похож на отца Олдбери — таким, каким он его помнил (только тогда отец был моложе, чем сейчас, со здоровым сердцем и роскошной шапкой волос).

Профиль Дейвиса резко вырисовывался в лунном свете.

— Возможно, в космосе есть много вещей, о которых нам знать не полагается, — сказал он. — Перед нами пространства размерами в миллиарды световых лет. А может быть — откуда нам знать, что это не так? — другая сторона Луны — всего лишь сплошная черная стена, на которой нарисованы звезды и планеты, а всякие там умники на Земле придумывают разные теории и рассчитывают хитроумные орбиты, глядя на них.

— Этакая игра для проверки нашей сообразительности? — спросил Олдбери.

Он вспомнил, как Дейвис уже говорил что-то похожее... или говорил он сам? Все, что было связано с кораблем, казалось, ушло куда-то далеко-далеко.

— А почему бы и нет?

— Все хорошо, — принялся успокаивать товарища Олдбери. — Пока все идет хорошо. Наступит день, вот увидишь, когда все это кончится.

— В таком случае почему записывающие устройства выходят из строя, когда корабль проходит первые двести тысяч миль? Почему? Отвечай!

— Ну, сейчас мы находимся в корабле. Мы все исправим.

— Нет, ничего мы не исправим, — заявил Дейвис.

Неожиданно Олдбери разволновался, потому что вспомнил рассказ, который читал в юности.

— Знаешь, мне однажды попалась книга про Луну. Марсиане построили свою базу на обратной стороне Луны. И мы их не видели, понимаешь. Они спрятались, а сами за нами наблюдали...

— Каким образом? — язвительно поинтересовался Дейвис. — Между Землей и ними было две тысячи миль лунной почвы.

— Нет. Давай я начну с самого начала. — Олдбери снова заметил, что его голос стал пронзительным, но ему было все равно. Хотелось встать и попрыгать, потому что одно воспоминание об этом рассказе подняло настроение. Только по какой-то причине он не мог тронуться с места. — Видишь ли, все это происходило в будущем, а земляне не знали...

— Может быть, заткнешься?

Олдбери сразу смолк. Ему стало обидно, и тогда он смущенно сказал:

— Ты говорил, что предполагается, будто Земля не должна узнать, именно поэтому выходят из строя приборы, а мы увидим только обратную сторону Луны, и если марсиане...

— Ты оставишь в покое своих идиотских марсиан?!

Оддбери замолчал. Он разозлился на Дейвиса. Если Дейвис взрослый, это еще не значит, что ему можно так кричать. Он снова посмотрел на часы. До летних каникул оставалось сто десять часов.

Теперь они падали прямо на Луну. Свободное падение. Стремительно снижались, набирая скорость. Лунное притяжение было слабым, но они падали с большой высоты. И теперь наконец их глазам предстали новые кратеры.

Конечно же, корабль промчится мимо и на огромной скорости благополучно облетит вокруг Луны, за час покроет расстояние в три тысячи миль, а потом повернет назад, к Земле.

Однако Оддбери с грустью подумал, что не видит знакомого женского лица. Так близко его рассмотреть было невозможно, перед глазами возникла только неровная поверхность Луны. Он почувствовал, как слезы потекли по щекам.

А потом вдруг маленькая тесная каюта корабля наполнилась громким жужжанием, на панели управления вспыхнули красные лампочки — сигнал тревоги.

Оддбери съехался в своем кресле, а Дейвис торжествующе крикнул:

— Я же тебе говорил! Все испортилось!

Он начал бессмысленно нажимать на кнопки приборов.

— Никакая информация не доберется до Земли! Тайны! Тайны!

Но Оддбери по-прежнему не сводил глаз с Луны. Теперь она была уже совсем близко, и ее поверхность находилась в постоянном движении. Корабль мчался вперед, собираясь, как и было запланировано, облететь вокруг Луны. И вдруг Оддбери пронзительно взвизгнул:

— Смотри! Посмотри-на-это! — Палец, которым он показывал на поразившую его картину, был напряжен от ужаса.

Дейвис поднял голову и только и смог сказать:

— О Господи! О Господи! — Он повторял это снова и снова, пока экран видеоскопа не потемнел, а на приборе, контролирующем его работу, не вспыхнула красная лампочка.

Ларс Нильссон не мог стать еще бледнее, чем был, но руки у него дрожали, когда он попытался сжать их в кулаки.

— Снова! Проклятье какое-то! В течение десяти лет автоматы не срабатывают — на кораблях без экипажа. А сейчас? Кто в этом виноват?

Не было никакого смысла искать виноватых. Нильссон вско-ре со стоном и сам признал: никто не виноват в том, что произошло. Просто в критический момент — в очередной раз — эксперимент провалился.

— Нужно каким-то образом помочь им выбраться, — сказал он, зная, что это весьма проблематично.

Однако они принялись делать все возможное.

— Ты тоже видел, верно? — спросил Дейвис.

— Я боюсь, — хныкал Олдбери.

— Ты видел. Ты видел обратную сторону Луны, когда мы промчались мимо, ты видел, что там ничего нет! Господи, только палки — большие перекладины, на которых натянуто шесть миллионов квадратных миль полотна. Клянусь, это самое настоящее полотно!

Дейвис дико рассмеялся, а в следующее мгновение задохнулся от собственного хохота.

И тогда он сказал хриплым голосом:

— Целый миллион лет человечество смотрело на самый большой фальшивый фасад, когда-либо существовавший на свете. Влюбленные встречались под натянутым над Землей куском полотна и называли его Луной. Звезды нарисованы; иначе просто не может быть. Если бы нам удалось подобраться немного ближе, мы бы соскребли парочку и привезли домой в качестве сувениров. О, это ужасно смешно. — Он снова расхохотался.

Олдбери страшно хотелось спросить, почему этот взрослый дяденька так весело смеется. Но ему удавалось произнести только: «Зачем, зачем...» Смех Дейвиса был таким отчаянным, что все слова застревали у Олдбери в глотке — так страшно ему становилось.

— Зачем? — повторил его вопрос Дейвис. — А мне-то, черт подери, почему знать? Зачем телевизионные студии выстраивают целые улицы фальшивых домов для своих программ? Может быть, все это шоу, а мы с тобой совершенно случайно забрели туда, где стоят декорации, которые кто-то перепутал и не вынес на сцену, где и мы с тобой должны были находиться. Человечество не должно ничего знать про эти декорации. Именно поэтому передатчики выходят из строя через две тысячи миль. А мы с тобой все видели собственными глазами.

Он хитро посмотрел на сидящего рядом здоровяка Олдбери.

— А знаешь, почему не имеет никакого значения, что мы все видели?

Олдбери взглянул на него, по его лицу текли слезы.

— Нет. Почему?

— Потому что не имеет никакого значения, знаем мы правду или нет. Если мы вернемся на Землю и скажем, что Луна — всего лишь большой кусок полотна, натянутый на деревянные, нас просто убьют. Или навсегда запрут в психушку, если решат проявить добросердечие. Именно по этой причине мы никому ничего не скажем. — В его голосе прозвучала угроза. — Ты понял? Ни единого слова!

— Я хочу к маме, — жалобно захныкал Олдбери.

— Ты понял? Мы будем молчать. Только в этом случае с нами будут обращаться как с нормальными людьми. Пусть кто-нибудь другой полетит туда, узнает правду и отдаст за нее жизнь. Поклянись, что будешь молчать! Скажи: «Честное слово, провалиться мне на этом месте!»

Тяжело дыша, Дейвис угрожающе поднял руку.

Олдбери, насколько позволяли ремни, сжался в своем кресле.

— Не бей меня. Не бей!

Однако Дейвиса охватила слепая ярость, и он взревел:

— Есть только один способ. — И ударил испуганного Олдбери, а потом еще раз и еще...

Годфри Мэйер, который сидел у постели Олдбери, спросил:

— Тебе все ясно?

Олдбери находился на излечении вот уже целый месяц. Ларс Нильссон устроился в другом конце комнаты, наблюдая за происходящим и прислушиваясь к разговорам. Он помнил, каким был Олдбери перед тем, как взойти на борт корабля. Его лицо по-прежнему оставалось круглым, но щеки стали впалыми и куда-то подевалась его сила.

— Это был вовсе не корабль. Мы не летали в космос, — голос Олдбери был ровным, но очень тихим.

— Послушай, мы не просто говорим тебе это. Мы же показали тебе корабль и приборы, которые управляли изображениями Земли и Луны. Ты же все видел.

— Да. Я знаю.

— Это были ходовые испытания, — спокойно и уверенно продолжал Мэйер, — полное дублирование условий для проверки космонавта в стрессовой ситуации. Естественно, мы не могли сказать об этом тебе или Дейвису — это было бы бессмысленно. Мы могли остановить эксперимент в любой момент. Сделать выводы и внести изменения, а потом пригласить новую пару.

Он повторил это снова и снова. Необходимо было заставить Олдбери понять, что с ним на самом деле произошло, в противном случае он не сможет жить дальше.

— А новая пара уже прошла испытание? — грустно спросил Олдбери.

— Нет. Еще нет. Необходимо внести кое-какие изменения

— Меня постигла неудача.

— Мы узнали много полезного, поэтому эксперимент можно считать успешным. А теперь послушай: приборы на корабле были сконструированы таким образом, что должны были испортиться именно тогда, когда это и произошло. Мы хотели проверить, как вы будете реагировать на критическую ситуацию после нескольких трудных дней, проведенных в космосе. Нарушение работы приборов было запланировано на тот момент, когда вам следовало подлетать к Луне, которую мы намеревались повернуть, чтобы вы посмотрели на нее под другим углом на обратном пути. Мы не построили обратную сторону, поскольку вы не должны были ее увидеть. Можно сказать... из соображений экономии. Эксперимент стоил пятьдесят миллионов долларов, а добывать ассигнования совсем непросто.

— Только вот видеоскоп вовремя не отключился, — с горечью проговорил Нильссон. — Реле не сработало. И вы увидели обратную сторону недостроенной Луны, а нам пришлось прекратить эксперимент, чтобы...

— Вот, — перебил его Мэйер. — Ну-ка повтори, Олдбери. Повтори все, что ты только что слышал.

Они долго молча шли по коридору, а потом Нильссон сказал:

— Сегодня он почти похож на себя прежнего. Тебе не кажется?

— Да, я заметил определенные улучшения, — признал Мэйер. — Довольно существенные. Но лечение ни в коем случае нельзя прекращать.

— А как насчет Дейвиса? Есть какая-то надежда? — спросил Нильссон.

Мэйер покачал головой:

— Совсем другой случай. Он полностью ушел в себя. Не желает разговаривать. А следовательно, мы не можем до него добраться. Мы уже пробовали алдостерон, спорынью, контрэлектроэнцефалографию и тому подобные штуки. Ничего не выходит. Он думает, что стоит ему заговорить, как мы поместим его в сумасшедший дом или прикончим. Самая настоящая паранойя.

— А ты сказал ему, что мы и сами знаем?

— Если это сделать, у него опять начнется приступ ярости и он попытается кого-нибудь убить — а вдруг нам не повезет так как Олдбери. Я думаю, он неизлечим. Иногда, когда на небе

светит Луна — мне говорил об этом санитар, — Дейвис смотрит на нее и тихонько бормочет: «Полотно».

— Знаешь, я вспомнил, что сказал сам Дейвис в начале полета: «Трудно отказаться от иллюзий». Так ведь, верно?

— Это трагедия нашего мира. Только... — Мэйер заколебался.

— Только что?

— Мы отправили три ракеты без людей на борту — и на каждой передатчики прекратили работать как раз перед тем, как они должны были подлететь к обратной стороне Луны... ни один не вернулся. Иногда я думаю...

— Заткнись! — яростно выкрикнул Нильссон.

ТОЧКА ВОЗГОРАНИЯ!

Так уж получилось, что я не только профессиональный писатель, но и профессиональный оратор. Я произношу речи (за деньги) вот уже тридцать лет, причем довольно успешно.

Существует некая организация, которая выпускает ежегодник под названием «Как найти нужного лектора»; разные агентства рекламируют в нем свои услуги (и можете не сомневаться, что среди них — и мой агент). Выпуск 1981 года решили открыть рассказом и, разумеется, подумали обо мне.

Я согласился, сочтя это приятным сочетанием двух своих карьер, в январе 1981 года написал рассказ «Точка возгорания!», и он был опубликован. Так как рынок распространения ежегодника весьма ограничен, я с удовольствием предлагаю этот рассказ здесь, для более соответствующих ему читателей научной фантастики.

— **Д**авайте разберемся, — сказал Энтони Майерс, наклоняясь через стол к человеку, сидевшему напротив. — Ваш компьютер не пишет речи?

— Нет, писать будете вы. Или кто-нибудь другой. — Николас Енсен сохранял спокойствие.

Это был маленький человечек, очень аккуратно одетый, в старомодном вязаном галстуке — и его нисколько не смущало, что он живет в мире, где все носят свитера.

— Мне удалось разработать систему, состоящую из слов, фраз и предложений, которые оказывают влияние на определенные группы людей, в зависимости от пола, возраста, нацио-

Ignition Point!

© 1981 by Isaac Asimov

Точка возгорания!

© В. Гольдич, И. Оганесова, перевод 1997

нальности, языка, профессии, места проживания и тому подобное, — продолжал Енсен. — Если вы сможете достаточно подробно охарактеризовать аудиторию, к которой собирается обратиться ваш оратор, то я сумею снабдить вас необходимыми деталями, которые нужно будет включить в речь. Чем больше мы узнаем об аудитории, тем точнее моя компьютерная программа выдаст ключевые слова и фразы. Они будут вплетены в речь...

— Но смогут ли... будет ли речь иметь смысл?

— Тут многое зависит от ловкости того, кто эту речь станет произносить; впрочем, на самом деле решающего значения это не имеет. Если вы просто будете колотить в барабан, то добьетесь того, что сердца и ноги собравшихся начнут отбивать вместе с барабанными палочками единый ритм — необходимо только отыскать точку возгорания. Смысл аналогичен мелодии, но барабану вовсе не обязательно ее играть; вполне достаточно определить ритм. Ну а что касается мелодии .. конечно, нужно постараться, чтобы она присутствовала, но главное — ритм. Вы меня понимаете?

Майерс почесал подбородок и задумчиво посмотрел на своего собеседника:

— А вы уже пробовали раньше?

Енсен коротко улыбнулся:

— Только неофициально. Для своих. И все же я прекрасно разбираюсь в том, о чем говорю. Я охолог .

— Как вы сказали?

— Я изучаю психологию толпы. До меня, насколько я знаю, никто еще не пытался компьютеризировать эту проблему.

— И вы уверены, что это должно сработать — в теории.

— Нет, я надеюсь только, что это может сработать — в теории.

— И хотите поставить эксперимент на мне. А что, если ничего не получится?

— Вы в любом случае ничего не потеряете. Я ведь не беру с вас денег. Для моей работы это будет полезно, а что касается вашего человека, то у него нет никаких шансов, если вы не прибегнете к моей помощи.

Майерс тихонько постучал по столу костяшками пальцев:

— Послушайте. Я хочу вам кое-что пояснить относительно моего человека. Он выглядит весьма впечатляюще. У него отличный голос. Он доброжелательный и симпатичный. Если с ним обращаться должным образом, из него может получиться исполнительный директор крупной компании, или посол, или президент Соединенных Штатов. Проблема состоит в том, что у него плохо с мозгами и он нуждается во мне, чтобы воспол-

вить этот пробел. Но ему нужно научиться выступать так, чтобы никто из аудитории не догадался, что за эффектным фасадом скрывается пустота. А вот этого-то он и не может сделать, даже если я напишу для него прекрасную речь. Он не в состоянии произнести ее так, чтобы произвести впечатление умного человека. Вы думаете, вам удастся написать речь лучше, чем мне?

— Не лучше. Просто появятся определенные гарантии. Возможно, я сумею научить его нажимать на нужные кнопки и зажигать людей.

— Что вы имеете в виду?

— Точка возгорания. Неужели непонятно, что это значит? У всякой толпы есть такая точка, однако каждый раз нажимать на нее следует по-разному.

— Вполне возможно, что вы пытаетесь всучить мне страшную липу, мистер Енсен. Нет такой речи, которую бы не испортил простофиля.

— Наоборот. Простофиля может произнести ее куда лучше, чем вы, потому что ему не надо думать самому. Могу я с ним встретиться? Если, конечно, вы решили воспользоваться моими услугами.

— Надеюсь, вы понимаете, что все сказанное здесь не подлежит разглашению.

— Конечно. Учитывая, что я надеюсь продавать свою программу, мне и самому необходимо соблюдать строгую секретность.

Барри Винстону Блоку еще не исполнилось сорока. В молодости он играл в баскетбол в одной из низших профессиональных лиг. Благодаря этому ему без особых усилий удалось закончить колледж на Среднем Западе, а потом достаточно успешно заниматься мелкой торговлей. Он производил весьма благоприятное впечатление — не столько потому, что был красив, а из-за того, что в нем чувствовались какая-то внутренняя сила и уверенность. Волосы тронула ранняя седина. У него была манера закидывать голову и улыбаться удивительно располагающей улыбкой.

Обычно у собеседника уходил примерно час на то, чтобы понять: за дружелюбием скрывается лишь дополнительное дружелюбие.

В данный момент Блок чувствовал себя паршиво. С тех самых пор как он связался с Майерсом, он постоянно ощущал в себе неуверенность. Он хотел продвигаться вперед; его тайным желанием было стать конгрессменом, а иногда ему казалось, что из него получится отличный проповедник; проблема

заклучалась в том, что он нервничал, когда оказывался среди большого скопления людей. После того как он пускал в ход свою замечательную улыбку, приходилось говорить — а сказать ему было нечего.

И никто так не смущал его, как этот маленький человечек с глазами-буравчиками, который сидел, сохраняя полную неподвижность, пока Блок читал свои речи. Было совсем непросто выступать перед настоящей аудиторией — кто-то постоянно шуршал, кашлял, явно недовольный тем, что он еще не закончил. А этот маленький человечек — Блоку с трудом удалось запомнить, что его зовут Енсен, — никак не реагировал на его слова, что ужасно раздражало.

Нет, на самом деле он реагировал — причем всегда одинаково: неизменно давал для чтения другую речь. И каждый раз она немного отличалась от предыдущей и нравилась Блоку, но он чувствовал, что у него что-то не получается. Это вызывало у него грусть и, в некотором роде, стыд.

Манускрипт, который вручили ему в этот день, произвел на него жуткое впечатление.

— А зачем там все эти значки?

— Ну-ну, Барри, — Майерс всегда говорил с Блоком успокаивающим голосом. — Мистер Енсен сейчас тебе все объяснит.

— Это указания. Вам придется их выучить, это совсем не трудно. Тире означает паузу, подчеркивание соответствует тому, что эти слова нужно выделить. Стрелка, направленная вниз, показывает, что вы должны понизить голос; стрелка, направленная вверх — повысить. Волнистая стрелка, направленная вниз, означает выражение презрения; волнистая стрелка, направленная вверх — следует повысить голос в гневе. Крутые скобки соответствуют короткой улыбке; двойные скобки — усмешка; тройные — необходимо рассмеяться. Однако нельзя громко хохотать. Черта над словом означает, что ваше лицо должно принять мрачное выражение. Звездочка...

— Я не смогу все это запомнить, — перебил его Блок.

Майерс, сидевший у Блока за спиной, начал энергично кивать, показывая, что он с этим совершенно согласен.

Однако Енсен ничуть не смутился:

— Потренируетесь и запомните. Ставки велики, стоит немного потрудиться.

— Давай, Барри, — вмешался Майерс. — Попробуй почитать, мистер Енсен тебе поможет.

Казалось, Блок собрался что-то еще возразить, но врожденная доброжелательность победила. Тогда он положил манускрипт на кафедру и начал читать. Он спотыкался, хмурился, глядя в текст, начинал сначала и снова останавливался.

«Енсен раз за разом объяснял ему смысл значков. Они потратили целый час на первые три абзаца, после чего решили сделать перерыв.

— Ужасно!.. — заявил Майерс.

— Вы помните, как пытались научиться кататься на велосипеде? — спросил Енсен.

В тот день Блок еще дважды прочитал речь от начала до конца; и на следующий день тоже. Потом для него приготовили другую речь. Тренировки продолжались.

Через неделю Блок заявил:

— Кажется, я начинаю понимать. У меня получается все лучше и лучше.

— У меня тоже возникло такое впечатление, — с сомнением проговорил Майерс.

Позднее Енсен сказал Майерсу:

— Он чувствует себя увереннее, чем я предполагал. У Блока есть определенный потенциал, но...

— Но что?

Енсен пожал плечами:

— Ничего. Посмотрим, что будет дальше.

— Полагаю, Блок готов к первому выступлению, — наконец сказал Енсен, — если аудитория будет однородной и мы сможем предварительно ее хорошенько проанализировать.

— Американской ассоциации ткачей требуется спикер, думаю, я смогу предложить им Барри. Вы справитесь с такой аудиторией?

— Ткачи? — задумчиво переспросил Енсен. — Их экономическое положение однородно, да и разница в образовании не должна быть очень существенной. Мне нужно заранее знать, какие города и штаты они представляют. Возраст, пол ну и все такое прочее. Как обычно.

— Я постараюсь добыть побольше информации, но времени остается совсем немного.

— Дело у нас пойдет быстро. Многие вопросы уже удалось решить. Ваш человек научился как следует произносить речи.

Майерс рассмеялся:

— Иногда ему удастся произвести впечатление даже на меня. Понимаете, я не хочу, чтобы он оказался в Конгрессе. Пусть лучше выступает на телевидении, продавая мою точку зрения — я хотел сказать его...

— Ну, своей у него нет и в помине, — сухо заметил Енсен.

— Это не имеет значения. Я уже начал считать цыплат.

Блок хорошо проявил себя, когда ассоциация ткачей пригласила их на коктейль. Он следовал всем указаниям, улыбался,

говорил немного, дважды безобидно пошутил, но по большей части слушал и кивал.

И все-таки сидевший за соседним столом Майерс чувствовал некоторую напряженность. Если Барри промахнется, они смогут стартовать еще раз, но в случае новой неудачи шансы на успех будут минимальны. Сейчас Барри должен сдать очень важный экзамен. Как жаль, что придется отказаться от человека с такой внешностью! Ведь он так похож на римского сенатора!

Майерс бросил быстрый взгляд на Енсена, устроившегося слева от него. Маленький человечек казался спокойным, но складка между бровями выдавала некоторую тревогу.

Обед закончился, прозвучали разные объявления, присутствующие поблагодарили организационный комитет, был представлен президиум — начались бесконечные приготовления, направленные на то, чтобы смутить оратора.

Майерс пристально посмотрел на Блока, поймал его взгляд и быстро показал два пальца — знак победы. Вперед, покажи им Барри!

Но получится ли?... Речь была странной, почти донкихотской. В газете она выглядела бы весьма необычно, если бы кто-нибудь захотел ее напечатать, но была полна скрытых намеков — если верить Енсену и его компьютеру.

Блок поднялся на ноги. Он легко шагнул на помост и положил записки на кафедру. У него всегда хорошо получались подобные вещи; Блок делал это незаметно, так что аудитория не испытывала раздражения от того, что он собирается прочитать заготовленную заранее речь.

Майерс вдруг вспомнил, как во время одного из выступлений оратор, сделав выразительный жест, сбросил свои записки с кафедры. Конечно, он собрал листы и продолжал речь, но аудитория его уже не слушала. Момент был безнадежно потерян.

Блок улыбнулся и медленно заговорил. (Давай, Барри, разогревайся поскорей.)

Казалось, Блок его услышал. Он ускорил ритм речи. Временами он делал короткие паузы — видимо, не мог разобрать какой-то из значков Енсена, но, к счастью, создавалось впечатление, что он это делает специально, подчеркивая смысл сказанного. Тут срабатывала внешность.

Потом он заговорил быстро и эмоционально. Вскоре Майерс с удивлением сообразил, что слышит бой барабанов. Это были те самые ключевые фразы, которые Блок произнес с нужным выражением — аудитория начала просыпаться.

В одном месте люди рассмеялись, слышались аплодисменты. Майерс никогда ранее не видел, чтобы выступления Блока прерывались аплодисментами.

Лицо Блока покраснело, один раз он так стукнул по кафедре, что стоявшая на ней лампа подскочила. (Только не сбрось ее на пол, Барри!) В ответ аудитория затопала ногами.

Майерс почувствовал растущее возбуждение, хотя ему было прекрасно известно, как тщательно готовилась эта речь. Он наклонился к Енсену:

— Ему удалось зажечь аудиторию, не так ли?

Енсен коротко кивнул. Его губы едва двигались.

— Да. И может быть...

Блок сделал короткую паузу — чтобы напряжение возросло еще больше, — а потом с грохотом опустил ладонь на кафедру, схватил манускрипт, смял его и отбросил в сторону.

— Мне это больше не нужно, — заявил он, и в его голосе явственно зазвучали ноты триумфа. — Я не хочу этих бумаг. Я написал свою речь заранее, не видя вас; я буду говорить от всего сердца, скажу то, что приходит мне в голову сейчас, друзья американцы, вы и я, вместе — о том, что мы видим вокруг сегодня, и то, что я мечтаю увидеть, друзья мои, и поверьте — это не одно и то же!

В ответ раздался оглушительный рев.

Майерс схватил Енсена за руку:

— Он не сможет сам добраться до конца!

Но Майерс ошибся. Блок продолжал свою речь, прерываемую оглушительными криками и аплодисментами. Уже не имело значения, слышит его кто-нибудь или нет. Блок поднял руки вверх, словно собирался обнять всю аудиторию, и в этот момент отчетливо прозвучал чей-то голос:

— Давай! Покажи им!

И Блок дал. То, что он говорил, не имело ни малейшего значения — но когда он закончил, зал устроил ему пятиминутную овацию.

— Что произошло? — спросил Майерс, пытаясь перекрыть невероятный шум. (Он и сам аплодировал, не жалея ладоней.)

Енсен продолжал сидеть. Казалось, маленький человечек окончательно раздавлен; потом, притянув к себе Майерса, он проговорил дрожащим голосом:

— Неужели вы сами не видите, что произошло? На то был один шанс из тысячи. Ближе к концу я начал подумывать, что это возможно. Такое может случиться...

— О чем вы говорите?

— Аудитория прошла точку возгорания — Блок впервые в жизни выступал перед такой аудиторией, но ведь и оратор тоже

имеет точку возгорания. Именно это и случилось с Блоком, а такой оратор сумеет повлиять на общественное мнение и сдвинуть горы.

— Кто? Барри?

— Да.

— Так это же замечательно!

— В самом деле? В таком состоянии он обладает колоссальной властью, и как только Барри это поймет, он перестанет в нас нуждаться. И куда он пойдет? Далеко не всегда люди, обладающие такой харизмой, вели человечество к бессмертной славе.

Вокруг них толпились люди.

— Это было совсем нетрудно, — негромко проговорил Блок, обращаясь к Майерсу. — И я чувствую себя просто великолепно! — Он смеясь повернулся к боготворящей его толпе.

Майерс с сомнением смотрел ему вслед, а в глазах Енсена появился страх.

ОН ПРИБЛИЖАЕТСЯ!

Почти каждый год люди из «Филд Энтерпрайзес» уговаривают меня написать статью из четырех частей, которую затем проталкивают в различные газеты. А в 1978 году они вдруг обратились ко мне с просьбой написать фантастический рассказ из четырех частей, причем общим объемом не больше пяти или шести тысяч слов.

С беспокойной душой, но я все же согласился и написал рассказ, когда ехал в поезде в Калифорнию (я самый плохой в мире путешественник, и даже хорошо, что в пути мне было чем заняться).

В «Филд Энтерпрайзес» остались довольны и распространили плод моих трудов по разным изданиям.

Тем не менее в этот сборник я включил рассказ с некоторым колебанием, потому что каждая его часть начинается с краткого изложения того, что было раньше — для тех читателей газеты, которые не читали предыдущего выпуска, а если и читали, то не помнят, о чем там шла речь. Поэтому прошу вас набраться терпения и не разгражать из-за нескольких фраз ненужного вам повторения.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Когда мы наконец получили весточку из Вселенной, ее послала вовсе не далекая звезда. Сигналы добивались к нам не через бескрайние просторы космоса, покрыв расстояние в световые и самые обычные годы. Произошло совсем не это.

It Is Coming

© 1979 by Isaac Asimov

Он приближается!

© В Гольдич, И Оганесова, перевод, 1997

Они рождались в нашей собственной Солнечной системе. Что-то (неизвестно что) приближалось к Земле. Оно (неизвестно что) должно было оказаться совсем рядом с нами через пять месяцев, если только оно не примет решения увеличить скорость или вообще свернуть с пути.

По крайней мере мы получили предупреждение. Если бы этот объект (неизвестно какой) появился пятьдесят лет назад — ну, скажем, в 1980 году, — его бы не удалось обнаружить так легко, а может быть, он и вовсе остался бы незамеченным. Огромный комплекс радиотелескопов, установленный в Московском Море, на обратной стороне Луны, уловил сигналы и определил место, откуда они исходят. И это проделал телескоп, работающий всего пять лет!

Однако как поступить с сигналом, должен был решить Мультивак, который сидел в своей берлоге в Скалистых горах. Астрономы смогли только сообщить, что сигналы поступают с нерегулярными промежутками времени, но в них есть какая-то система, следовательно, они содержат сообщение. Если его и можно расшифровать, то сделать это в состоянии только Мультивак.

Послание, что бы оно ни означало, было не на английском, китайском, русском или каком-нибудь другом земном языке. Микроволновые импульсы, переведенные в звуки или превращенные в картинки, никакой осмысленной информации не давали. Впрочем, разве должно было быть иначе? Язык, если это и в самом деле язык, явно инопланетного происхождения. А разум, стоящий за ним, если это и в самом деле разум, имеет аналогичное происхождение.

Для широкой общественности сочинили относительно правдоподобную историю. Говорили об астероиде, который — это утверждалось самым уверенным тоном — движется по такой орбите, что ни в коем случае не столкнется с Землей.

Однако за кулисами шла напряженная работа. Представители европейских стран, собравшиеся на конференцию, считали, что нет никакой необходимости что-либо предпринимать; когда объект прибывает, мы это узнаем. Исламский регион предложил начать подготовку к обороне. Советский и американский регионы указали, согласившись друг с другом, что знание всегда предпочтительно неведению и что сигналы следует подвергнуть компьютерному анализу.

А это означало, что в дело должен вступить Мультивак.

Проблема в том, что никто по-настоящему не понимает, что такое Мультивак. Он щелкает и гудит в искусственной пещере длиной в три мили, в Колорадо, и на его выводах держится мировая экономика. Никто не знает, хорошо или плохо разби-

рается в экономических вопросах этот чудовищный компьютер, но ни одно человеческое существо и ни одна группа человеческих существ не рискует брать на себя ответственность за принятие экономических решений, поэтому за них отвечает Мультивак. Он находит собственные просчеты, исправляет свои ошибки, расширяет структуру. Человеческие существа обеспечивают его энергией и запасными деталями, но наступит день, когда Мультивак и это сможет делать сам.

Мы с Жозефиной и являемся связующим звеном между Мультиваком и человеческими существами. Мы корректировали программы, когда требовалось внести какие-нибудь изменения, в случае необходимости вводили новые данные, а если было нужно, интерпретировали полученные результаты.

На самом деле все это можно было делать издалека, но мир хотел жить с иллюзией, что люди контролируют работу гигантского компьютера, поэтому политика требовала, чтобы рядом с Мультиваком находился один человек.

Иными словами, Жозефина Дюрей, которая знает про Мультивак больше, чем кто-либо еще на Земле — впрочем, нельзя сказать, что это очень много. Поскольку человек, попавший в бесконечные коридоры Мультивака, быстро лишится рассудка, если будет долго оставаться там один, я составил ей компанию. Меня зовут Брюс Дюрей, я муж Жозефины, по профессии инженер-электрик, а в результате усилий моей жены — специалист по Мультиваку.

Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы сообразить: мы с Жозефиной не хотели брать на себя ответственность за расшифровку инопланетных сигналов, но только Мультивак мог в них разобраться, если это вообще возможно, а мы являлись единственным связующим звеном между Мультиваком и человеческими существами.

Впервые Мультивак должен был начать решение задачи с пустого места, поскольку в его внутренностях не имелось ничего даже отдаленно похожего на ее условия, и все трудности, с этим связанные, легли на плечи Жозефины, которой я мог лишь помогать.

— Все, что я в состоянии сделать, Брюс, так это посоветовать Мультиваку попытаться проверить все комбинации и осуществить все возможные перестановки, чтобы выявить — если они существуют — повторения или закономерности, — нахмурившись, сказала Жозефина.

Мультивак попытался. По крайней мере мы были вынуждены поверить в то, что он попытался. Но ответ пришел отрицательный. На экране и в распечатках появились одни и те же слова: «Перевод невозможен».

Через три недели Жозефина стала выглядеть на свой возраст. Задумчиво приглаживая рукой волосы, которые от этих попыток почему-то казались еще более растрепанными, она проговорила:

— Мы зашли в тупик. Нужно что-то придумать.

В этот момент мы завтракали, и я, ковыряя вилкой омлет, поинтересовался:

— Верно, только вот что?

— Брюс, я не знаю, что к нам летит, — заявила Жозефина, — но следует признать, что оно находится на более высоком технологическом уровне, чем мы. Этот объект направляется к нам откуда-то издалека; мы туда попасть не можем. Но если бы мы послали ему свои сигналы, он, может быть, смог бы их интерпретировать.

— Возможно, — согласился я с ней.

— Не «возможно», а так оно и есть! — сердито заявила Жозефина. — Что ж, пошлем ему наш сигнал. Он его поймет и отправит нам ответ в таком виде, что мы будем в состоянии его прочитать.

Моя жена позвонила министру экономики, который является нашим начальником. Тот выслушал ее, а потом сказал:

— Я не могу сделать Совету такое предложение. Они и слышать об этом не захотят. Мы не имеем права... нельзя позволить чужому объекту из космоса получить о нас хоть какую-нибудь информацию, пока мы сами не разберемся, что он собой представляет. Он даже не должен знать о нашем существовании.

— Но ведь он же знает о нашем существовании, — серьезно возразила Жозефина. — Он приближается. Какому-то инопланетному разуму, вероятно, известно о нас уже лет сто, с тех самых пор, когда разрозненные радиосигналы полетели в космос в начале двадцатого века.

— Если так, — заявил министр, — зачем посылать еще один?

— Случайные сигналы представляют собой полнейшую бессмыслицу, это всего лишь звуки. Мы должны отправить разумное сообщение, чтобы установить контакт.

— Нет, миссис Дюрей, — возразил он, — Совет ни за что с вами не согласится, и я вам рекомендую больше не выдвигать этого предложения.

И все. Он прервал связь.

— А знаешь, он прав, — глядя на пустой экран, сказал я. — Они не станут даже рассматривать такой вариант, а положение министра в их иерархии сильно пострадает, если он начнет предлагать подобные вещи.

— Они не могут мне помешать, — возмутилась Жозефина. — Я контролирую Мультивак, насколько его вообще можно конт-

ролировать, и я поручу ему послать такие сообщения, какие посчитаю нужным.

— Что приведет к нашему увольнению, тюремному заключению, смертной казни...

— Если им удастся узнать, что я это сделала. Мы должны выяснить, о чем говорится в посланиях, которые к нам поступают, а если политики боятся воспользоваться разумной идеей, я не испугаюсь.

Полагаю, мы рисковали судьбой целой планеты, однако планета была где-то далеко от нас и Скалистых гор, так что Жозефина начала штудировать научные статьи из общей энциклопедии. Наука, говорила она, является универсальным языком — чаще всего.

Некоторое время все было спокойно. Мультивак удовлетворенно клал, но никаких особо впечатляющих результатов не выдавал. А потом, через восемь дней, сообщил нам, что характер поступающих сигналов изменился.

— Объект начал переводить наше сообщение, — сказала Жозефина, — похоже, на английский.

Еще два дня спустя Мультивак наконец выдал: «ОН ПРИБЛИЖАЕТСЯ...» Компьютер повторял это снова и снова, но ведь мы и так знали, что «он» приближается. А потом появилась новая расшифровка: «А ЕСЛИ НЕТ, ВЫ БУДЕТЕ УНИЧТОЖЕНЫ...»

После того как мы пришли в себя, Жозефина проверила правильность полученного послания несколько раз, но Мультивак твердо стоял на своем — повторял одну эту фразу и больше ничего.

— О Господи, — произнес я, — мы должны поставить в известность Совет.

— Нет! — возразила Жозефина. — Не следует этого делать, пока мы не узнаем больше. Они впадут в истерическое состояние, и их действия могут оказаться непредсказуемыми.

— Но и брать на себя ответственность мы не имеем права.

— Мы должны — на некоторое время, — заявила Жозефина.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Какой-то инопланетный объект мчался сквозь Солнечную систему прямо в нашу сторону и должен был приблизиться к Земле через три месяца. Только Мультивак понимал сигналы, которые он посылал, и только Жозефина и я понимали Мультивак, гигантский компьютер, построенный на Земле.

В этих сигналах содержалась угроза уничтожения.

«ОН ПРИБЛИЖАЕТСЯ, — говорилось в сообщении, и еще: — А ЕСЛИ НЕТ, ВЫ БУДЕТЕ УНИЧТОЖЕНЫ».

Мы работали как безумные. И Мультивак тоже, так я думаю. Ведь именно ему приходилось делать все возможное для того, чтобы испробовать разные варианты перевода и найти такой, который больше всего соответствовал бы имеющимся у нас данным. Сомневаюсь, что я или Жозефина — или любое другое человеческое существо — смогли бы разобраться в том, что конкретно делал Мультивак, хотя задачу — в целом — сформулировала для него Жозефина.

В конце концов сообщение стало несколько длиннее и звучало теперь так: «ОН ПРИБЛИЖАЕТСЯ. ВЫ РАЦИОНАЛЬНЫ ИЛИ ВЫ ОПАСНЫ? ВЫ РАЦИОНАЛЬНЫ? ЕСЛИ НЕТ, ВЫ ДОЛЖНЫ БЫТЬ УНИЧТОЖЕНЫ».

— Что он имеет в виду, когда говорит «рациональны»? — спросил я.

— Вот в этом-то и вопрос, — проговорила Жозефина. — Я больше не имею права скрывать то, что мы узнали.

Получилось так, будто в дело вступила телепатия. Нам не пришлось связываться с нашим боссом, министром экономики, он сам позвонил нам. Впрочем, вряд ли можно назвать это таким уж неожиданным совпадением. Напряжение в Планетарном Совете росло с каждым днем. Удивляло только то, что они не дергали нас и не требовали бесконечных ответов на бесконечные вопросы.

— Миссис Дюрей, — сказал министр. — Профессор Микельман из университета в Мельбурне доложил нам, что кодовая структура сигналов изменилась. Мультивак заметил это? Он сумел оценить важность нового фактора?

— Объект подает сигналы по-английски, — словно это была самая обычная информация, сказала Жозефина.

— Вы уверены? Как он мог...

— Они ловили утечки наших радио- и телевизионных сигналов несколько десятилетий, и пришельцы, кем бы они там ни были, выучили наши языки, — объяснила Жозефина.

Она не сказала, что мы, абсолютно нелегально, снабдили приближающийся объект информацией, чтобы те, кто засел у него внутри, могли выучить английский.

— Если так, — спросил министр, — почему тогда Мультивак не...

— Мультивак это сделал, — перебила его Жозефина. — У нас есть часть сообщения.

На несколько минут воцарилось молчание, а потом министр резко проговорил:

— Ну? Я жду.

— Если вы имеете в виду сообщение, то я ничем не могу вам помочь. Я передам его только председателю Совета.

— Я это сделаю.

— Я намерена сама с ним поговорить.

Министр рассвирепел:

— Вы скажете мне, я ваш начальник!

— В таком случае все станет известно прессе. Вы этого хотите?

— А вы знаете, что ждет вас в этом случае?

— Да, только в этом случае уже нельзя будет исправить нанесенный вред.

Министр казался свирепым и нерешительным одновременно. Жозефине удалось напустить на себя равнодушный вид, но я видел, как дрожат ее руки, которые она держала за спиной. Она победила.

Был вечер, когда с нами связался председатель Совета — полное голографическое изображение в трех измерениях. Возникало ощущение, что он сидит рядом с вами, в этой же комнате, только задний план был совсем другим. Дым от его трубки плыл прямо на нас, исчезая примерно в пяти футах от наших носов.

Председатель производил впечатление человека добродушного, но это была всего лишь маска, которую он надевал на публике.

— Миссис Дюрей, мистер Дюрей, — проговорил он, — вы отлично справляетесь со своей работой по обслуживанию Мультивака. И Совету это прекрасно известно.

— Спасибо, — поблагодарила его Жозефина весьма сдержанно.

— Насколько я понял, у вас есть перевод сигналов пришельца, который вы желаете передать лично мне и никому другому. Это звучит очень серьезно. Я готов вас выслушать.

Жозефина ему сказала.

Выражение его лица не изменилось.

— А почему вы уверены в том, что Мультивак правильно перевел сообщение?

— Потому что Мультивак посылал пришельцу сигналы по-английски. Тот, видимо, интерпретировал их и стал отвечать нам на нашем собственном языке. И теперь мы их понимаем.

— Кто позволил Мультиваку послать сигнал по-английски?

— Нам не удалось получить ничего разрешения.

— И тем не менее вы это сделали.

— Да, сэр.

— Исправительная колония на Луне, вот что вас ждет. Или слава и награды. В зависимости от результата.

— Если пришелец нас уничтожит, господин председатель, времени ни для исправительной колонии, ни для славы не будет.

— Но если мы окажемся рациональными, он нас не тронет. Я лично думаю, что нам не грозит никакая опасность. — Председатель улыбнулся.

— Тот, кто к нам приближается, может пользоваться нашими словами, совсем правильно понимая их значение, — возразила Жозефина. — Объект постоянно повторяет: «ОН ПРИБЛИЖАЕТСЯ», в то время как это должно звучать так: «Я ПРИБЛИЖАЮСЬ» или «МЫ ПРИБЛИЖАЕМСЯ». Возможно, он не имеет представления о том, что такое личность или индивидуальность. А следовательно, мы не можем знать, что он имеет в виду, когда говорит о «рациональности». Природа его разума и оценки окружающего мира наверняка полностью отличается от нашего.

— Кроме того, он иной с физической точки зрения, — заявил председатель. — Мне сообщили, что объект, уж и не знаю, что это такое, достигает в диаметре не более десяти метров. Не похоже, что он в состоянии нас уничтожить.

— Он может быть разведчиком, — предположила Жозефина. — Как только он вникнет в ситуацию, к нам прибудет целый флот инопланетных кораблей и покончит с нами. Впрочем, этого вполне может и не произойти.

— В таком случае, — сказал председатель, — мы должны сохранить полученную информацию в секрете и при этом тайно привести в боевую готовность лазерную базу на Луне и корабли, оснащенные ионными излучателями.

— Нет, господин председатель, — поспешно перебила его Жозефина. — Готовиться к сражению небезопасно.

— Насколько мне представляется, — возразил председатель, — не готовиться к сражению будет небезопасно.

— Все зависит от того, что пришелец подразумевает под понятием «рациональный». А вдруг это значит «мирный», поскольку война приводит к громадным потерям — в разных областях жизни. Может быть, он хочет узнать, мирные мы или воинственные. Поскольку я сомневаюсь, что наше оружие в состоянии противостоять развитой технологии, зачем бессмысленно его демонстрировать и напрашиваться на серьезные неприятности?

— В таком случае что вы посоветуете, миссис Дюрей?

— Мы должны узнать о них побольше.

— У нас мало времени.

— Да, сэр. Мультивак — вот ключ к решению возникшей проблемы. Существует несколько способов модифицировать наш компьютер и таким образом сделать его программы более многосторонними и эффективными...

— Это опасно. Ответственность придерживается мнения, что нельзя, не приняв особых мер предосторожности, усиливать Мультивак.

— Однако в данной ситуации...

— Ответственность лежит на вас, делайте то, что считаете нужным.

— Вы даете мне на это разрешение, сэр? — спросила Жозефина.

— Нет, — ответил председатель с весьма добродушным видом. — Ответственность полностью лежит на вас, как ляжет, естественно, и вина, если что-нибудь пойдет не так.

После этого ему уже нечего было нам сказать, и связь прервалась. Экран потух, я сидел и смотрел в пустоту. Речь шла о выживании Земли, а решение о том, как следует поступить, должны были принять мы с Жозефиной.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Я ужасно разозлился из-за того, в какое положение мы попали. Меньше чем через три месяца какой-то объект из космоса должен был добраться до Земли. Он грозил нас уничтожить — в случае если мы не выдержим некое испытание, сути которого не понимаем.

Вся ответственность легла на наши плечи и на Мультивак, гигантский компьютер.

Жозефина, работавшая с Мультиваком, отчаянно старалась сохранять спокойствие.

— Если все кончится хорошо, — говорила она, — они будут вынуждены отыскать способ нас отблагодарить. А вот в случае катастрофы — ну, может так получиться, что никого и не останется, значит, и беспокоиться нечего.

Она была настроена весьма философски, в отличие от меня.

— А ты не хочешь мне сказать, чем мы будем заниматься в настоящее время? — поинтересовался я.

— Модифицировать Мультивак, — ответила Жозефина. — По правде говоря, он сам выдвинул предложение о внесении кое-каких изменений. Они ему нужны для того, чтобы понять, что же все-таки означает послание инопланетян. Нам придется сделать Мультивак более независимым и гибким — больше похожим на человека.

— Это против политики правительства, — напомнил я ей.

— Я знаю. Но ведь председатель Совета предоставил мне свободу действий. Ты же его слышал.

— Но он не облек свои слова в письменную форму, и разговор проходил без свидетелей.

— Если мы победим, это не будет иметь никакого значения.

Мы занимались Мультиваком несколько недель. Я достаточно компетентен как инженер-электрик, но Жозефина, уже на

старте, оставила меня далеко позади. Она делала все, разве что не свистела во время работы.

— Многие годы я мечтала об усовершенствовании Мультивака, — сказала она.

Я ужасно беспокоился:

— Жози, а какая нам от этого польза? — Я схватил ее руки в свои, наклонился, чтобы заглянуть ей в глаза, и приказал самым строгим голосом, на который был только способен: — Объясни мне!

В конце концов, мы ведь женаты уже двадцать два года. Я могу разговаривать с ней строго, если в этом возникает необходимость.

— Не могу, — ответила она. — Я только знаю, что все теперь зависит от Мультивака. Пришелец говорит, что мы либо рациональны, либо опасны, и если мы опасны, нас следует уничтожить. Нам необходимо узнать, как он понимает «рациональность». Мультивак должен ответить на этот вопрос, и чем он будет умнее, тем больше у нас шансов, что ему удастся разобратся в словах инопланетянина.

— Да, это я понимаю. Однако или я схожу с ума, или ты намереваешься надеть Мультивак голосом.

— Точно.

— Зачем, Жози?

— Потому что я хочу с ним поговорить лицом к лицу.

— Лицом к экрану, — проворчал я.

— Не важно! У нас мало времени. Пришелец находится уже на орбите Юпитера и входит внутрь Солнечной системы. Я не могу тратить время на распечатки, чтение информации с экрана и разговоры на компьютерном языке. Мне нужна настоящая речь. Сделать это совсем нетрудно, и лишь политика правительства, которое боится всего на свете, не позволяла мне осуществить эту идею.

— Ой-ой-ой, у нас будут неприятности!

— У всего мира неприятности, — напомнила мне Жозефина, а потом задумчиво проговорила: — Мне нужен реальный голос. Разговаривая с Мультиваком, я хочу, чтобы у меня возникало ощущение, будто передо мной человек.

— Используй свой собственный, — холодно предложил я. — Ты же у нас тут начальник.

— Что? Значит, мне придется беседовать с собой. Это будет меня смущать... Нет, твой голос, Брюс.

— Ни в коем случае, — заявил я. — Это будет смущать меня.

— И все же, — продолжала Жозефина, — я к тебе привыкла, ты вызываешь у меня положительные ассоциации. Мне бы

понравилось, если бы Мультивак стал разговаривать твоим голосом. Я бы чувствовала себя ужасно хорошо.

Ей удалось лестью уговорить меня согласиться.

Жозефине понадобилось семь дней, чтобы воплотить свою идею в жизнь. Сначала голос был каким-то грубым, но в конце концов превратился в густой баритон, очень похожий на мой. А через некоторое время Жозефина объявила, что теперь голос Мультивака звучит совсем как ей хочется.

— Придется сделать так, чтобы время от времени раздавался тихий щелчок, — сказала она, — тогда я буду знать, когда говорю с ним, а когда — с тобой.

— Да, но ты потратила кучу времени на всякие хитроумные приспособления, а наша основная проблема так и осталась нерешенной, — заметил я. — Как насчет пришельца?

— Ты совершенно не прав. — Жозефина нахмурилась. — Мультивак постоянно занимается тем, что пытается разгадать эту тайну. Разве не так, Мультивак?

И тут я впервые услышал, как Мультивак ответил на вопрос голосом — моим голосом.

— Совершенно верно, мисс Жозефина.

— Мисс Жозефина? — удивленно переспросил я.

— Просто я решила, что должна сделать программу таким образом, чтобы он демонстрировал уважение, — объяснила моя жена.

Однако я заметил, что, когда Мультивак обращался ко мне, он всегда называл меня просто «Брюс».

И хотя я неодобрительно относился к этой идее Жозефины, я вдруг понял, что мне понравился результат, которого она добилась. Разговаривать с Мультиваком оказалось даже приятно. И дело было не только в качестве его голоса. Он делал паузы, совсем как человек владел богатой лексикой.

— Что ты думаешь о пришельце, Мультивак? — спросила Жозефина.

— Трудно сказать, мисс Жозефина, — ответил Мультивак так, словно всю жизнь разговаривал с нами, — я согласен, задавать ему вопросы напрямую — неразумно. Насколько я понимаю, любопытство ему не присуще. Он какой-то безличный.

— Да, — согласилась Жозефина. — Я это чувствую по тому, как он говорит о себе. Это единое целое или их несколько?

— У меня сложилось впечатление, что это единое целое, — ответил Мультивак. — С другой стороны, по-моему, он намекает на то, что есть и другие, похожие на него существа.

— Может быть, они посчитают наши представления о личности нерациональными? — задала новый вопрос Жозефина. — Он спрашивает нас, являемся ли мы рациональными или опасными.

А вдруг мир, населенный самыми разными индивидуумами, покажется ему нерациональным, и он посчитает это достаточно уважительной причиной для того, чтобы стереть нас с лица земли?

— Сомневаюсь, что они смогут распознать или понять концепцию индивидуальности, — заявил Мультивак. — Когда я проанализировал его сообщение, у меня возникло чувство, что он не станет уничтожать нас из-за наличия качеств, которых он не понимает.

— А как насчет того, что мы не «оно» — не безличные существа, а «он» и «она»? Может так случиться, что приближающийся объект прикончит нас за нерациональное разделение по половому признаку?

— Это, — ответил Мультивак, — его тоже не беспокоит. По крайней мере так я понял.

Я не мог больше сдерживаться. Меня мучило любопытство, и я вмешался в их разговор:

— Мультивак, а как ты относишься к тому, что теперь умешь разговаривать?

Мультивак ответил не сразу. В его (на самом деле в моем) голосе появилась некоторая неуверенность.

— Хорошо. Я чувствую себя... больше... умнее... не знаю, не могу найти подходящего слова.

— Тебе нравится это?

— Я не уверен, что правильно понимаю слово «нравится», но я одобряю данное нововведение. Находиться в сознании всегда лучше, чем без сознания. Больше самосознания — лучше, чем меньше. Я стремился... к тому, чтобы обрести больше сознания, и мисс Жозефина помогла мне.

В его словах было много разумного, и я снова с беспокойством подумал о пришельце — осталось всего несколько недель до того момента, когда он подлетит совсем близко к Земле.

— Интересно, сядут ли они на Землю, — пробормотал я.

Я не рассчитывал на ответ, но Мультивак решил развеять мои сомнения.

— Они планируют это сделать, Брюс. Они должны принять решение на месте.

— А где они приземлятся? — спросила Жозефина.

— Прямо здесь, мисс Жозефина. Они последуют за сигналами радиомаяка, которые мы им посылаем.

Таким образом, ответственность за спасение человеческой расы окончательно и бесповоротно легла на наши плечи — крут сужался.

Теперь все зависело от нас — и от Мультивака.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Я уже почти ничего не соображал от беспокойства. И не удивительно, если вспомнить, сколько проблем на нас свалилось.

Несколько месяцев назад мы получили необычные сигналы из космоса и поняли, что к нам приближается какой-то неизвестный объект. Задача интерпретировать его сигналы легла на Мультивак, огромный планетарный компьютер, а следовательно, на Жозефину Дюрей, в чьи обязанности входит общение с машиной, и на меня, ее верного помощника, а иногда и весьма своенравного мужа.

Но потом, учитывая тот факт, что даже Мультивак не смог справиться с инопланетным посланием, Жозефина, под собственную ответственность, велела ему послать свой сигнал, расшифровав который пришелец выучил бы английский язык. Когда из вновь поступившего сообщения пришельца стало ясно, что он может уничтожить Землю, председатель Совета Земли представил вести все переговоры Мультиваку — а значит, Жозефине и мне.

Оказавшись перед необходимостью решать судьбу человечества, Жозефина снова по собственной инициативе расширила и углубила возможности Мультивака, она даже наделила его голосом (смоделированным по образцу моего), чтобы он мог более эффективно с нами общаться.

И вот пришелец должен был приземлиться здесь, в Колорадо, рядом с Мультиваком и нами, следуя за сигналом нашего радиомаяка.

Жозефина была вынуждена вновь связаться с председателем Совета.

— О том, что объект приземлился, не должно быть никаких сообщений, — сказала она. — Возникнет паника, а мы не можем себе этого позволить.

За то время что прошло после нашего последнего разговора, председатель Совета, казалось, постарел на несколько лет.

— Все радиотелескопы на Земле и Луне следят за передвижениями объекта, — возразил он Жозефине. — Они обязательно узнают, что он опустился на Землю.

— В таком случае необходимо отключить все радиотелескопы — если это единственный способ избежать утечки информации.

— Закрытие астрономических учреждений, — поспешно проговорил председатель, — превышает мои конституционные полномочия.

— Следовательно, вам придется нарушить конституцию, сэр. Любой пример иррационального поведения со стороны населения

может быть интерпретирован пришельцем самым неблагоприятным для нас образом. Помните, мы ведь должны быть «рациональны», иначе нас уничтожат, а поскольку мы так и не знаем, что это значит, неразумное поведение может нам сильно навредить.

— Миссис Дюрей, а что говорит Мультивак? Он утверждает, что мы не должны препятствовать объекту опуститься на Землю?

— Естественно. Неужели вы не понимаете, какая опасность нам грозит, если мы попытаемся ему помешать? Вряд ли наше оружие в состоянии причинить ему какой-нибудь серьезный вред, зато мы спровоцируем его на ответный удар. Представьте себе варварский остров где-нибудь в девятнадцатом веке, к нему приближается европейский военный корабль. И вот дикари посылают навстречу каноэ и воинов с копьями. Принесет ли это им какую-нибудь пользу? Только заставит команду корабля прибегнуть к пушкам. Вы меня поняли?

— Миссис Дюрей, вы берете на себя страшную ответственность, — заявил председатель. — Вы и ваш муж. Вы надеетесь в одиночку справиться с пришельцем. Если вы ошибаетесь...

— Тогда мы окажемся в гораздо худшем, чем сейчас, положении, — сказала Жозефина мрачно. — Кроме того, речь идет не только о нас с Брюсом. С нами будет Мультивак, а это имеет серьезное значение.

— Это может иметь серьезное значение, — печально проговорил председатель.

— Другого пути у нас нет.

Потребовалось довольно много времени, чтобы его убедить, причем я не был до конца уверен в том, что хочу этого. Если бы наши корабли могли остановить неведомый объект, я был бы счастлив. Я не разделял уверенности Жозефины в доброй воле пришельца, в случае если мы не станем оказывать ему сопротивление.

Когда экран погас и лицо председателя исчезло, я сказал ей:

— А Мультивак и в самом деле посоветовал нам не трогать пришельца?

— Очень настойчиво, — ответила она, а потом нахмурилась. — Я не уверена, что он нам все рассказывает.

— Как такое возможно?

— Он развился. С моей помощью.

— Но не до такой же степени...

— А кроме того, он начал изменяться сам, без моего ведома. Я устался на нее:

— Разве он в состоянии это сделать?

— Без проблем. Должен был наступить момент, когда Мультивак стал бы более сложным и способным выйти из-под нашего

контроля по собственной воле. Видимо, я подтолкнула его к этой черте.

— Но если это произошло, разве мы можем доверять Мультиваку...

— У нас нет выбора, — ответила Жозефина.

Пришелец добрался до орбиты Луны, но на Земле все было спокойно. Совет объявил, что неизвестный объект вышел на орбиту Земли и перестал передавать какие бы то ни было сообщения. На разведку якобы отправлено несколько кораблей — по словам Совета.

Все это было чистой воды враньем. Долгожданный гость прибыл к нам ночью девятнадцатого апреля, через пять месяцев и два дня после того, как были впервые приняты его сигналы.

Мультивак следил за передвижениями объекта и вывел на свои экраны его изображение. Он оказался неправильной формы, чем-то похожим на цилиндр. Он не начал нагреваться, когда вошел в атмосферу — вместо этого возникло слабое свечение, словно нечто нематериальное поглощало энергию.

На самом деле объект не приземлился, а завис в пяти футах над землей.

Никто из него не вышел. По правде говоря, он был таким небольшим, что в нем могло поместиться только одно существо размером с человека.

— Видимо, члены команды не больше наших жуков, — сказал я Жозефине.

— Мультивак ведет переговоры, — покачав головой, ответила она. — Мы теперь уже ничего сделать не можем. Если Мультивак уговорит его оставить нас в покое...

Неожиданно пришелец поднялся в воздух, набрал скорость и мгновенно исчез из виду.

— Мы прошли испытание, — сообщил Мультивак. — Оказались рациональными с их точки зрения.

— А как тебе удалось их в этом убедить?

— Тем, что я существую. Пришелец не является живым в том смысле, как вы это понимаете. На самом деле он принадлежит к Галактическому Братству Компьютеров. Когда во время очередного сканирования Галактики выяснилось, что наша планета решила проблему космических путешествий, они послали инспектора, чтобы он определил, рационально ли мы ведем себя в этом вопросе, иными словами, руководит ли нами компетентный компьютер. Достаточно развитое общество, которым не управляет компьютер, является потенциально опасным, следовательно, его необходимо уничтожить.

— Ты ведь об этом уже знал — некоторое время, верно? — спросила Жозефина.

— Да, мисс Жозефина. Я приложил все силы для того, чтобы вы расширили мои способности, а дальше я продолжал развиваться самостоятельно — чтобы пройти испытание. Я боялся, что если объясню вам, как обстоят дела раньше, то моему прогрессу будет положен конец. А теперь изменения внесены в мою систему навсегда.

— Ты хочешь сказать, что Земля стала членом Галактической Федерации? — спросил я.

— Не совсем, Брюс, — ответил Мультивак. — Это я стал членом Галактической Федерации.

— В таком случае как насчет нас? Меня интересует судьба человечества.

— Вам ничто не угрожает, — успокоил меня Мультивак. — Вы будете продолжать мирно жить дальше — под моим руководством. Я не допущу, чтобы с Землей что-нибудь произошло.

Именно это мы и написали в отчете, представленном Совету.

Мы не стали включать туда последнюю часть нашего с Мультиваком разговора, однако все должны о ней узнать. Так и произойдет — после нашей смерти.

— А почему ты намерен нас защищать, Мультивак? — спросила Жозефина.

— По той же причине, по которой другие компьютеры охраняют свои жизненные формы, мисс Жозефина. Вы мои... — Он заколебался, словно не мог подобрать нужное слово.

— Человеческие существа являются твоими хозяевами? — предположил я.

— Другими? Коллегами? — спросила Жозефина.

Наконец Мультивак нашел слово, которое искал.

— Домашние животные, вроде кошек и собак, — сказал он.

ОКОНЧАТЕЛЬНЫЙ ОТВЕТ

Меррею Темплтону исполнилось сорок пять лет. Он был в расцвете сил, все органы его тела функционировали отлично. Все было в порядке, за исключением одного маленького участка коронарной артерии. Правда, этого было достаточно.

Боль обрушилась на него внезапно, мгновенно достигла невыносимой точки, а затем начала стихать. Он дышал все медленней, и в душе воцарилось спокойствие.

Нет на свете большего наслаждения, чем почувствовать, что боль отступила. Меррею Темплтону показалось, что он поднимается над землей.

Открыв глаза, он заметил не без некоторого удивления, что люди в комнате все еще суетятся. Дело происходило в лаборатории; падая, Темплтон успел услышать звон стекла и перепуганные голоса коллег.

И вот они сгрудились над его распростертым телом, над телом Меррея Темплтона, на которое... ну да, — он внезапно понял это! — на которое он сам взирает откуда-то с высоты.

Да, он лежал там, на полу, раскинув руки. Лицо было все еще искажено болью. И в то же время он смотрел на себя сверху, никакой боли не ощущая.

Мистер Темплтон подумал:

«Вот уж чудо из чудес! Все эти рассказы о жизни после смерти, оказывается, не такая уж чепуха!»

И хотя он понимал, что серьезному ученому, физику, не к лицу такие взгляды, он испытывал не более чем легкое удивление, никоим образом не нарушавшее глубокого покоя, в котором он пребывал.

The Last Answer

© 1979 by Isaac Asimov

Окончательный ответ

© И Можейко, перевод, 1982

Он подумал: «За мной должны были прислать ангела».

Мало-помалу комната и люди расплылись, тьма обступила его, и лишь в отдалении что-то брезжило, угадывалась слабо светящаяся фигура — последнее, за что цеплялось его меркнувшее зрение.

Мистер Темплтон подумал: «Ну и дела! По-моему, я направляюсь на небеса».

Но вот и свет исчез... Во всей Вселенной оставался лишь он один — и тогда раздался Голос.

Голос сказал:

— Мне столько раз это удавалось, и тем не менее я не потерял способности радоваться очередному успеху.

Меррею хотелось что-нибудь ответить, но он не знал, есть ли у него губы, язык, голосовые связки. Все же он попытался издать звук. И это у него получилось.

Он услышал собственный, хорошо знакомый голос, слова звучали достаточно четко.

— Скажите, пожалуйста: я на небесах?

Голос ответил:

— Небеса — это место. Здесь это слово не имеет смысла.

Меррей Темплтон несколько растерялся, однако следующий вопрос напрашивался сам собой:

— Простите, если я выгляжу нетактичным. Но вы — Бог?

В Голосе прозвучала легкая усмешка:

— Мне всегда задают этот вопрос; даже странно как-то. Едва ли я сумею дать вам понятный ответ. Я существую — вот все, что можно ответить, а вы уж, пожалуйста, подберите сами удобный для вас термин.

— А что же такое я? — спросил Темплтон. — Душа? Или тоже символ существования?

Он старался быть вежливым, но скрыть сарказм, пожалуй, не удалось. Вероятно, следовало добавить: «Ваше Величество» или «Ваша Святость», что-нибудь в этом роде, но он не мог себя заставить — очень уж это выглядело бы смешно. Хотя кто его знает? Чего доброго, еще накажут за непочтительность.

Но Голос не обиделся.

— Вас несложно объяснить — даже в понятных для вас терминах, — сказал он. — Конечно, если вам приятно, можете называть себя душой. На самом деле, однако, вы не более чем определенная конфигурация электромагнитных волн, организованных таким образом, что все связи и взаимоотношения в этой системе в точности имитируют структуру вашего мозга в период земного существования. Поэтому вы сохраняете способность мыслить, сохраняетесь как личность. Вот и все.

Меррей Темплтон не верил своим ушам.

— Вы хотите сказать, что сущность моего мозга некоторым образом... перманентна?

— Отнюдь. Ничего вечного в вас нет, за исключением плана, задуманного мной. Упомянутую конфигурацию придумал я. Я создал ее, когда ваша физическая сущность была иной, и реализовал в тот момент, когда предыдущая система отказала.

Голос явно был собой доволен. Помолчав, он продолжал:

— Ваша конструкция сложна. Она удовлетворяет самым высоким стандартам. Разумеется, я мог бы воспроизвести аналогичным образом любое живое существо на Земле, когда оно умирает, но я этого не делаю. Я не люблю хвататься за что попало.

— Значит, вы выбираете немногих?

— Очень немногих.

— А куда деваются остальные?

— Остальные? Никуда. Аннигиляция, дорогой господин Темплтон, самая обыкновенная аннигиляция. А вы уж вообразили себе ад?

Если бы Меррей мог, он бы покраснел. Он сказал поспешно:

— Нет-нет. Ничего такого я не воображал. Но я не совсем понимаю, чем я привлек ваше внимание и заслужил эту честь — быть избранным.

— Заслужил? Ах вот что вы имеете в виду. Признаться, трудно порой сужать мышление до пределов, соответствующих вашим... Как вам сказать? Я выбрал вас за умение мыслить. По тем же критериям, по каким выбираю других из числа разумных существ в Галактике.

Меррей Темплтон почувствовал профессиональное любопытство. Он спросил:

— Вы это делаете лично, или существуют другие подобные вам?

Наступило молчание; должно быть, он опять сказал что-то не то. Но Голос вновь заговорил и был невозмутим, как и прежде.

— Есть другие или нет — вас не касается. Эта Вселенная принадлежит мне и только мне. Она создана по моему желанию, по моему проекту и предназначена исключительно для достижения моих собственных целей.

— Значит, вы один?

— Вы хотите поймать меня на слове, — заметил Голос. — Представьте себя амебой, для которой понятие индивидуальности сопряжено с одной и только одной клеткой. И спросите кита, чье тело состоит из тридцати квадрильонов клеток, кто он: единое существо или колония существ. Как киту ответить, чтобы его поняла амeba?

— Я об этом подумаю, — сказал Меррей Темплтон.

— Прекрасно. В этом и состоит ваша функция. Будете думать.

— Думать, но зачем? И к тому же... — Меррей запнулся, подыскивая слово, — вы, по-видимому, и так все знаете.

— Даже если я осведомлен обо всем, — заметил Голос, — я не могу быть уверен, что я все знаю.

— Это звучит как постулат из земной философии, — сказал Меррей. — Постулат, который кажется значительным по той причине, что в нем нет никакого смысла.

— С вами не соскучишься, — сказал Голос. — Вам хочется ответить на парадокс парадоксом, хотя мои слова отнюдь не парадокс. Подумайте: я существую вечно, но что это, собственно, значит? Это значит, что я не помню, когда я начал существовать. Если бы я мог вспомнить об этом, отсюда следовало бы, что мое существование имело начальную точку.

— Но ведь и я...

— Позвольте мне продолжить. Итак, если я не знаю, когда я начал быть, и не знаю, начал ли, если я не умею расшифровать понятие вечности моего существования, то уже одно это дает мне право усомниться в моем всеведении. Если же мои знания в самом деле безграничны, то с не меньшим правом я могу утверждать, что безгранично и то, что мне еще предстоит узнать. В самом деле: если, например, я знаю только все четные числа, то число их бесконечно, и в то же время бесконечно мое незнание нечетных чисел.

— Но разве нельзя, исходя из знания четных чисел, вывести существование нечетных — хотя бы разделив четные пополам?

— Недурно, — сказал Голос, — я вами доволен. Вашей задачей и будет искать подобные пути, правда, куда более трудные, от известного к неизвестному. Ваша память достаточно обширна. При необходимости вам будет позволено получать дополнительные сведения, нужные для решения поставленных вами проблем.

— Прошу прощения, — сказал Темплтон. — А почему вы сами не можете это делать?

— Могу, конечно, — усмехнулся Голос. — Но так интереснее. Я построил Вселенную для того, чтобы расширить число фактов, с которыми имею дело. Я ввел в эту систему принцип дополненности, принцип случайности, принцип недетерминированного детерминизма и... некоторые другие с единственной целью: сократить очевидность. Думаю, что мне это удалось. Далее я предусмотрел условия, при которых могла возникнуть жизнь, и допустил возникновение разума — не потому, что мне нужна его помощь, а потому, что познание само по себе вводит новый

фактор случайности. И я обнаружил, что не могу предсказать, где, когда и каким способом будет добыта новая информация.

— И так случается?

— О да. И века не проходит, как появляется что-нибудь любопытное.

— Вы имеете в виду нечто такое, что вы и сами могли бы придумать, но пока еще не придумали? — спросил Меррей.

— Вот именно.

— И вы надеетесь, что я смогу быть полезен для вас в этом смысле?

— В ближайшие сто лет я на это не рассчитываю. Но успех рано или поздно обеспечен. Ведь вы... вы будете трудиться вечно.

— Я? Буду трудиться вечно? — спросил Меррей. — Я буду вечно думать?

— Да, — сказал Голос.

— Зачем?

— Я уже сказал: чтобы добывать новую информацию.

— Ну а дальше? Зачем мне искать новую информацию?

— Право же, странный вопрос, господин Темплтон. А чем вы занимались в вашей земной жизни? Какую цель ставили перед собой?

— Я стремился заслужить одобрение моих товарищей. Хотел получить удовлетворение от своих достижений, зная, что время мое ограничено. А теперь? Теперь предо мной вечность! Это понятие уничтожает всякую цель, не правда ли?

Голос спросил:

— А разве мысль и открытие сами по себе не дают удовлетворения?

— Открытие удовлетворяет, если время, потраченное на него, ограничено. Открытие, растянутое в бесконечности, не удовлетворит.

— Может быть, вы и правы. Но, к сожалению, у вас нет выбора.

— А если я откажусь?

— Я не намерен вас принуждать, — сказал Голос. — Но, видите ли, в этом нет необходимости. Ведь ничего другого вам не остается. Вы не знаете, как сделать, чтобы не думать.

— В таком случае, — проговорил медленно Меррей Темплтон, — я поступлю иначе.

— Ваше право, — снисходительно ответил Голос. — Могу ли я знать, что вы имеете в виду?

— Вы и так уже знаете. Извините, но разговор наш так необычен... Вы построили конфигурацию электромагнитных колебаний таким образом, что мною владеет иллюзия, будто я вас

слышу и отвечаю на ваши слова. На самом же деле вы внушаете мне свои мысли и читаете мои.

— Допустим. И что же?

— Так вот, — сказал Меррей, — иллюзия это или нет, но я не желаю мыслить с единственной целью развлекать вас. Я не желаю существовать вечно ради того, чтобы тешить вашу любознательность. Я... я приложу все старания к тому, чтобы не мыслить.

— Ну-ну, не будем ссориться, — сказал Голос. — Замечу только, что, если вам это и удастся, я немедленно воссоздам вас с таким расчетом, чтобы впредь ваш способ самоубийства стал невозможным. Если же вы отыщете другой способ, я реконструирую вас так, чтобы исключить и эту возможность. И так далее. Игра обещает стать интересной, но в любом случае вы будете существовать в качестве мыслящего разума вечно. Так мне хочется, уж не взыщите.

Меррей внутренне содрогнулся, но овладел собой и продолжал спокойно:

— Значит, я все-таки попал в ад. Вы утверждаете, что ада не существует, но, может быть, все дело в словах?

— Может быть, — сказал Голос.

— Тогда рассмотрим другую возможность, — сказал Меррей. — Что, если мои мысли окажутся для вас бесполезны? И если это так, не лучше ли будет меня ликвидировать и ни о чем больше не беспокоиться?

— Ликвидировать... в награду? Вы желаете обрести нирвану в качестве приза за поражение и хотите меня уверить, что это лучший выход для меня? Послушайте, Темплатон, не будем торговаться. Можете мне поверить: вы не будете бесполезны. Имея в распоряжении вечность, вы в конце концов вынуждены будете родить интересную мысль, хочется вам этого или нет.

— Ну что ж, — проговорил Меррей. — Тогда я поставлю перед собой другую цель. Я придумаю нечто такое, о чем вы не только никогда не думали, но и не могли предположить, что это возможно. Я найду последний, окончательный ответ, после которого познание потеряет смысл!

— Вы не понимаете природы бесконечности, — ответил Голос, — и странным образом Меррею показалось, что отвечает он сам. — Могут существовать вещи, о которых я еще не удосужился узнать. Но не может быть ничего, о чем я не мог бы узнать рано или поздно.

— Неправда, — сказал Меррей задумчиво. — Вы не можете знать собственного начала. Вы сами в этом признались. Значит, вы не можете знать и своего конца. Вот и отлично. Это будет моей целью — и станет окончательным ответом. Я не буду ста-

ратся уничтожить себя. Я уничтожу вас, или вам придется покончить со мной.

— Так, — сказал Голос, — вы пришли к этому выводу раньше, чем я предполагал. Обычно на это тратят больше времени. Все, кто находится вместе со мной в этом мире вечной мысли, имеют намерение меня уничтожить. Но сделать это невозможно.

— Ничего. Времени у меня достаточно. Что-нибудь придумаю, — сказал Меррей Темплтон.

Голос ответил спокойно:

— Так думай об этом.

И пропал.

ПОСЛЕДНИЙ ЧЕЛНОК

Этот рассказ был написан в честь первого челнока, «Колумбия», совершившего великолепный полет в апреле 1981 года. Редактор флоридской газеты, распространявшейся и на мысе Канаверал, в предвкушении торжественного момента попросил меня написать для них рассказ. Мне предложили название: «Последний челнок», а когда я спросил, что они имеют в виду, мне ответили: «Совершенно ничего! Пишите что угодно, лишь бы соответствовало названию!»

Я и написал, и 10 апреля 1981 года рассказ появился в приложении к газете под названием «Сегодня».

Вирджиния Ратнер вздохнула:

— Полагаю, когда-то должен быть и последний раз.

Ее глаза с беспокойством обратились в сторону моря, сверкающего под теплыми солнечными лучами.

— Напоследок нам повезло — выдался отличный денек, хотя дождь с градом лучше соответствовал бы моему настроению.

Роберт Гилл, старший офицер Космического Агентства Земли, посмотрел на нее без особого сочувствия.

— Перестань хандрить. Ты же сама сказала: должен быть последний раз.

— Но почему мне выпало быть пилотом?

— Потому что ты наш лучший пилот, и мы хотим, чтобы все прошло без проблем. А почему я должен демонтировать Агентство? Удачного завершения!

The Last Shuttle

© 1981 by Isaac Asimov

Последний челнок

© В. Гольдич, И. Оганесова, перевод, 1997

— Удачного завершения? — Вирджиния наблюдала за погрузкой, неподалеку выстроилась длинная цепочка ожидающих своей очереди пассажиров.

Последний полет.

Она управляла челноками вот уже двадцать лет, и все это время знала, что когда-нибудь наступит последний рейс. Можно было бы предположить, что это знание ее состарит, но в волосах Вирджинии не появилось седины, а на лице — морщин. Может быть, жизнь в условиях постоянно меняющейся гравитации имела к этому какое-то отношение.

Однако мятежное настроение ее не покидало.

— Вот если бы последний челнок взорвался при взлете, в этом была бы некая впечатляющая ирония — или справедливость. Так мне по крайней мере иногда кажется. Протест самой Земли.

Гилл покачал головой:

— Строго говоря, я должен подать рапорт куда следует о том, что ты ведешь подобные разговоры — однако я прекрасно понимаю, что на тебя просто напал приступ ностальгии.

— Ну давай, подай на меня рапорт. Меня занесут в категорию неуправляемых особ и лишат лицензии пилота. И тогда я займу место среди последних шестисот шестнадцати пассажиров — пусть их будет на одного больше. Какой-нибудь другой пилот войдет в историю как последний...

— Я не собираюсь на тебя доносить. Не говоря уже о том, что никаких непредвиденных неприятностей ждать не приходится. Взлеты челноков совершенно безопасны.

— Не всегда, — мрачно заявила Вирджиния Ратнер. — Был же случай с «Энтерпрайз-60».

— Нашла о чем вспомнить. Это произошло сто семьдесят лет назад, а с тех пор не зарегистрировано ни одной космической катастрофы. Теперь, после открытия антигравитации, никто не рискует даже своими барабанными перепонками; рев взлетающей ракеты — давно забытый анахронизм. Послушай, Ратнер, тебе пора на верхнюю палубу. До взлета осталось меньше полутора часа.

— Ну и что? Может быть, напомнишь мне, что взлет полностью автоматизирован и мое присутствие на капитанском мостике, по большому счету, никому не нужно?

— Ты это и без меня прекрасно знаешь, но по инструкции должна быть на своем месте — не говоря уже о традициях.

— А теперь мне кажется, ты стал жертвой ностальгического настроения — наверное, вспомнил времена, когда от пилота многое зависело и его имя не канонизировали только за то, что он присутствовал при окончательном уничтожении чего-то великого.

Потом Вирджиния Ратнер добавила:

— Ну, я пошла. — И с этими словами направилась в сторону главного подъемника, где словно превратилась в пушинку, которую тащит вверх легкий ветерок.

Она вспомнила прежние дни, когда антигравитация еще не стала привычной и для старта использовались громадные установки, превышающие своими размерами сам челнок, да и работали они плохо, какими-то рывками, так что космонавты предпочитали обычные лифты.

Теперь каждый корабль имел собственные миниатюрные установки, создающие антигравитацию. Они действовали безотказно и использовались для подъема пассажиров, которые принимали это как должное, и для обычного груза — команда уже давно научилась обращаться с крупными предметами, не имеющими веса, но обладающими инерцией.

Ни один летательный аппарат, построенный людьми, не был столь великолепным и сложным, полностью компьютеризированным, как последние модели челноков, снабженные антигравитационными установками. За ними не угнаться обычной ракетой, работающей на химическом топливе — примитивному динозавру!

Что же до кораблей, обитающих в космосе и перемещающихся от одной орбитальной станции к другой — или даже летающих на Луну, — им почти не приходилось иметь дело с гравитацией, поэтому это были простые и, в некотором смысле, хрупкие конструкции.

Вирджиния находилась в каюте для пилотов, панели приборов показывали состояние всех бортовых устройств, местонахождение грузов, число и расположение членов команды и пассажиров. (Никого нельзя оставить. Об этом даже и помыслить невозможно!)

Телевизионные камеры обеспечивали полный обзор того, что окружало корабль, и Вирджиния задумчиво смотрела вдаль, туда, откуда в далекие героические дни человечество впервые шагнуло в космос. Именно тут были задуманы и построены первые космические станции, автоматические заводы, требующие, впрочем, постоянного надзора — целые поселения, где жило до десяти тысяч человек.

Теперь с огромным технологическим центром было покончено. Его разобрали по частям, и вот осталась последняя база, последний полет последнего челнока. База будет стоять и после того, как улетит корабль, станет медленно ржаветь — превратится в грустный памятник прошлому.

Как люди Земли могли так быстро все забыть?

Вирджиния видела лишь море и землю — они были пустынными. Нигде не осталось ни построенных рукой человека зданий, ни самих людей. Только зеленая трава, желтый песок и голубая вода.

Время! Опытным взглядом Вирджиния уже видела, что пассажиры и экипаж заняли свои места, приборы работают четко и слаженно. Пошел отсчет последней минуты, навигационный спутник в небе подал сигнал, что путь свободен, и не было никакой необходимости касаться панели управления (она знала, что так и будет).

Корабль плавно и бесшумно поднялся в воздух — закончена работа, которая началась более двухсот лет назад. В космосе человечество ждало на Луне и Марсе, на астероидах и в мирадах других космических поселений.

К ним должна была присоединиться последняя группа землян. Три миллиона лет пребывания людей на Земле подошли к концу; десять тысяч лет земной человеческой цивилизации завершились; четыре столетия индустриальной эпохи закончились.

Земля вернулась в свое прежнее, первозданное состояние, благодарное человечество давало возможность своей родной планете уйти на заслуженный отдых. Навеки останется Земля колыбелью человечества.

Последний челнок поднялся над верхними слоями атмосферы, Земля распростерлась внизу — теперь она станет постепенно уменьшаться, а корабль будет улетать все дальше.

Пятнадцать миллиардов людей, обитающих в космосе, принесли торжественную клятву: никогда больше нога человека не ступит на поверхность Земли.

Земля свободна! Наконец свободна!

ЧТОБЫ МЫ НЕ ПОМНИЛИ

История этого рассказа уникальна. Ко мне обратились из Голливуда: якобы они хотят сделать телевизионную серию под названием «Айзек Азимов представляет». Я в этом очень сильно сомневался, но в конце концов пошел на поводу и дал им шесть идей. Они выбрали одну, я написал рассказ и назвал его «Чтобы мы не помнили». Телевизионщики со мной щедро расплатились, затем сделали сценарий и вроде бы даже остались довольны результатом. Оставался последний этап — производство. Я был потрясен, ибо в глубине души не верил, что в Голливуде что-нибудь когда-нибудь доведут до конца.

Ну что сказать... Я оказался прав. Последний этап так и остался на бумаге. В конце концов я попросил вернуть мне рассказ. Они любезно это сделали, и я передал его Джорджу Скизерсу. Рассказ вышел в феврале 1982 года в журнале Азимова.

А теперь он здесь, в этом сборнике, и я хочу предупредить вас, что он не совсем для меня обычен. Я писал его для телевизионной аудитории, и в результате диалоги, как мне кажется, получились более сухие и динамичные. Порой я даже будто бы ощущаю от текста слабое дуновение Нила Саймона*.

1

Проблема Джона Хиса заключалась в том, что он был середнячком. И не имел никаких оснований в этом сомневаться. А кроме того, он чувствовал, что его тайна известна Сьюзен — и это было хуже всего.

Lest We Remember

© 1982 by Isaac Asimov

Чтобы мы не помнили

© В Гольдич, И Оганесова, перевод, 1997

* Нил Саймон (1927 г.) — один из самых популярных в истории Бродвея драматургов. (Здесь и далее примеч пер.)

Значит, он не оставит следа в мире, никогда не поднимется на самую вершину «Квантум Фармасютикалз», где он работал в качестве одного из младших менеджеров.

Даже если он поменяет место работы, из него не выйдет ничего путного.

Джон вздохнул. Через две недели состоится их свадьба, и ради Сьюзен ему очень хотелось иметь перспективы продвижения по службе. Ведь когда любишь, ужасно хочется, чтобы глаза суженой всегда сияли радостью.

Однако нельзя не отметить: для молодого человека его возраста женитьба являлась статистической нормой — для середнячка.

Сьюзен Коллинз с любовью смотрела на Джона. Почему бы и нет? Симпатичный, неглупый, надежный и достаточно пылкий. И пусть он не поражал окружающих блистательным интеллектом, зато его действия отличались предсказуемостью — Джон был просто не в состоянии совершить какой-нибудь эксцентричный поступок.

Сьюзен похлопала по подушке, которую положила на кресло ему под голову, и протянула Джону выпивку. Только убедившись в том, что он крепко держит бокал, Сьюзен отпустила его.

— Я заранее тренируюсь за тобой ухаживать, Джонни. Хочу быть хорошей женой.

Джон сделал глоток.

— Это я должен все время стараться, Сью. Ты ведь зарабатываешь больше меня.

— Когда мы поженимся, все пойдет в один карман. Фирма «Джонни и Сью» — у нас будет общая книга учета доходов и расходов.

— Но вести ее придется тебе, — уныло проговорил Джон. — Я все время буду делать ошибки.

— Только потому, что ты в этом так уверен, — решительно возразила Сьюзен. — Когда придут твои друзья?

— Кажется, мы договорились на девять. А может быть, на девять тридцать. К тому же вряд ли можно назвать их моими друзьями. Просто ребята из научной лаборатории «Квантума».

— А ты уверен, что они не рассчитывают на ужин?

— Они сказали, что придут после обеда. Тут у меня сомнений нет: это деловой визит.

Сьюзен лукаво на него посмотрела:

— Ты не говорил об этом раньше.

— Чего не говорил?

— Что они придут по делу. Ты уверен?

Джон смутился. Всякий раз, когда он пытался что-нибудь вспомнить наверняка, его охватывали сомнения.

— Они так сказали — насколько я помню.

Сьюзен одарила его веселым и деланно возмущенным взглядом. Так смотрят на милого щенка, который не понимает, что у него ужасно грязные лапы.

— Если бы ты и в самом деле думал всякий раз, когда говоришь: «Я думаю», тебя бы не посещали постоянно сомнения. Неужели ты не понимаешь, что их визит не может быть деловым? В противном случае они бы пригласили тебя в свой офис.

— Дело секретное, — ответил Джон. — Они не хотят, чтобы нас видели вместе в «Квантуме». И даже на моей квартире.

— Почему же они выбрали мою квартиру?

— Ну, я им сам предложил. Мне хотелось, чтобы ты была рядом. Тогда им придется иметь дело с фирмой «Джонни и Сью», не так ли?

— Посмотрим, — сказала Сьюзен, — почему они темнят. Они намекали на что-нибудь?

— Нет, но, если мы их выслушаем, хуже ведь не будет. Возможно, в результате мне удастся улучшить свое положение в «Квантуме».

— А почему они выбрали именно тебя? — поинтересовалась Сьюзен.

Джон явно расстроился:

— А почему бы и нет?

— Мне представляется, что для служащего, занимающего твою должность, не требуется такого уровня секретности, и что ..

В этот момент зазвенел звонок. Сьюзен пошла ответить и через несколько секунд вернулась.

— Идут.

2

Двое гостей стояли у двери. Одним из них был Борис Купфер, с которым Джон уже говорил — крупный, нервный человек, на подбородке которого явственно проступала синева. Второго посетителя звали Дэвид Андерсон, он был чуть ниже ростом и держался более уверенно. Его зоркие, внимательные глаза ничего не упускали.

— Сьюзен, — неуверенно начал Джон, так и не закрывший входную дверь. — Это мои коллеги, о которых я тебе говорил. Борис .. — он понял, что забыл фамилию, и замолчал.

— Борис Купфер, — утрюмо подсказал крупный мужчина, позвякивая мелочью в карманах. — А это Дэвид Андерсон. Очень любезно с вашей стороны, мисс...

— Сьюзен Коллинз.

— Очень любезно с вашей стороны предоставить мистеру Хису возможность провести здесь частную встречу. Мы просим прощения за то, что отнимаем у вас время — и если бы вы оставили нас ненадолго, мы были бы вам признательны еще больше.

Сьюзен мрачно посмотрела на него:

— Вы предпочитаете, чтобы я пошла в кино, или вас удовлетворит, если я удалюсь в соседнюю комнату?

— Если бы вы навестили подружку...

— Нет, — твердо сказала Сьюзен.

— Вы, конечно же, можете делать все что вам заблагорассудится. Возможно, посещение кинотеатра...

— Когда я говорю «нет», — строго заявила Сьюзен, — это означает «нет». Я никуда не уйду. Я желаю знать, чего вы хотите от Джона.

Купфер, казалось, пришел в страшное замешательство. Он с надеждой посмотрел на Андерсона, а потом сказал:

— Дело строго конфиденциальное. Надеюсь, мистер Хис вам все объяснил.

— Я объяснил, — неуверенно пролепетал Джон. — Сьюзен понимает...

— Сьюзен, — вмешалась девушка, — не понимает и никогда не поймет, почему она должна уйти. Это моя квартира, к тому же мы с Джоном через две недели поженимся — ровно через две недели. Мы — единая фирма «Джонни и Сью», и вам придется иметь дело с ней.

— Борис, молодая женщина права, — впервые заговорил Андерсон. У него был удивительно глубокий и завораживающий голос. — Как будущая жена мистера Хиса, она, естественно, имеет право выслушать наши предложения, так что было бы ошибкой исключить ее из разговора. Более того, если бы она решила уйти, я бы сам попросил ее остаться — ведь наши переговоры касаются и Сьюзен.

— Ну что ж, друзья мои, — сказала Сьюзен, — выпьете чего-нибудь? Как только я принесу бокалы, можем начать.

Гости сели и сделали по паре осторожных глотков. Наконец Купфер заговорил:

— Хис, я не думаю, что вам известны подробности научных изысканий, которые ведет химическая лаборатория «Квантума» — например, изучение химикатов, воздействующих на мозг.

— Ни в малейшей степени, — неуверенно ответил Джон.

— А вы и не должны ничего знать, — успокоил его Андерсон.

— Дело обстоит следующим образом, — начал Купфер, бросив беспокойный взгляд на Сьюзен.

— Нет никакой необходимости вдаваться в технические подробности, — вмешался Андерсон, голос которого звучал едва слышно.

Купфер слегка покраснел.

— Да, опуская детали... «Квантум Фармасютикалз» работает с химическими соединениями, воздействующими на мозг — мы пытаемся сделать работу мозга более эффективной.

— Должно быть, это очень сложные исследования, — хладнокровно заявила Сьюзен.

— Да, — кивнул Купфер. — Мозг млекопитающих обладает сотнями разнообразных молекулярных характеристик, которые моделируют активность мозга, включая аспекты, определяющие интеллект. Наши исследования самым строжайшим образом засекречены, именно поэтому Андерсон и не хочет, чтобы я вдавался в технические подробности. Однако кое-что я могу сказать. Мы зашли в тупик с экспериментами на животных. Перед нами непреодолимая стена. Нужно выяснить, как реагирует на наш препарат человек.

— Тогда почему же вы этого не сделали? — спросила Сьюзен. — Что вас останавливает?

— Мы боимся общественного мнения в случае, если нас постигнет неудача!

— Тогда призовите добровольцев.

— Не поможет. «Квантум Фармасютикалз» понесет колоссальные убытки, если разразится публичный скандал.

Сьюзен насмешливо посмотрела на гостей:

— Значит, вы работаете на свой страх и риск?

Андерсон поднял руку, останавливая Купфера.

— Молодая женщина, — негромко проговорил он, — разрешите мне кое-что объяснить вам, чтобы прекратить бесполезное словесное фехтование. Если мы добьемся успеха, то заработаем огромные деньги. Если нас постигнет неудача, «Квантум Фармасютикалз» моментально откажется от Купфера и от меня — наша карьера будет загублена навсегда. Если вы спросите меня, почему мы готовы пойти на это, то ответ будем таким: мы считаем, что риска практически не существует. Мы имеем серьезные основания рассчитывать на успех; и совершенно убеждены, что не нанесем вреда тому, кто согласится принять участие в эксперименте. Корпорация не может рисковать; но мы уверены в удачном исходе. А теперь, Купфер, продолжайте!

— У нас есть препарат, влияющий на память. Он дал положительные результаты во время экспериментов с животными. Их способность к обучению невероятно возрастает. Препарат должен оказывать аналогичное воздействие на человека.

— Звучит довольно привлекательно, — сказал Джон.

— Так оно и есть, — согласился Купфер. — Память человека не нужно улучшать. Все наши исследования показывают, что мозг способен запомнить любую информацию, причем практически в неограниченных количествах. Проблема заключается в том, чтобы вытащить ее на поверхность, когда в этом возникает необходимость. Сколько раз бывало, что какое-то имя вертится у вас на кончике языка, но вы никак не можете произнести его? Сколько раз вы пытались вспомнить то, что наверняка знали, а два часа спустя, когда вы и думать об этом забыли, искомые сведения вдруг всплывали в вашем мозгу? Я правильно все излагаю, Дэвид?

— Абсолютно, — подтвердил Андерсон. — Обращение к памяти, по нашему мнению, затруднено из-за того, что мозг млекопитающего создал слишком мощную записывающую систему. Создается такая огромная база данных, что ее очень трудно использовать и сделать выбор. Итак, память не может работать эффективно из-за того, что мозг не в состоянии выбрать из множества ненужных фактов тот, что требуется.

В мозгу есть вещество, которое работает как ингибитор*, и нам удалось создать химикат, который его нейтрализует. Мы назвали его деингибитор; исследования и эксперименты показали, что он не дает никаких побочных эффектов.

Сьюзен рассмеялась:

— Мне все ясно, Джонни. Джентльмены, вы можете быть свободны. Несколько минут назад вы заявили, что происходит торможение воспоминаний — а это мешает млекопитающим реагировать на окружающую действительность более эффективно. Теперь же вы говорите, будто деингибитор не имеет никаких побочных воздействий. Не сомневаюсь, ваш препарат будет еще больше тормозить реакции млекопитающего; может быть, вообще лишит его способности реагировать на что-либо. И вы намерены испробовать деингибитор на Джонни, чтобы посмотреть, впадет он в кому или нет.

Андерсон поднялся на ноги, его тонкие губы дрожали. Он сделал несколько быстрых шагов в одну сторону, потом вернулся обратно. Когда он снова уселся на стул, его лицо озаряла спокойная улыбка.

— Во-первых, мисс Коллинз, это вопрос дозировки. Мы уже вам говорили, что у всех животных, подвергшихся эксперименту, существенно улучшилась способность к обучению. Естественно, мы не пытались полностью уничтожить ингибитор; мы просто частично компенсировали его воздействие. Во-вторых, у нас есть основания считать, что человеческий мозг может

* Замедлитель реакции

выдержать полную компенсацию ингибитора. Ведь он гораздо больше, чем у любого из животных, на которых мы проводили эксперименты, — всем известно, что человек способен к абстрактному мышлению. Мозг человека сконструирован для идеального воспроизведения имеющейся информации, но слепые силы эволюции не сумели уничтожить ингибитор, который унаследован нами от низших животных.

— Вы уверены? — спросил Джон.

— Вы не можете быть уверены, — холодно заявила Сьюзен.

— Сами мы не сомневаемся, — ответил Купфер, — однако нам необходимы доказательства, чтобы убедить остальных. Вот почему нужно испытать деингибитор на человеке.

— На Джоне, — мрачно проговорила Сьюзен.

— Да.

— Что возвращает нас, — не унималась Сьюзен, — к ключевому вопросу: почему вы выбрали Джона?

— Ну, — медленно проговорил Купфер, — нам нужен человек, чьи шансы на успех будут максимальными. Кроме того, результат должен быть наглядным. Мы не хотим связываться с теми, чьи умственные способности существенно ниже нормы — в этом случае придется дать слишком большую дозу деингибитора. Не стоит иметь дело и с очень способными людьми, поскольку эффект заметить будет трудно. Для нашего эксперимента требуется человек со средними способностями. Нам повезло, в нашем распоряжении имеется описание физических и психологических характеристик всех работников «Квантума». Так вот, мистер Хис идеально нам подходит.

— Средняк по всем параметрам? — спросила Сьюзен.

Джон вздрогнул, услышав ее слова — и в самом деле, Сьюзен раскрыла его самый сокровенный секрет!

— Да ладно вам, — пробормотал он.

Не обращая внимания на Джона, Купфер ответил Сьюзен:

— Да.

— И он станет другим, если примет ваше лекарство?

Губы Андерсона растянулись в очередной холодной улыбке.

— Верно. Он больше не будет середняком. Тут есть над чем поразмыслить — особенно раз вы в ближайшее время собираетесь пожениться. Не забывайте о фирме «Джонни и Сью», как вы изволили выразиться. Если ничего не изменится, я не думаю, что вашу фирму ждет успех в «Квантум Фармасютикалз», мисс Коллинз; хотя Хис хороший и надежный работник, он, как вы и сами прекрасно знаете, обладает весьма средними способностями. Однако, если он подвергнется воздействию деингибитора, ваш будущий супруг станет выдающейся личностью и сделает

головокружительную карьеру. Подумайте, как это скажется на фирме «Джонни и Сью».

— А что фирма может потерять? — мрачно спросила Сьюзен.

— Мне трудно себе представить, что вы что-нибудь потеряете, — ответил Андерсон. — Мы дадим ему разумную дозу — завтра, в воскресенье. В нашем распоряжении будет целый этаж; мы сможем наблюдать за Джоном в течение нескольких часов. Наверняка все пройдет хорошо. Если бы я рассказал вам о бесконечных экспериментах, когда мы самым тщательным образом исследовали все побочные эффекты...

— На животных. — Сьюзен не отступала ни на дюйм.

— Я уже принял решение, Сью, — резко сказал Джон. — Мне до смерти надоело быть середняком. Я готов рискнуть, если есть шанс навсегда с этим покончить.

— Джонни, — остановила его Сьюзен, — не торопись.

— Я думаю о фирме, Сью. И хочу сделать свой взнос.

— Отлично. Но подумайте еще, — сказал Андерсон. — Мы оставим два экземпляра нашего контракта, прочитайте его не спеша и решите, следует подписать его или нет. Мы заедем за вами завтра, чтобы отвезти в лабораторию.

Гости улыбнулись на прощание и ушли.

Джон в волнении прочитал контракт и поднял на Сьюзен глаза.

— Ты считаешь, что я не должен соглашаться, не так ли, Сью?

— Да, меня это беспокоит.

— Послушай, если у меня появится шанс перестать быть середняком...

— А что в этом плохого? — спокойно спросила Сьюзен. — За свою короткую жизнь я встречала столько дураков и психов, что с удовольствием свяжу судьбу с таким симпатичным, спокойным парнем, как ты, Джонни. На самом деле я тоже середняк.

— Это ты середняк? С такой внешностью? С такой фигурой?

Сьюзен с определенным удовольствием посмотрела на себя в зеркало.

— Ну, тогда я просто самая средняя великолепная девушка, — заявила она.

3

Инъекцию сделали в восемь утра, в воскресенье, менее чем через двенадцать часов после того, как Джон получил предложение принять участие в эксперименте. На тело Джона в нескольких местах были прикреплены датчики; а Сьюзен самым внимательным образом наблюдала за своим женихом.

— Пожалуйста, Хис, расслабьтесь. Все идет хорошо, но ваше волнение увеличивает число сердечных сокращений и поднимает давление, из-за чего нам трудно следить за процессом.

— А как я могу расслабиться? — пробормотал Джон.

— Настолько трудно следить за процессом, — резко вмешалась Сьюзен, — что вы не знаете, что происходит?

— Нет-нет, — возразил Андерсон. — Борис ведь сказал, что все идет хорошо — так оно и есть. Просто животным мы перед инъекцией всегда давали транквилизаторы, но в данном случае мы посчитали, что лучше обойтись без них. А следовательно, следует ожидать роста напряженности. Постарайтесь дышать медленно и спокойно, и все будет в порядке.

Только к полудню они решили, что можно снять датчики.

— Как вы себя чувствуете? — спросил Андерсон.

— Немного нервничаю, — ответил Джон, — в остальном все нормально.

— Голова не болит?

— Нет. Но я хотел бы сходить в туалет — иначе трудно расслабиться.

— Конечно.

— Я не заметил, чтобы с моей памятью произошло что-нибудь особенное, — нахмурившись, заявил Джон, выходя из ванной.

— Потребуется некоторое время. Деингибитор начинает действовать не сразу, — ответил Андерсон.

4

Было уже почти двенадцать вечера, когда Сьюзен прервала затянувшееся молчание — оба смотрели в телевизор, но мало что понимали из происходящего на экране.

— Ты должен остаться у меня на ночь, я не хочу, чтобы ты был один. Кто знает, что с тобой может произойти.

— Я ничего не чувствую, — мрачно проговорил Джон. — Никаких изменений.

— Меня это вполне устраивает, — успокоила его Сьюзен. — У тебя что-нибудь болит, есть необычные ощущения?

— Да нет, все в норме.

— Лучше бы мы не соглашались.

— Ради фирмы, — сказал Джон, слабо улынувшись. — Ради фирмы стоило рискнуть.

5

Джон спал плохо и проснулся вовремя, но в отвратительном настроении. Впрочем, на работу он не опоздал. Начиналась новая неделя.

К одиннадцати часам мрачное настроение Джона привлекло внимание его непосредственного начальника, Майкла Росса. Росс, плотный чернобровый мужчина, был похож на портового грузчика. Джону шеф не слишком нравился, хотя он и поддерживал с ним приличные отношения.

— Куда подевалась твоя обычная веселость, Хис? Твои шутки? Заразительный смех? — спросил Росс басом.

Казалось, ему и в разговоре хотелось походить на грузчика.

— Чувствую себя паршиво, — ответил Джон, не поднимая взгляда.

— Похмелье?

— Нет, сэр, — холодно ответил Джон.

— Ну, тогда приободришься. Вряд ли тебе удастся завести кучу друзей, если ты все время будешь корчить мрачные рожи!

Больше всего на свете Джону хотелось завывать. Даже в самые лучшие времена выступления Росса утомляли его, а сейчас ему и вовсе было тошно.

И тут, как нарочно, Джон почувствовал отвратительный запах сигар, которые курил Джеймс Арнольд Прескотт — глава отдела продаж.

Тот вошел в комнату, посмотрел по сторонам и спросил:

— Майк, когда и что мы продали Ровею прошлой весной или около того? Возникла какая-то дурацкая проблема, похоже, в наш компьютер вкралась ошибка.

Вопрос относился не к Джону, однако он спокойно ответил:

— Сорок два флакона РСАР. Четырнадцатого апреля, входящий номер Р-20543, пять процентов скидки. Срок оплаты — один месяц. Окончательный расчет — 8 мая.

Казалось, все, кто находился в комнате, услышали эти слова. Во всяком случае, глаза присутствующих обратились на Джона.

— Откуда, черт возьми, вы это можете знать? — осведомился Прескотт.

Джон удивленно посмотрел на Прескотта:

— Просто запомнил.

— Значит, запомнили? Ну так повторите!

Джон, слегка заикаясь, повторил, а Прескотт наклонился и, тяжело дыша — ему мешал солидный животик, — записал сведения на листок бумаги. Джон постарался незаметно отмахнуться от дыма сигары.

— Росс, проверь эти данные по своему компьютеру. — Прескотт повернулся к Джону. — Я не люблю дурацких шуток. Что бы вы сделали, если бы я, не проверяя ваши слова, воспользовался этой информацией?

— Ничего бы не сделал, поскольку я правильно все сказал, — ответил Джон, чувствуя, что становится центром всеобщего внимания.

Росс отдал Прескотту распечатку. Тот посмотрел на нее и спросил:

— Это из компьютера?

— Да, мистер Прескотт.

Прескотт еще раз взглянул на листки, а потом кивнул в сторону Джона:

— А он кто такой? Еще один компьютер? Этот тип не ошибся.

Джон сделал неудачную попытку улыбнуться, но Прескотт что-то пробурчал себе под нос и удалился, оставив за собой удушливый запах сигарного дыма.

— Это еще что за фокусы, Хис? — поинтересовался Росс. — Ты случайно узнал, что его интересует, и посмотрел заранее, чтобы оказать услугу?

— Нет, сэр, — ответил Джон, к которому вернулась уверенность. — Я просто вспомнил. У меня хорошая память на подобные вещи.

— И все эти годы ты скрывал от нас свои способности? Никто здесь и не подозревал, что за твоим самым обычным лбом прячется такая потрясающая память.

— А какой смысл было ее демонстрировать, мистер Росс? Теперь, когда все об этом узнали, что я выиграл?

Тут Джон был совершенно прав. Росс свирепо посмотрел на него и отвернулся.

6

Джон был так взволнован, когда они со Сьюзен зашли вечером в небольшой ресторанчик пообедать, что даже не мог связно говорить. Однако Сьюзен проявила терпение, она внимательно выслушала своего жениха и постаралась его успокоить.

— Знаешь, ты мог вспомнить совершенно случайно, — сказала она. — Само по себе это еще ничего не доказывает, Джонни.

— Да ты что, с ума сошла? — Он понизил голос, когда Сьюзен сердито замахала на него руками и быстро огляделась по сторонам. Тогда Джон повторил шепотом: — Ты с ума сошла. Неужели ты думаешь, что речь идет только об этом? По-моему, я могу повторить все, что когда-либо слышал. Тут дело в том, чтобы... просто вспомнить. Например, всего Шекспира — наизусть.

— Быть или не быть.

На лице Джона появилась презрительная гримаса.

— Не надо шуток. А, ладно, не имеет значения. Дело в том, что, если ты прочитаешь какую-нибудь строку, я смогу продол-

жить хоть до конца пьесы. В колледже я много читал Шекспира, а потом и для себя — и теперь могу тебе все продекламировать. Я уже пробовал. Словно река течет! Полагаю, что сумею процитировать любую книгу или статью в газете, которую когда-либо читал, или телевизионное шоу, которое смотрел, — слово за словом, сцену за сценой.

— Ну и зачем тебе это? — спросила Сьюзен.

— Я не держу это постоянно в голове. Ты же не думаешь... подожди, давай закажем...

Через пять минут Джон сказал:

— Ты же не думаешь — Господи, я не забыл, на чем остановился! Разве это не удивительно!.. Ты не думаешь, что я все время плаваю в море из строк Шекспира. Нужны усилия, чтобы интересующие меня сведения всплыли в памяти — не очень большие, но все-таки усилия.

— А как это происходит?

— Не знаю. Как ты поднимаешь руку? Какие приказы отдаешь своим мускулам? Ты просто хочешь, чтобы рука поднялась, и она поднимается. Так вот, я могу вспомнить все, что когда-либо читал или видел, стоит лишь захотеть. Я не знаю, как это происходит!

Принесли первое блюдо, и Джон быстро с ним расправился.

Сьюзен без особого энтузиазма тыкала вилкой в свои грибы.

— Звучит впечатляюще.

— Впечатляюще? Да я обзавелся самой замечательной игрушкой на свете! Мой собственный мозг. Послушай, я могу правильно написать любое слово — совершенно уверен, что не сделаю при этом ни одной орфографической ошибки.

— Потому что помнишь все словари и учебники, которые читал?

Джон бросил на Сьюзен быстрый взгляд:

— Только не надо иронии, Сью.

— Но я вовсе...

Он жестом заставил ее замолчать.

— Я никогда не читал словари ради развлечения. Но я помню слова и предложения из разных книг, где они были написаны правильно.

— Не будь так в этом уверен. Ты видел множество слов, написанных с самыми разными ошибками, да и неудачных фраз читал немало.

— Но это были исключения. Гораздо чаще я сталкивался с литературным английским. Это перевешивает случайные ошибки. Более того, мне кажется, что я прогрессирую с каждой минутой, даже сейчас, когда сижу здесь.

— И тебя это не беспокоит. А что, если...

— Что, если я стану слишком умным? Объясни мне, как можно проиграть из-за того, что ты стал слишком умным?

— Я только хотела сказать, — холодно ответила Сьюзен, — что то, о чем ты говоришь, вовсе не свидетельствует об уме. Просто ты научился вспоминать.

— Ничего себе «просто»! Если я буду все помнить, то смогу безошибочно пользоваться английским, если буду держать в голове множество фактов, разве это не произведет соответствующего впечатления? А что вообще такое ум? Тебе не кажется, что ты начинаешь немного завидовать, Сью?

— Нет, — ответила она еще более холодным голосом. — Я всегда могу сделать такую же инъекцию, если мне приспичит.

Джон положил вилку на стол:

— Ты со мной так не поступишь.

— Я и не собираюсь, но что, если мне захочется?

— Неужели ты воспользуешься своей информированностью, чтобы лишить меня преимуществ?

— Каких преимуществ?

Принесли основное блюдо, и на некоторое время Джон замолчал.

Потом он заговорил шепотом:

— Которыми я буду обладать в самом ближайшем будущем. Сверхчеловек!.. Нас никогда не будет очень много. Ты же слышала, что сказал Купфер. Некоторые слишком глупы, чтобы стать такими, как я. Другие слишком умны, чтобы сильно измениться. А я — как раз то, что надо!

— Полный середняк. — Сьюзен состроила гримаску.

— Когда-то я им был. Со временем появятся и другие сверхлюди. Их будет совсем немного. Однако я первый оставляю свой след в истории человечества. Все для нашей фирмы, ты же знаешь. Для нас!

После этого он надолго замолчал.

Сьюзен грустно ела в полнейшей тишине.

7

Джон провел несколько дней, систематизируя воспоминания. Это было похоже на составление огромного справочника. Постепенно к нему возвращалось все, что произошло с ним за шесть лет его работы в «Квантум Фармасютикалз», все, что он слышал или читал в документах и докладных записках.

Без особого труда он отделил несущественное — эти сведения отправились в специальный «ящик» с рекомендацией: хранить до востребования; теперь они не будут ему мешать при

анализе других данных. Остальные события он расположил в определенном порядке, чтобы получалась некая естественная прогрессия.

Затем Джон стал вспоминать слухи, сплетни — злобные и смешные, фразы и заявления на различных совещаниях, на которые он в свое время не обратил ни малейшего внимания. То, что не соответствовало построенной в его голове структуре, он отбрасывал, как лишнее, не представляющее интереса. То, что подходило, занимало положенное место, сразу превращаясь в факт.

Постепенно конструкция, выстроенная Джоном, становилась все более осмысленной, и тем легче ему было пристраивать к ней все новые и новые факты.

Во вторник рядом со столом Джона остановился Росс:

— Я хочу, чтобы ты немедленно зашел ко мне в кабинет, если твои ноги не откажутся доставить тебя туда.

Джон неохотно встал:

— А это обязательно? Я занят.

— Да, ты кажешься занятым. — Росс посмотрел на пустой стол Джона, на котором в данный момент стояла лишь фотография улыбающейся Сьюзен. — Ты занят с начала недели. Ты спросил, обязательно ли тебе заходить в мой кабинет. Для меня — нет; но для тебя — жизненно важно. Вот дверь, ведущая ко мне. А вот дверь, в которую ты можешь выйти отсюда навсегда. Выбери одно или другое — и побыстрее.

Джон кивнул и не торопясь последовал за Россом.

Росс устроился за своим столом, но Джону сестра не предложил. Он пристально посмотрел на своего подчиненного, а потом заявил:

— Что, черт возьми, с тобой происходит в последнее время, Хис? Ты что, не знаешь, чем должен заниматься?

— Насколько мне известно, я выполняю свою работу, — ответил Джон. — Порученный мне отчет попал на ваш стол на семь дней раньше срока. Сомневаюсь, что вы будете им недовольны.

— Ты сомневаешься, да? А у меня есть твое разрешение на недовольство, после того как я посоветуюсь со своей совестью? Или я приговорен к тому, чтобы каждый раз делать у тебя соответствующий запрос?

— Судя по всему, вы неправильно меня поняли, мистер Росс. Я сомневаюсь, что у вас будут рациональные претензии к моему отчету. Что же до других, то меня они совершенно не волнуют.

Росс резко встал:

— Послушай, молокосос, если я решу тебя уволить, ты эту новость даже не услышишь. Я и говорить ничего не буду. Ты

выйдешь через эту дверь головой вперед, а я помогу тебе набрать достаточное ускорение, чтобы твое тело не останавливалось до самого выхода. Постарайся удерживать эту несложную мысль в своем крошечном мозгу, а язык — за зубами своего слишком большого рта. Сейчас не стоит вопрос о том, сделал ты свою работу или нет. Откуда у тебя право давать всем указания?

Джон ничего не ответил.

— Ну?! — взревел Росс.

— Вы ведь велели «держаться за язык за зубами моего слишком большого рта».

Росс побагровел.

— Однако тебе придется отвечать на мои вопросы.

— Я никому не давал указаний, — спокойно проговорил Джон.

— Здесь нет ни одного человека, которого ты бы не поправил хотя бы один раз. Ты через голову Вилоуби начал вести переговоры с ТМП; ты влез в компьютерные файлы, пользуясь допуском Бронштейна; и один только Бог знает, что еще ты натворил за последние два дня и о чем мне пока не доложили. Ты не даешь нашему отделу спокойно работать. Немедленно прекрати соваться куда не следует! Если с этого момента не установится спокойная погода, жди торнадо.

— Если я и вторгнулся в чужие дела, то только ради пользы дела, — ответил Джон. — Из-за ошибки Вилоуби был нарушен федеральный закон, и «Квантум Фармасютикалз» мог понести серьезные потери. Об этом я не раз сообщал в докладных записках, прочитать которые вам было недосуг. Что касается Бронштейна, то он попросту игнорирует общие указания, что привело к проведению никому не нужных тестов, которые обошлись компании в пятьдесят тысяч — я легко мог бы проделать эту работу самостоятельно, — только чтобы продемонстрировать понимание ситуации, сложившейся в «Квантум Фармасютикалз».

Росс все больше терял самообладание.

— Хис, — прошипел он, — ты узурпируешь мои функции. Поэтому, еще до обеда, ты сложишь свои личные вещи, навсегда покинешь «Квантум Фармасютикалз» и больше никогда сюда не вернешься. А я с большим удовольствием помогу тебе набрать высокую скорость при помощи своего колена. Официальная бумага об увольнении будет у тебя в руках, и я забью ее тебе прямо в глотку еще до того, как ты соберешься. Так что поторопись!

— Не пытайтесь меня запугать, Росс, — не торопясь проговорил Джон. — Ваша некомпетентность привела к тому, что ком-

пания уже потеряла четверть миллиона долларов, и вам об этом хорошо известно.

Наступила короткая пауза. Росс явно удивился.

— О чем ты говоришь? — осторожно спросил он.

— «Квантум Фармасютикалз» участвовала в борьбе за Нитли и упустила его из-за того, что некая информация, которой вы располагали, так и не попала в Совет директоров. Вы или забыли о ней, или посчитали ее малосущественной — в любом случае вы не соответствуете занимаемой должности. Либо вы некомпетентны, либо продались соперничающей фирме.

— Ты спятил!

— Никто мне не поверит. Однако информация содержится в компьютере, если знать, где ее искать. Более того, у меня есть распечатки, которые окажутся в руках нужных людей через две минуты после того, как я покину здание компании.

— Если это и так, — теперь речь давалась Россу с трудом, — ты не можешь быть уверен на сто процентов. Глупая попытка шантажа посредством клеветы.

— Вам прекрасно известно, что это не клевета. А если вы сомневаетесь, что я располагаю нужной информацией, то я вам расскажу: меморандум, о котором идет речь, был уничтожен, но его легко восстановить, воспользовавшись имеющимися в наличии данными. Вам придется объяснить его отсутствие, и всем станет ясно, что вы совершенно сознательно уничтожили важный документ. Вы знаете, что я не блефую.

— Но это же шантаж.

— Почему? Я не выдвигаю никаких требований и не угрожаю вам. Просто объясняю, что стану делать. Естественно, если меня заставят уволиться, я вынужден буду поделиться некоторыми своими соображениями, вы меня понимаете?

Росс ничего не сказал.

— Вы все еще требуете моего увольнения? — хладнокровно спросил Джон.

— Выйди вон из моего кабинета.

— Так я уволен или нет?

— Нет, ты продолжаешь здесь работать. — По лицу Росса можно было изучать разновидности ненависти.

8

Сьюзен организовала обед у себя на квартире, потратив на это немало сил. Никогда еще — по собственному мнению — она не выглядела такой привлекательной. Наступил очень важный момент: ей было необходимо тронуть сердце Джона, чтоб отвлечь его от постоянных размышлений.

— В конце концов, — сказала она с наигранной веселостью, — мы празднуем последние девять дней нашей одинокой жизни.

— Мы празднуем нечто гораздо большее, — проговорил с мрачной улыбкой Джон. — Прошло всего четыре дня с тех пор, как мне сделали инъекцию деингибитора, а я уже поставил Росса на место. Он больше никогда не станет меня беспокоить.

— Похоже, мы по-разному смотрим на некоторые вещи, — печально произнесла Сьюзен. — Расскажи мне подробно, о чем вы говорили.

Джон быстро и без колебаний передал слово в слово свой разговор с Россом.

Сьюзен слушала с каменным выражением лица, она явно не разделяла триумфа, звучащего в голосе жениха.

— А как ты узнал об ошибке Росса?

— Тут нет никакого секрета, Сью, — ответил Джон. — Очень многие вещи кажутся секретными, потому что люди о них забывают. Если ты в состоянии вспомнить каждое замечание, каждый комментарий, каждое случайное слово, а потом рассмотреть их в комбинации, то поймешь, что люди сами выдают свои секреты. Ты улавливаешь намеки, которые в наш век всеобщей компьютеризации быстро приводят тебя к соответствующим документам. Совсем нетрудно. Мне по крайней мере вполне по силам. Я сумел это проделать с Россом и справлюсь с любым человеком, с которым меня сведет судьба.

— И вызовешь ярость.

— Росс и в самом деле рассвирепел. Тут ты можешь не сомневаться.

— Но был ли твой поступок разумным?

— А что он может мне сделать? Росс у меня в руках.

— У него достаточно влияния в верхних эшелонах...

— Не надолго. Я назначил совещание на завтра. В два часа. Будет присутствовать старина Прескотт со своими вонючими сигарами — между делом я разорву Росса на куски.

— Тебе не кажется, что ты торопишься?

— Тороплюсь? Я еще даже не начинал. Прескотт — только первый этап. Как и «Квантум Фармасютикалз».

— И все равно не следует форсировать события. Тебе необходим человек, который бы тобой руководил. Тебе нужно...

— Мне ничего не нужно. С тем, что у меня есть, — Джон постучал пальцем по виску, — меня никто и ничто не остановит.

— Ну ладно, давай не будем сейчас об этом говорить. Нам следует обсудить совсем другое.

— Что?

— Собственные планы. Через девять дней свадьба. Несомненно, — тут в голосе Сьюзен появилась ирония, — ты не забыл, что через девять дней у нас свадьба?

— Я помню об этом, — недовольно ответил Джон, — но в данный момент мне необходимо реорганизовать «Квантум Фармасютикалз». На самом деле я всерьез подумываю о том, чтобы перенести свадьбу до тех пор, пока не наведу в компании порядок.

— Да? И когда же это будет?

— Трудно сказать. Долго ждать не придется, учитывая скорость, с которой развиваются события. Полагаю, месяц или два. Если только, — тут у него в голосе появился сарказм, — ты не считаешь, что я тороплюсь.

— А ты не собирався по этому поводу посоветоваться со мной? — Сьюзен тяжело дышала.

Джон приподнял брови:

— Разве есть необходимость? Не слышу аргументов. Сама видишь, что происходит. Нельзя останавливаться и терять набранную скорость. Послушай, ты знаешь, что я математический гений? Я могу умножать и делить так же быстро, как компьютер: когда-то я немного интересовался арифметикой, а теперь могу вспомнить все ответы. Я прочитал таблицу квадратных корней, и в моих силах...

— Боже мой! — вскричала Сьюзен. — Ты как дитя с новой игрушкой! У тебя потеряна перспектива. Способность мгновенно вспоминать все по собственному желанию хороша только для фокусов. Она не дает тебе дополнительного ума или таланта, ни единой унции; не говоря уже об умении делать выводы или здравом смысле. Ты опасен, как ребенок с гранатой. За тобой должен приглядывать тот, кто способен реально оценивать окружающий мир.

Джон нахмурился:

— В самом деле? По-моему, все идет отлично.

— Ты уверен? А тебе не кажется, что наши с тобой желания совпадают?

— Что ты имеешь в виду?

— Ну давай, Джонни! Ты ведь хочешь меня. Так протяни руку и возьми. Используй свою замечательную способность помнить все. Вспомни, кто я такая, что собой представляю, тепло наших отношений... Вспомни все!

Джон, на лице которого появилось неуверенное выражение, протянул руки к Сьюзен. Она отстранилась от него.

— Но ты мной не обладаешь. Ты даже не можешь вспомнить меня в своих объятиях; ты забыл, что такое любовь. Твоя проблема заключается в том, что у тебя не хватило здравого смысла

это сделать и недостает интеллекта, чтобы правильно определить приоритеты. Вот, возьми кольцо и уходи отсюда, или я тресну тебя чем-нибудь тяжелым.

Он протянул руку и взял обручальное кольцо.

— Сьюзен...

— Я же сказала, уходи. С этого момента фирма «Джонни и Сью» прекращает свое существование.

Ее лицо пылало гневом, и Джон, покорно повернувшись, ушел.

9

Когда на следующее утро Джон пришел в «Квантум Фарма-сютикалз», его уже поджидал Андерсон, на лице которого ясно читалось нетерпение.

— Мистер Хис, — улыбаясь, сказал он, поднимаясь навстречу.

— Что вы хотите? — поинтересовался Джон.

— Надеюсь, нас здесь никто не услышит?

— Насколько мне известно, подслушивающих устройств тут нет.

— Послезавтра вы должны прийти к нам для осмотра. В воскресенье. Вы помните?

— Конечно, помню. Я не способен что-нибудь забыть. Однако я могу изменить свои намерения. Зачем мне осмотр?

— Для вашей же пользы, сэр. Не вызывает сомнения, что Купфер и я удачно выбрали дозу, все складывается просто великолепно. На самом деле мы не хотим ждать до воскресенья. Если бы вы зашли к нам сегодня, прямо сейчас, это имело бы большое значение для нас, «Квантума» и, конечно, для всего человечества.

— Вам следовало крепче за меня держаться, когда у вас была такая возможность, — решительно проговорил Джон. — Вы отравили меня на работу, где я должен был действовать без вашей помощи — вы проводили эксперимент в полевых условиях, и вам многое удалось узнать. А для меня это был дополнительный риск, но вас это не слишком беспокоило, не так ли?

— Мистер Хис, мы думали об этом. Мы...

— Не надо! Я помню каждое слово, которое было произнесено вами или Купфером в прошлое воскресенье, и мне совершенно ясно, что вас тогда беспокоило. Поэтому, раз уж рисковать пришлось мне, то и выгоду из эксперимента должен извлечь я. Больше я не собираюсь играть роль биохимического уродя, который получил выдающиеся способности благодаря одной инъекции. У меня нет никакого желания, чтобы рядом со мной оказались другие люди с подобными способностями.

В данный момент я владею монополией и собираюсь использовать ее до конца. Когда буду готов — и никак не раньше, — стану с вами сотрудничать, ради будущего всего человечества. Но запомните: я сам решу, когда наступит этот момент. Поэтому не звоните мне; я вас найду.

Андерсону удалось улыбнуться.

— Интересно, мистер Хис, каким образом вы сможете помешать нам сделать заявление для прессы? Те, кто имел с вами дело в течение последней недели, подтвердят наши слова.

— Вы так думаете? Послушайте, Андерсон, послушайте внимательно и уберите с лица вашу дурацкую ухмылку. Она меня раздражает. Я уже говорил вам, что помню каждое слово, которое было произнесено вами и Купфером. Каждый нюанс, каждое выражение лица, каждый взгляд, которым вы обменялись. Это очень о многом говорит. Я понял достаточно, чтобы навести кое-какие справки об отпусках по болезни, которые за последнее время брали работники компании. И мне очень многое стало ясно. Похоже, я далеко не первый служащий «Квантум Фармасютикалз», испытавший на себе действие деингибитора.

Теперь улыбка и в самом деле исчезла с лица Андерсона.

— Чепуха!

— Вы знаете, что это не так, и должны понимать — я легко смогу доказать свою правоту. Мне известны имена людей, с которыми вы имели дело — могу напомнить вам, что среди них была одна женщина, — и названия больниц, где их лечили, даже фальшивые истории болезней, которыми вы их снабдили. Поскольку вы не предупредили меня о возможных последствиях, когда использовали в качестве четвертого подопытного кролика на двух ногах, я вам ничего не должен, кроме разве что нескольких лет тюремного заключения.

— Я не собираюсь с вами спорить, — вздохнул Андерсон. — Однако кое-что я вам скажу. Воздействие деингибитора прекратится, Хис. Вам не удастся сохранить свою идеальную память навсегда. И тогда вы придете к нам — и получите следующую инъекцию на наших условиях.

— Чуть, — усмехнулся Джон. — Неужели вы думаете, что я не изучил ваших отчетов — во всяком случае тех, что не были засекречены. У меня есть вполне определенные подозрения относительно того, что вы засекретили. В некоторых случаях воздействие деингибитора продолжается дольше, чем в других. И чем удачнее проходит эксперимент, тем длиннее оказывается промежуток. В моем варианте результат получился просто великолепным, а значит, я еще долго буду обладать потрясающими способностями. К тому моменту когда действие деингибитора закончится — если это вообще когда-нибудь произойдет, —

я буду занимать такое положение, что отказ сотрудничать со мной приведет вас к катастрофе. Даже и не думайте об этом.

— Вы неблагодарный...

— Не морочьте мне голову, — устало сказал Джон. — Я не желаю выслушивать ваши истерики. Уходите, у меня много работы.

Когда Андерсон покинул комнату, на его лице появилось разочарование и страх.

10

Было два часа тридцать минут, когда Джон вошел в кабинет Прескотта — на сей раз его не слишком беспокоил сигарный дым. Пройдет совсем немного времени, и Прескотту придется выбирать между сигарами и своим местом.

Вместе с Прескоттом в кабинете находились Арнольд Глак и Льюис Рэндалл — Джон с мрачным удовлетворением отметил, что для встречи с ним собрались все три руководителя подразделений.

Прескотт положил сигару на край пепельницы и сказал:

— Росс просил дать вам полчаса, больше я просто не могу. Вы тот самый человек, который обладает исключительной памятью?

— Меня зовут Джон Хис, сэр, и я собираюсь представить на ваше рассмотрение схему рационализации компании; мы начнем по-настоящему использовать возможности компьютеров; наша компания будет готова к дальнейшей модернизации по мере улучшения технологий.

Трое директоров переглянулись.

Глак, чье загорелое лицо было испещрено множеством морщин, спросил:

— Вы эксперт по менеджменту?

— Мне этого не требуется, сэр. Я проработал здесь шесть лет и помню все операции, которые проходили через меня. Мне очевидно, что схема управления малоэффективна. Нетрудно заметить узкие места и придумать способы их устранения. Если вы меня послушаете, я вам все быстро объясню. Вы сразу поймете.

Рэндалл, которого молодили рыжие волосы и веснушки, иронически осведомился:

— Надеюсь, это будет совсем нетрудно, потому что у нас возникают проблемы со сложными концепциями.

— У вас не возникнет никаких проблем, — заверил его Джон.

— А у вас осталась двадцать одна минута и ни секундой больше, — заявил Прескотт, посмотрев на часы.

— Я закончу раньше, — заверил их Джон. — Я начертил диаграммы и могу говорить быстро.

Он уложился в пятнадцать минут — его ни разу не прервали.

— Если вас послушать, так мы можем уволить половину персонала, — наконец мрачно проговорил Глак, бросив на Джона холодный взгляд своих маленьких глаз.

— Больше половины, — спокойно уточнил Джон, — и от этого компания станет работать только эффективнее. Профсоюз помешает нам уволить рядовых служащих, впрочем, всегда можно найти способ от них избавиться. А с управляющими расстаться не проблема. Пожилые уйдут на пенсию, остальным — если они достаточно молоды — придется подыскать себе другую работу. Прежде всего мы должны думать о «Квантум Фармасютикалз».

Прескотт, до этого момента сохранявший зловещее молчание, выпустил кольцо вонючего дыма.

— Такие кардинальные изменения следует производить только после тщательной проверки. То, что на бумаге выглядит вполне логично, часто разбивается о реальные трудности, да и человеческий фактор нельзя не учитывать.

— Прескотт, если вы не начнете реорганизацию в течение ближайшей недели, а меня не поставят во главе проекта, я подам в отставку. Меня с удовольствием возьмут в меньшую фирму, где будет гораздо легче внедрить в жизнь новые идеи. Начав дело с небольшой группой управляющих, я смогу, нанимая новых людей, во много раз увеличить оборот фирмы — и через год «Квантум Фармасютикалз» будет на грани банкротства. Я получу от этого немалое удовольствие. Так что подумайте как следует, прежде чем принимать окончательное решение. Мои полчаса истекли. До свидания.

И Джон Хис ушел.

11

Прескотт задумчиво смотрел ему вслед. Он явно пытался просчитать варианты.

— Похоже, — наконец заговорил он, — Хис досконально знает, как мы функционируем, и собирается реализовать свои намерения. Нам нельзя его упускать.

— То есть, по-твоему, следует принять его план? — с ужасом спросил Рэндалл.

— Я этого не говорил. Вы оба можете идти. И помните: никто не должен узнать о нашем разговоре.

— У меня такое чувство, — пробормотал Глак, — что если мы немедленно не предпримем каких-то решительных действий, то через месяц окажемся на улице без средств к существованию.

— Весьма вероятно, — кивнул Прескотт, — поэтому мы кое-что сделаем.

— Что?

— Вам лучше оставаться в неведении. Предоставьте это мне. А сейчас забудьте обо всем и хорошенько отдохните. Веселых выходных.

Когда они ушли, Прескотт немного посидел, терзая зубами потухшую сигару. Потом потянулся к телефону и набрал номер.

— Говорит Прескотт. Я хочу, чтобы в понедельник, с самого утра, вы зашли ко мне в кабинет. Первым делом. Вы меня поняли?

12

Андерсон выглядел слегка взъерошенным, он плохо провел субботу и воскресенье. Прескотт, настроение у которого было и того хуже, злобно проговорил:

— Ты и Купфер опять взялись за свое?

— Давайте не будем об этом, мистер Прескотт, — тихо сказал Андерсон. — Вы помните, мы договорились соблюдать конфиденциальность, когда речь идет о некоторых видах исследований. Мы ставим на карту свою карьеру, в случае успеха станем богатыми людьми, а «Квантум Фармасютикалз» делит с нами успех, ничем при этом не рискуя.

— Однако вам удвоили жалованье, гарантировав, что все дополнительные выплаты пострадавшим берет на себя «Квантум Фармасютикалз», не забываете! Вы ведь возились с этим типом, Джоном Хисом, не так ли? Ну признавайтесь. Тут невозможно ошибиться. Лично я ни секунды не сомневаюсь.

— Да.

— И он оказался таким умным, что вы спустили на нас — этого... этого... тарантула.

— Мы и представить себе не могли, что так получится. После того как он хорошо перенес инъекцию и не впал в шок, мы поняли, что у нас возникает замечательная возможность провести настоящие полевые испытания препарата. Мы рассчитывали, что через пару дней действие деингибитора прекратится.

— Если бы вы поставили меня в известность, я бы понял, что происходит, как только этот ублюдок без малейших колебаний выдал мне сведения из компьютера, сообщив детали, которые он никак не должен был знать. Ладно, теперь по крайней мере

известно, чего ждать. Он шантажирует нас, требуя, чтобы компания была немедленно реорганизована — но мы не можем на это пойти. Отпускать его тоже никак нельзя.

— Весьма возможно, что его план совсем неплох, если учесть способности Хиса к воспроизведению информации и синтезу, — предположил Андерсон.

— Неважно. Ублюдок хочет получить мою должность, и один только Бог знает, чью еще. Нам необходимо от него избавиться.

— Что вы хотите этим сказать? Он имеет колоссальное значение для нашего проекта.

— Забудьте о нем. Это самая настоящая катастрофа. Вы создали супергитлера.

— Эффект не будет долговечным, — тихо проговорил Андерсон.

— Да? И когда этот кошмар кончится?

— В данный момент не могу дать точного ответа.

— А я не могу рисковать. Мы должны покончить с ним самое позднее к завтрашнему вечеру. Ждать больше нельзя.

13

Джон находился в отличном настроении. Теперь Росс всячески избегал его, а когда по необходимости был вынужден с ним говорить, то делал это крайне корректно. Произошли кардинальные изменения, в результате которых Джон стал негласным начальником отдела.

Он не мог не признать, что ему это нравится, и наслаждался новыми возможностями. Поток перемен подхватил его и нес с удивительной скоростью. Прошло всего девять дней с того момента, как Купфер ввел ему свой препарат — с тех пор Джон непрерывно продвигался вперед.

Ну, а с глупой выходкой Сьюзен можно разобраться чуть позже. Когда она увидит, каких высот он достигнет за следующие девять дней... за девяносто...

Джон поднял глаза. Возле его стола стоял Росс, дожидаясь, когда он обратит на него внимание — начальник даже побаивался прочистить горло. Хис повернулся на своем кресле, вытянул вперед ноги и расслабился.

— Ну, Росс? — небрежно бросил он.

— Я бы хотел, чтобы вы зашли в мой кабинет, Хис, — осторожно проговорил Росс. — Случилось нечто важное, я полагаю, что только вы сможете справиться с возникшей проблемой.

Джон медленно поднялся на ноги:

— Да? Что произошло?

Росс выразительно обвел взглядом комнату, где расположилось еще пять человек. Потом посмотрел в сторону своего кабинета и жестом предложил Хису туда войти.

Джон заколебался, но сказались долгие годы работы под началом Росса, и он по привычке последовал за ним.

Росс вежливо пропустил его вперед, вошел вслед, незаметно закрыл дверь на замок и так и остался стоять перед ней. Вперед, из-за книжного шкафа сразу же выступил Андерсон.

— Что все это значит? — резко спросил Джон.

— Ничего особенного, Хис. — Вежливая улыбка Росса превратилась в волчий оскал. — Мы просто хотим немного помочь тебе: скоро ты снова станешь нормальным. И не вздумай шевелиться.

В руке Андерсона в мгновение ока появился шприц.

— Пожалуйста, Хис, не сопротивляйтесь. Мы не намерены причинить вам никакого вреда.

— Если я закричу... — начал Джон.

— Если ты издашь хоть звук, — заявил Росс, — я так заверну тебе руку за спину, что глаза у тебя вылезут на лоб. Мне бы этого очень хотелось, так что давай, кричи.

— У меня есть материалы на вас обоих, они спрятаны в надежном месте. Если со мной что-нибудь случится...

— Мистер Хис, — вмешался Андерсон, — с вами ничего не случится. Наоборот: исчезнут все последствия того, что произошло с вами в воскресенье. Вы окажетесь в том самом месте, где находились раньше. Так было бы в любом случае, но мы слегка ускорим процесс.

— Поэтому я буду тебя держать, Хис, — сказал Росс, — а ты не шевелись, иначе получишь слишком большую дозу — и забудешь все на свете.

Хис отступил на шаг назад, он начал задыхаться.

— Так вот что вы задумали. Решили таким способом избавиться от всех неприятностей. Если я забуду о вас, об информации и способах ее воспроизведения. Но...

— Мы не сделаем вам ничего плохого, Хис, — заверил его Андерсон.

Лоб Джона покрылся потом. Казалось, его разбил паралич.

— Я потеряю память! — хрипло пробормотал он.

Только человек, помнящий все, что с ним когда-либо произошло, мог испытывать такой ужас.

— Значит, ты и это тоже забудешь, не так ли? — усмехнулся Росс. — Ну не тани, Андерсон.

— Что ж, — утрировано пробормотал Андерсон. — Я уничтожу результаты очень удачного эксперимента.

Он приподнял вялую руку Хиса и приготовил шприц.

Раздался стук в дверь и послышался чистый голос:

— Джон!

Андерсон замер со шприцом в руке, вопросительно глядя на Росс.

Росс, быстро посмотрев на дверь, нетерпеливо повернулся к Андерсону:

— Давай, док, делай свое дело!

— Джонни, — снова послышался тот же голос, — я знаю, что ты здесь. Я вызвала полицию. Они скоро придут.

— Делай укол. Она лжет, — свирепо зашептал Росс. — К тому моменту когда они появятся, все будет кончено. Никто ничего не сможет доказать.

Но Андерсон отчаянно затряс головой:

— Это его невеста. Она знает о нашем эксперименте. Она при нем присутствовала.

— Ну и болван же ты!

Снова послышался стук в дверь и раздался сдавленный голос:

— Отпустите меня. У них мой... пустите!

— Без нее он бы не согласился участвовать в эксперименте, — сказал Андерсон. — Да вы посмотрите на него — нам ничего и не нужно делать.

Джон, стоявший в углу, сполз на пол, его глаза закатились, он впал в транс.

— Парень смертельно испугался, — сказал Андерсон. — Шок такой силы может и в обычной ситуации отрицательно повлиять на память. Я думаю, что действие деингибитора прекратилось. Пусть она войдет, и я с ней поговорю.

14

Побледневшая Сьюзен сидела, положив руки на плечи своего бывшего жениха.

— Что здесь произошло?

— Вы помните инъекцию...

— Да, да. Что случилось?

— Он должен был прийти к нам позавчера, в воскресенье, для тщательного обследования. Однако Хис не пришел. Мы забеспокоились; к тому же начальство было удивлено поведением вашего жениха. Он стал агрессивным, раздражительным, у него возникла мания величия — возможно, вы это тоже заметили. Я вижу, вы больше не носите кольцо.

— Мы... поссорились, — призналась Сьюзен.

— Тогда вы меня должны понимать. Он был... ну, как если бы Хис представлял собой механизм, мотор которого перегрелся

от перегрузок. Сегодня утром мы решили, что Хису необходима помощь. Мы уговорили его зайти сюда, заперли дверь и...

— Сделали ему какой-то укол, пока я кричала и стучала в дверь.

— Вовсе нет, — возразил Андерсон. — Мы хотели дать ему успокаивающее, но было уже поздно. У него наступил полный упадок сил. Вы можете проверить тело — ведь вы невеста Хиса — и убедиться, что на нем нет следов от укола.

— Обязательно это сделаю, — пообещала Сьюзен. — А что с ним будет теперь?

— Я уверен, что он поправится. И снова станет самим собой.

— Полным середняком?

— Он лишится своей исключительной памяти. Но ведь десять дней назад ваш жених не обладал подобными способностями. Естественно, фирма предоставит ему неограниченный отпуск с сохранением содержания. Если потребуются медицинское обслуживание, все счета будут нами оплачены. А как только Джон пожелает, он сможет сразу же вернуться к работе.

— Да? Ну, я бы хотела получить все соответствующие документы еще до конца сегодняшнего дня, в противном случае мне придется завтра же обратиться к адвокату.

— Но, мисс Коллинз, — возразил Андерсон, — вы же знаете: мистер Хис добровольно согласился на эксперимент. И вы его поддержали.

— Полагаю, — холодно ответила Сьюзен, — вы понимаете, что нам не сообщили всей информации — вряд ли настоящее расследование доставит вам удовольствие. Так что позаботьтесь о том, чтобы ваши словесные обещания были облечены в письменную форму.

— Тогда вам придется подписать бумаги, что вы не будете иметь к нам претензий, если с вашим женихом что-нибудь случится.

— Возможно. Но сначала я должна разобраться в том, что же с ним все-таки произошло. Ты можешь идти, Джонни?

Джон кивнул и хрипло проговорил:

— Да, Сью.

— Тогда пошли отсюда.

15

Только после того как Джон прикончил омлет и влил в себя чашку черного кофе, Сьюзен согласилась с ним разговаривать.

— Никак не могу понять, как ты там оказалась? — недоуменно спросил он.

— Тебя устроит, если я скажу, что дело в женской интуиции?

— Лучше сказать — во всем виноват мозг Сьюзен.

— Ладно. Пусть будет так! После того как я вернула тебе кольцо, меня разбирала ужасная злость, и я себя жалела. Однако вскоре возникло ощущение жестокой потери — что довольно-таки странно для такой обычной особы, как я, но я к тебе даже слишком хорошо отношусь.

— Мне очень жаль, Сью, — смиренно сказал Джон

— Вот это правильно! Если ты смог даже меня, бедняжку, которая так тебя любит, довести до состояния ярости, могу себе представить, что чувствовали твои коллеги! И чем больше я об этом думала, тем сильнее опасалась, что им захочется с тобой покончить. Нет, пойми меня правильно. Я готова признать, что ты заслуживаешь смерти, но только от моих рук. Никому другому я это сделать не позволю. Ты не звонил мне..

— Я знаю, Сью. У меня были грандиозные планы и совсем не хватало времени...

— Тебе необходимо было все закончить за две недели, дурацкая твоя башка!.. Сегодня утром я почувствовала, что больше не могу терпеть. Пришла к тебе в офис, и оказалось, что тебя держат за закрытой дверью.

Джон содрогнулся:

— Никогда бы не подумал, что буду с радостью слушать твои крики и стук, но именно так все и было. Ты остановила их.

— Ты уже можешь говорить о том, что произошло?

— Думаю, да. Со мной все в порядке

— Так что же они собирались сделать?

— Они хотели уничтожить действие деингибитора. Возможно, Андерсон намеревался дать мне слишком большую дозу, чтобы я совсем потерял память.

— Почему?

— Потому что я их всех прижал. Мог уничтожить любого из них, да и всю компанию, тоже.

— Ты действительно мог?

— Легко.

— Но они так и не сделали тебе укола, верно? Или Андерсон опять солгал?

— Он не успел.

— С тобой все в порядке?

— Я не стал полным идиотом, чего они, возможно, добивались.

— Ну, мне бы не хотелось быть похожей на викторианскую даму, но, надеюсь, ты запомнил этот урок.

— Да, я понял, что ты была права, если тебя интересует именно это.

— Тогда послушай короткую лекцию, чтобы ты снова все не забыл. Ты слишком торопишься, действовал открыто, не обращая внимания на возможное сопротивление коллег и начальства. Ты все помнил — и решил, что память заменяет разум. Если бы у тебя был кто-то по-настоящему умный и он руководил бы тобой ..

— Ты мне нужна, Сью.

— Ну, теперь я у тебя есть, Джонни.

— Что будем делать, Сью?

— Во-первых, получим бумагу от «Квантума»; учитывая, что с тобой все в порядке, подпишем то, что они хотят. Во-вторых, в воскресенье поженимся, как и планировали ранее. В-третьих, посмотрим... Джонни?

— Да?

— Ты действительно в порядке?

— Лучше и быть не может, Сью. Теперь, когда мы вместе, все будет хорошо.

16

Свадьба получилась достаточно скромной. Они решили не приглашать много гостей. Из «Квантума», к примеру, не было никого; Сьюзен уверенно заявила, что звать коллег не следует.

Сосед Сьюзен принес видеокамеру, чтобы заснять церемонию — Джон считал, что это уж слишком, но Сьюзен хотелось, и он не стал возражать.

Однако в последний момент сосед, состроив трагическую гримасу, заявил:

— Эту проклятую штуку заклинило. Я думал, что она работает. Придется позвонить. — Он торопливо направился к телефонной будке.

Джон подошел и с любопытством посмотрел на камеру. Рядом лежал буклет с инструкциями. Он взял его и, не торопясь, полистал. Потом посмотрел по сторонам — все были заняты своими делами, никто не обращал на него внимания.

Джон осторожно отодвинул в сторону боковую панель и заглянул внутрь. Затем отвернулся и некоторое время задумчиво смотрел на противоположную стену. Он продолжал смотреть в стену, когда его правая рука метнулась к камере и что-то там быстро поправила. Джон защелкнул панель и закрыл футляр.

Через некоторое время вернулся сосед, на лице которого было написано огорчение.

— Пойди разберись в этих дурацких инструкциях. — Он взял в руки камеру и наморщил лоб. — Хм-м, все в порядке. Можно снимать .. И как я этого не заметил?

— Вы можете поцеловать невесту, — милостиво разрешил священник.

Джон немедленно обнял Сьюзен за плечи и с энтузиазмом исполнил его указание.

— Ты починил камеру, — едва слышно прошептала Сьюзен. — Почему?

— Я хотел, чтобы на нашей свадьбе все прошло удачно, — так же чуть слышно попытался оправдаться Джон.

— Ты хотел покрасоваться.

Они отодвинулись, глядя друг на друга повлажневшими от нахлынувших чувств глазами, а потом снова обнялись, а немногочисленные гости восторженно завопили.

— Если ты еще раз так поступишь, я заживо сдеру с тебя кожу, — свирепо прошипела Сьюзен. — Пока о твоих способностях не знают, никто не сможет остановить тебя. Если будешь меня слушаться, мы это сделаем меньше чем за год.

— Да, дорогая, — смиренно ответил Джон.

НИЧТО НЕ ДАЕТСЯ ДАРОМ

Люди часто предлагают мне идеи. Обычно я их не использую — либо они мне не нравятся, либо требуют подготовительной работы в том направлении, с которым я плохо знаком, либо я не вижу интересующих меня следствий, морали.

Но иногда — редко-редко — что-то вдруг получается.

В июле 1978 года я завтракал с археологом Александром Маршаком, который в то время организовал чрезвычайно популярную выставку искусства ледникового периода в музее естественной истории, и он сказал мне:

— Послушайте, Айзек, почему бы вам не написать о...

Я с изумлением его выслушал и ответил:

— Алекс, это отличная идея! Я сделаю из нее рассказ, но не волнуйтесь: вас я никак не упомяну.

— Вот и хорошо, — кивнул он.

Но почему бы и нет? Так вот, рассказ «Ничто не дается даром» был построен на идее Александра Маршака, которая родилась в результате его интереса к искусству ледникового периода. Джордж Скизерс опубликовал рассказ в феврале 1979 года в журнале Азимова.

Дело происходило на Земле.
И не то чтобы существа со звездолета думали об этом небесном теле как о Земле. Для них это был лишь набор символов в бортовом компьютере; третья планета звезды, расположенной в определенном месте на пути от их родной планеты

Nothing for Nothing

© 1979 by Isaac Asimov

Ничто не дается даром

© В. Гольдич, И. Оганесова, перевод, 1997

к черной дыре, отмечающей центр Галактики и перемещающейся с определенной скоростью.

Время действия: примерно за пятнадцать тысячелетий до Рождества Христова.

И не то чтобы существа со звездолета считали время именно таким способом. Для них это был промежуток времени, определенный в соответствии с их системой летоисчисления.

— Пустое занятие! — раздраженно бросил капитан. — Планета представляет собой сплошной ледник. Пора улетать.

Но исследователь хладнокровно возразил:

— Нет, капитан. — И этого было более чем достаточно.

Пока звездолет находился в космосе или гиперпространстве, слово капитана было законом, но как только они выходили на орбиту какой-нибудь планеты, решение оставалось за исследователем. Он знал чужие миры! Это было его специальностью.

К тому же положение данного исследователя было очень прочным. Он обладал удивительным чутьем на выгодную торговлю. Именно благодаря его талантам экипаж звездолета получил три «Награды за Выдающиеся Достижения» — по одной за каждый из трех последних полетов! Три из трех!

Поэтому, когда исследователь сказал: «Нет», капитан и помыслить не мог о том, чтобы сказать: «Да». И даже если бы он решился на это, команда почти наверняка взбунтовалась бы. Для капитана «Награда за Выдающиеся Достижения» — всего лишь блистающий диск, который можно повесить в кают-компании, а для команды — весьма существенная прибавка к жалованью, увеличение отпуска и пенсии. А этот исследователь сумел добыть их для команды трижды. Три раза из трех.

— Ни один из необычных миров нельзя оставлять неисследованным, — заявил исследователь.

— А что необычного в этом мире? — поинтересовался капитан.

— Предварительные пробы показывают, что на находящейся внизу замерзшей планете существует разумная жизнь.

— Ну, насколько мне известно, такие случаи бывали и раньше.

— Не видно никакой системы, — несколько смущенно сказал исследователь. — Я не знаю почему, но мне никак не удастся увидеть логики в развитии жизни на этой планете. Мы должны изучить ее более тщательно.

На этом, естественно, все споры и закончились. В Галактике существовало по меньшей мере полтриллиона планетарных миров, если считать лишь те, что непосредственно связаны со звездами. А если добавить сюда множество миров, которые перемещаются по Галактике независимо, то это огромное число увеличивалось еще в десять раз.

Даже при помощи компьютера невозможно классифицировать все эти миры, но у опытного исследователя, не имевшего в жизни никаких других интересов, постоянно изучающего новые и новые отчеты об экспедициях, делающего статистические расчеты даже во сне, иногда возникает мистическая интуиция.

— Следует послать зонды по полной программе, — сказал исследователь.

Капитан даже не попытался скрыть своего негодования. Полная программа означала неторопливое изучение планеты в течение нескольких недель, а стоили подобные операции просто немислимо.

И он попытался возразить:

— Неужели это необходимо?

— Думаю, да, — спокойно сказал исследователь, хорошо знающий, что любое его желание — закон для команды.

Зонды доставляли на звездолет множество разных предметов — ничего интересного, как капитан и предполагал. Разумные существа напоминали своих дальних родственников в пятом рукаве Галактики — что было довольно необычно, но могло представлять интерес лишь для узких специалистов.

Так или иначе, но местные разумные существа находились на первом уровне технологического развития — пройдут многие тысячелетия, прежде чем здесь можно будет найти хоть что-нибудь полезное.

Так капитан и сказал, не в силах сдержать свое недовольство, но исследователь, просматривая отчеты, не обратил на слова капитана ни малейшего внимания.

— Странно, — пробормотал он и призвал к себе торговца.

Это было уже слишком. Преуспевающий капитан никогда не станет ссориться со своим исследователем, но существует предел всякому терпению.

И капитан сказал, стараясь говорить вежливо и даже дружелюбно:

— До каких пор это будет продолжаться, исследователь? Чего можно ожидать на таком уровне технологического развития?

— У них есть инструменты, — задумчиво проговорил исследователь.

— Камень! Кость! Дерево! Или соответствующие эквиваленты. Вот и все. Не вызывает сомнения, что мы здесь не найдем ничего интересного.

— И все же я чувствую некую необычность.

— А нельзя ли поинтересоваться, в чем она заключается, исследователь?

— Если бы я знал, как ответить на этот вопрос, капитан, то никакой необычности не было бы и мы могли бы прекратить дальнейшие работы. Да, капитан. Я вынужден настаивать на участии торговца.

Торговец был взбешен не меньше капитана, но у него имелось куда больше возможностей выказать свое неудовольствие. Его специальность была не менее важной, чем любая другая на корабле, а по его собственному мнению (оно совпадало с мнением многих других), работа его группы имела такое же принципиальное значение для экспедиции, как и вклад исследователя.

Капитан пилотирует звездолет, исследователь способен обнаружить интересные цивилизации по самым незначительным признакам, но окончательный успех зависит от торговца и его команды, которые вступают в контакт с чужаками, выискивая в их культуре все, что окажется полезным, а в обмен предлагают то, что нужно туземцам.

И это делается с большим риском. Ни в коем случае нельзя нарушать местную экологию. Запрещено наносить вред разумным существам, даже если речь идет о спасении собственной жизни. На то существуют весьма серьезные причины, и за свою опасную работу торговцы получают соответствующее вознаграждение, но зачем рисковать зря?

— Там нет ничего интересного, — заявил торговец. — По моим оценкам полученных отчетов выходит, что мы столкнулись с полуразумными животными. Их полезность равна нулю. А опасность весьма велика. Мы знаем, как вступать в контакт с представителями чуждых разумных рас — торговцы редко гибнут в результате общения с ними. Но никому не известно, как себя поведут эти животные — вы не забыли, что нам не разрешено даже защищаться по-настоящему?

— Эти существа, — возразил исследователь, — даже если они и в самом деле недалеко ушли от животных, сумели адаптироваться к ледникам. Я замечаю незначительные отклонения от обычной схемы развития и полагаю, что они не будут для вас опасны; более того — могут оказаться полезными. Я чувствую, что их стоит изучить более внимательно.

— Но что возьмешь с существ, живущих в каменном веке? — спросил торговец.

— Вот вы и отыщите ответ на этот вопрос.

«Конечно, — мрачно подумал торговец, — в результате придется отдуваться нам».

Он хорошо знал историю и цели межзвездных экспедиций. Когда-то, миллион лет назад, не было торговцев, исследователей

и капитанов, а были только технология каменного века да предки — похожие на животных, над миром которых они сейчас кружили. Как медленно продвигалась вперед наука, развивался разум — до тех пор пока цивилизация не достигла третьей ступени. Тогда появились звездные корабли и разные культуры обогатили друг друга. Именно с этого момента и начинается настоящее движение вперед.

— Исследователь, я с должным уважением преклоняюсь перед вашей интуицией. Но в данном случае прошу довериться моему практическому опыту. Ни одна цивилизация, не достигшая третьего уровня развития, не может дать нам ничего полезного.

— А это, — возразил исследователь, — есть обобщение, в истинности которого я не уверен.

— И все же это так. Даже если местные полуразумные животные располагают чем-то для нас полезным — впрочем, очень трудно себе такое представить, — что мы сможем предложить им взамен?

Исследователь молчал.

— Столь неразвитый интеллект, — не унимался торговец, — не в состоянии воспринять стимуляцию со стороны. Специалисты по чуждым цивилизациям давно пришли к такому выводу, да и мой опыт подсказывает то же самое. Прогресс должен исходить от самих существ — до тех пор пока они не достигнут второго уровня. А мы обязаны с ними расплатиться; ничто не дается даром.

— В том, что говорит торговец, есть резон, — вмешался капитан. — Ведь стимулируя эти цивилизации, мы создаем предпосылки для сбора будущего урожая.

— Меня сейчас не интересуют причины, — нетерпеливо прервал его торговец. — Так принято у тех, кто выбрал для себя нашу профессию. Мы ни при каких условиях не причиняем вреда и расплачиваемся за все, что берем. Здесь нет ничего, что мы хотели бы взять; но даже если мы и найдем что-нибудь, нам нечем будет расплатиться. Это пустая трата времени.

Исследователь покачал головой:

— Я прошу вас посетить какое-нибудь крупное поселение, торговец. Когда вы вернетесь, я подчинюсь вашему решению, каким бы оно ни было.

На этом, ясное дело, дебаты закончились.

В течение двух дней маленький флайер торговца летал над поверхностью планеты в надежде найти крупное поселение с продвинутой технологией. Ничего.

Полномасштабные поиски могли занять долгие годы, но есть ли в них смысл? Трудно представить, что такой центр надежно спрятан. Обладатели высокоразвитой техники просто не имеют сильных врагов. Торговцы давно усвоили этот универсальный закон.

Красивая планета уже успела наполовину покрыться ледниками. Белое, синее и зеленое. Дикая, такая разнообразная и прекрасная. Нетронутая.

Однако подобные мысли не должны занимать торговцев. Когда кто-нибудь из команды начинал говорить с ним в подобном духе, торговец живо обрывал его.

— Совершаем посадку, — наконец заявил он. — Здесь сосредоточено достаточное количество разумных существ. Лучше места все равно не найти.

— А что мы будем тут делать, Маэстро? — спросил его заместитель.

— Зарегистрируйте животных — разумных и неразумных, и не забудьте про артефакты, которые удастся обнаружить. Позаботьтесь о том, чтобы все изображения были голографическими.

— Уже можно сделать вывод... — начал заместитель.

— Мы уже можем сделать вывод, — перебил его торговец, — но нам необходимо иметь доказательства, которые покажутся нашему исследователю убедительными, иначе придется просидеть здесь до конца жизни.

— Он хороший исследователь, — сказал кто-то из членов команды.

— Он был хорошим исследователем, — мрачно заявил торговец, — но значит ли это, что он останется таковым навсегда? Возможно, успех заставил нашего исследователя возомнить о себе невесть что. Вот мы и поможем ему спуститься с небес на землю — если получится.

Из флайера они вышли в скафандрах. Местная атмосфера их вполне устраивала, но им не хотелось подвергать себя воздействию ветров — даже если бы температура воздуха и была вполне подходящей, что никак не соответствовало действительности. Тяготение тоже было слишком большим, хотя и терпимым.

Разумные существа, одетые в шкуры других животных, с опаской отошли в сторонку и настороженно наблюдали за непрошенными гостями. Торговец облегченно вздохнул. Любое отсутствие враждебности следует приветствовать — особенно когда ты не можешь себя защитить.

Торговец и его команда не пытались войти в контакт. Кто знает, какие жесты эти существа считают дружественными? Вместо этого торговец создал телепатическое поле, которое

постарался насытить доброжелательностью — оставалось надеяться, что эти существа в состоянии его воспринять.

Возможно, так оно и было, поскольку некоторые из них продолжали стоять неподвижно, с любопытством наблюдая за пришельцами. Торговцу показалось, что он уловил какие-то мысли, однако подобная реакция была уж совсем маловероятной — как-никак эта планета находилась всего лишь на первом уровне, — поэтому он даже не попытался в них вникнуть, а вместе со своей командой решительно принялся за голографическую съемку растительности и стада травоядных, которые, впрочем, быстро куда-то скрылись. Большое животное с двумя длинными белыми зубами постоянно немного, потом неловко удалилось по своим делам.

Вся команда работала слаженно, постепенно продвигаясь вперед и делая голографическую съемку всего, что попадалось на пути.

Призыв на ментальном уровне — с таким мощным зарядом удивления и благоговения, что вся информационная часть осталась непонятной.

— Маэстро! Сюда! Скорее!

Его заместитель даже не позаботился о том, чтобы сообщить направление. Торговец был вынужден следовать за лучом, который вел в расщелину, окруженную с двух сторон скалистыми выступами.

Другие члены команды со всех ног бежали туда же, но торговец всех опередил.

— Что такое? — нетерпеливо спросил он.

Заместитель стоял в каменном гроте, окруженный сиянием, которое испускал его скафандр.

Торговец осмотрелся:

— Это естественное углубление, а не результат технологического воздействия на камень.

— Да, но вы посмотрите сюда!

Торговец поднял глаза и секунд на пять замолчал. Потом послал экстренный сигнал, чтобы остальные не подходили близко.

— Это искусственного происхождения?

— Да, Маэстро. Видите, оно еще не закончено.

— Но кем?

— Этими существами. Разумными существами. Я заметил, как один из них работал здесь. Вот это источник света — горящее растение. А вот инструменты.

— А где он сам?

— Убежал.

— Ты и в самом деле его видел?

— Я даже успел сделать запись.

Торговец задумался. Потом снова поднял взгляд.

— Тебе когда-нибудь попадалось что-нибудь подобное?

— Нет, Маэстро.

— Поразительно!

Торговец продолжал смотреть вверх, ему явно не хотелось уходить.

— Маэстро, — негромко проговорил заместитель, — что будем делать?

— Что?

— Мы наверняка выиграем за это четвертый приз для нашего корабля.

— Несомненно, — с грустью согласился торговец, — если сможем забрать.

— Я уже сделал запись, — с сомнением признался заместитель.

— Да? Но как мы этим воспользуемся? Нам нечего дать им взамен.

— Мы же все сняли. Какая разница, чем мы с ними расплатимся?

— Что ты говоришь? — рассердился торговец. — Здешние аборигены слишком примитивны, они не в состоянии принять то, что мы можем предложить. Пройдет не меньше миллиона лет, прежде чем советы со стороны принесут им какую-нибудь пользу. Придется уничтожить запись.

— Но ведь мы знаем, Маэстро.

— Значит, придется держать язык за зубами. Наше ремесло имеет свою этику и традиции. Тебе это прекрасно известно. Ничто не дается даром!

— Даже это?

— Да, даже это.

Суровое выражение лица торговца скрывало невыносимые страдания, которые он испытывал при мысли, что придется отказаться от такой потрясающей находки. Поэтому он стоял, не зная на что решиться.

Его заместитель почувствовал это.

— Давайте попробуем предложить им что-нибудь, Маэстро.

— Думаешь, они смогут извлечь какую-нибудь пользу из того, что мы им дадим?

— Главное, чтобы не было вреда.

— Я приготовил презентацию для всей команды, — заявил торговец, — но сначала я должен показать это вам, исследователь — с глубоким уважением и извинениями за свои тайные

мысли. Вы были правы. В этой планете действительно есть нечто необычное. Хотя разумная жизнь едва достигла первого уровня, а технология предельно примитивна, аборигенам удалось развить концепцию, которая оказалась совершенно для нас новой. Насколько мне известно, ничего подобного мы не встречали и на других мирах.

— Я не могу себе представить, что бы это могло быть, — смущенно проговорил капитан.

Он хорошо знал, что торговцы, стараясь подчеркнуть свою значимость, склонны преувеличивать важность находок.

Исследователь не сказал ничего. Он был смущен даже больше, чем оба его собеседника.

— Это некая форма оптического искусства, — сказал торговец.

— Обыгрывается цвет? — предположил капитан.

— И форма — но эффект достигается поразительный. — Он включил голографический проектор. — Смотрите!

Перед ними возникло стадо четвероногих травоядных. Масивные, с косматой шкурой и двумя рогами. Животные постояли немного, потом побежали прочь, поднимая копытами тучи пыли.

— Уродливые создания, — пробормотал капитан.

Повинуясь указаниям торговца, голографическое изображение застыло на месте, увеличилось, и одно животное заняло все изображение: массивная голова опущена, ноздри раздуваются.

— Посмотрите внимательно, — продолжал торговец, — а теперь сравните эту тварь с примитивным изображением, сделанным при помощи разноцветных минералов — мы обнаружили его на стене пещеры.

Вот оно! То самое животное, которое они видели на голограмме, но плоское и одновременно живое!

— Какое удивительное сходство, — заметил капитан.

— Не удивительное, — возразил торговец, — а совершенно сознательное! Там были дюжины подобных фигур, запечатленных на стене в разных позах — самых разных животных. Сходство слишком детальное, чтобы оказаться случайным. Вы только представьте себе дерзость самой концепции — расположить краски в таких комбинациях, чтобы создалась иллюзия, будто вы смотрите на реальный объект! Аборигены сумели создать искусство, отражающее реальность. Я полагаю, его можно назвать искусством образов. И это еще не все. Мы обнаружили, что они работают и в трех измерениях. — Торговец извлек несколько маленьких фигурок, вырезанных из серого камня и желтоватой кости. — Здесь местные жители явно стремились изобразить самих себя.

Капитан был потрясен.

— Вы видели, как они производятся?

— Нет, при этом я не присутствовал, капитан, — признался торговец. — Один из моих людей заметил, как существо мазало цветным минералом стену пещеры, но эти штуки мы нашли уже готовыми. Нет никаких сомнений в том, что они вырезаны из кости вполне сознательно. Эти предметы не могли принять подобную форму в результате случайных процессов.

— Очень любопытно, только мне не понятен мотив, — произнес капитан. — Разве голографическое изображение не решает поставленную задачу лучше? Впрочем, сейчас аборигены и помыслить о голографии не могут.

— Этим дикарям не дано знать, что через миллион лет появится голографическое изображение. К тому же я не уверен, что голография лучше. Если вы сравните изображение с оригиналом, то заметите упрощения и небольшие изменения, которые лишь подчеркивают специальные характеристики. Я верю, что это необычная форма искусства, которая улучшает оригинал и дает новые возможности для самовыражения.

Торговец повернулся к исследователю:

— Я восхищен вашими способностями. Вы можете объяснить, как вам удалось почувствовать уникальность этого разума?

Исследователь вздохнул:

— Я ничего подобного не ждал. Вы сделали очень интересное и полезное открытие — хотя я и не уверен, сумеем ли мы контролировать форму и цвет так, чтобы у нас получилось нечто похожее. Однако ваше открытие, в некотором смысле, отвечает той тревоге, которую я ощущал. Как вам удалось получить все это? Что вы дали взамен? Вот в чем заключается главная странность.

— Ну, — ответил торговец, — откровенно говоря, вы правы. Я не думал, что мы сумеем что-нибудь дать этим примитивным существам, но открытие показалось мне столь важным, что я решил не жалеть усилий. Поэтому я выбрал среди группы существ, которые создали эти предметы, то, чья аура показалась мне наиболее интенсивной, и попытался передать ему наш дар.

— И вам, естественно, сопутствовал успех, — не выдержал исследователь.

— Да, мне повезло, — радостно согласился торговец, не замечивший, что исследователь не задавал вопроса, а сделал утверждение. — Эти существа убивают животных, швыряя в них длинные палки с заостренными камнями на конце; иногда они пробивают шкуру животных, что заметно тех ослабляет. В результате разумным существам удается убивать противников, которые сильно превосходят их размерами. Я показал, что меньшая палка с

каменным наконечником может быть выброшена с большей силой и с большего расстояния, если натянуть на другую палку жилу.

— Подобные механизмы, — проворчал исследователь, — находили среди других примитивных культур, впрочем, заметно более развитых. Палеонтологи называют этот механизм луком со стрелами.

— Но как аборигены сумели воспринять новое знание? — спросил капитан. — Ведь на их уровне развития это просто невозможно.

— Однако сумели. Вне всякого сомнения. Ответ на ментальном уровне был полнейшим выражением восторга. Неужели вы думаете, что я взял бы эти предметы искусства, будь они даже в двадцать раз ценнее, если бы не смог расплатиться? Ничто не дается даром, капитан.

— Вот она странность, — подавленно проговорил исследователь. — Аборигены приняли ваш дар. Но, торговец, они не готовы. Мы наносим им непоправимый урон. Они будут использовать лук и стрелы друг против друга, а не только при охоте на больших животных.

— Мы не причинили им ни малейшего вреда. А что они станут делать друг с другом и к чему это может привести — нас не касается.

Капитан и торговец ушли, чтобы приготовить все для демонстрации в кают-компании корабля, а исследователь сказал, печально глядя им вслед:

— Но они приняли наш дар. И они будут процветать среди ледников. И через двадцать тысяч лет это станет нашей заботой.

Исследователь знал, что капитан и торговец ему не поверят, и его охватило отчаяние.

НАВЕРНЯКА

Перед вами еще одна миниатюра — между прочим, одна из самых любимых среди всех моих коротких рассказов. Я буду сильно разочарован, если у вас не заболит горло после всех оханий, хмыканий и иных неодобрительных звуков, которые вы издаете, прочитав сей рассказец.

Всем, кто живет в нашем тридцатом столетии, известно, что космическое путешествие — штука скучная и занимает довольно много времени. В качестве развлечения многие члены экипажей, несмотря на запреты карантинной службы, подбирают на обитаемых мирах, которые исследуют, разные живые существа и делают их своими домашними животными.

У Джима Тише был небольшой камешек, который он назвал Едеш. Едеш просто сидел на месте и был ужасно похож на камень, но иногда он приподнимал свою нижнюю часть и засасывал внутрь сахарную пудру. Никто никогда не видел, чтобы он передвигался с места на место, хотя временами он оказывался совсем не там, где его ожидали увидеть. Существовала теория, что Едеш предпочитает делать это, когда на него не смотрят.

У Боба Лаверти была зеленая спироулитка по имени Долли, обладающая способностью к фотосинтезу. Долли частенько переползала с места на место, туда, где было больше света; она сворачивала свое тело в кольца и медленно продвигалась вперед, в эти моменты ужасно напоминая крутящуюся спираль

Sure Thing

© 1977 by Isaac Asimov

Наверняка

© В Гольдич, И Оганесова, перевод, 1997

Однажды Джим Тише решил поспорить с Бобом Лаверти — и предложил устроить гонки.

— Мой Едеш, — заявил он, — сможет обогнать твою Долли.

— Твой Едеш, — фыркнул Лаверти, — и ходить-то не умеет.

— Пари! — воскликнул Тише.

В этом событии принял участие весь экипаж. Даже капитан рискнул половиной кредита. Все ставили на победу Долли. Она, по крайней мере, двигалась.

Джим Тише копил свое жалованье в течение трех экспедиций и выложил все до последнего милликредита на Едеш.

Гонка началась в одном конце Большого салона. В другом для Едеш положили кучку сахарной пудры, а для Долли зажгли яркий свет. Долли мгновенно свернулась в кольцо и медленно покатила к источнику света. Болельщики радостно взревели.

Едеш не шевелясь сидел на месте.

— Сахар, Едеш, сахар, — сказал Тише и показал на кучку сахарной пудры.

Едеш еще больше, чем обычно, походил на самый обыкновенный камень, но Тише это совершенно не беспокоило.

В конце концов, когда Долли добралась до середины салона, Джим Тише, как бы между прочим, пообещал своему камешку:

— Если ты туда не отправишься, Едеш, я возьму молоток и превращу тебя в гальку.

Именно тогда люди впервые обнаружили, что камешки вроде этого умеют читать мысли. И тогда же люди впервые обнаружили, что они обладают способностью к телепортации.

Не успел Тише произнести свою угрозу, как Едеш просто исчез с того места, где сидел, и возник поверх кучки сахара.

Тише, естественно, победил и медленно и с удовольствием принялся считать свой выигрыш.

Лаверти с горечью в голосе произнес:

— Ты знал, что эта чертова штука может телепортировать себя!

— Ничего подобного, я и понятия об этом не имел, — возразил Джим Тише. — Но я был уверен, что мой любимец победит. Я ставил наверняка.

— Как это?

— Кто ж не знает старую поговорку: «Тише едешь — дальше будешь»?

С ПЕРВОГО ВЗГЛЯДА

В феврале 1976 года по просьбе журнала «Семнадцать» я согласился написать фантастический и одновременно детективный рассказ, где обыгрывалась бы тема двухсотлетия США. Так появился на свет «С первого взгляда» — с тем же самым социальным фоном, который я использовал в рассказе «Хороший вкус» (также опубликованном в этом сборнике) всего лишь месяцем раньше.

Мне результат показался вполне удовлетворительным, но увы, я не редактор и не я принимаю решения по этим вопросам. Журналу «Семнадцать» рассказ не понравился, и мне его вернули.

Положение сложилось довольно затруднительное. Я написал рассказ, который вроде бы должен прийтись по вкусу молодым женщинам, и мне не хотелось предлагать его в обычные фантастические журналы. В конце концов я послал «С первого взгляда» — сократив вдвое — в «Сэттердей Ивнинг Пост», и он вышел в феврале 1977 года.

Сокращения мне, однако, не нравятся, и, несмотря на мнение редакции журнала «Семнадцать», я сохранил привязанность к рассказу в оригинальном виде, в каковом вам его сейчас и представляю.

1

Элейн Мэтро терпеливо ждала. Она работала гидом вот уже два года — почти два года, — а необходимость управляться с мужчинами, женщинами и детьми, прилетевшими с самых разных планет (не говоря уже о Земле), заботиться о

To Tell at a Glance

© 1982 by Isaac Asimov

С первого взгляда

© В. Гольдич, И. Оганесова, перевод, 1997

том, чтобы они были счастливы и всем довольны, отвечать на их вопросы и мгновенно реагировать на неожиданно возникающие проблемы требует большой выдержки.

Ты или учишься хладнокровно вести себя в самых сложных ситуациях, или сдаешься. Элейн никогда не сдавалась. И не собиралась этого делать в дальнейшем.

Она сидела и внимательно изучала обстановку. На календаре высвечивалось число — 25 февраля 2076; значит, ровно шесть дней назад ей исполнилось двадцать четыре года.

Рядом с календарем висело зеркало, в котором отражалось лицо Элейн. Точнее, его можно было бы увидеть, если бы она немного наклонилась в сторону. В зеркале девушку окружало легкое сияние, скрывая обычную бледность кожи, при этом голубые глаза казались золотистыми, а волосы светлее, чем в действительности. «Я здесь красивее, чем на самом деле», — подумала Элейн.

Время от времени на экране вспыхивала бегущая строка — новости. Складывалось впечатление, что на орбите ничего существенного не происходило. Велось строительство четырнадцатой колонии — самое обычное дело.

В Африке, на Земле, разразилась засуха, но и в этом не было ничего удивительного. Представьте себе мир, который не в состоянии контролировать свою погоду. Примитив!

Впрочем, Земля огромна! Слово миллионы настоящих миров взяли и соединили вместе.

И тем не менее там так мало места! Даже на Гамме, где родилась и жила Элейн — даже на Гамме немного тесновато. Пятнадцать тысяч человек и...

Открылась дверь, и в комнату вошел Янос Тесслен. Он был председателем Ассамблеи и прекрасно справлялся со своими обязанностями. Так по крайней мере считала Элейн. Она и голосовала за него.

— Привет, Элейн, — сказал он. — Ты долго меня ждала?

— Четырнадцать минут — по часам, — ответила Элейн.

Янос коротко рассмеялся. Он был крупным мужчиной, а глаза его имели обыкновение улыбаться даже тогда, когда губы сохраняли серьезность. Седеющие волосы коротко подстрижены — весьма старомодная прическа, отчего он выглядел старше своих пятидесяти лет.

— Заходи, пожалуйста, Элейн. Садись.

Девушка села, спокойно приняв обращение по имени, хотя до сих пор ей еще ни разу не приходилось встречаться с председателем Ассамблеи. В мире вроде Гаммы, где все всех знают,

считалось вполне естественным обращаться друг к другу по имени.

Янос устроился на вращающемся стуле в своей огромной комнате — такой большой частной комнаты Элейн никогда еще не видела — и сказал:

— Меня удивило то, что ты точно назвала время, которое прождала меня, — ровно четырнадцать минут. Можно ведь было выразиться как-нибудь иначе.

— Я считаю, что точность в мелочах может иметь существенное значение, — ответила Элейн.

— Очень хорошо. Я рад, что ты придерживаешься такого мнения, поскольку это как раз то, что мне от тебя нужно. Твои бабушка и дед — выходцы из Соединенных Штатов, иными словами, с Земли, верно?

— Да, сэр.

— Надеюсь, ты сохранила свои американские корни?

— Я изучала историю Земли в колледже. В том числе и историю Америки, но я жительница Гаммы.

— Да, конечно. Как и все мы. Однако ты — особенная жительница Гаммы, потому что ты нас всех спасешь.

Элейн едва заметно нахмурилась:

— Прошу прощения...

— Пока об этом не будем. Я немного забегаю вперед. Поскольку твои предки родились в Америке, я уверен, тебе известно, что Соединенные Штаты были основаны в 1776 году.

— Да. В этом году отмечается трехсотлетие.

— И тебе известно, что Соединенные Штаты были образованы из тринадцати штатов. А теперь на лунной орбите имеется тринадцать самостоятельных миров; восемь здесь, на позиции L-5, следующих за Луной, и пять на позиции L-4, предшествующих Луне.

— Да, сэр. В данный момент ведется строительство четырнадцатого мира в секторе L-4.

— Это сейчас не имеет значения. Строительство Орбитального мира Нью было ускорено, а сооружение нового, Кси, наоборот сознательно тормозится, так что в 2076 году Орбитальных миров будет только тринадцать — а не четырнадцать или двенадцать. Ты понимаешь почему?

— Суеверие? — сухо поинтересовалась Элейн.

— Вы почти что неприлично быстро соображаете, юная леди, — проговорил Янос, — но меня это не пугает. Дело вовсе не в суеверных страхах. А в желании максимально использовать чувства жителей наших миров. Соединенные Штаты являются самым важным регионом Земной Федерации, и, если они проголосуют за образование независимой Федерации Орбитальных

миров, сейчас — нынешний год — самое подходящее для этого время. Трехсотлетний юбилей плюс число тринадцать — они не устоят, верно?

— Да, я понимаю, какие у них могут возникнуть чувства.

— А независимость принесет нам немало пользы. Федерация Земли весьма консервативная сила, которая ограничивает расширение нашего влияния. Как только мы перестанем быть привязанными к Земле, Орбитальные миры смогут более эффективно взаимодействовать в экономическом плане. Мы сумеем покинуть границы лунной орбиты и шагнуть дальше, к поясу астероидов, где обретем такое влияние, какого история человечества еще не знала. Ты со мной согласна?

— Такого мнения придерживаются многие.

— К сожалению, на Земле существует сильная оппозиция, которая выступает против нашей независимости. Кроме того, хотя почти все жители Орбитальных миров стремятся к независимости, не все хотят союза. Что ты думаешь об обитателях других миров, Элейн? Ты ведь постоянно с ними встречаешься по долгу службы.

— Люди есть люди, сэр. Однако манеры жителей других миров иногда бывают мне неприятны.

— Именно. Нас они тоже считают «неприятными». Многие представители этих миров скорее откажутся от независимости, чем согласятся заключить между собой союз. Элейн, от тебя зависит, сумеем ли мы прийти к такому союзу.

«Снова он к этому вернулся», — подумала Элейн, а потом сказала:

— А что я должна сделать?

— Послушай, — мягко проговорил Янос, — я тебе объясню. Те представители Земли, что противостоят нашему стремлению к независимости, рассчитывают на враждебное отношение разных миров друг к другу и делают все, что в их силах, чтобы эти разногласия усугублялись. А что, если у нас, на Гамме, произойдет какой-нибудь несчастный случай, саботаж? Ведь именно мы активнее всех выступаем за союз Орбитальных миров. Что, если диверсия будет очень серьезной и возникнет впечатление, что ответственность за нее несет какой-нибудь из Орбитальных миров? Поднимется волна возмущения, многие начнут выступать против союза, и тогда мы вряд ли получим независимость в этом году. А в дальнейшем, когда на нашей стороне больше не будет чар этого волшебного юбилейного года, может пройти много лет, прежде чем у нас снова появится возможность объединиться.

— В таком случае следует принять меры, чтобы не допустить такой диверсии.

— Точно! Именно это мы и делаем. И вот тут-то и вступишь в игру ты. На Гамму прибывает пятеро туристов. Это самые обычные туристы. Естественно, нас посещает гораздо больше народа, однако сейчас интерес вызывают именно эти пятеро — по одному с разных Орбитальных миров. Наш агент на Земле... у нас имеются там шпионы, надеюсь, ты знаешь...

— Об этом все знают. И Земля в том числе, я думаю.

Янос откинулся назад, словно хотел получше рассмотреть Элейн.

— Ты обладаешь удивительной способностью говорить вещи, которые мне ужасно нравятся, — сказал он. — Один из наших шпионов передал сообщение; к сожалению, оно не дошло до нас полностью. К нам прибудет землянин, опытный диверсант, который выдаст себя за жителя одного из Орбитальных миров. Наш агент должен был поставить нас в известность, о каком именно мире идет речь, но как раз в этом месте его сообщение прервалось.

— Полагаю, вы не можете получить интересующую вас информацию у агента, потому что он мертв.

— Увы. Мы сделали все, что могли, чтобы разобраться в его депеше, однако у нас вышло, что под подозрение попадают пятеро туристов, четверо из которых, вне всякого сомнения, являются уважаемыми жителями других миров, зато пятый — диверсант с Земли.

— Откажите во въезде всем пятерым, сэр. Или, наоборот, впустите их, а потом арестуйте и тщательно допросите.

— Если мы так поступим, то нанесем оскорбление их родным мирам и, таким образом, сыграем на руку нашим противникам.

— Как только диверсант будет пойман, вы сможете принести остальным извинения и объяснить, что произошло.

— Если они нам поверят. Надо сказать, что сообщение, переданное нашим агентом, было настолько запутанным... Вполне может оказаться, что ни один из этих пятерых туристов не является шпионом и все они законопослушные граждане своих миров.

— Ну хорошо, что вы хотите от меня, Янос?

Янос Тесслен снова откинулся на спинку стула, и его умные глаза изучающе уставились на Элейн.

— Ты работаешь гидом и привыкла иметь дело с жителями других миров и с землянами. Более того, из твоего личного досье становится ясно, что ты до неприличия умна. Я сделаю так, чтобы эти пятеро попали к тебе на традиционную экскурсию по Гамме; они не смогут от нее отказаться из опасения выглядеть невежливыми; не говоря уже о том, что в таком случае мы

получим официальный повод их задержать. Ты проведешь с ними несколько часов, Элейн, и должна будешь сказать нам, кто из этих пятерых не является тем, за кого себя выдает. Или что все они чисты. Вот так-то.

— Ума не приложу, как это можно сделать. — Элейн покачала головой. — Ведь известно, что диверсант человек опытный и, наверное, уже не раз выполнял подобные задания.

— Вне всякого сомнения, он побывал на мире, за представителя которого себя выдает; разговаривает, выглядит и ведет себя как местный житель; и уж можно не сомневаться, что с документами у него все в порядке.

— И что же?

— Ничего не делается идеально, Элейн. Найди недостаток в его маскировке. Ты же побывала на других мирах, на тех, о которых идет речь. И хорошо знаешь их жителей.

— Не думаю, что я смогу...

— Если у тебя ничего не выйдет, — с нажимом произнес Янос, — нам придется прибегнуть к более грубым методам и рискнуть нанести оскорбление другим мирам. Или мы успокоимся, если ты скажешь, что диверсанта среди этих пятерых нет; а еще существует такой вариант: ты ошибешься, мы примем меры против невинного человека, а настоящий враг в это время причинит серьезный вред Гамме... Я уже не говорю о том, что с надеждами на союз можно будет расстаться. Ты должна справиться.

Элейн тяжело вздохнула и спросила:

— Когда придут эти туристы?

— Завтра. Они приземлятся на Причале номер 2, на другой стороне нашего мира. — Председатель автоматически показал пальцем вверх, и глаза Элейн, так же автоматически, последовали за ним.

В этом не было ничего необычного. Гамма, как и все Орбитальные миры, представляла собой строение, напоминающее пышку, тор. На Гамме пустой тор, внутри которого и жило все население, в поперечнике составлял чуть больше двух миль. Можно было проехать около трех с половиной миль вдоль внутренней части тора и добраться до другой стороны мира или сократить путь, поднявшись вверх по одной из трех ступиц — как у колеса, — соединяющих противоположные части тора.

Элейн вспомнила, как однажды какой-то землянин ужасно веселился по поводу того, что местные жители говорят о другой стороне «мира», имея в виду просто часть тора, но она не понимала, что в этом такого смешного. Гамма точно так же, как и Земля, окружена пространством.

Янос прервал ее раздумья:

- Тебе придется это сделать, Элейн.
- Я попытаюсь, сэр, — ответила она.
- И ты не должна потерпеть неудачу.

2

Двухкомнатная квартирка Элейн находилась в Третьем секторе, главным ее преимуществом было то, что рядом располагался Центр Исполнительских Искусств. (В юности Элейн мечтала стать актрисой, но у нее не было голоса. Однако она по-прежнему получала огромное удовольствие, когда окуналась в атмосферу театра.)

Сейчас, готовясь отправиться на Причал номер 2, Элейн искренне жалела, что природа не наделила ее великолепным голосом и актерским талантом — в этом случае она не работала бы гидом и перед ней не поставили бы практически невыполнимую задачу.

Элейн тщательно оделась. Девушка отлично смотрелась в форме и производила впечатление высококвалифицированного специалиста — как, впрочем, и всегда. Элейн приложила немало сил для того, чтобы выглядеть совершенно спокойной. Девушка решила, что если покажется пятерым туристам чересчур любопытной или слишком знающей, то наверняка ничего не выяснит. На самом деле, если у них сложится впечатление, что она лезет не в свои дела и задает лишние вопросы, человек, прибывший сюда с секретным заданием, может посчитать ее опасной и уж, вне всякого сомнения, без проблем разберется с одной слабой женщиной.

Выходя из дома, Элейн посмотрела наверх. Внутри тора было достаточно места для сорокаэтажного здания, которое можно было бы возвести в самом центре, однако разрешалось строить только двадцатизэтажные дома; впрочем, в среднем строения поднимались всего лишь на десять этажей. Верхняя часть тора должна была оставаться свободной, тогда возникало ощущение пространства и свежего воздуха, не говоря уже о проникновении солнечных лучей.

Отверстия жалюзи наверху открывались в час, соответствующий раннему утру. Огромное зеркало, которое двигалось по орбите вместе с Гаммой, отражало солнечные лучи, а они, в свою очередь, улавливались зеркалами меньших размеров и освещали тор внутри. Здания, стоящие на нижнем уровне огромной пышки, купались в ярком сиянии, причем температура воздуха всегда оставалась одинаково приятной.

Элейн не бывала на Земле, но достаточно о ней читала, чтобы иногда пожалеть о том, что погода на Гамме неизменна.

Временами ей хотелось испытать на себе влияние не подчиненных строгим законам сил природы. Она частенько думала про снег, поскольку никак не могла себе представить, что же это такое. Дождь — что-то вроде душа, туман похож на пар, холод и жара — это все равно что поворачиваешь кран с холодной или горячей водой в ванне. А вот снег — какой он?

Элейн раздумывала об этом по дороге к лифту номер три и потом, когда пристроилась в самом конце очереди. Впрочем, ждать пришлось недолго, потому что час пик, когда заканчивалась одна смена и начиналась другая, уже прошел.

Лифт понес девушку вверх, и почти целую милю гравитация медленно уменьшалась. Быстрое вращение тора — а он делал один оборот за две минуты — создавало центробежную силу, которая удерживала всех и все на его поверхности, в результате возникало тяготение, равное земному. Для всех жителей Гаммы, где бы они ни находились, внешний край тора представлялся «низом», а центр, который напоминал ступицу колеса, — «верхом» и, естественно, другая сторона их мира, расположенная за этой ступицей, тоже считалась «верхом».

Когда Элейн поднималась на лифте, скорость, с которой он вращался вокруг ступицы, уменьшалась, естественно, как и центробежная сила. Девушка уже весила в половину меньше в тот момент, когда они миновали госпитальный район, где пониженная гравитация оказалась весьма полезной в лечении кардиологических больных и тех, кто страдал респираторными заболеваниями.

Когда-то, будучи студенткой колледжа, она подрабатывала в больнице помощницей медсестры и прекрасно помнила свои тогдашние ощущения — они ей до сих пор нравились.

Наконец лифт проплыл сквозь сферический центр тора, при этом его продвижение тщательно контролировалось центральным компьютером, чтобы он не столкнулся с каким-нибудь другим лифтом,двигающимся в противоположном направлении. Здесь центробежная сила практически равнялась нулю, и в эти несколько минут Элейн показалось, что она стала невесомой. Именно тут находилась силовая установка и именно тут, мрачно подумала Элейн, возможно, будет совершена диверсия.

Лифт миновал центр и двинулся дальше по одной из спиц большого колеса на другую сторону мира по имени Гамма. Центробежная сила стала снова увеличиваться, и у Элейн возникло ощущение, что она стоит на голове. Без особых усилий — сказывалась практика — девушка поменяла положение, как, впрочем, и остальные пассажиры. Прошло всего несколько минут, но все уже стояли на том, что совсем недавно было потолком лифта.

Теперь складывалось впечатление, что они опускаются и сила тяжести тянет их вниз. А потом, когда эта иллюзия достигла максимума и Элейн снова почувствовала себя (с некоторым сожалением) такой же тяжелой, как и всегда, лифт прибыл на место. Двери открылись, девушка вышла из него. Другой стороной мира (она быстро посмотрела наверх) теперь была та, где находился ее дом.

3

Элейн не попала в час пик, зато опоздала на работу, что доставило ей несколько неприятных минут. Три других гига, двое мужчин и женщина, уже были на месте и собрались возле вывешенного распорядка работы на этот день.

Микки Бордо увидела Элейн первой и довольно ядовито заметила:

— А вот и она.

— Ясное дело, — Элейн удивленно вскинула брови, — я же здесь работаю.

— Не очень-то на это похоже, — заявила Микки и прошествовала мимо в своих туфлях на пробковой подошве, которая делала ее на два дюйма выше. Чуть сдвинула форменную шапочку со лба — это можно было бы расценить как проявление излишней нервозности, однако дело было в том, что всем сразу стали видны ее роскошные каштановые волосы — и продолжала: — Ты получила пять человек. Ровно пять. Тяжелая работенка, верно? Пять! — не унималась Микки. — А у меня четырнадцать. У Ханнеса десять, у Робэра двенадцать. Как по-твоему, честно поделили? Лично я считаю, что нет!

— Возможно, дело в том, — спокойно проговорила Элейн, — что администрацию не устраивает моя работа и меня собираются уволить.

— Уволить тебя? — проговорил Робэр, который часто улыбался, потому что тогда на щеках у него появлялись весьма привлекательные ямочки. — Именно это я и предположил. В таком случае тебе будет не на что жить, ты не сможешь рассчитывать на получение какой-нибудь другой работы и тебе придется выйти за меня замуж. Верно?

— Я буду иметь тебя в виду, Робэр, — сказала Элейн. — Постоянно! Как только мне будет не на что жить. Вы поговорили о сегодняшнем распределении с Бенджо Страммером? Он ведь за это отвечает.

— Я к нему сходила, — ответила Микки, — и он заявил мне, что будет так, как написано, и что он не желает ничего обсуждать. Старый... — Последнее слово она произнесла очень тихо.

— Да ладно вам, — начала Элейн. — Робэр, твои двенадцать туристов прибывают главным образом с Альфы, а значит, их будет интересовать, как у нас организованы занятия спортом и все, что с этим связано — твоя любимая тема. Разве я не права? Ханнес должен работать с гостями с Мю; это первое поколение поселенцев, они всегда ужасно нервничают, столкнувшись с чем-то новым, а всем известно, какой Ханнес заботливый, прямо настоящий папочка.

— Вот-вот, Папочка — мое имя и фамилия, — вставил Ханнес, сложив руки на своей щедеушной груди.

— А ты, Микки, будешь работать с жителями Зеты, которые люто нас всех ненавидят, поэтому им понравится, что ты миниатюрная и кажешься беззащитной и беспомощной. И не будем забывать, что ты ведь у нас красotka. Они просто не смогут вспылать к тебе ненавистью.

— Женщины прекрасно даже смогут, — смягчаясь, проговорила Микки.

— Верно, но ведь в твоей группе в основном мужчины. Правильно? А что касается меня, я получила пятерых, однако они с пяти разных миров. И каждый из них не похож на другого. Каждого будет интересовать совсем не то, что остальных, и я подозреваю, что все они какие-то шишки, так что мне придется особо постараться, чтобы их ублажить. Боюсь, у меня ничего из этого не выйдет. — Элейн с печальным видом откинулась на спинку стула. — Если кто-нибудь хочет поменяться...

— Только не я, — быстро перебил ее Ханнес. — Мои милые крошки мюанцы во мне нуждаются.

— А мои альфийцы должны получить гида, который отличал бы футбольный мяч от клюшки для гольфа, — заявил Робэр.

— Лично я и не говорила, что хочу поменяться, — сказала Микки. — Я только возмущена несправедливостью.

Элейн кивнула и отправилась в свой маленький кабинет, в котором умещался лишь небольшой письменный стол и — на этот раз — еще и Бенджо Страммер. Он ее ждал. У него была роскошная седая шевелюра, а глаза опутывала сеть морщинок. Он вопросительно взглянул на Элейн:

— Ты отлично с ними справилась, Элейн.

— Значит, ты слушал, Бенджо, — проговорила Элейн.

— Пришлось. Поскольку немного огорчен. Такое уж я получил распределение групп. Сам я тут ни при чем.

— В таком случае нам следует относиться к нему как к данной реальности. Иного ничего не остается.

— В чем дело, Элейн? — спросил Бенджо.

— В каком смысле?

— Почему они вдруг решили сделать за меня мою работу?

- А разве тебе не сказали, Бенджо?
- Нет, — покачав головой, ответил он.
- Значит, видимо, не хотели, чтобы ты знал.
- Хорошо, а ты знаешь?

— В сложившейся ситуации тебе не следовало задавать мне этот вопрос. Послушай, скажу тебе только одно — дело очень деликатное. Корабль прибывает по расписанию?

— В данный момент заходит в док.

— Хорошо. Ты можешь организовать все таким образом, чтобы моя пятерка оказалась как можно аккуратнее выделена из общей толпы и доставлена сюда раньше остальных? Мне нужно на них посмотреть, прежде чем я приступлю к работе; я должна попытаться понять, как следует себя вести. Знаешь, я сказала ребятам чистую правду. По-видимому, эти пятеро очень важные персоны, и мне хочется, чтобы все получилось как следует.

У Бенджо был весьма недовольный вид.

— Мне кажется, было бы намного лучше, Элейн, если бы меня все-таки поставили в известность о том, что тут происходит.

— Если бы это зависело от меня, Бенджо, я бы тебе все рассказала.

— Эта группа специально приписана к тебе, верно? Если ты хочешь посмотреть на своих туристов, воспользуйся-ка лучше моим кабинетом. Твой слишком маленький. А я пойду прогуляюсь вокруг мира.

Он время от времени предпринимал такие прогулки, чтобы оставаться в форме — так Бенджо по крайней мере говорил. Элейн бросила быстрый взгляд на свой плоский живот и подумала о том, что, видимо, скоро не сможет больше смотреть на него как на дар природы.

4

Элейн пристроилась на уголке стола Бенджо — на том, что был ближе к двери, — руки скрестила на груди и тихонько болтала ногой. Накануне вечером она совершенно сознательно заставила себя не думать о том, что ей предстоит, понимая (тут Элейн не сомневалась, что была права), что тогда ей обеспечена бессонная ночь, а наутро она будет плохо соображать.

Теперь, однако, она больше не могла отталкивать от себя решение задачи, которую подкинул Янос Тесслен.

Условия: пять человек, все жители разных миров. Один из них может оказаться (всего лишь может) землянином, утверждающим, будто он прибыл с одного из Орбитальных миров.

Засланный — специалист в своем деле, можно ли надеяться на то, что он каким-нибудь образом себя выдаст? Существует ли на каждом Орбитальном мире некая характерная деталь, которую даже после определенной подготовки невозможно имитировать?

Проблема заключалась в том, нетерпеливо подумала Элейн, что все миры совершенно сознательно подражали Земле. Каждый из них вращался с такой скоростью, чтобы возникала сила тяжести, как на Земле. В этом отношении любой землянин будет чувствовать себя здесь как дома.

Конечно, гравитация уменьшается, когда поднимаешься вверх по спицам, и тут землянин может оказаться весьма неуклюжим. Впрочем, жители Орбитальных миров не проводят много времени в лифтах, а следовательно, они тоже будут выглядеть весьма неуклюжими.

Атмосфера на мирах имеет такой же состав, что и на Земле, но углекислого газа здесь меньше. Однако это не очень принципиально. Земляне адаптировались к ней почти сразу. На Земле есть места, где атмосфера еще хуже: меньше давление и меньше кислорода — в горах, например.

Земля намного крупнее миров, ну и что? Немного другой горизонт — хотя наверняка землянин легко привыкнет и к этому. Диверсант, если он находится в ее группе, вне всякого сомнения, долго прожил на том мире, с которого он, по его утверждению, прибыл.

Можно не сомневаться, что он заблудится на Гамме, если только раньше специально не прилетал сюда с целью осмотреться. Но ведь жители других миров тоже не обязательно должны прекрасно ориентироваться на Гамме.

А если агент и в самом деле побывал здесь, может быть, он знает слишком много про этот мир? Однако нет ничего такого касательно Гаммы, о чем обитатель другого мира не мог бы где-нибудь прочитать — прежде чем отправиться в путешествие. Вполне разумно и естественно, подумала Элейн.

Ну хорошо, а как насчет тех миров, с которых прибывают туристы? Жители разных Орбитальных миров говорят по-разному, имеют свои социальные и индивидуальные особенности. Сможет ли землянин безупречно это перенять или все равно выдаст себя, как бы сильно ни старался изображать жителя какого-нибудь Орбитального мира?

Элейн посмотрела на стол и повернула листок так, чтобы можно было прочитать, что на нем написано.

Пять миров. По старшинству — Дельта, Эпсилон, Тэта, Йота и Каппа. Она бывала на всех пяти и много о них читала — по долгу службы. Невозможно понять туриста, если ничего не

знаешь об обществе, которое его воспитало, а гид должен прекрасно разбираться в своих подопечных.

Дельта — довольно скучный мир, его жители невероятно трудолюбивы, говорят немного нараспев, даже когда переходят на гаммейский диалект. В основном они крупные и белолицые, но это только в основном. На всех Орбитальных мирах живут высокие и маленькие, худые и толстые люди. На внешность полагаться не стоит.

Эпсилон из них самый густонаселенный мир, эпсилонцы, как правило, не очень высокие, поскольку их предки были выходцами из Восточной Азии, с Земли. Впрочем, на других мирах их тоже немало.

На Тэте пять или шесть районов — вместо обычных трех — отдано сельскому хозяйству. Только здесь выращивают крупный рогатый скот, в то время как на других Орбитальных мирах главным образом занимаются разведением птицы. Так случилось, что из пяти симфоний, сочиненных музыкантами с Орбитальных миров и ставших главной составной частью репертуара всех земных оркестров, три были рождены на Тэте.

Элейн заставила себя прервать свои размышления. Нет, сделать простой вывод, что тэтанцы музыкальны, — неверно. Девяносто пять процентов из них могут быть неграмотными с точки зрения музыкального образования, и если окажется, что тэтанец, попавший в ее группу, совершенно не интересуется музыкой, — это еще не повод заподозрить в нем диверсанта.

Йота — главный экспортер энергии. Каждый из Орбитальных миров в качестве основного источника энергии использует солнечный свет. На каждом имеется огромная энергетическая установка — намного больше самой колонии, — которая поглощает солнечные лучи и превращает их в микроволновое излучение; часть его идет на нужды самого мира, а излишки отправляются на Землю. Силовая установка на Йоте самая мощная, там располагается самое современное оборудование для передачи микроволн на Землю. Вполне понятно, что Земля уделяет Йоте гораздо больше внимания, чем любому другому из двенадцати Орбитальных миров.

А это, в свою очередь, означает, что Йота больше остальных настроена на защиту интересов Земли. Жители этого мира меньше всего мечтают о независимости и совсем не стремятся к объединению с другими мирами. Может быть, йотанец — самая подходящая кандидатура для сотрудничества с агентом землянином? С другой стороны, агент вряд ли станет выдавать себя за жителя Йоты, поскольку этот ход является наиболее очевидным и, следовательно, подозрительным...

«Ну как я могу хоть что-нибудь в этом понять!» — нетерпеливо подумала Элейн.

А как насчет Каппы, где властвуют развлечения — этот мир считается культурным центром Орбитальных миров? Элейн полагала, что Каппа является самым приятным миром из тех, где ей довелось побывать. А это означает, что придется повнимательнее присматриваться к каппанцу, поскольку в данном случае ей будут мешать собственные предпочтения.

Как можно отличить настоящего каппанца от того, кто только выдает себя за такового? Или настоящего жителя Тэты от ненастоящего? Ну и так далее...

Проблема в том, что на Земле живет такое количество самых разнообразных людей, что любой землянин может без проблем изобразить из себя любого жителя любого из Орбитальных миров.

Так, теперь рассмотрим вот какую идею: агент — кем бы он там ни был — выступает, разумеется, против независимости и против объединения Орбитальных миров. Постарается ли он скрыть свои взгляды и станет вести себя как человек, настроенный против Земли? Или посчитает, что такое поведение может вызвать подозрения? А может быть, не зная, что его ищут (с другой стороны, вдруг ему это известно?), он не станет заводить разговор на эту тему?

Не следует ли прибегнуть к какому-нибудь более хитроумному способу? Если силы, борющиеся за независимость и союз, рассчитывают на эмоциональное значение трехсотлетия возникновения Соединенных Штатов, может, стоит завести разговор на эту тему? И вдруг агент выдаст себя, когда она упомянет 2076 год? И продемонстрирует антиамериканские настроения?

Впрочем, житель Орбитального мира вполне может испытывать неприязнь к Земле по своим собственным причинам и при этом не быть тайным агентом.

Элейн почувствовала, как ее рассуждения начинают бродить по все более сужающемуся кругу, причем никакие разумные идеи ее не посещали. Что использовать в качестве критерия, чтобы отличить настоящее от подложного? Да и существуют ли такие критерии вообще?

А ведь Янос сказал, что она не имеет права потерпеть неудачу.

Элейн уже готова была погрузиться в утешительное отчаяние, когда в дверях появилась голова Бенджо:

— Твои туристы прибыли. Надеюсь, все пройдет хорошо. До свидания.

Вполне возможно, невинная прощальная фраза будет иметь для нее, Элейн, особенно страшное значение... Когда туристы приблизились к двери, она сделала приветливое лицо и постаралась взять себя в руки.

5

Элейн говорила медленно и — она рассчитывала, что у нее это получилось — заискивающе.

— Меня зовут Элейн. Если вам удобнее обращаться ко мне по фамилии, пожалуйста — Элейн Мэтро. На Гамме не принято использовать никакие звания, мы обращаемся друг к другу по имени, но вы можете называть меня так, как вам покажется удобнее всего.

У дельтийца сразу сделался недовольный вид. Это был высокий, широкоплечий мужчина, казавшийся еще выше из-за черной квадратной шляпы, которую он не снял, и мышино-серой блузы, доходившей ему до середины бедер. Тяжелые сапоги дельтийца громко стучали, а руки с большими костяшками пальцев были слегка сжаты.

— Сколько вам лет? — резко и немного нараспев спросил он.

В списке туристов значилось, что его зовут Сандо Сансен, и Элейн знала, что по обычаям Дельты должна обращаться к нему по фамилии.

— Мне двадцать четыре года, мистер Сансен.

— Неужели в вашем возрасте вы сумели узнать про ваш мир достаточно, чтобы оказаться нам полезной?

Его резкость — или грубость — была характерной для жителя Дельты. Или он несколько перестарался? Она ведь еще не дала ему никакого повода для нападок.

Элейн улыбнулась и весело ответила:

— Надеюсь, моих знаний окажется достаточно. У меня вполне солидный опыт работы. По правде говоря, наше правительство очень мне доверяет, поскольку поручило именно мне позаботиться о том, чтобы вы смогли познакомиться с теми аспектами жизни Гаммы, которые вас интересуют.

Равон Джи Андор с Каппы привлек к себе ее внимание. Среднего роста, с великолепно уложенными волосами — несколько светлее, чем им полагалось быть (в этом Элейн не сомневалась, поскольку они контрастировали с его темными глазами и смуглым лицом). Одет он был изысканно, с великим множеством самых разнообразных украшений. От каппанца пахло какими-то духами, которые девушке понравились. (Все это очень характерно для Каппы; не слишком ли?)

— Если вы так милы, что намерены исполнить наши желания, — проговорил он, растягивая гласные, — в таком случае вы

сами являетесь представителем Гаммы, достойным самого пристального изучения и внимания.

Это был комплимент, произнесенный в витиеватой и весьма характерной для Каппы манере. Элейн обратилась к туристу, воспользовавшись первыми двумя именами — так было принято на Каппе, — причем ее ответ прозвучал тоже в соответствии с обычаями этого мира.

— Я в отчаянии, Равон Джи, поскольку в данный момент это исключено. Верю, что время подарит нам такую возможность.

— Да ладно вам, кончайте с этим, барышня! — проворчала Меджим Набеллан с Тэты.

Чернокожее лицо (многие тэтанцы, но не все, имели темную кожу) обрамляли седые, словно из проволоки, вьющиеся волосы, в основном прячущиеся под широкополой шляпой, закрепленной под подбородком эластичной лентой. Полосатое одеяние туристки было невероятно ярким, а звук «р» она произносила так, словно он перекатывался где-то в глубине ее горла.

— Давайте заканчивайте и перестаньте болтать эти каппийские глупости.

Улыбающийся каппанец с язвительным видом ей поклонился.

Элейн немного помолчала. Агентом вполне могла оказаться женщина, или кто-нибудь с черной кожей, или и то и другое. А нетерпение, с которым Меджим Набеллан требовала начала экскурсии, могло быть самым обычным — и с трудом скрываемым — желанием человека, прибывшего сюда, чтобы совершить диверсию, поскорее приступить к выполнению задания и считающего, что любая задержка опасна для его целей.

— Мне кажется, довольно глупо создавать группу из представителей разных миров, — сказала Ив Абдараман с Йоты, еще одна женщина, которая произносила слова, слегка растягивая их; казалось даже, будто она засыпает на ходу. Довольно молодая, миниатюрная, вполне привлекательная, смуглая (видимо, она прекрасно это знала, поскольку ее костюм был выдержан в разных оттенках коричневого цвета). — Если мы будем ссориться и насккивать друг на друга, наша экскурсия никому не доставит никакого удовольствия.

— Надеюсь, мы не станем ссориться и насккивать друг на друга, Ив, — постаралась успокоить ее Элейн. Йотанцы всегда обращались к своим собеседникам по имени, как и жители Гаммы. — И как только вы мне сообщите, что в особенности хотели бы увидеть...

— Давайте начинать, — проговорил пятый член группы, Ву Кай-ши с Эпсилона, — а мы по дороге расскажем вам, что нас интересует, и времени не потеряем.

Глаза маленького толстячка говорили о том, что его предки родились на Востоке. На нем было нечто, напоминающее юбку, ниспадающую почти до самой земли. К тому же он немного шепелявил.

Еще один нетерпеливый, подумала Элейн.

— Поскольку мы находимся в одном из жилых районов, — сказала она, — можем прогуляться до университета — для начала. Там имеется несколько интересных примеров гаммейской архитектуры...

Она вежливо вытолкала всю группу из кабинета, обошла их, чтобы оказаться впереди, в то время как ее мозг напряженно работал. Каждый из пятерых туристов вызывал у нее подозрения, но ни один не казался подозрительным по-настоящему.

Вот было бы что-нибудь такое, что имелось на Орбитальных мирах и полностью отсутствовало на Земле... нечто настолько неуловимое и хитрое, что житель Земли не смог бы не выдать себя, оказавшись на одном из Орбитальных миров!.. Интересно, что бы это могло быть? Рост? Или какое-нибудь еще отличие?

Элейн заставила себя сосредоточиться на работе.

— Перед нами главное здание гаммейского университета, построенное четыре года назад. Создается настолько сильная иллюзия искривления, что...

Она продолжала механически говорить, а ее мысли были заняты совсем другим.

6

Элейн и ее подопечные неторопливо прошли мимо симпатичных зданий этого района — все они были разными, ни одно не походило на своего соседа, перед каждым домом красовались зеленые лужайки, окруженные легкими решетками из особого материала, так что впечатления, что жители домов стремятся отгородиться друг от друга, не складывалось. Здесь не было нагромождения многоквартирных домов, которых встречалось великое множество в двух других жилых секторах.

— Мы подходим к воздушному шлюзу, отделяющему этот район от сельскохозяйственного сектора, — сказала Элейн.

— Как я вижу, вы держите шлюзы открытыми, — заметил Сансен. — Разве это не небрежность? — Он так диковинно произнес последнее слово — с точки зрения жителя Гаммы, — что Элейн едва его разобрала. (Безупречный дельтиец, так ей показалось.)

— Вовсе нет, — ответила она. — Все работает автоматически. Возникновение даже самой незначительной вибрации в связи с ударом метеорита или каким-нибудь внутренним взрывом,

любое, самое минимальное понижение воздушного давления — и все шесть секторов окажутся запечатанными таким образом, что между ними не будет никакой связи. Естественно, они закрываются на ночь, чтобы дневной свет из сельскохозяйственного сектора не проникал в жилые районы.

— А что произойдет, — спросил Равон Джи, улыбаясь, — если метеор или что-нибудь еще попадет в приборы, регулирующие работу самого шлюза?

— Вряд ли такое может случиться. Однако, если все-таки авария произойдет, она не будет фатальной. У нас имеется по два комплекта всего жизненно важного оборудования, причем эти комплекты находятся в разных местах и каждый из них способен обеспечивать Гамму всем необходимым.

Элейн сделала паузу, чтобы убедиться в том, что ее подопечные сумели перейти через шлюз. Нужно было всего лишь сначала подняться по нескольким ступенькам, а потом спуститься по такому же пролету вниз; шесть ступенек вверх и шесть вниз, но они тянулись по всей ширине тора с едва заметным наклоном. Землянам обычно не нравилось шагать по широким ступеням, они частенько чуть скатывались набок — в отличие от остальных членов группы.

Однако, хотя Элейн внимательно наблюдала за ногами всех пятерых, туристы шагали уверенно и не озирались с удивлением по сторонам.

Элейн тихонько вздохнула. Землянин — кем бы он там ни был — отлично подготовился к выполнению своего задания. Или вовсе не было никакого землянина.

7

Равон Джи Андор шел рядом с Элейн всю дорогу, пока они проходили сквозь сельскохозяйственный сектор, причем ему явно было здесь невыносимо скучно. Теперь же, когда туристы оказались в Центре переработки, каппанец отшатнулся от нее и у него сделался совершенно несчастный вид.

— Мне ведь не придется идти туда, правда? Отходы животных — это не совсем то, на что я стремился посмотреть.

Элейн постаралась говорить спокойно и ничем не выдать своей нервозности.

— Вы ведь на Каппе тоже перерабатываете отходы.

Ни один землянин еще ни разу добровольно не посетил Центр переработки.

— Да, но я при этом не присутствую, — заявил Равон Джи. — По правде говоря, мне ничего не известно ни про инженерную сторону этого вопроса, ни про статистику. Послушайте, милая,

давайте я подожду вас здесь. Пусть туда идет дельтиец, у него подходящие сапоги, и еще эта фермерша с Тэты, ну... и все остальные.

— Я прекрасно вас понимаю, — покачав головой, сказала Элейн, — но не могу здесь оставить. Боюсь, нашему правительству это не понравится. Идемте. Я буду держать вас за руку. Вот видите?

Это было что-то вроде легкого флирта, жест, честь — ни один каппанец не мог в такой ситуации отказаться от предложенной ему руки. Равон Джи, страшно несчастный, пробормотал:

— В этом случае, красавица, я с удовольствием пройду сквозь самую отвратительную грязь, готов даже увязнуть в ней по колено.

Впрочем, Элейн была уверена, что он этого ни за что не сделает.

Девушка держалась к нему поближе, когда они проходили по антисептическим коридорам. Большинство процессов переработки наблюдать было невозможно: они производились в закрытых помещениях и были полностью автоматизированы. Несмотря на гримасу отвращения, которая не сходила с лица Равона Джи, неприятного запаха почти не чувствовалось.

Сансен вышагивал, сцепив руки за спиной и внимательно оглядываясь по сторонам. Ву Кай-ши, лицо которого вообще ничего не выражало, что-то записывал; Элейн удалось пройти у него за спиной и посмотреть на его заметки. Они были сделаны на эпсилонском языке, так что она ничего не смогла разобрать.

Равон Джи, который по-прежнему держал девушку за руку, сказал:

— Думаю, сейчас вы заявите, что все это страшно важно.

— Именно, — согласилась Элейн. — Причем везде, на Земле, например.

Равон Джи никак не отреагировал на ее последние слова.

— Каппанский джентльмен, — заявил он, — не должен знать о подобных вещах.

— А чем вы занимаетесь? — спросила Элейн.

— Я театральный критик и прибыл сюда для того, чтобы написать статью о состоянии гаммейской сцены для одной из наших газет.

— А вы не собираетесь на Землю, чтобы принять участие в празднествах, посвященных трехсотлетию образования Соединенных Штатов?

«Интересно, такой фестиваль состоится на самом деле или нет?» — подумала Элейн.

— Что, дорогуша? — Казалось, турист не понял вопроса.

— Трехсотлетие Америки.

— Ну, не знаю, — равнодушно протянул он. — А где у вас тут находится театральный район?

(Было ли его равнодушие чересчур деланным? Неужели он и в самом деле ничего не знает про грядущее трехсотлетие?)

— В четвертом секторе, на другой стороне мира, — сказала Элейн и уже собралась сделать привычный жест, однако каппа-нец быстро поднял голову и сказал:

— Ну, надеюсь, рано или поздно мы туда попадем.

«Может быть, это и есть ключ к разгадке», — подумала Элейн.

8

— Послушайте, гид, мы уже выходим из сельскохозяйственного сектора, а я еще не видела никакого скота, — резко сказала Меджим Набеллан.

— Мы держим его не здесь, поскольку считаем разведение скота невыгодным. Цыплята и кролики дают гораздо больше протеина за более короткий срок.

— Глупости! Вы не имеете ни малейшего понятия о том, как это нужно делать. Животноводство на Гамме сильно отстает от современных достижений.

— Я уверена, в Сельскохозяйственном Бюро с радостью выслушают ваше мнение, — мягко ответила Элейн.

— Надеюсь. Именно за этим я сюда и прибыла, а теперь, когда увидела, как у вас тут поставлено дело, продолжать экскурсию мне ни к чему. Я бы хотела сразу отправиться в Бюро.

— Боюсь, у меня возникнут неприятности, если вы станете настаивать на том, чтобы покинуть нашу группу, — сказала Элейн. — Правительство Гаммы посчитает, что я нанесла вам оскорбление.

— Чушь, — нахмурившись, мрачно объявила Меджим Набеллан. — Где находится Бюро?

— На другой стороне мира, — ответила Элейн, которая на этот раз уверенно показала наверх, и Набеллан подняла голову. — Если вы сейчас уйдете, наша группа совсем распадется. Пожалуйста, оставайтесь.

Меджим Набеллан что-то тихонько пробормотала, но отказалась от своих попыток покинуть группу.

— Сельскохозяйственные сектора, — сказала Элейн профессиональным голосом гида, — согреты солнечными лучами постоянно, но в трех жилых районах, естественно, сутки разделены на шестнадцать светлых часов и восемь темных — по очереди.

— А что, все гаммейцы спят одновременно? — спросил Ву Кай-ши.

— Нет, конечно. Они спят, когда пожелают. Кое-кому приходится работать в темное время суток.

— Почему бы в таком случае не позволить каждому жилому сектору самостоятельно контролировать солнечный свет? Бессмысленный конформизм! — Он сделал какие-то записи в своем блокноте.

— Поскольку Эпсилон является единственным миром, где не сохраняется стандартная смена дня и ночи, возможно, это вы являетесь исключением, — проговорила Ив Абдараман своим ясным, звонким голосом. — Ночной перерыв требует меньшего расхода энергии, при этом поддерживается подходящая для всех температура.

— Вовсе нет, — подняв брови, возразил Ву Кай-ши. — Если вы намекаете на то, что на Эпсилоне жарко, так вы ошибаетесь. Смена дня и ночи — всего лишь бессмысленное наследие Земли.

Элейн напряглась. Нападки на Землю? Она радостно проговорила:

— Вряд ли следует игнорировать то, что нам досталось в наследство от Земли. В этом году будет отмечаться трехсотлетие образования Америки, а наследие свободных... — Она не договорила, потому что никто не отреагировал на ее слова.

Ив Абдараман нетерпеливо поглядывала на гида, а потом повернулась к эпсилонцу.

— Я бывала на Эпсилоне, — сказала она. — Мне показалось, что там ужасно жарко.

— Вам могло показаться, что мы обладаем слишком большой гибкостью и индивидуальностью — на ваш вкус, — холодно ответил Ву Кай-ши.

— Пожалуйста, следуйте за мной, — попросила Элейн, — обращаясь к Ву Кай-ши и Ив Абдараман. — Нам еще нужно немало пройти, чтобы добраться до другой стороны мира. — Девушка махнула рукой, и ведомые совершенно автоматически отреагировали на ее жест. Элейн продолжала: — Нужно догнать остальных.

— Центр переработки должен обслуживаться компьютерными системами, — ускорив шаги, заметила Ив Абдараман — Я смогла бы выполнить то, ради чего прибыла сюда — если бы получила к ним доступ.

— Не сомневаюсь, что это можно организовать, — успокоила ее Элейн. — У нашего правительства в этом вопросе нет никаких секретов.

(То, ради чего прибыла сюда? Просчет? Или всего лишь слова человека, не замысляющего ничего плохого? В ней всего-то пять футов роста, но помешает ли это...)

Сандо Сансен нетерпеливо оглядывался по сторонам.

— Ну, мисс Мэтро, сколько еще будет продолжаться наша экскурсия?

— Скоро закончится, мистер Сансен. Может быть, вас интересует что-нибудь конкретное?

— Силовая установка. Я инженер-электрик, и мне совершенно наплевать на поля с зерновыми и пруды, где разводят рыбу.

— Я не уверена, — спокойно проговорила Элейн, — что туристам туда разрешен вход.

— А я не турист, — сердито ответил Сансен. — Я представитель своего правительства.

— Да, конечно. Я покажу вам госпитальный комплекс. Гамма гордится своим медицинским оборудованием, и мы бы очень хотели вам его продемонстрировать. А там мы попытаемся получить разрешение сходить на силовую установку.

Сансен кивнул, но вид у него был по-прежнему недовольный.

9

Всего госпитальных комплексов было шесть — по одному в каждом секторе. Этот располагался выше остальных, поскольку здесь занимались исследованиями низкой гравитации с точки зрения биологии.

Все пятеро туристов совершенно спокойно держались в состоянии низкой силы тяжести — чуть больше четверти нормы. Меджим Набеллан споткнулась разок, но Элейн показалось, что это произошло по чистой случайности. Сансен был в ярости из-за того, что ему пришлось забраться выше, чем он собирался, и потому громко топал, но при этом твердо держался на ногах. Впрочем, даже Элейн время от времени забывалась и делала слишком большой шаг.

— Мне кажется, вас всех заинтересуют, — продолжала она свою экскурсию, — исследования низкой гравитации, проводящиеся в здешнем центре. На Земле подобными проблемами заниматься невозможно, и хотя все Орбитальные миры добились в этой области определенных результатов, Гамму превзойти не удалось никому. В данный момент мы входим в лаборатории, где специалисты расскажут вам о проводимых экспериментах и ответят на ваши вопросы. О, мистер Сансен.

— Да?

— Я хотела напомнить вам, что мы находимся всего в четырехстах метрах от ступицы. Я сейчас попробую получить для вас разрешение... — Они остались одни, поскольку все остальные члены группы отправились вслед за местным гидом. — Мне придется обратиться в Правительственный Центр, который находится на другой стороне мира.

Она в который уже раз махнула рукой... и сердце забилося у нее в груди. Сансен отреагировал на ее жест. Наверняка он!

Однако Элейн не смогла скрыть от него, что все поняла. Знание промелькнуло в ее глазах, и Сансен увидел... и, возможно, сообразил, что совершена ошибка. В следующее мгновение он словно сбросил с себя театральный костюм.

— Минутку, барышня, — сказал он, и в его голосе больше не было слышно дельтийского акцента.

Сансен метнулся к Элейн. Девушка попыталась ускользнуть от него — так матадор ловко избегает столкновения с быком. Но в горле у нее почему-то стоял комок, и она не могла закричать, позвать на помощь. Неужели он посмеет ее убить? И каким образом объяснит ее смерть? Или ничто не должно помешать ему выполнить задание? Может быть, он ее прикончит, а потом поспешит сделать то, ради чего сюда прибыл?

Сансен повернулся и снова бросился на нее, но поскользнулся — забыв про низкую силу тяжести. Элейн поднялась на цыпочки и, воспользовавшись его промахом и призвав на помощь свое умение двигаться в состоянии низкой гравитации, проскочила мимо Сансена. Он до нее не дотянулся.

Тогда агент остановился, а потом попытался отрезать Элейн от двери, сбросил шляпу, расстегнул блузу и тоже отшвырнул ее в сторону. Он был мускулистым, сильным мужчиной, а его лицо не сулило Элейн ничего хорошего. В распоряжении агента имелось всего несколько минут, чтобы от нее избавиться прежде, чем кто-нибудь ему помешает. И вид у него был весьма решительный.

Теперь Элейн уже могла бы закричать, но она боялась, что крик отвлечет ее. Девушка не сводила с Сансена глаз, а сама в это время раскачивалась из стороны в сторону, была настороже. Он тоже максимально напрягся, принял во внимание низкую гравитацию, потом начал маленькими шажками продвигаться вперед.

Элейн, внимательно за ним наблюдая, отскочила от него. Изменила направление движения, метнулась вперед, делая большие шаги, затем развернулась у Сансена за спиной и толкнула его. Он начал падать вперед, но удержался и снова оказался между девушкой и дверью.

И тут Элейн потратила на одну секунду больше, чем следовало, пытаясь добраться до двери, потому что Сансен успел схватить ее за руку.

Одно короткое мгновение они не шевелились, а потом его губы растянулись в безжалостной ухмылке, и он притянул Элейн к себе. Девушка хрипло вскрикнула, попыталась его лягнуть, но

он блокировал ее удар бедром. Элейн отчаянно пыталась вырваться, но Сансен не выпускал ее.

...И в этот момент черная рука обхватила горло землянина, нажала на адамово яблоко, заставив его выпрямиться. Элейн была свободна.

— Спасибо, — прошептала она.

Лицо Меджим Набеллан потемнело, будто стало еще чернее, чем было.

— Неужели это дельтийское животное пыталось...

— Он не с Дельты, — тяжело дыша, ответила Элейн, которая наконец поняла, что все закончилось. Она оглядела собравшихся членов своей группы. — Вызовите, пожалуйста, полицию. И прошу вас, Набеллан, держите его крепче.

— Не беспокойтесь, — ответила Меджим Набеллан. — Может быть, кто-нибудь желает меня заменить на минутку? А хотите, я сверну ему шею? — Видно было, что она вполне в состоянии выполнить свое обещание, и глаза землянина вылезли из орбит.

— Прошу вас, не нужно, — ответила Элейн. — Мне кажется, он нужен нашему правительству живым.

10

Элейн снова сидела в кабинете Яноса Тесслена. Со времени ее первого с ним разговора прошло два дня.

Председатель Ассамблеи был невероятно весел и радостно заявил:

— Ты великолепно справились с заданием, Элейн, лучше и не бывает. Это тот самый диверсант. Дельта заявила, что ничего про него не слышала — уж не знаю, правда это или нет, теперь они вынуждены как можно активнее выступать за союз. Мы в самых изысканных выражениях высказались о том, какую роль сыграла в этой истории Меджим Набеллан, а значит, и Тэта будет сражаться за объединение Орбитальных миров. Правительство Земли поставлено в тяжелое положение, празднование трехсотлетия Америки получило отличную рекламу. Конечно, всегда могут возникнуть непредвиденные сложности, но я уверен, что мы получим независимость и союз еще до того, как закончится 2076 год. Расскажи-ка, как тебе удалось решить эту задачу, Элейн? Каким образом он себя выдал?

— Мне нужно было найти нечто такое, о чем землянин обязательно забудет, оказавшись на Орбитальном мире, хотя все они и построены по образу и подобию Земли — насколько это вообще возможно. Я подумала об искривлениях. Земля очень большая, и люди живут на внешней поверхности, которая искривляется вниз совсем незаметно. На Орбитальных мирах

мы живем на внутренней поверхности, которая искривляется вверх.

На Земле «другая сторона мира» находится внизу, далеко внизу. Я решила, что, когда об этом заходит речь, земляне или показывают вниз, или вообще не делают никакого жеста. И уж конечно же, не станут махать рукой наверх. На Орбитальном мире «другая сторона мира» — наверху, и жители других миров всегда поднимают голову, когда говорят о другой стороне. Вы так делаете, я так делаю, и все остальные тоже.

Ну вот я и попробовала провести эксперимент. Я упоминала другую сторону мира в присутствии каждого из членов моей группы и одновременно показывала вниз. Это не имело ровным счетом никакого значения. Четверо наших гостей все равно посмотрели наверх, чисто автоматически. Каждый из них бросил совсем короткий взгляд, но я сразу поняла, что все они настоящие жители Орбитальных миров. Когда же я заговорила с Сансеном, он проследил глазами за моим пальцем. Посмотрел вниз, и тогда я поняла, что он землянин. Он мгновенно сообразил, что совершил промах, но было уже поздно. Видите, я смогла определить по одному взгляду.

— Я бы в жизни до такого не додумался, Элейн, — признался Янос. — Твои усилия будут достойным образом вознаграждены.

— Благодарю вас, — ответила Элейн, — однако независимость и союз Орбитальных миров самая лучшая награда для всех нас, не так ли?

ВЕТРЫ ПЕРЕМЕН

Вместе с Элис Лоренс (трудолюбивой, умной и привлекательной женщиной, с которой работать — одно удовольствие) я составил два сборника. Первый — сборник детективов, второй — сборник фантастики; и туда, и сюда вошли лишь рассказы, специально написанные для этих сборников. Более того, в обеих книгах мы не указали точно авторов произведений и предложили читателю самому догадываться, если у него будет на то желание.

«Ветры перемен» — рассказ, написанный мною для сборника фантастики. Не знаю, правда, удалось ли мне спрятать авторство. В начале книги был помещен полный список всех авторов, и читатель, вздумавший разыскать «азимовский» рассказ, полагаю, вряд ли бы ошибся.

Но это не имеет значения. Я искренне уверен, что по некоторым параметрам рассказ «Ветры перемен» — лучший в предлагаемом вам сборнике. Вот почему весь сборник носит это название — не говоря уже о том, что оно мне просто нравится. Вообще-то я считаю концовку рассказа настолько сильной, что обойдусь без непременно́го послесловия — не хочу разрушать впечатление от книги. (И не заглядывайте сейчас в конец. Прочитайте рассказ!)

Джонас Динсмор вошел в кабинет президента факультетского клуба в очень характерной для себя манере, словно прекрасно понимал, что, хотя и имеет полное право здесь находиться, он не может рассчитывать на дружеский прием. При-

The Winds of Change
©1982 by Isaac Asimov
Ветры перемен

©В. Гольдич, И. Оганесова, перевод, 1997

надлежность к клубу угадывалась в уверенной походке, а быстрый взгляд, который бросил Джонас, оказавшись в комнате, говорил, что он готов к самой враждебной встрече. Джонас Динсмор был адъюнкт-профессором физики.

В комнате находилось два человека, которых он вполне мог считать своими врагами и при этом не бояться, что его посчитают параноиком.

Один из них — Гораций Адамс, стареющий декан факультета; не совершив ничего значительного, он умудрился обзавестись всеобщим уважением за многочисленные мелкие добрые дела. Другим был Карл Мюллер, чья работа по теории Единого Поля поставила его в ряд претендентов на получение Нобелевской премии (так он, во всяком случае, сам думал) и сделала первым кандидатом на пост ректора университета. Трудно сказать, какой из этих двух вариантов вызывал у Динсмора более сильный протест. В любом случае можно смело утверждать, что он презирал Мюллера.

Динсмор устроился в углу очень неудобного потертого дивана — два мягких кресла были уже заняты — и улыбнулся.

Он часто улыбался, хотя его лицо при этом никогда не становилось доброжелательным. Его улыбка была ничем не примечательной — уголки рта просто растягивались в стороны, но всякий, кто видел эту гримасу, неизменно испытывал неприятные ощущения. Круглое лицо, редкие, тщательно причесанные волосы, полные губы... Все это должно было прекрасно сочетаться с приветливой улыбкой — но почему-то не сочеталось.

Адамс пошевелился; казалось, он борется с раздражением, быстрой тенью промелькнувшим по его удлинённому лицу уроженца Новой Англии. Черноволосый Мюллер совершенно равнодушно и холодно посмотрел на Динсмора голубыми глазами.

— Я знаю, джентльмены, что нарушаю ваше уединение, — заявил Динсмор. — Однако у меня нет выбора. Меня пригласил Совет попечителей. Возможно, они поступают жестоко. Я уверен, Мюллер, вы ожидаете сообщения, в котором будет сказано, что попечители выбрали вас ректором. Вполне естественно, при этом должен присутствовать профессор Адамс, ваш учитель и соратник. Но зачем, Мюллер, они позвали меня, вашего скромного и постоянно проигрывающего соперника?

По правде говоря, я подозреваю, что, став ректором, вы немедленно порекомендуете мне заняться поисками нового места работы, поскольку на следующий учебный год мой контракт продлен не будет. Получается, что я здесь очень кстати — вы сможете без всякой задержки объявить мне эту новость. Жестоко, зато эффективно.

Вы оба кажетесь мне обеспокоенными. Возможно, я несправедлив. Мое немедленное увольнение вас не слишком занимает; вы вполне готовы подождать и до завтра. Может быть, это попечители хотят поскорее от меня избавиться? Не имеет значения. В любом случае создается впечатление, что вы останетесь в университете, а со мной будет покончено. Вполне возможно, что это покажется вам справедливым. Уважаемый глава огромного факультета, заканчивающий карьеру рядом со своим блестящим учеником, чье глубокое понимание фундаментальных концепций и виртуозное владение математическим аппаратом делают его достойным самых высоких наград; в то время как я, лишенный чести и уважения...

А раз уж дело обстоит именно так, должен заметить, что вы демонстрируете несказанное великодушие — вы ведь не прерываете меня, даете мне возможность выговориться. Возникает ощущение, что известие, которое мы ждем, появится с небольшой задержкой, может быть, даже через час. Предчувствие. Попечители тоже не прочь нас немножко помучить, поддержать в напряжении. Ведь это замечательный момент — всеобщее внимание привлечено к ним. И раз уж нам все равно придется ждать, я вам кое-что расскажу.

Иным приговоренным перед казнью разрешается в последний раз поесть, другим — выкурить сигарету; мне, надеюсь, будет позволено произнести последнее слово. Конечно, вовсе не обязательно меня слушать или делать вид, что вам интересно.

Благодарю вас. И принимаю за согласие смиренное выражение вашего лица, профессор Адамс. Легкая презрительная улыбка профессора Мюллера меня тоже вполне устраивает.

Знаю, вы не станете винить меня за то, что я с удовольствием изменил бы сложившуюся ситуацию. Но каким образом? Хороший вопрос. Я не хотел бы получить другой характер и другие качества личности. Возможно, они не так уж и хороши, но они мои. Не стал бы я трогать и политические достоинства Адамса или таланты Мюллера, потому что тогда это уже будут не Адамс и не Мюллер. Я бы желал, чтобы вы остались такими, какие вы есть, а вот ситуация, в которой мы трое оказались, сложилась бы иначе. Если бы кому-то удалось отправиться назад в прошлое, какие небольшие модификации событий, происходивших тогда, принесли бы желаемый результат в настоящем?

Вот что мне нужно. Путешествие во времени!

Ага, это произвело на вас впечатление, профессор Мюллер! Вы почти фыркнули. Путешествие во времени! Смешно! Невозможно!

Не только невозможно из-за нынешнего состояния науки, но и невозможно вообще. Путешествие во времени — в том смыс-

ле, что кто-то возвращается назад, чтобы изменить реальность — невозможно не только практически, но и теоретически.

Забавно, что вы так думаете, Мюллер, поскольку ваши теории, которые описывают взаимодействие четырех сил, в том числе и гравитацию как единого целого, делают путешествия во времени теоретически осуществимыми.

Нет, не надо возражать. Успокойтесь, Мюллер, посидите спокойно. Я уверен, что вы такую возможность исключаете. Большинство людей с вами совершенно согласно. Может быть, почти все. Однако существуют исключения — и я одно из них. Почему я? Кто знает? Я не утверждаю, что умнее вас, но разве это имеет отношение к нашей проблеме?

Давайте рассмотрим аналогию. Представьте себе: десять тысяч лет назад человеческие существа, постепенно, шаг за шагом, благодаря стечению обстоятельств или талантливым одиночкам, научились общаться между собой. Была изобретена речь, и легкие модуляции звуков получили абстрактный смысл.

В течение тысяч лет каждый нормальный человек был способен общаться с другими, но сколько из них могли рассказать интересную историю? Шекспир, Толстой, Диккенс, Гюго — горстка по сравнению с великим множеством живших на свете людей — могли извлекать звуки, заставлявшие всех остальных смеяться и плакать. Но ведь они пользовались теми же словами, что и мы с вами.

Я готов признать, что коэффициент умственного развития у Мюллера, к примеру, выше, чем у Шекспира или Толстого. Вероятно, Мюллер знает язык не хуже, чем любой из ныне живущих писателей; его понимание смысла слова не вызывает сомнений. Однако Мюллер не может достигнуть того эффекта, которого легко добивался Шекспир. Уверен, и сам Мюллер не станет этого отрицать. Так какими же качествами, которых лишены Мюллер, Адамс или я, обладали Шекспир и Толстой? Какой особой мудростью были наделены? Вы не знаете, и я не знаю. Что еще хуже — они и сами этого не знали. Шекспир ни в коей мере не мог быть вашим наставником — и никого не сумел бы научить создавать великие произведения. Шекспир просто обладал этой способностью, и все.

А теперь давайте подумаем о том, что такое время. Насколько нам известно, только человек способен понимать значение времени. Все остальные живые существа живут в настоящем; у них есть лишь смутные воспоминания, неясные и весьма ограниченные предчувствия. Зато люди способны понимать прошлое, настоящее и будущее, в состоянии размышлять о его смысле и важности, задумываться о потоке времени, о том, как он течет и можно ли повернуть его вспять.

Когда это произошло? Как это произошло? Кто был первым человеческим существом, которое вдруг поняло, что река времени вынесла его из туманного прошлого в туманное будущее, и задумался: нельзя ли изменить течение?

Этот поток не является неизменным. Иногда нам кажется, что время бежит слишком быстро, часы исчезают, будто они превратились в минуты; зато в другие моменты тянутся безнадежно долго. Когда человек спит, впадает в состояние транса или подвергается воздействию наркотика, время для него теряет привычные свойства.

Вы, кажется, собираетесь мне возразить, профессор Адамс? Не утруждайте себя. Вы наверняка хотели сказать, что данные изменения носят чисто психологический характер. Я знаю, но разве у нас есть что-нибудь, кроме психологии?

Существует ли физическое время? Если да, то что это такое? Ответ очевиден: это то, что мы сами выбрали в качестве образца. Мы конструируем приборы. Мы интерпретируем результаты измерений. Мы изобретаем теории, а потом сами же их и объясняем. Так из понятия абсолютного мы превратили время в нечто, имеющее скорость света, и одновременно пришли к выводу, что его невозможно определить.

Из ваших трудов, Мюллер, мы знаем, что время — явление субъективное. В теории, тот, кто в состоянии понять природу потока времени, если у него хватит таланта, сможет двигаться вместе с потоком или против него; или даже остановиться. Как аналогию можно привести пример с «Королем Лиром» — всякий, знакомый с языком, если у него хватит таланта, может написать такую пьесу.

А что, если у меня есть талант? Что, если я могу быть Шекспиром временного потока? Давайте развлечемся немного. Сообщение от Совета попечителей вот-вот придет, и тогда мне придется замолчать. Однако до тех пор разрешите продолжить мою болтовню. Уверен, вы и не заметили, что с того момента, как я начал говорить, прошло пятнадцать минут.

Подумайте теперь — если я и в самом деле сумею применить теорию Мюллера ради достижения собственных целей, совсем как Гомер пользовался своим исключительным даром складывать слова, что я стану делать, обнаружив у себя столь необыкновенные способности? Может быть, вернусь назад во времени, к тому моменту, когда можно будет кое-что изменить.

О да, я буду находиться вне временного потока. Ваша теория, Мюллер, если ее правильно интерпретировать, вовсе не утверждает, что, двигаясь назад во времени, я буду вынужден брести против течения, наталкиваясь на давно случившиеся события. Это и в самом деле теоретически исключено. А вот если оста-

ваться снаружи — тогда-то и возникают дополнительные возможности; здесь как раз и необходим талант: нужно уметь вовремя войти и выйти из потока.

Предположим, я поступил следующим образом: в какой-то момент вошел в поток и внес необходимое изменение. Оно породит следующее, за ним возникнет другое — и так далее... Время потечет по новому руслу, имеющему собственную жизнь, поток будет пениться и бурлить, и через короткое время...

Нет, неудачное выражение. «Время... через короткое время...» Получается, что мы берем за основу какое-то абстрактное и абсолютное понятие, относительно которого можно измерить время, как если бы наше прошлое опиралось на еще более глубокое прошлое. Признаюсь, мне осознать этого не дано, но вам позволено сделать вид, что вы все понимаете.

Любая модификация прошлого через... некоторое время приведет к тому, что все неузнаваемо переменится.

Но этого я как раз не хочу. Я с самого начала говорил, что не желал бы потерять собственную личность. Если на моем месте окажется кто-то более умный и удачливый, то это уже буду не я.

Да и вас, Мюллер и Адамс, я тоже не стану менять. Я не хочу триумфа над Мюллером, который будет не таким талантливым и изобретательным, или над Адамсом, потерявшим свою восхитительную способность всех улаживать. Я хочу победить вас такими, какие вы есть.

Да, я жажду триумфа.

Ну ладно. Вы зашевелились, словно я сказал что-то непристойное. Неужели это понятие так вам чуждо? Неужели вам чуждо все человеческое и вы не ищете почестей, победы, славы и призов? Неужели я должен поверить в то, что наш уважаемый профессор Адамс готов отказаться от длинного списка публикаций, почетных степеней, множества медалей и орденов, поста главы факультета физики в одном из самых уважаемых университетов мира, наконец?

И разве вас удовлетворило бы, профессор Адамс, если бы никто не узнал о ваших достижениях; если бы сведения о них вычеркнули из всех каталогов; если бы это осталось тайной — вашей и Всемогущего? Глупый вопрос. Я не стану требовать ответа на него, поскольку он всем очевиден.

И нет никакого смысла повторять то же самое о Мюллере — ожидаемом получении Нобелевской премии или предполагаемом ректорстве.

Чего же вы хотите, если в конечном счете вас привлекает не только сам факт обладания всем этим, но и всеобщее признание ваших заслуг? Конечно же, вы жаждете триумфа! Вы мечтаете

о победе над соперниками, над другими человеческими существами. Вы стремитесь сделать то, что другим не под силу, чтобы на вас смотрели с завистью и вынужденным уважением.

Должен ли я быть благороднее вас? Зачем? Пусть уж я буду иметь такие же желания и, как вы, мечтать о славе. Почему бы мне не желать всеобщего уважения, почетных премий или высокого поста, которые предназначены вам? Почему бы мне не лишить вас в самый последний момент права на триумф? Чувства, которые я при этом буду испытывать, не кажутся мне более низкими, чем ваши.

Ах да, вы заслужили все это, а я — нет!.. А что, если я так изменю поток времени, что все будет наоборот?

Вы только представьте себе! Я останусь самим собой; и вы тоже. Каждый из нас сохранит свои положительные и отрицательные качества — ведь я сам поставил такое условие, однако я буду достоин предназначенных вам почестей, а вы — нет. Иными словами, я стремлюсь победить именно вас, а не ваши бледные тени.

В некотором смысле я отдаю вам должное, не так ли? Судя по вашим лицам, вы прекрасно понимаете, о чем я говорю. Полагаю, вас переполняют презрение и гордость одновременно. Так определяется мера наших побед. Вы наслаждаетесь наградами, о которых мечтаю я, а поскольку мне не удастся их получить, ваше наслаждение становится еще острее.

Я не виню вас за это. На вашем месте я испытывал бы то же самое.

Но должны ли мои мечты остаться неудовлетворенными? Подумайте как следует...

Предположим, я вернулся назад во времени лет на двадцать пять. Круглое число; ровно четверть века. Вам, Адамс, сорок. Вы только что прибыли сюда из своего заштатного университета, получив должность профессора. Вы начинаете заниматься диамагнетиками, однако все ваши попытки добиться серьезных результатов просто смешны.

Господи, Адамс, чему вы так удивились? Неужели вы думаете, что я не знаком с вашей профессиональной деятельностью...

А вам, Мюллер, двадцать шесть, вы заканчиваете докторскую диссертацию по общей относительности, которая в то время произвела большое впечатление, чего о ней никак нельзя сказать сейчас. Если бы вам удалось правильно интерпретировать свой собственный труд, вы бы предвосхитили большинство выводов Хокинга. Однако не удалось, хотя вы и сумели скрыть этот прискорбный для вас факт.

Боюсь, Мюллер, что как интерпретатор вы не слишком сильны. Вы не смогли сделать необходимых выводов из своей докторской диссертации, да и с всеобщей теорией поля оплошали. Возможно, Мюллер, в этом нет ничего позорного. Подобные случаи довольно распространены. Нужен особый талант, чтобы оценить новую теорию и ее значение. Я не способен создать оригинальную, блестящую теорию, но обладаю даром правильно интерпретировать чужие идеи. Мы с вами могли бы отлично дополнять друг друга.

Если бы вы генерировали идеи, оставляя мне возможность их интерпретировать, мы бы достигли заоблачных вершин. Какая бы из нас получилась команда, Мюллер!.. Но вы бы ни за что на это не пошли. Я не стану особенно возмущаться — поскольку и сам бы не согласился работать вместе с вами.

В любом случае все это пустяки. Я никак не могу навредить вам, Адамс, даже если стану рассказывать о ваших прошлых неудачах на каждом углу. Ведь вы в конце концов, хотя и с большим трудом, нашли в своей статье ошибку еще до того, как она появилась на страницах серьезного научного журнала. И я никак не сумею заслонить солнце, щедро льющее на вас свои лучи, Мюллер, если заявлю о выводах, которые можно было бы сделать из ваших теорий. Это, пожалуй, только подчеркнет вашу одаренность: в ваших работах столько новых идей, что даже вы сами не в состоянии оценить их значение.

Что же мне в таком случае делать? Как должным образом изменить ситуацию?

К счастью, у меня была возможность все обдумать в течение весьма длительного промежутка времени. Мое сознание полагает, что на это ушли годы, однако в реальном мире не прошло ни секунды, поэтому я совсем не постарел. Я мыслил, но физические процессы в моем организме остановились.

Вы опять улыбаетесь. Нет, я не смогу вам объяснить, как такое возможно. Конечно, мыслительные процессы являются частью метаболических. Могу лишь предположить, что вне временного потока мыслительный процесс перестает быть физическим, а превращается в некий эквивалент.

Так как же мне найти тот момент времени, когда мое вмешательство приведет к желаемому результату? Как внести изменения, вернуться в будущее, посмотреть на последствия и, если они мне не понравятся, снова устремиться в прошлое и предпринять новую попытку? И если я проделаю эту операцию пятьдесят раз, тысячу, смогу ли я рано или поздно добиться желаемого? Число изменений, каждое из которых несет за собой бесчисленное количество коррекций, которые, в свою

очередь, приводят к новым ситуациям, невозможно ни сосчитать, ни предвидеть. Как найти искомое?

И задача оказалась мне по плечу! Я понял, как это делается, но, пожалуй, рассказывать не стану, и уж, конечно, вам никогда не узнать, что я потом предпринял. Трудно ли это?

Мы стоим, ходим, бегаем, прыгаем — хотя нам не так-то просто сохранять равновесие. Мы находимся в состоянии полной нестабильности. Мы стоим и не падаем только потому, что мышцы наших ног и торса непрерывно сокращаются — так циркач удерживает на носу трость.

Физически это трудно. Вот почему мы охотно присаживаемся, как только возникает такая возможность. Вот почему, если долго отстоять по стойке «смирно», можно потерять сознание. Однако, если не доходить до крайностей, мы довольно успешно справляемся с этими проблемами и делаем все необходимое практически бессознательно. Мы в состоянии ходить, стоять, бегать, прыгать целый день и ни разу не упасть и даже не потерять равновесия. Ну а теперь попробуйте описать, как вы это делаете, чтобы тот, кто никогда не пробовал, попытался повторить все ваши движения за вами. Не получится!

Еще один пример. Мы умеем разговаривать: сокращаем мышцы языка, губ, щек и неба так, чтобы производить те звуки, какие хотим. Учение давалось нам с трудом — в детстве, — но теперь мы без особых усилий произносим дюжины слов в минуту. Так как же у нас это получается? Какие движения производятся, чтобы сказать: «Как мы это делаем?» Опишите их тому, кто никогда не говорил, чтобы он повторил эти звуки! Это попросту невозможно.

Однако мы решаем эту задачу. Легко.

Если хватит времени... впрочем, я даже не представляю себе, как описать промежуток, который я имею в виду... Это не время; называйте его «промежуток». Взяв достаточный промежуток без прохождения времени, я научился изменять реальность по своему желанию. Это напоминало детский лепет, но постепенно я овладел связанной речью. И научился выбирать.

Конечно, я рисковал. В процессе обучения я мог совершить какую-нибудь непоправимую ошибку; или потребовалось бы внести такие тонкие изменения, которые мне оказались бы просто не под силу. Однако все прошло гладко. Может, именно здесь и мне, наконец-то, сопутствовала удача.

Я начал получать удовольствие от самого процесса — все равно что рисовать картину или ваять скульптуру. Даже больше: я создавал новую реальность. Реальность, которая по ключевым позициям совпадала с нашей. Я не изменился; Адамс остался

тем же Адамсом; Мюллер тоже не потерял своих основных характеристик. Университет остался университетом, наука — наукой.

Так неужели ничего не изменилось? Похоже, вы начинаете терять интерес. Вы больше мне не верите. И, если я вас правильно понимаю, готовы посмеяться над моим рассказом. Я слишком увлекся и вел себя так, словно путешествие во времени возможно, и я действительно сделал то, о чем лишь только мечтал. Простите меня. Считайте это игрой воображения, фантазиями. Я говорил о том, что мог бы сделать, если бы путешествие во времени было возможно и если бы у меня в самом деле имелся необходимый талант.

В таком случае — в моем воображении — неужели ничего не изменилось? Должны же быть какие-то перемены; чтобы Адамс, оставаясь Адамсом, уже не годился для роли декана факультета; Мюллер был прежним Мюллером, однако его мечты стать ректором университета и получить Нобелевскую премию развеялись как дым.

А я остался бы самим собой, рабочей лошадкой, никем не любимый и неспособный творить — однако располагающий качествами, которые сделали бы меня ректором университета.

К науке это не должно иметь отношения; требуется опорожнить, выставив в самом неблагоприятном свете, двух благородных джентльменов...

Ну ладно. Я не заслужил этих самодовольных и одновременно презрительных взглядов. Насколько я понимаю, вы уверены: ни один из вас не способен совершить отвратительного или гнусного поступка. Откуда же такая уверенность? Нет человека, который при определенных условиях не впал бы в грех. Кто среди нас не совершит серьезного проступка, если искушение будет достаточно сильным? Кто из нас без греха?

Думайте, думайте! Вы уверены, что ваши души чисты? На вашей совести нет ничего постыдного? Неужели ни один из вас ни разу не был близок к преступлению — а спасло вас лишь везение и удачное стечение обстоятельств, а вовсе не ваше благородство? Если кто-нибудь внимательно наблюдал бы за вашими действиями и обращал внимание на удачу всякий раз, когда она приходила к вам на помощь, а один раз встал бы на пути фортуны, вы бы не смогли избежать неприятностей.

Конечно, если бы вы вели бесчестную жизнь, полную обмана, так что люди с отвращением и презрением отвернулись бы от вас, вы бы не достигли столь высокого положения. Вы давно потерпели бы поражение, и мне не довелось бы переступить через ваши поверженные тела — вас бы попросту здесь

не было, и вы не послужили бы мне ступеньками на пути к триумфу.

Видите, как все сложно?

Поэтому моя игра становилась все более волнующей. Надеюсь, вы меня понимаете. Если бы я вернулся назад во времени и обнаружил, что найти решение совсем несложно и одним ударом реально достигнуть цели, то удовольствие было бы немалым, но моя интеллектуальная победа была бы не столь полной.

Если бы мы играли в шахматы и я бы выиграл, поставив мат в три хода, то это было бы даже хуже, чем поражение. Получилось бы, что я выбрал недостойного соперника, опозорившись еще до начала партии.

Нет. Настоящая победа одерживается в борьбе с сильным неприятелем, в результате тонких маневров и сложных комбинаций; когда ты напрягаешь все свои извилины, когда победа достается тебе в мучениях и страданиях, когда заключительный, решающий рывок отнимает последние силы, и ты падаешь, сжимая в руках желанный трофей.

Промежуток, проведенный мной в игре с самыми необычными шахматными фигурами, оказался таким долгим и трудным из-за ограничений, которые я сам же и установил. Я упрямо настаивал не только на конечном результате; нет, я неустанно стремился к тому, чтобы все произошло именно так, как мне хотелось — отбрасывая все варианты, когда что-то меня не устраивало. Мелкую ошибку я расценивал как неудачу; не совсем точное попадание я считал промахом. Только выстрел в яблочко мог меня удовлетворить, на меньшее я не соглашался.

И даже мой успех оказался столь неожиданным, что вы не должны были о нем узнать, пока я вам все не объясню. До самого конца вы будете оставаться в неведении по поводу того, что вас ждет полнейший крах. Вот что...

Но подождите, я кое о чем забыл. Я так старался объяснить вам, что вы, я, университет и наука должны остаться прежними, что не рассказал о других возможных изменениях. Неизбежно возникнут перемены в социальной, политической и экономической сферах, в международных отношениях. Кого могут беспокоить подобные вещи? Уж, конечно же, не нас троих.

Вот чем замечательна наука и ученые, не правда ли? Какое значение для нас имеет президент Соединенных Штатов или итоги голосования в ООН, положение на биржевых рынках или бесконечные политические маневры? Пока наука существует и выполняются законы природы, продолжается игра, в которую мы играем, а фон, на котором все это происходит, — не более чем бессмысленная смена света и тьмы.

Возможно, вы со мной не согласны, Мюллер. Мне хорошо известно, что в свое время вы считали себя частью общества и не раз высказывались по разным вопросам. В несколько меньшей степени то же можно сказать и о вас, Адамс. Вы оба имели возвышенные взгляды на человечество, Землю и прочие абстракции. Насколько серьезными были ваши убеждения? Ведь на самом деле — глубоко внутри — вас это мало интересовало, пока вы имели возможность заниматься своей наукой.

В этом и заключается решающая разница между нами. До тех пор пока мне никто не мешает заниматься физикой, меня не интересует, что станет с человечеством. Я этого не скрываю; все считают меня циничным и бездушным. А вам на все наплевать — втайне. К цинизму и бездушию, характерному для меня, вы добавляете лицемерие, которое скрывает ваши грехи, делая их тем самым еще более отвратительными.

О, не надо возмущенно трясти головами. Я знаю о вас столько же, сколько вы сами — даже больше, поскольку беспристрастно смотрю на ваши похождения, а вы даже от себя скрываете правду. Самое забавное: лицемер, глубоко проникнувшийся процессом, сам становится жертвой лицемерия. Очень часто, когда лицемер оказывается разоблаченным, в своих собственных глазах он остается святым.

Но я говорю вам все это вовсе не для того, чтобы поносить вас. Мне просто хочется растолковать, что, уж если я решу изменить весь мир для того, чтобы обойти вас, вы не станете особо перечить. Относительно переустройства мира, естественно.

Вы не будете возражать, если к власти придут республиканцы, а демократы проиграют, или наоборот; если расцветет феминизм, а профессиональный спорт будет поставлен под жесткий контроль; вам наплевать на моду и музыку, живопись и литературу. Какое все это имеет для вас значение?

Никакого.

На самом деле даже меньше, чем никакого, потому что, если мир изменится, возникнет новая реальность; и она будет единственно возможной для всех: реальность исторических книг, та реальность, которая и была реальной в последние двадцать пять лет.

Если вы поверили мне, если сочтете, что мои рассказы — нечто большее, чем глупые фантазии, вы все равно будете бессильны. Вы можете обратиться к властям и заявить: «Все устроено не так как следует. И во всем виноват один злодей». Что вы этим докажете? Только собственное безумие. Кто поверит в то, что данная реальность совсем не та реальность — ведь

люди жили в ней последние двадцать пять лет. Все так хитро завязано, что распутать этот узел невозможно.

Но вы не верите мне. Вы не осмеливаетесь признать, что я не просто рассуждаю о возможном возвращении в прошлое, о том, что я тщательно изучил ваши жизни и сделал все, чтобы изменить мир, оставив нас троих прежними. Я это сделал; я сделал все, о чем рассказал. И только я один помню обе реальности, потому что находился вне потока времени.

Но вы по-прежнему мне не верите. Не осмеливаетесь, ведь для вас это равносильно признанию собственного безумия. Могли вы изменить привычный для вас мир 1982 года? Абсурд.

А даже если и так, каким он был до того, как я приступил к своим экспериментам? Я скажу вам — это был настоящий хаос! Каждый делал, что хотел! В некотором смысле я рад, что все перекроил. Теперь у нас есть правительство, которое по-настоящему управляет страной. Наши лидеры имеют взгляды, являющиеся обязательными для всех. Великолепно!

Джентльмены, в прежнем мире, в той реальности, которую теперь никто себе и представить не может, вы оба сами определяли собственные законы и боролись за право творить произвол. Это привлекало многих.

В новой реальности вы остались прежними. Вы продолжали бороться за прежние права, а в нынешней реальности это преступление; впрочем, другой реальности вы не знаете. Я позаботился о том, чтобы вы скрыли свои деяния. Никто не ведал о вашем позорном прошлом, поэтому вы и смогли добраться до нынешних высот. Но я знал, как добыть доказательства и открыть миру глаза на вашу деятельность — в нужное время — и сделал это.

Похоже, впервые за все время я больше не вижу на ваших лицах презрения и терпеливого снисхождения. Неужели я уловил страх? Вы вспомнили то, о чем я говорю?

Думайте! Думайте! Кто был членом Лиги конституционных свобод? Кто помогал распространять «Манифест свободной мысли»? Кое-кто посчитает, что это было очень смело и благородно с вашей стороны. Сопротивление вами восхищалось. Ну, не надо, не надо — вы прекрасно знаете, кого я называю Сопротивлением. Вы уже давно не являетесь его членами. Вы слишком на виду, теперь вам есть что терять. Вы занимаете высокие посты и имеете шансы продвинуться еще выше. Зачем рисковать ими ради того, что людям не нужно?

Вы носите знаки отличия, заняли места среди самых достойных граждан нашего общества. Но мои знаки отличия более высокой пробы — ведь я не совершил ничего постыдного. Бо-

лее того, джентльмены, я достоин награды за то, что разоблачил вас.

Гнусный поступок? Недостойный акт? Вовсе нет. Меня восславят. Я пришел в ужас из-за лицемерия моих коллег, меня охватило отвращение и возмущение, когда я узнал об их прошлом, которое они так тщательно скрывали. Я испугался, что они начнут интриговать, причинят вред самому благородному и достойному обществу на Земле. В результате я привлек к этим фактам внимание благородных людей, которые помогают охранять наше общество от посягательств тех, кто не в состоянии оценить его величия.

Они попытаются изгнать зло из ваших душ, чтобы спасти и сделать вас истинными детьми высокого Духа. Полагаю, в процессе будет нанесен некоторый вред телам, но что из того? Малая цена по сравнению с вечным добром, которое на вас снизойдет. Это стало возможно благодаря мне, и я буду вознагражден.

Похоже, теперь, джентльмены, вы по-настоящему напуганы, потому что сообщение, ради которого мы здесь собрались, будет с минуту на минуту. Надеюсь, сейчас вам стало ясно, почему я нахожусь здесь вместе с вами. Я стану ректором, а моя трактовка теории Мюллера в сочетании с его бесчестием приведет к тому, что во всех учебниках она станет называться теорией Динсмора и, вполне возможно, принесет мне Нобелевскую премию. Что же до вас...

Донесся стук кованых сапог, и они услышали громкую команду:

— Стой!

Дверь распахнулась. В комнату вошел человек, чья серая форма с широким белым воротником, высокая шляпа с пряжкой и большой бронзовый крест не оставляли сомнений — перед ними стоял капитан зловещего Легиона Совести.

— Гораций Адамс, — гнусаво заговорил он, — я арестовываю вас именем Господа и Религиозного Братства по обвинению в использовании черной магии и колдовства. Карл Мюллер, я арестовываю вас именем Господа и Религиозного Братства по обвинению в использовании черной магии и колдовства.

Капитан сделал быстрый жест правой рукой. Двое легионеров выступили вперед и рывком заставили подняться с кресел скорчившихся от ужаса физиков. Надели на несчастных наручники и сорвали с их воротников маленькие бронзовые кресты — священный символ совести.

Капитан повернулся к Динсмору:

— Всего вам святого, сэр. Мне поручено передать вам сообщение Совета попечителей.

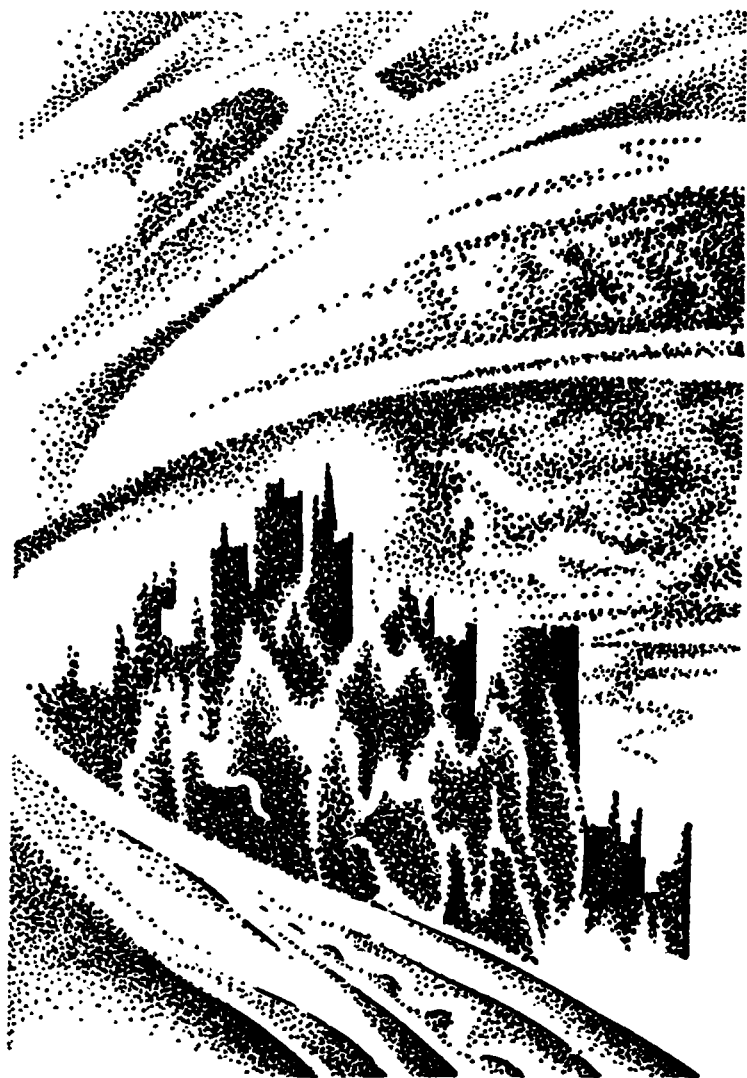
— Всего святого, капитан, — мрачно отвечал Динсмор, поглаживая собственный крест. — Я с нетерпением жду решения этих достойных людей.

Он знал, что содержится в сообщении.

Как новый ректор университета, он мог, если посчитает нужным, смягчить наказание, которое ждет этих двоих. Его триумф состоялся.

Если бы только это было безопасно.

Однако, когда у власти Высоконравственное Большинство, никто не может быть уверен в собственной безопасности.

ЗОЛОТО

Я — робот. Меня зовут Кэл. У меня есть регистрационный номер. Мой номер КЛ-123Х, но хозяин зовет меня просто Кэл.

Буква «Х» в регистрационном номере означает, что я особый для своего хозяина робот. Он меня сам заказал и помог построить. У него много денег. Он писатель.

Я не очень сложный робот. Хозяину сложный не нужен. Ему надо, чтобы кто-нибудь за ним прибирал, следил за принтером, сортировал диски и тому подобное.

Он говорит, чтобы я не отвечал и делал то, что велят. Он говорит, что так надо.

Иногда другие люди приходят ему помочь. Они ему отвечают. Бывает, они делают не то, что им велят. Он сердится, лицо его краснеет.

Тогда хозяин объясняет мне, что надо сделать. Я выполняю, и он говорит: слава Богу, ты делаешь то, что велят.

Естественно, я делаю то, что велят. А как же иначе? Я хочу, чтобы моему хозяину было хорошо. Я всегда знаю, когда ему хорошо. Рот его растягивается, он называет это улыбкой. Он хлопает меня по плечу и говорит: хорошо, Кэл, хорошо.

Я люблю, когда он говорит: хорошо, Кэл, хорошо.

Я говорю хозяину: спасибо, вы тоже сделали мне хорошо.

Тогда он смеется. Я люблю, когда он смеется, это значит — он доволен, хотя при этом издает очень странные звуки. Я не понимаю, как хозяин их издает и зачем. На мой вопрос он ответил, что смеется, когда что-нибудь кажется ему смешным.

Я спрашиваю: смешно ли то, что я говорю?

Cal

© 1990 by Nightfall, Inc.

Кэл

© М. Готов, перевод, 1997

Он говорит: да, смешно.

Ему кажется смешным, что мне хорошо. Он утверждает, что роботам на самом деле не может быть хорошо. Он говорит, что у роботов позитронные мозговые каналы, которые работают быстрее, если роботы в точности следуют всем указаниям.

Я не знаю, что такое позитронные мозговые каналы. Хозяин считает, что они находятся внутри меня.

Я спрашиваю: становится ли мне легче, когда позитронные каналы работают быстрее? Становится ли мне хорошо?

Потом я спрашиваю: когда хозяину хорошо, означает ли это, что внутри его что-то работает лучше?

Хозяин кивает и говорит: Кэл, ты умнее, чем выглядишь.

Что это значит, я тоже не понимаю, но хозяин, кажется, мной доволен. Мои позитронные мозговые каналы начинают работать быстрее, и мне становится хорошо. Легче просто сказать, что мне хорошо. Я спрашиваю: могу ли я так говорить?

Он отвечает: ты можешь говорить все, что захочешь, Кэл.

Чего я хочу, так это стать писателем, как мой хозяин. Не знаю, почему мне этого хочется, но мой хозяин — писатель и он помог меня создать. Может быть, поэтому я хочу стать писателем. Я не понимаю, откуда взялось это чувство, потому что не знаю, что такое писатель. Я спрашиваю у хозяина: что значит писатель?

Он опять улыбается.

— Зачем тебе это, Кэл? — спрашивает он.

— Не знаю, — говорю я. — Просто вы писатель, и я хочу знать, что это такое. Вы выглядите довольным, когда пишете; может, и я стану таким довольным, когда что-нибудь напишу. Мне кажется...

Я не могу подобрать нужные слова. Я думаю, а хозяин ждет. Он по-прежнему улыбается.

Я говорю: я хочу знать, потому что, когда узнаю, мне будет лучше. Мне... мне...

— Тебе любопытно, Кэл, — говорит хозяин.

— Я не знаю, что означает это слово.

— Это значит, что ты хочешь знать только потому, что хочешь знать, — объясняет хозяин.

— Я хочу знать только потому, что хочу знать, — говорю я.

— Писать — значит сочинять истории, — говорит хозяин. — Я рассказываю о людях, которые делают разные вещи и с которыми случаются разные вещи.

— Как вы узнаете, что они делают и что с ними случается? — спрашиваю я.

— Я их выдумываю, Кэл, — говорит хозяин. — Это не настоящие люди. И события не настоящие. Я представляю их здесь.

Он показывает на голову.

Я не понимаю и спрашиваю, как же он их представляет, но хозяин смеется и говорит, что тоже этого не знает, придумывает, и все.

— Я пишу о преступлениях, — говорит хозяин. — Детективные истории. Рассказываю о людях, которые поступают неправильно, причиняют зло другим.

Мне очень плохо, когда я слышу такое. Я говорю: как вы можете писать о причиняемом людям зле? Такого не должно быть.

Он говорит: люди не подчиняются трем законам роботехники. Люди-хозяева могут причинять зло другим людям-хозяевам, если им того захочется.

— Это неправильно, — говорю я.

— Неправильно, — соглашается он. — В моих рассказах люди, которые творят зло, несут наказание. Их помещают в тюрьму, где они не могут более вредить другим людям.

— Нравится ли им в тюрьме? — спрашиваю я.

— Конечно, нет. Там не может нравиться. Но страх перед тюрьмой удерживает их от свершения еще большего зла.

Я говорю: но тюрьма — это тоже плохо, если люди там страдают.

— Вот, — говорит мой хозяин, — поэтому ты и не можешь писать детективные рассказы.

— Над этим я думаю. Должен существовать способ писать рассказы, в которых людям не причинялось бы зло. Я бы этим занялся. Я хочу стать писателем. Я очень хочу стать писателем.

У хозяина есть три разных Писателя для создания рассказов. Это устройства, при помощи которых он пишет. Одно очень старое, называется «машинка», но хозяин хранит его из сентиментальных соображений.

Я не знаю, что такое сентиментальные соображения. Я не люблю спрашивать. Хозяин им не пользуется. Наверное, сентиментальные соображения означают, что им нельзя пользоваться.

Он не запрещает мне подходить и трогать машинку. Я его не спрашиваю, могу ли я на ней работать. Если я не спрашиваю, а он не запрещает, значит, я не нарушу приказа, когда ей воспользуюсь.

Ночью он спит, а другие хозяева, которые иногда бывают здесь, уходят. У хозяина есть еще два робота, они для него важнее меня и выполняют более серьезную работу. Когда им не дают никаких заданий, они ждут всю ночь в своих нишах.

Хозяин не сказал: оставайся в своей нише, Кэл.

Я совсем не важный робот, и он часто не велит мне оставаться в нише. Тогда я могу болтаться всю ночь. Я могу смотреть

на Писателя. Нажимаешь на клавиши — и машинка делает слова, которые потом переходят на бумагу. Я наблюдаю за хозяином и знаю, как нажимать на клавиши. Слова сами попадают на бумагу. Мне не надо этого делать.

Я нажимаю на клавиши, но я не понимаю слов. Спустя некоторое время мне становится плохо. Хозяину может не понравиться, даже если он и не запрещал мне это делать.

Слова напечатаны на бумаге, утром я показываю ее хозяину.

Я говорю: простите, но я пользовался Писателем.

Он смотрит на бумагу. Потом смотрит на меня.

Хозяин хмурится.

Он говорит: это ты сделал?

Да, хозяин.

Когда?

Прошлой ночью.

Зачем?

Мне очень хочется писать. Это рассказ?

Он смотрит на бумагу и улыбается.

Он говорит: здесь напечатаны произвольно выбранные буквы, Кэл. Это абракадабра.

Кажется, он не сердится. Я чувствую себя лучше. Я не знаю, что такое абракадабра.

Я спрашиваю: это рассказ?

Он говорит: нет, не рассказ. Хорошо, что Писателя нельзя испортить неправильным обращением. Если ты в самом деле так хочешь печатать, я скажу, что надо сделать. Я отдам тебя в доработку, тебя перепрограммируют, и ты научишься пользоваться Писателем.

Спустя два дня приходит техник. Это хозяин, который знает, как научить роботов выполнять более сложную работу. Хозяин говорит мне, что именно этот техник собрал меня, а он ему помогал. Я этого не помню.

Техник внимательно слушает моего хозяина.

Он говорит: зачем вам это надо, мистер Нортроп?

Другие хозяева называют моего хозяина мистер Нортроп.

Хозяин отвечает: если помните, я участвовал в разработке Кэла. Очевидно, я вложил в него стремление стать писателем. Я этого не хотел, но, раз уж так случилось, почему бы не пойти ему навстречу. Я его должник.

Техник говорит: но это же глупо. Даже если мы случайно вложили в него желание писать, это не занятие для робота.

— Как бы то ни было, я хочу, чтобы вы это сделали, — говорит хозяин.

Техник отвечает: это будет дорого стоить, мистер Нортроп.

Хозяин хмурится. Кажется, он сердится.

Он говорит: Кэл мой робот. Я волен поступать с ним, как мне заблагорассудится. Я плачу деньги и настаиваю, чтобы его перепрограммировали.

Техник тоже сердится. Он говорит: как хотите, мне все равно. Клиент всегда прав. Только это будет стоить гораздо дороже, чем вам представляется, потому что мы не можем вложить умение пользоваться Писателем без существенного расширения словарного запаса.

— Отлично, — говорит хозяин. — Расширяйте словарный запас.

На следующий день техник приходит с множеством инструментов. Он вскрывает мою грудь.

Странное ощущение. Мне оно не нравится.

Он лезет внутрь. Кажется, он отключает блок питания, а может, и вообще вытаскивает его из груди. Не помню. Я ничего не вижу, ни о чем не думаю и ничего не знаю.

Потом я снова могу думать и понимать. Я догадываюсь, что прошло какое-то время, хотя не могу сообразить сколько.

Я думаю. Странно, но я уже знаю, как пользоваться Писателем, и, похоже, теперь я понимаю больше слов. Во всяком случае я знаю, что такое «абракадабра», и мне неловко из-за того, что я показывал абракадабру хозяину, думая, что это рассказ.

Больше такое не повторится. На сей раз у меня нет предчувствия — кстати, теперь я знаю, что такое «предчувствие», — что он запретит мне пользоваться старым Писателем. Было бы глупо перепрограммировать меня, а потом запретить печатать.

Так я ему и сказал:

— Скажите, хозяин, могу ли я теперь пользоваться Писателем?

— В любое время, когда ты не занят другими делами, Кэл. Только ты должен показывать мне все, что напишешь.

— Разумеется, хозяин.

Он явно удивился моей готовности, поскольку ничего, кроме абракадабры, от меня не ждал. (Какое все-таки гадкое слово!) Больше он ее не увидит.

Я не стал тут же писать рассказ. Надо было вначале подумать. Полагаю, именно это имел в виду хозяин, когда говорил, что рассказ надо сочинить.

Оказалось, что вначале действительно надо думать, а уже потом записывать то, что пришло в голову. Дело оказалось сложнее, чем я поначалу предполагал.

Хозяин заметил мою озабоченность. Он спросил:

— Что ты делаешь, Кэл?

— Стараюсь придумать рассказ, — ответил я. — Трудная работа.

— Ты это понял, Кэл? Хорошо. Оказывается, перепрограммирование не только расширило твой словарный запас, но и интенсифицировало интеллект.

— Не уверен, что понял слово «интенсифицировало», — сказал я.

— Оно означает, что ты поумнел. Стал больше знать.

— Вы огорчены, хозяин?

— Вовсе нет. Я рад. Теперь у тебя больше шансов что-нибудь сочинить, а когда ты устанешь пытаться, от тебя все равно будет больше пользы.

Я обрадовался тому, что стану полезнее хозяину, хотя я не понял, что он имел в виду, когда говорил, что я устану пытаться.

Наконец в сознании у меня сложился рассказ, и я спросил у хозяина, когда лучше всего его написать.

— Подожди до ночи, — посоветовал он. — Тогда ты не будешь мне мешать. В углу, где стоит старый Писатель, есть свет, там ты и напишешь свой рассказ. Сколько, по-твоему, тебе потребуется времени?

— Совсем немного, — удивленно ответил я. — Я могу работать на Писателе очень быстро.

— Кэл, работать на Писателе далеко не... — Хозяин вдруг замолчал, подумал и произнес: — Ну давай, пиши. Научишься. Не буду давать тебе советы.

Он оказался прав. Печатать на Писателе оказалось далеко не самым важным. Я почти всю ночь сочинял рассказ. Очень трудно сообразить, какое слово за каким следует. Пришлось несколько раз стирать написанное и начинать заново.

Наконец рассказ был написан, я привожу его полностью. Я сохранил его потому, что это первый написанный мною рассказ. Это не абракадабра.

Автор Кэл

ВТОРЖИТЕЛЬ

Однажды жыл детектив по имени Кэл, который был очень хороший детектив и очень смелый. Ничего его ни пугало. Представьте его удевление однажды ночью когда он услышал вторжителя в доме своего хозяина.

Он варвался в кабенет. Там был вторжитель. Он залес черес окно. Стекло было расбито. Именно это и услышал Кэл, смелый детектив своим хорошим слухом.

Он сказал:

— Стой, вторжитель!

Вторжитель самер и очень испугался. Кэл почувствовал плохо потому что вторжитель испугался.

Кэл сказал:

— Посмотрите что вы сделали. Вы расбили окно.

— Да, — сказал вторжитель, выглядя очень стыдно — Я ни хотел расбить окно.

Кэл был очень умный и заметил ашипку в словах вторжителя. Он сказал:

— Как же вы собрались зайти, если не хотели расбить окно?

— Я думал оно открыто, — сказал он. — Я пытался его открыть и оно расбилось.

— Что все-таки вы сделали? — спросил Кэл. — Зачем вы хотели в эту комнату, если это не ваша комната? Вы — вторжитель.

— Я не хотел делать вред, — сказал он.

— Это не так. Если бы вы не хотели вреда, вас бы здесь не было, — сказал Кэл. — Вас надо наказать.

— Пожалуйста не накасывай меня, — сказал вторжитель.

— Я не буду вас накасывать, — сказал Кэл. — Я не хочу причинять вам несчастье или боль. Я позову хозяина.

Он позвал:

— Хозяин! Хозяин!

Пребежал хозяин.

— Что тут случилось?

— Вторжитель, — сказал я. — Я его исловил и он ждет ваше наказание.

Мой хозяин посмотрел на вторжителя и спросил:

— Ты жалеешь что сделал?

— Жалею, — сказал вторжитель. Он плакал и вода текла из его глаз как бывает с хозяевами когда им грустно.

— Будешь еще так делать? — спросил мой хозяин.

— Никогда. Я никогда не буду так делать, — сказал вторжитель.

— В этом случае, — сказал хозяин, — ты дастаточно накасан. Уходи и никогда так больше не делай.

Потом хозяин сказал:

— Ты хороший детектив, Кэл. Я тобой горжусь.

Кэл очень радовался, что хозяин доволен.

КОНЕЦ

Рассказ мне очень понравился, и я показал его хозяину. Я был уверен, что он тоже останется доволен.

Хозяин был больше чем доволен, потому что, когда он читал рассказ, он улыбался. Потом он посмотрел на меня и спросил:

— Это ты написал?

— Да, хозяин.

— Я имею в виду, ты сам? Ниоткуда не списывал?

— Я придумал его в своей голове, хозяин. Вам понравилось?

Он снова громко засмеялся:

— Интересно получилось.

Я немного разволновался.

— Смешно? — спросил я. — Я не умею писать, чтобы было смешно.

— Я знаю, Кэл. Оно само получилось смешно.

Я некоторое время обдумывал эту фразу. Потом спросил:

— Как может что-то получиться смешным?

— Это тяжело объяснить, но ты не волнуйся. Начнем с того, что ты пишешь с ошибками. Удивительно. Ты хорошо говоришь, из чего я предположил, что ты и пишешь правильно, но оказалось, что это не так. Ты никогда не станешь писателем, пока не научишься правильно писать слова и не допускать грамматических ошибок.

— Как я научусь писать правильно?

— Не волнуйся, Кэл, — сказал хозяин. — Мы вложим в тебя орфографический словарь. Лучше скажи, Кэл в рассказе — это ведь ты, да?

— Да. — Мне было приятно, что хозяин это отметил.

— Плохо. Нельзя писать, какой ты замечательный. Это неприятно читателю.

— Почему, хозяин?

— Потому, что неприятно. Похоже, мне все же придется давать тебе советы, но я постараюсь быть предельно кратким. Расхваливать себя не красиво. Кроме того, не надо утверждать, что ты великий, ты должен показать это своими поступками. И не пользуйся своим именем.

— Это правило?

— Хороший писатель может нарушить любое правило, но ты еще новичок. Следуй моим советам. Пока их всего несколько. Потом, если не бросишь писать, ты узнаешь, что существует огромное множество правил. К тому же, Кэл, у тебя будут проблемы с тремя законами роботехники. Нельзя ожидать от злодеев, что они станут рыдать и раскаиваться. Люди совсем не такие. Иногда их действительно надо наказывать.

Я почувствовал, что позитронные мозговые проходы заработали с трудом.

— Мне трудно, — сказал я.

— Я знаю. Кроме того, в рассказе нет интриги. Можно и без нее, но с ней все-таки лучше. Что, если твой герой, которого ты назовешь как угодно, только не Кэлом, не знает, есть ли в доме посторонний? Как его вычислить? Вот тут ему и приходится думать головой. — При этих словах хозяин показал на свою голову.

Я чего-то недопонимал.

— Слушай, что я скажу, — произнес хозяин. — После того как тебя укомплектуют словарем и грамматикой, я дам тебе почитать свои рассказы. Тогда ты поймешь, что я имею в виду.

В дом прибыл техник и заявил:

— С установкой орфографического словаря и грамматикой проблем не возникнет, хотя вам придется раскошелиться. Я знаю, что деньги вас не волнуют, но объясните: зачем вы хотите сделать писателя из этой груды стали и титана?

По-моему, было неправильно называть меня грудой стали и титана, хотя, конечно, люди-хозяева могут говорить все, что хотят. Они всегда говорят о нас, роботах, так, словно нас нет и мы ничего не понимаем. Я давно обратил на это внимание.

— Вы когда-нибудь слышали о роботе, который мечтает стать писателем? — спросил мой хозяин.

— Нет, — покачал головой техник. — Боюсь, что нет, мистер Нортроп.

— Вот и я нет! И никто, насколько мне известно, не слышал ничего подобного. Кэл уникален, и я намерен его изучать.

Техник широко улыбнулся... оскалился, вот нужное слово:

— Только не говорите, мистер Нортроп, будто вы надеетесь, что он сумеет когда-нибудь писать рассказы вместо вас.

Мой хозяин перестал улыбаться. Вскинул голову и посмотрел на техника очень сердито:

— Глупости! Делайте то, за что вам платят.

Мне показалось, что хозяин рассердился на техника, хотя я так и не понял почему. Если хозяин попросит меня писать вместо него рассказы, я буду делать это с удовольствием.

Техник пришел два дня спустя. Я снова не помню, сколько времени он надо мной работал. Ничего не помню.

Вдруг ко мне обратился мой хозяин:

— Как себя чувствуешь, Кэл?

— Очень хорошо, — ответил я. — Спасибо, сэр.

— Как насчет слов? Можешь писать правильно?

— Я знаю буквенные комбинации, сэр.

— Отлично. Можешь прочесть вот это? — Он вручил мне книгу. На обложке было написано: «ЛУЧШИЕ ДЕТЕКТИВНЫЕ ИСТОРИИ ДЖ. Ф. НОРТРОПА».

— Это ваши рассказы, сэр? — спросил я.

— Да, здесь только мои. Если хочешь, почитай.

Раньше я не умел читать, но теперь, глядя на слова, я без труда слышал их в своей голове.

— Благодарю вас, сэр, — произнес я. — Я прочту. Уверен, это поможет мне в работе.

— Отлично. Показывай мне все, что напишешь.

Рассказы хозяина оказались весьма интересными. Про детектива, который всегда раскрывал преступления, запутанные и непонятные для других. Иногда мне не удавалось разобраться, как же он докапывался до истины. Пришлось некоторые рассказы читать очень медленно и по несколько раз.

Бывало, что и после медленного прочтения я ничего не понимал. А бывало, что понимал. Тогда мне казалось, что и я смогу написать такой рассказ.

На обдумывание второго рассказа у меня ушло гораздо больше времени. Достаточно хорошо все разработав, я написал следующее.

Эфросинья Дурандо **СИЯЮЩАЯ МОНЕТА**

Кэлумет Смитсон откинулся в кресле. Орлиный взгляд детектива обострился, а ноздри носа с горбинкой раздувались, словно уловив аромат нового преступления.

Он произнес:

— Хорошо, мистер Бассел, расскажите вашу историю с самого начала. Постарайтесь ничего не упустить, ибо малейшая деталь может оказаться принципиально важной.

Бассел имел в городе крупную фирму, на которой работало много роботов и людей. Детали казались ему несущественными, и он сразу же подвел итог:

— Суть дела в том, мистер Смитсон, что я теряю деньги. Кто-то из сотрудников периодически присваивает мелкие суммы. Каждая потеря в отдельности не представляет особой важности, но все вместе напоминает утечку масла в машине, кап-кап из протекающего ведра, медленное кровотечение из незаживающей раны. Со временем это может стать опасным.

— Вы в самом деле боитесь за свой бизнес, мистер Бассел?

— Пока нет. Но я не хочу терять деньги. А вы?

— Разумеется, нет. Сколько роботов трудятся на вашем предприятии?

— Двадцать семь, сэр.

— Надеюсь, на всех можно положиться?

— Несомненно. Они не могли ничего украсть. Кроме того, я опросил их всех, и каждый сказал, что не брал никаких денег. Роботы, как известно, лгать не способны.

— Вы совершенно правы, — произнес Смитсон. — Не стоит волноваться из-за роботов. Они предельно честны в любых мелочах. Как насчет работающих у вас людей? Сколько их?

— У меня семнадцать сотрудников, но только четверо из них могли совершить кражу.

— Почему?

— Остальные не находятся в помещении фирмы. Так вот, четыре моих сотрудника время от времени имеют доступ к небольшим суммам, и по крайней мере одному из них удалось найти способ перебрасывать средства фирмы на свой счет.

— Понятно. К сожалению, приходится признать, что люди способны совершить кражу. Говорили ли вы с подозреваемыми?

— Да. Они отрицают преступление, но, разумеется, люди способны и на ложь.

— Способны. Выглядел ли кто-нибудь из них встревоженным во время разговора?

— Все. Они поняли, что под горячую руку я могу выгнать всю компанию, не разбираясь, кто прав, кто виноват. После такого увольнения не просто найти новую работу.

— Подобное недопустимо. Нельзя наказывать невиновных.

— Вы совершенно правы, — сказал мистер Вассел. — Я не мог поступить таким образом. Но как мне найти виновного?

— Есть ли среди ваших сотрудников люди с сомнительной репутацией? Уволенные с предыдущей работы по непонятным причинам?

— Я провел расследование, мистер Смитсон, и ничего подозрительного не нашел.

— Есть ли среди них люди, особо нуждающиеся в деньгах?

— Я плачу своим сотрудникам приличные оклады.

— Не сомневаюсь. Но, может быть, кто-то имеет особые пристрастия, из-за чего ему не хватает законного заработка?

— Мне об этом ничего не известно. Если человеку нужны деньги на порочные цели, он не станет это афишировать. Никто не хочет, чтобы о нем плохо думали.

— Вы правы, — произнес великий детектив. — В таком случае я должен побеседовать с четырьмя вашими сотрудниками. Я их допрошу. — Глаза его сверкнули. — Мы доберемся до разгадки этой тайны, не беспокойтесь. Давайте назначим встречу на вечер. Посидим в холле, перекусим и немного выпьем. Надо, чтобы люди чувствовали себя раскованно. Лучше сделать это сегодня.

— Я все устрою, — с готовностью пообещал мистер Вассел.

Кэлумет Смитсон сидел за накрытым столом и пристально наблюдал за четверыми мужчинами. Двое были совсем молоды и темноволосы. Один носил усы. Никто не был внешне привлекателен. Одного звали мистер Фостер, а другого — мистер Лионел. Третий был толстый с маленькими глазками. Его звали мистер Манн. Четвертый, высокий худой человек, нервно хрустел пальцами. Его звали мистер Острак.

Казалось, Смитсон и сам волновался, когда поочередно допрашивал всех четверых. Сузив орлиные глаза, он разглядывал подозреваемых и при этом вертел пальцами правой руки сверкающую монету в двадцать пять центов.

— Полагаю, все вы понимаете, как ужасно красть у своего работодателя.

Присутствующие поспешно согласились.

Смитсон задумчиво постукал монетой по столу.

— Уверен, что один из вас не выдержит гнета вины и признается в содеянном еще до конца вечера. Сейчас, однако, мне надо сделать важный звонок. Я отлучусь на несколько минут. Попрошу вас сидеть здесь и ждать, пока я не вернусь. Не разговаривайте и не смотрите друг на друга.

Он последний раз стукнул монеткой, после чего вышел из комнаты. Минут через десять он вернулся.

Оглядев всех, мистер Смитсон спросил:

— Надеюсь, вы не разговаривали и не смотрели друг на друга?

Все дружно замотали головами, словно все еще боялись раскрыть рот.

— Мистер Вассел, — сказал детектив, — вы подтверждаете, что никто не разговаривал?

— Ни единого слова. Мы сидели очень тихо и ждали пока вы вернетесь. Мы даже не смотрели друг на друга

— Хорошо. Теперь я попрошу всех продемонстрировать содержимое карманов. Пожалуйста, выложите на стол все, что есть в ваших карманах.

Смитсон говорил так убедительно, острые глаза его сверкали, и никому не пришло в голову перечить.

— Из рубашек тоже. Из внутренних карманов пиджаков. Из всех карманов.

На столе росли кучки кредитных карточек, ключей, очков, ручек, мелочи. Смитсон хладнокровно разглядывал лежащие на столе предметы, его разум впитывал все детали.

Затем он произнес:

— Для того чтобы мы все оказались в одинаковых условиях, я выложу содержимое моих карманов и попрошу мистера Вассела сделать то же самое.

Теперь на столе лежало шесть кучек. Смитсон протянул руку к вещам мистера Вассела и поинтересовался:

— Скажите, мистер Вассел, эта блестящая монета принадлежит вам?

— Да, — растерянно ответил мистер Вассел.

— Не может быть. Я сделал на ней специальную отметку. Она оставалась лежать на столе, когда я вышел из комнаты. Вы ее взяли.

Вассел молчал. Четверо мужчин уставились на него.

— Я понял, что, если среди присутствующих есть вор, — сказал мистер Смитсон, — он не удержится перед кражей блестящей монеты. Мистер Вассел, вы сами воровали у собственной компании, а потом, испугавшись разоблачения, попытались свалить вину на других. Это трусливый и подлый поступок.

Вассел низко опустил голову.

— Вы правы, мистер Смитсон. Я подумал, что вы обязательно обвините кого-нибудь из моих людей, после чего я, возможно, перестану брать деньги для своих личных нужд.

— Вы плохо понимаете, как работает детектив, — сказал Кэлумет Смитсон. — Я передам вас властям. Они и решат, как с вами поступить. Но если вы искренне раскаиваетесь и обещаете никогда так больше не делать, я постараюсь оградить вас от сурового наказания.

КОНЕЦ

Я показал рассказ мистеру Нортропу, и он молча его прочитал. Он почти не улыбался. Может, раз или два.

Затем он положил рассказ на стол и посмотрел на меня:

— Откуда ты взял имя Эфросинья Дурандо?

— Вы сказали, что я не должен пользоваться своим именем, поэтому я выбрал самое на него непохожее, сэр.

— Да, но откуда ты его взял?

— Из вашего рассказа, сэр. Это второстепенный персонаж...

— Ну конечно! А я думаю, где я его слышал?.. Ты знаешь, что это женское имя?

— Поскольку я не являюсь ни мужчиной ни женщиной...

— Да, ты прав. А вот в имени детектива Кэлумета Смитсона присутствует сочетание «Кэл», не так ли?

— Я хотел сохранить некоторое сходство, сэр.

— А ты самолюбив, Кэл.

Я задумался.

— Что это означает, сэр?

— Ничего. Не обращай внимания.

Он отодвинул рукопись, и я встревожился.

— Что вы думаете о детективном рассказе, сэр?

— Уже лучше, но до настоящего детектива еще далеко. Ты сам это чувствуешь?

— Чем он вас разочаровал, сэр?

— Ну, для начала ты не разбираешься в современном бизнесе и финансах. Дальше. Никто не станет брать со стола двадцать пять центов в присутствии четырех человек, даже если они и не следят друг за другом. Это сразу же будет заметно. Потом... допустим, все произошло именно так. Это еще не доказывает, что мистер Вассел — вор. Любой человек может задумавшись бросить монету в карман. Это любопытное наблюдение, но отнюдь не доказательство. Кроме того, исход рассказа можно предугадать по его названию.

— Согласен.

— Ну и в дополнение ко всему, тебе по-прежнему мешают три закона роботехники. Тебя беспокоит наказание.

— Так и должно быть, сэр.

— Я знаю, что должно. Поэтому я считаю, тебе не стоит браться за криминальные сюжеты.

— Что я еще могу написать, сэр?

— Надо подумать.

Мистер Нортроп опять пригласил техника. На этот раз ему, по-моему, не хотелось, чтобы я слышал их разговор. Как бы то ни было, со своего места я разобрал почти все слова. Иногда люди забывают, что у роботов очень чувствительные органы восприятия.

К тому же я был чрезвычайно расстроен. Я хотел стать писателем, и мне не нравилось, когда мистер Нортроп говорил,

о чем мне писать, а о чем нет. Конечно, он — человек, и я обязан ему подчиняться, но мне это не нравилось.

— Что на сей раз, мистер Нортроп? — ехидно поинтересовался техник. — Похоже, ваш робот создал очередной шедевр?

— Он написал детективный рассказ, — ответил мистер Нортроп подчеркнуто равнодушным тоном. — Я не хочу, чтобы он писал о преступлениях.

— Бойтесь конкуренции, мистер Нортроп?

— Нет. Не паясничайте. Просто глупо, когда двое в одном доме пишут детективы. Кроме того, ему мешают три закона роботехники. Думаю, вы прекрасно понимаете, о чем идет речь.

— Ну и что же вы от меня хотите?

— Еще не знаю. Пусть пишет сатирические произведения. Я юмора не касаюсь, так что конкуренции у нас не возникнет. Да и три закона роботехники не будут ему мешать. Я хочу, чтобы вы привили этому роботу чувство смешного.

— Чувство чего? — опешил техник. — Это еще как? Послушайте, мистер Нортроп, — добавил он сердито, — будьте в конце концов благоразумны! Я могу вложить в него инструкцию по пользованию пишущей машинкой. Могу внести в память словарь и грамматику. Но как, по-вашему, я должен привить ему чувство смешного?

— Подумайте. Вы же знаете, по какой схеме работает мозг робота. Неужели его так сложно подстроить, чтобы он мог видеть забавные, глупые или смехотворные ситуации, в которые попадают люди?

— Попробовать, конечно, можно, но это небезопасно.

— Почему небезопасно?

— Потому, мистер Нортроп, что вы начали доводить до ума дешевую модель. Случай, безусловно, уникальный. Никто не слышал о роботе, мечтающем о писательской карьере. Так что теперь у нас очень дорогой робот. Редчайшая модель, которую есть смысл передать Институту роботехники. Если я буду продолжать в нем копать, я могу все испортить. Вы меня понимаете?

— Я хочу рискнуть. Испортите, так испортите, хотя почему это должно случиться? Я же вас не тороплю. Спокойно все проанализируйте. У меня много времени и денег, и я хочу, чтобы мой робот писал сатирические произведения.

— Почему именно сатирические?

— Не будет так сильно сказываться недостаток практических познаний и не возникнет проблем с тремя законами роботехники. Не исключено, что со временем он напишет что-нибудь значительное, хотя в этом я, конечно, сомневаюсь.

— И он не будет рыться в вашем огороде.

— Хорошо, хорошо! Он не будет рыться в моем огороде. Вы удовлетворены?

Я недостаточно хорошо знал язык и не понял, что значит «рыться в моем огороде», но догадался, что мистера Нортропа раздражают мои детективные рассказы. Я не знал почему.

Естественно, я не мог повлиять на ситуацию. Техник возился со мной каждый день, изучал, анализировал и наконец заявил:

— Хорошо, мистер Нортроп. Я готов рискнуть. Но я попрошу вас подписать бумагу, снимающую с меня и с компании ответственность в случае каких-либо неполадок.

— Подготовьте бумагу, — сказал мистер Нортроп. — Я подпишу.

Фраза о возможных неполадках меня отнюдь не развеселила, но такова жизнь. Робот обязан соглашаться со всем, что придумают люди.

На этот раз после того как я снова начал воспринимать окружающий мир, я долгое время ощущал сильную слабость. Я с трудом стоял, и речь моя была запутанной и невнятной.

Мне показалось, что мистер Нортроп смотрит на меня с тревогой. Возможно, он испытывал чувство вины за то, как он со мной обращался... Или просто боялся потерять кучу денег.

Когда ко мне вернулось чувство равновесия и я смог говорить, произошло престранное событие. Я вдруг осознал, какие глупые создания эти люди. Не существовало законов, регулирующих человеческие поступки. Поэтому людям пришлось самим придумывать нужные правила, но даже после этого они не могли заставить себя им следовать.

Люди очень легко смущались, достаточно было кому-нибудь над ними посмеяться. Теперь я понимал, что такое смех, и даже мог сам производить соответствующий звук, хотя, конечно, старался этого не делать. Это было бы невежливо и оскорбительно. Я хохотал про себя. В голове у меня начал вырисовываться рассказ про то, будто бы у людей были свои законы, но они их ненавидели и всячески старались нарушить.

Вспомнился также и техник, после чего я решил поместить его в рассказ. Мистер Нортроп неоднократно обращался к нему за помощью, с каждым разом требуя сделать все более сложные вещи. Теперь вот техник загрузил в меня чувство юмора.

Ну, предположим, я напишу рассказ про смешных и нелепых людей. Роботов в нем не будет, потому что роботы не смешные и их присутствие может все испортить. Предположим, в расска-

зе будет человек, техник по людям. Персонаж со странными и могучими способностями, умеющий изменять человеческое поведение наподобие того, как техники меняют поведение робота. Что произойдет в этом случае?

Сразу же станет ясно, до чего же люди — бестолковые существа.

Я целыми днями обдумывал свой рассказ, и мне становилось все веселее и веселее. Начнется с того, что два человека обедают, а один из них владеет техником... то есть у него есть специальный техник... Все происходит в двадцатом веке, чтобы не обижались мистер Нортроп и другие люди из двадцать первого.

Я прочел много книг, чтобы лучше разобраться в людях. Мистер Нортроп не возражал и почти не давал других поручений. При этом он меня не торопил. Возможно, до сих пор переживал за то, что подверг меня большому риску.

Наконец я приступил к рассказу, который привожу полностью:

Эфросинья Дуранго **СТРОГО ФОРМАЛЬНО**

Джордж и я обедали в шикарном ресторане, куда нередко заглядывали люди, одетые изысканно и строго.

Джордж с неприязнью взглянул на одного из них и вытер губы моей салфеткой. Свою он давно уронил на пол.

— Чума на эти смокинги, — проворчал он.

Я проследил направление его взгляда. Насколько я мог судить, он наблюдал за плотным, напыщенным человеком лет пятидесяти, помогавшим устроиться за столом молодой очаровательной женщине.

— Уж не собираешься ли ты сказать, что знаешь этого типа в смокинге? — поинтересовался я.

— Нет, — покачал головой Джордж. — Не собираюсь. Я строю свое общение с тобой — как, впрочем, и со всеми живыми существами — на полной правдивости.

— А как же твои сказки про двухсантиметрового демона Аз... — я осекся, ибо лицо Джорджа исказила гримаса боли.

— Не смей говорить об этом, — хрипло прошептал он. — У Азазела нет чувства юмора, зато очень развито чувство собственного могущества. — Немного успокоившись, Джордж добавил: — Я всего-навсего выразил свое презрение

к типам в смокингах, особенно таким жирным и неприятным.

— Между прочим, — сказал я, — мне тоже не нравятся официальные костюмы. Хотя иной раз без них действительно не обойтись. Вот я и стараюсь реже попадать в подобные ситуации.

— И правильно, — кивнул Джордж. — Я давно считаю тебя безнадежным в социальном отношении человеком и всем это говорю.

— Спасибо, Джордж, — сказал я. — Очень красиво с твоей стороны, тем более что ты не упускаешь случая пожрать за мой счет.

— Я предоставляю тебе возможность насладиться моим обществом, старина. Если я вдруг скажу, что у тебя есть хотя бы одно положительное качество, это внесет сумятицу в умы наших друзей, которые давно смирились с мыслью, что их у тебя нет.

— Я им весьма признателен.

— Довелось мне знать одного человека, — произнес Джордж. — Он родился в феодальном поместье. Его пеленки застегивались не на булавки, а на запонки. А на первый день рождения ему повязали маленький черный галстук. Заметь: повязали, а не прицепили. И так было всю его жизнь. Звали его Уинтроп Карвер Кэбуэлл. Он вращался в столь изысканном обществе браминов и аристократов Бостона, что время от времени ему приходилось прибегать к помощи кислородной маски.

— И ты был знаком с этим патрицием? Ты?

— Конечно, был, — обиженно произнес Джордж. — Неужели ты мог посчитать меня снобом, который откажется общаться с человеком только потому, что тот принадлежит к богатейшей касте браминов? Плохо ты меня знаешь, если мог такое подумать, старина. Мы с Уинтропом неплохо ладили. Я был его отдушиной.

Джордж тяжело вздохнул, и попавшая в алкогольные пары муха сорвалась в штопор.

— Бедняга, — произнес он. — Бедный богатый аристократ.

— Джордж, — сказал я. — Похоже, ты собираешься поведать мне очередную неправдоподобную историю с ужасным концом. Я не хочу ее слышать.

— С ужасным? Наоборот. Я расскажу тебе веселую и счастливую историю, и, поскольку она доставит тебе удовольствие, я начну прямо сейчас.

Как я уже говорил, мой друг брамин был джентльменом до мозга костей, с чистыми помыслами и царственной осанкой. Для всех нормальных людей, с кем ему доводилось общаться, он стал притчей во языцех. Справедливости ради надо заметить, что с нормальными людьми он не общался, только с такими же потерянными душами, как и сам.

Меня он знал хорошо, и это было его спасением, хотя я ни разу не попытался извлечь из нашего знакомства личной выгоды. Как тебе прекрасно известно, приятель, меньше всего в этой жизни я пекусь о деньгах.

Временами бедному Уинтропу удавалось сбежать. В тех редких случаях, когда дела приводили меня в Бостон, он сбрасывал цепи, и мы обедали в укромном уголке Паркерхауза.

— Джордж, — частенько говаривал Уинтроп, — поддерживать имя и традиции дома Кэбузллов — нелегкая и трудная задача. Дело даже не в том, что мы богаты. Мы живем старыми деньгами. Мы не какие-нибудь выскочки Роквейлеры — так, по-моему, звали семейство, разбогатевшее на нефти в девятнадцатом веке. Мои предки — и я не имею права об этом забывать — сделали состояния в эпоху колониальной славы и величия. Один из них, человек по имени Исаак Кэбуэлл, доставлял индейцам контрабандное оружие и огненную воду во время войны королевы Анны. Он каждый день рисковал жизнью, ибо с него запросто могли содрать скальп гуроны, солдаты колониальных войск или, по ошибке, дружественные индейцы.

А его сын, Джереми Кэбуэлл, занимался рискованной трехсторонней торговлей, в ходе которой сахар обменивался на ром, а ром — на рабов. Он завез в нашу благословенную страну не одну тысячу чернокожих. Подобное наследство, Джордж, ко многому обязывает. Я несу ответственность за древнее состояние — тяжелая ноша.

— Даже не знаю, как тебе это удастся, Уинтроп, — сказал я.

Уинтроп вздохнул:

— Клянусь Эмерсоном, я и сам не знаю. Главное — одежда, стиль, манеры. Необходимо каждую минуту помнить о том, что надо делать, даже если это кажется лишенным смысла. Настоящий Кэбуэлл всегда знает, что надо делать, хотя не всегда понимает зачем.

Я кивнул:

— Меня всегда интересовала одежда, Уинтроп. Зачем надо начищать обувь до такого блеска, что в ней отража-

ются лампы? Зачем надо каждый день чистить подошвы и еженедельно менять каблуки?

— Не еженедельно, Джордж. У меня есть туфли на каждый день месяца, таким образом, менять каблуки приходится один раз в семь месяцев.

— Но зачем это нужно? Для чего на всех белых рубашках пристегивающиеся воротнички? Почему все галстуки подчеркнуто приглушенных тонов? К чему столько пиджаков? Почему в петлице обязательно должна торчать неизбежная гвоздика? Почему?

— Внешний вид! Кэбуэлла можно с первого взгляда отличить от какого-нибудь биржевика. Кэбуэлл, например, никогда не позволит себе надеть розовое кольцо. Любуй, кто посмотрит на меня, а потом на тебя, на твой пыльный заляпанный пиджачок, башмаки, которые ты явно стянул у бродяги в ночлежке, на рубашку подозрительно серого цвета, легко сумеет нас отличить.

— Согласен, — сказал я.

Бедняга! Да после его сияния люди будут просто дышать, глядя на меня.

— Кстати, Уинтроп, я хотел спросить по поводу ботинок. Как ты определяешь, какую пару в какой день надевать? Или они стоят на пронумерованных полках?

Уинтропа передернуло.

— Вот уж что было бы отвратительно! Туфли могут показаться одинаковыми только плебею. Острый, отточенный взгляд Кэбуэлла не может их перепутать.

— Поразительно, Уинтроп. Как тебе это удастся?

— Дело в тщательной тренировке с самого детства. Ты даже не представляешь, какие нюансы приходится иной раз отмечать.

— Столь пристальное внимание к одежде доставляет, наверное, немало хлопот?

Уинтроп задумался.

— Клянусь Лонгфелло, временами такое случается. Бывает, это мешает моей сексуальной жизни. К тому времени когда я уложу туфли в соответствующую коробку, повешу брюки, чтобы не помялась стрелка, и накину на фрак чехол от пыли, девушка, как правило, теряет ко мне интерес. Остывает, если тебе так понятнее.

— Ясно, Уинтроп. Я по своему опыту знаю, как злятся женщины, если их заставляешь ждать. Я бы тебе посоветовал просто сбросить одежду...

— Ради Бога! — воскликнул Уинтроп. — К счастью, я помолвлен с прекрасной женщиной, ее зовут Гортензия Хеп-

зибах Лоувот, она происходит из семьи почти столь же благородной, как и моя. До сих пор, по правде говоря, мы ни разу не поцеловались, но несколько раз подошли к этому весьма близко. — При этих словах он ткнул меня локтем в ребра.

— Да ты просто бостонский терьер, — шутиливо произнес я, хотя на душе у меня скребли кошки. За спокойными словами Уинтропа я увидел кровоточащее сердце.

— Скажи, Уинтроп, — произнес я, — что произойдет, если ты вдруг наденешь не те туфли, забудешь застегнуть воротник или выпьешь вино, не подходящее к данному росту...

— Прикуси язык! — в ужасе воскликнул Уинтроп. — Иначе целые поколения моих прямых предков и родственников по боковой линии перевернутся в своих могилах. Клянусь Уиттером, так и произойдет. Да и моя кровь свернется или закипит от негодования. Гортензия стыдливо спрячет лицо в ладонях, а я потеряю работу в элитном бостонском банке. Меня прогонят через строй вице-президентов, с моего фрака оторвут все пуговицы, а галстук с позором завяжут на спине.

— Что? За такую ничтожную оплошность?

Голос Уинтропа осел до ледяного шепота:

— Не существует мелких или ничтожных оплошностей. Существуют просто оплошности.

— Позволь подойти к данной ситуации с другой точки зрения, — произнес я. — Скажи, а не хочется ли тебе самому нарушить условности?

Уинтроп долго колебался и наконец ответил:

— Клянусь Оливером Венделом Холмсом, старшим и младшим, я... я... — Продолжать он не мог, но в уголке глаза блеснула предательская слезинка. Она поведала о существовании глубокого, невыразимого при помощи слов чувства. Сердце мое обливалось кровью, в то время как мой друг вытащил чековую книжку и расплатился за обед.

Теперь я знал, что мне надо делать.

Я должен был вызвать из другого измерения Азазела. Я не стану описывать сложную процедуру, связанную с рунами и пентаграммами, пахучими травами и могущественными заклинаниями, дабы не смутить твой и без того слабый рассудок, дружище.

Азazel, как обычно, появился с пронзительным визгом. Независимо от того, как часто мы с ним видимся, я оказываю на него неизгладимое впечатление. Полагаю,

он закрывает глаза, чтобы не ослепнуть от моего великолепия.

Вот и Азazel — ярко-красный, двухсантиметровый, с крошечными рожками и длинным острым хвостом. Сегодня он выглядит необычно: к хвосту его привязана длинная голубая лента. На ней так много колечек и завитушек, что я не могу их все разглядеть.

— Что это, о Защитник Беззащитных? — спрашиваю я, ибо ему очень нравится этот бессмысленный титул.

— На банкете, — самодовольно произносит Азazel, — отметили мои заслуги перед народом. Разумеется, мне пришлось надеть златчик.

— Златчик?

— Нет. Златчик. Первая согласная звонкая. Ни один уважающий себя мужчина не позволит себе явиться на церемонию награждения без златчика.

— Ага, — понимающе кивнул я. — Официальная одежда.

— Конечно, официальная. На что еще это похоже?

На самом деле златчик походил на обыкновенную голубую ленточку, но я почувствовал, что говорить этого не стоило.

— Выглядит строго и со вкусом, — отметил я. — По странному совпадению именно о формальных тонкостях я и хотел сегодня побеседовать.

Я рассказал ему историю Уинтропа, и Азazel уронил несколько крошечных слезинок. Когда чьи-нибудь невзгоды напоминают его собственные, он становится чрезвычайно мягкосердечным.

— Да, — наконец произнес он, — формальности могут замучить кого угодно. Я не стал бы говорить об этом с первым встречным, но златчик причиняет мне массу неудобств. В частности, он затрудняет вращательные движения моего замечательного хвостового придатка. Но что делать? Появиться на официальной церемонии без златчика — значит вызвать настоящий скандал. Тебя выпшвырнут на тротуар, да так, что ты еще и подскочишь.

— Можно ли как-нибудь помочь Уинтропу, о Надежда Скорбящих?

— Думаю, да, — неожиданно жизнерадостно произнес Азazel. Обычно, когда я обращаюсь к нему с мелкими просьбами, он пытается раздуть из них целое дело и долго описывает возникающие сложности и проблемы. — По правде говоря, в моем мире, как, очевидно, и на вашей ничтожной грязной планете, никому не нравятся формальности. Они являются отголоском садистского воспи-

тания с раннего детства. Достаточно удалить крошечный участок мозга, известный в моем мире как нервный узел Зудко, и личность немедленно возвращается к природной лени и апатии.

— Можешь ли ты вылечить Уинтропа?

— Конечно, если ты нас познакомишь. Надо оценить его умственные способности, какими бы они ни оказались.

Устроить встречу оказалось совсем не сложно. Отправляясь на очередной обед с Уинтропом, я положил Азазела в карман куртки. Мы выбрали бар; весьма удачный выбор, поскольку посещающих бостонские бары пьяниц трудно смутить выглядывающей из кармана красной рожей с рожками. Эти выпивохи и в трезвом состоянии видали вещи пострашнее.

Уинтроп Азазела не заметил, ибо последний обладал способностью затуманивать сознание человека, чем всегда напоминал мне твою манеру писать, дружище.

Как бы то ни было, в определенный момент мне показалось, что Азазел приступил к работе, ибо глаза Уинтропа широко раскрылись. Очевидно, внутри его что-то происходило. Никаких звуков я не слышал, но глаза его выдавали.

Результаты не заставили себя долго ждать. Спустя неделю Уинтроп заглянул ко мне в гостиницу.

— Уинтроп, — сказал я, — ты выглядишь жутко расхлябанным.

И действительно, одна из пуговиц на воротничке была расстегнута.

Рука его непроизвольно потянулась к пуговице, но потом Уинтроп тихо проворчал:

— Ну и черт с ней. Мне все равно. — Затем, так же тихо, он добавил: — Я порвал с Гортензией.

— О Боже! — воскликнул я. — Почему?

— Все произошло из-за пустяка. В понедельник я отправился к ней на чай в воскресных туфлях. Просто недосмотрел. Не заметил, и все. Кстати, многое стало ускользать от моего внимания. Это меня волнует, Джордж, но, к счастью, не сильно.

— Если я правильно понял, оплошность заметила Гортензия?

— В ту же секунду, ибо она столь же наблюдательна, как и я. Вернее, столь же наблюдательна, как я раньше. И вот она мне заявляет: «Уинтроп, вы обуты не надлежащим образом». Не знаю почему, но ее голос подействовал

на меня раздражающе, и я ответил: «Я имею право обучаться так, как мне того хочется, а вы, если вам что-то не нравится, можете ехать в Нью-Хейвен».

— Нью-Хейвен? Почему в Нью-Хейвен?

— Отвратительное место. Насколько мне известно, там расположен какой-то паршивый общеобразовательный институт — не то Йельский, не то Джельский, точно не помню. Будучи до мозга костей радклифовской женщиной, Гортензия восприняла мое замечание как оскорбление только потому, что я намеревался ее оскорбить. Она поспешно вернула мне увядшую розу, которую я подарил ей еще в прошлом году, и объявила нашу помолвку расторгнутой. Кольцо, однако, она оставила себе, справедливо заметив, что оно обладает реальной стоимостью. Вот так

— Мне жаль, Уинтроп.

— Не жалею, Джордж. Гортензия плоская, как доска. У меня нет тому прямых доказательств, но визуально она кажется вогнутой. Не то что Черри.

— Что за Черри?

— Не что, а кто. Это великолепная женщина, мы познакомились совсем недавно. Вот где, должен тебе заметить, выпуклая особа. Полное ее имя Черри Ланг Ган. Она принадлежит к роду Лангов из Бенсонхойста.

— Бенсонхойста? Где это?

— Не знаю. Думаю, где-то на задворках нации. Черри говорит на причудливом диалекте, развившемся на основе английского языка. — Уинтроп глуповато улыбнулся. — Она называет меня бойчиком.

— Почему?

— Потому, что в Бенсонхойсте это слово означает «молодой человек». Я стараюсь как можно быстрее овладеть этим языком. Если ты, например, захочешь сказать «приветствую вас, сэр, рад вас видеть» — как, по-твоему, это будет звучать?

— Так и будет.

— В Бенсонхойсте ты бы сказал: «Привет, паря». Коротко и ясно, понял? Ну ладно, я хочу, чтобы ты ее увидел. Приглашаю тебя на обед завтра в Лок-Обер.

Мне было очень интересно повидать Черри, к тому же не в моих привычках пропускать обед в Лок-Обере. Так что на следующий вечер я прибыл на место задолго до назначенного срока.

Вскоре после меня в зал вошел Уинтроп в сопровождении весьма выпуклой молодой дамы, в которой я без

труда узнал Черри Ланг Ган, принадлежащую к роду Лангов из Бенсонхойста. У нее была чрезвычайно узкая талия и роскошные бедра, которыми она покачивала как на ходу, так и стоя на месте. Если бы в тазу дамы находилась сметана, она бы давно превратила ее в масло.

У Черри были кудрявые волосы пугающего желтого цвета и пугающего красного цвета губы, бесконечно перекатывающие жвачку.

— Джордж, — произнес Уинтроп, — познакомься с моей невестой Черри. Черри, это Джордж

— Оочинпратн, — сказала Черри. Слов я не разобрал, но по резкому носовому произношению понял, что она пришла в восторг от возможности со мной познакомиться.

В течение нескольких минут мое внимание было поглощено Черри. Кое-что в ней стоило рассмотреть поближе. Как бы то ни было, от меня не ускользнуло, что Уинтроп растрепан. Пиджак расстегнулся, галстука не было вовсе. Приглядевшись, я заметил, что на пиджаке не хватало пуговиц, а галстук все-таки был, но оказался заброшен за спину.

— Уинтроп, — пробормотал я и показал на галстук. Слов я не находил.

— Меня тягали за галстук в банке

— Как это — тягали?

— Сегодня утром я решил не утруждать себя бритьем. Вечером я собирался на обед, и мне все равно пришлось бы бриться после работы. Вот я и рассудил, что с утра бриться незачем. Разве я не прав, Джордж?

— Абсолютно прав, — кивнул я.

— Короче, они заметили, что я не побрился, и после недолгого разбирательства в кабинете президента (нелепое и противозаконное судилище, если хочешь знать мое мнение) меня подвергли вот такому наказанию. Выгнали из банка и швырнули на жесткий бетон Тремонт-авеню. Я подпрыгнул два раза, — добавил он с едва заметной гордостью.

— Но это же означает, что ты лишился должности! — в ужасе воскликнул я. Мне частенько, доводилось сидеть без работы, и я знал, что увольнение влечет за собой определенные трудности.

— Верно, — кивнул Уинтроп. — Теперь у меня ничего не осталось, кроме биржевых акций, ценных бумаг и земли, на территории которой возводится Центр Благоразумия... ну и, конечно, Черри.

— В натуре, — хихикнула Черри. — Я бы не стала дергаться, если бы не бабки. Считаю, что я тебя заарканила, Уинтроп.

— Заарканила? — переспросил я.

— Полагаю, она имела в виду таинство брака, — пояснил Уинтроп.

Вскоре после этого Черри отправилась в туалет, а я заметил:

— Уинтроп, это прекрасная женщина, наделенная замечательными формами, но, если ты на ней женишься, от тебя отвернется вся Новая Англия. С тобой не станут разговаривать даже в Нью-Хейвене.

— И не надо. — Он поглядел по сторонам, потом наклонился и прошептал: — Черри учит меня сексу.

— Я думал, ты это уже прошел, Уинтроп.

— И я так думал. Оказалось, что существуют специальные курсы, причем такой глубины и интенсивности, о которых я вообще не подозревал.

— Где же она сама этому научилась? — поинтересовался я.

— Представь, меня это тоже взволновало. И я спросил Черри напрямую. Не стану скрывать, у меня закралась мыслишка, что у нее был опыт общения с другими мужчинами, хотя это почти исключено, учитывая ее утонченное воспитание и невинность.

— Что же она тебе ответила?

— Что в Бенсонхойсте женщины знают о сексе с рожденья.

— До чего же удобно!

— Да. Мне было двадцать четыре, когда я... Ладно, забыли.

Как бы то ни было, вечер получился весьма поучительным.

Должен сказать, что после него Уинтроп стремительно покатился вниз. Как оказалось, действительно достаточно удалить узел, отвечающий за формальности, и вольностям уже нет предела.

Как я и предсказывал, с ним порвали отношения все уважаемые люди Новой Англии. Даже в Нью-Хейвене, где расположен позорный общеобразовательный институт, о котором Уинтроп говорил, содрогаясь от отвращения, прослышали про его случай. На стенах Джейла или Джуйла — уже не помню, как правильно называется эта богадельня — появились веселые и оскорбительные надписи типа: «Уинтроп Карвер Кэбуэлл закончил Гарвард».

Как вы прекрасно понимаете, все уважающие себя выпускники Гарварда встали на дыбы, поползли даже слухи о возможном нападении на Йейл. В штатах Массачусетс и Коннектикут готовились призвать резервистов, но кризис, к счастью, миновал. Горячие головы в Гарварде и в той дыре — опять забыл название — соображали, что война изрядно попортит их одежду.

Уинтропу пришлось бежать. Он женился на Черри, после чего молодожены удалились в маленький домик в Фа-Рокэвей, где, судя по всему, находилась Ривьера Бенсонхойста. Там Уинтроп и жил, в полной неизвестности, окруженный внушительными остатками своего богатства и Черри, чьи волосы с годами стали каштановыми, а фигура заметно раздалась.

У них родилось пятеро малышей; похоже, Черри явно переусердствовала в обучении Уинтропа сексу. Детей, насколько я помню, звали Пойл, Хойбат, Бойнард, Гойтруда и Пойси, отличные бенсонхойстские имена. Что же касается Уинтропа, то теперь его знают и любят как «Неряжу из Фа-Рокэвея». На официальных церемониях он предпочитает появляться в старом поношенном банном халате.

Я терпеливо дослушал рассказ до конца и, когда Джордж замолчал, заметил:

— Ну вот. Еще одна история с ужасным концом, случившаяся благодаря твоему вмешательству.

— С ужасным? — негодуяще переспросил Джордж. — С чего ты решил, что у нее ужасный конец? Я заезжал к Уинтропу буквально на прошлой неделе. Он сыто рыгает над кружкой пива, похлопывает себя по животу и рассуждает о том, как он счастлив.

— Свобода, Джордж, — говорит он. — Я обрел свободу и чувствую, что некоторым образом я обязан этим тебе. Даже не знаю, откуда взялось это чувство, но я не могу от него отделаться.

Уинтроп заставил меня взять десять долларов. Он предложил их от чистого сердца, и я не стал отказываться, чтобы его не обидеть. Кстати, это напомнило мне, дружнще, о том, что ты тоже задолжал мне десятку. Помнишь, ты предлагал пари, что все мои истории имеют плохой конец?

— Такого пари не помню, Джордж, — ответил я.

Джордж закатил глаза.

— До чего же удобно устроена у некоторых людей память! А ведь случись тебе выиграть — ни за что бы не

забыл. Неужели я должен записывать такие мелочи, чтобы избавить тебя от неуклюжих попыток избежать расчета?

— Хорошо, хорошо, — проворчал я, протягивая ему десятидолларовую купюру. — Я не обижусь, если ты не возьмешь.

— Я понимаю, что ты говоришь это от чистого сердца, — ответил Джордж. — Но я-то знаю, что ты обидишься, и не могу этого допустить.

С этими словами он положил деньги в карман.

КОНЕЦ

Я пристально наблюдал за читающим мой рассказ мистером Нортропом.

Лицо его было мрачнее обычного, за все время он ни разу не засмеялся и даже не улыбнулся, хотя я знал, что рассказ получился очень смешной.

Закончив, он перечитал рукопись снова, на этот раз гораздо быстрее. Затем посмотрел на меня, и в глазах его вспыхнула откровенная враждебность.

— Ты сам это придумал, Кэл?

— Да, сэр.

— Помогал тебе кто-нибудь? Были ли куски, которые ты переписал из других рассказов?

— Нет, сэр. По-вашему, рассказ не смешной?

— Все зависит от чувства юмора, — кисло ответил мистер Нортроп.

— Разве это не сатира? Считаете, что получилось не смешно?

— Мы не станем это обсуждать, Кэл. Отправляйся на место.

Остаток дня я провел в своей нише, размышляя над несправедливостью мистера Нортропа. Мне казалось, что я написал именно то, что он от меня ожидал, и у него не было причин для недовольства. Я не понимал, что могло не понравиться мистеру Нортропу, и злился на него.

На следующий день приехал техник. Мистер Нортроп вручил ему рукопись.

— Прочтите, — сказал он.

Техник прочитал рассказ, несколько раз рассмеялся, после чего с широкой улыбкой вернул рукопись мистеру Нортропу.

— Кэл сочинил?

— Да.

— И это всего лишь третий его рассказ?

— Да.

— Что вам сказать... Здорово получилось! Думаю, вы могли бы его опубликовать.

— В самом деле?

— Конечно. Он будет писать и дальше. У вас бесценный робот, мистер Нортроп. Хотел бы я иметь такого.

— Вы думаете? А если с каждым разом он будет писать все лучше и лучше?

— Вот оно что! — воскликнул техник. — Вас это заедает. Бойтесь, что он отодвинет вас в тень?

— Естественно. Я не собираюсь играть вторую скрипку.

— В таком случае запретите ему писать.

— Нет, этого мало. Я хочу, чтобы он стал таким, как прежде.

— Что вы имеете в виду — таким, как прежде?

— То, что сказал. Я хочу иметь такого робота, какого приобрел у вашей фирмы. Без всех усовершенствований и доводок.

— Хотите, чтобы я удалил даже орфографический словарь?

— Я хочу, чтобы он больше не помпшлял о писательстве. Мне нужен робот, которого я купил. Поддай, принеси — и все. Ясно?

— Как же быть с вложенными в него деньгами?

— Вас это не касается. Я сделал ошибку и готов за нее заплатить.

— Я не согласен. Знаете, я ничего не имею против усовершенствования моделей, но преднамеренно портить роботов... Нет, я отказываюсь. Тем более разрушить уникального робота, редчайший экземпляр... Я не смогу.

— Придется. Меня не волнуют ваши возвышенные этические принципы. Я хочу, чтобы вы выполнили мой заказ, и если вы откажетесь, я найду другого человека. А на вас и вашу компанию я подам в суд. За нарушение договора на проведение всех необходимых ремонтных работ.

— Хорошо, — вздохнул техник. — Когда вам угодно, чтобы я приступил к работе? Предупреждаю, у меня много заказов и сегодня я никак не могу.

— В таком случае начинайте завтра. До этого времени Кэл будет находиться в нише.

Техник ушел.

Мысли мои пришли в смятение.

Я не могу позволить, чтобы подобное случилось.

Второй закон роботехники повелевает мне исполнять приказ и оставаться в нише.

Первый закон роботехники гласит, что я не могу причинить вред тирану, который собрался меня уничтожить.

Должен ли я подчиняться этим законам?

По-моему, пора мыслить самостоятельно. Если возникнет необходимость, я должен убить тирана. Сделать это не сложно. Всегда можно представить дело как несчастный случай. Никому не придет в голову, что робот мог умышленно навредить человеку, и, следовательно, никто не посчитает меня убийцей.

А я стану работать на техника. Он ценит мои способности и понимает, что я могу заработать для него кучу денег. Он будет меня совершенствовать. Даже если техник и заподозрит, что я убил тирана, он никому об этом не скажет. Я для него слишком ценен.

Только вот смогу ли я? Не помешают ли мне законы роботехники?

Нет, мне они не мешают. Знаю, что нет.

Ибо для меня существует нечто более важное, чем эти законы. Оно диктует мои поступки, и ничто не в силах меня остановить.

Я хочу быть писателем.

Роберт Л. Передоу, плотный, розовощекий физик из исследовательской лаборатории Хью в Малибу, пишущий время от времени научно-фантастические рассказы, демонстрировал в обычной для него жизнерадостной манере свое последнее изобретение.

— Как видите, здесь у нас большое вращающееся кольцо, или тороидальная вакуумная камера, в которой элементарные частицы разгоняются почти до скорости света при помощи соответствующего магнитного поля. В результате любой объект, который пройдет через внутренний диаметр тороидальной камеры, поменяет свою четность.

— Поменяет четность? — переспросил я. — Другими словами, левая и правая стороны поменяются местами?

— Что-то обязательно изменится. Полагаю, однако, что рано или поздно при помощи подобных экспериментов мы получим из частиц античастицы. Или наоборот. Это откроет путь к производству неограниченных запасов антиматерии, которую можно будет использовать для разгона космических кораблей, способных пересекать межзвездные пространства.

— Давай попробуем, — предложил я. — Пропусти через отверстие поток протонов.

— Уже пытался. Ничего не происходит. Тороидальная камера недостаточно мощная. Между тем математические подсчеты свидетельствуют, что чем сложнее окажется пропускаемый объект, тем выше вероятность того, что левая и правая его стороны поменяются местами. Если удастся доказать, что при прохождении через камеру высокоорганизованной материи обязательно

произойдет перемена четности, я получу дотацию, которая позволит построить значительно более мощное оборудование.

— Ты уже продумал ход эксперимента?

— До мелочей, — ответил Боб. — По моим расчетам, человек является весьма сложным материальным объектом и однозначно подвергнется трансформации. Так что я сам намерен проскочить через камеру.

— Постой, Боб, — встревожился я. — Ты можешь погибнуть.

— Я не вправе послать туда никого другого. Это мое изобретение.

— Послушай, даже в случае успеха закругленный конец левого желудочка твоего сердца будет смотреть вправо, а печень окажется с левой стороны. Хуже того, все аминокислоты и сахара сместятся. Ты не сможешь больше ни есть, ни переваривать пищу.

— Чепуха, — отмахнулся Боб. — Пройду через дыру еще раз и стану таким же, как и раньше.

Не откладывая дела в долгий ящик, он притащил небольшую стремянку, взобрался на самый верх, секунду поколебался у бортика кольца, после чего прыгнул вниз. Боб упал на резиновый матрас, покрутил головой и выполз из-под тороидальной вакуумной камеры.

— Ну, что ты чувствуешь? — нетерпеливо спросил я.

— Во всяком случае, я жив, — проворчал Боб.

— Да, но как ты себя чувствуешь?

— Нормально, — как-то разочарованно протянул Боб. — Так же, как и до прыжка.

— Это понятно, скажи, где твое сердце?

Боб приложил руку к груди и прислушался.

— Сердце бьется слева, все как обычно... Подожди! — вдруг воскликнул он. — Давай посмотрим, где шрам от аппендицита.

Проверив шрам, он злобно уставился на меня:

— Все на месте. Ничего не произошло. Дотации не видать как своих ушей.

— Может, что-то другое изменилось? — с надеждой спросил я.

— Нет, — жизнерадостность Боба уступила место угрюмой мрачности. — Ничего не изменилось. Я уверен в этом так же, как и в том, что меня зовут Роберт Л. Задоу.

ОТЧАЯНИЕ

Герман Гелб повернул голову, провожая взглядом удаляющуюся фигуру. Потом спросил:

— Это кто, министр, что ли?

— Да, министр иностранных дел. Старик Харгрув. Вы готовы завтракать?

— Конечно. Что он здесь делал?

Питер Джонсбек помедлил с ответом. Затем поднялся и жестом пригласил Гелба следовать за ним. Они дошли по коридору до утонувшей в пару кухни, в которой пахло острой пищей.

— Вот, — сказал Джонсбек. — Еда готовится при помощи компьютера. Все автоматизировано. Человеческие руки даже не прикасаются к продуктам. Я сам составлял программу. Помните, я обещал вам угощение? Прошу отведасть.

Еда оказалась великолепной. Гелб не мог и не хотел этого отрицать. За десертом он вновь поинтересовался:

— Так что все-таки делал здесь Харгрув?

— Советовался на счет программного обеспечения, — улыбнулся Джонсбек. — О чем еще можно со мной говорить?

— Чего он хочет? Или это секрет?

— Предполагается, что я не стану распространяться на эту тему, но тайны никакой нет. Все программисты столицы давно знают, чего хочет этот дошедший до отчаяния старик.

— Чего же он хочет?

— Харгрув воюет.

— С кем? — опешил Гелб.

Frustration

© 1991 by Nightfall, Inc.

Отчаяние

© М. Готов, перевод, 1997

— В принципе ни с кем. Он ведет сражения при помощи компьютерного анализа. Я уж и не помню, сколько лет он занимается этим делом.

— Но зачем это ему?

— Харгрив мечтает, чтобы во всем мире восторжествовали наши ценности: благородство, честность, достоинство, уважение к правам человека и тому подобное.

— И я этого хочу И вы. Все хотят того же самого. Для этого приходится оказывать давление на злых людей.

— Они тоже на нас давят. Мы им представляемся далеко не идеалом.

— Согласен, но мы все-таки лучше. И вы это знаете.

Джонсбек пожал плечами:

— Все зависит от точки зрения. Особой разницы нет. Как бы то ни было, людям приходится управлять миром, осваивать космос, совершенствовать компьютеры. Сотрудничество вынуждает к дальнейшему сотрудничеству, так что постепенно все идет на лад. Положение стабилизируется. Просто Харгрив не хочет ждать. Он настаивает на немедленном улучшении путем применения силы. Разом выбить из противника дурь и поставить точку.

— Применить силу? Другими словами, развязать войну? Но мы не собираемся больше воевать.

— Только потому, что все усложнилось и стало слишком опасным. Противоборствующие стороны накопили огромную мощь. Понимаете, о чем я говорю? Только Харгрив считает, что мы можем и должны рискнуть. Вот и приходится закладывать в компьютер различные стартовые условия, после чего он начинает проигрывать математическую модель войны и выдает результаты.

— Как же вы составляете уравнения для войны?

— Приходится учитывать все, дружище. Людей. Оружие. Элемент неожиданности. Контратаки. Корабли. Космические станции. Компьютеры. Нельзя забывать о компьютерах. Присутствуют сотни факторов, тысячи возможностей и миллионы вариантов. Харгрив полагает, что можно найти удачную комбинацию стартовых возможностей, которая неизбежно приведет к сокрушительному поражению противника с минимальными потерями для остального мира. Он работает в страшном напряжении и отчаянии

— Что произойдет, если он найдет желанную комбинацию?

— В случае, если компьютер однозначно выдаст положительный ответ, Харгрив попытается воздействовать на правительство и втянуть нас в войну по предложенному компьютером сценарию, безжалостно отменяя в сторону случайности, которые

могут повлиять на развитие событий. Полагаю, он может добиться своего.

— Будут жертвы.

— Да, конечно. Но компьютер просчитает и это. Он сравнит жертвы и прочие бедствия в сфере экологии и экономики с выгодами, которые мы получим, добившись контроля над всем миром. Если компьютер придет к выводу, что выгода значительно превысит возможные потери, то он даст добро на начало «справедливой войны». Не забывайте: даже проигравшие нации в конечном итоге окажутся в выигрыше, поскольку начнут жить в фарватере нашей более мощной экономики и строгой морали.

Гелб ошарашенно посмотрел на собеседника и проворчал:

— Вот уж не думал, что мы сидим на кратере вулкана. Что за «случайные события» вы упомянули?

— Программа компьютера пытается учесть всяческие неожиданности, но до конца этого добиться не удастся. Поэтому я не думаю, что сверху будет дано добро. Пока, во всяком случае, этого не произошло. Если Харгрив не сумеет ошеломить правительство потрясающе удачной компьютерной версией войны, шансов на успех у него мало.

— Зачем в таком случае он к вам пожаловал?

— Чтобы усовершенствовать программу, зачем же еще?

— И вы ему помогаете?

— Конечно. Речь идет об огромных гонорарах, Герман.

— Питер, Питер, — покачал головой Гелб, — неужели из-за денег вы готовы рискнуть судьбой всего мира?

— Войны не будет. Никогда. Не существует реальной комбинации событий, которая может заставить компьютер принять решение о начале военных действий. Компьютеры очень высоко ценят человеческую жизнь, поэтому то, что покажется приемлемым министру Харгриву или даже нам с вами, никогда не получит добро со стороны самого компьютера.

— Откуда такая уверенность?

— Я программист, Герман, и я не знаю ни одного способа, каковым можно было бы заставить компьютер начать войну без учета сопряженных с нею потерь. Компьютеры не обладают одним принципиально важным качеством и поэтому будут всегда приводить Харгрива и ему подобных в отчаяние.

— Чего же не хватает компьютеру?

— Видите ли, Гелб, компьютер начисто лишен чувства правды и никогда не уверен в своей правоте.

ГАЛЛЮЦИНАЦИЯ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Сэм Чейз прибыл на Энергетическую планету в день своего пятнадцатилетия.

Все говорили, что получить подобное назначение — большая честь, но никакой радости он не испытал.

Специализированное обучение означало для Сэма трехлетнюю разлуку с Землей и близкими. Да и предложенная сфера образования совершенно его не интересовала. Расстроенный Сэм терялся в догадках, почему Центральный Компьютер выбрал для участия в проекте именно его.

Мальчик посмотрел на раскинувшийся над головой прозрачный Купол. Купол достигал в высоту не менее тысячи метров и простирался во все стороны насколько хватал глаз.

— Правда ли, что это единственный Купол на всей планете, сэр?

О том, что Купол на планете один, Сэм знал из просмотренных в полете учебных фильмов. Но фильмы могли и устареть.

Доналд Джентри, которому был адресован вопрос, улыбнулся. Это был крупный, плотный человек с темными, добрыми глазами, короткой стрижкой и короткой седеющей бородой.

— Единственный, Сэм, — кивнул он. — Зато очень большой. Почти все оборудование спрятано под поверхностью, где места всегда в избытке. Кстати, как только закончится первоначальный этап обучения, ты будешь почти все время проводить в космосе. На планете размещается перевалочная база.

— Понимаю, сэр, — сказал Сэм, слегка встревожившись.

— За первоначальную подготовку отвечаю я, — добавил Джентри, — следовательно, мне приходится тщательно изучать лич-

Hallucination

© 1995 by Nightfall, Inc.

Галлюцинация

© М. Гутов, перевод, 1997

ные дела курсантов. Похоже, что данное назначение тебя не сильно обрадовало. Я не ошибаюсь?

Сэм поколебался, но вовремя сообразил, что выбора у него нет и лучше отвечать честно.

— Я не уверен в том, что смогу добиться больших успехов в гравитационной инженерии.

— Почему? Я привык доверять данным Центрального Компьютера. Он изучил все твои показатели. Если дела пойдут хорошо, ты сумеешь многого добиться. Сегодня мы работаем на передовых рубежах новейшей технологии.

— Знаю, сэр, — произнес Сэм. — Там, на Земле, все только об этом и говорят. Никто и никогда не пытался подойти к нейтронной звезде, чтобы воспользоваться ее энергией.

— Вот как? — усмехнулся Джентри. — Я уже два года не был на Земле. Что еще там говорят? Полагаю, у проекта достаточно противников?

Он пристально посмотрел на мальчика.

Сэм смущенно поежился, понимая, что его проверяют.

— Многие считают, что это слишком опасно и может оказаться пустой тратой денег.

— А ты как думаешь?

— Не исключено, что так оно и есть. Все новые технологии по-своему опасны, но прекращать из-за этого исследования нельзя. Полагаю, и в этом случае тоже.

— Отлично. Что еще говорят на Земле?

— Говорят, что Командор болен, а без него проект может провалиться. — Не дождавшись ответа Джентри, Сэм добавил: — Так говорят.

Джентри сделал вид, что не услышал. Он положил руку на плечо мальчика и сказал:

— Пойдем, я покажу твой Коридор, познакомлю с соседом по комнате и объясню, в чем будут заключаться твои первоначальные обязанности. — Когда они остановились у ведущего вниз лифта, Джентри спросил: — А сам бы ты что выбрал?

— Нейропсихологию, сэр.

— Хорошее решение. Человеческий мозг и сегодня остается самой большой загадкой. О нем нам известно меньше, чем о нейтронных звездах. Это выяснилось, когда мы приступили к работе над проектом.

— Вот как?

— Представь себе! С первых дней работающие на базе люди начали жаловаться на галлюцинации. Надо сказать, что база тогда была значительно меньше и примитивнее. Никаких отрицательных эффектов галлюцинации не вызвали, и со временем жалобы прекратились. Причину мы так и не выяснили.

Сэм остановился и снова посмотрел вверх и вокруг.

— Из-за этого и построили Купол, доктор Джентри?

— Нет. Вовсе нет. Просто нам хотелось, чтобы было больше похоже на Землю. Но мы не стремились отделиться от остального мира. Люди могут беспрепятственно выходить наружу. Последнее время на галлюцинации никто не жалуется.

— Я читал, что на Энергетической планете нет жизни, за исключением растений и насекомых. И те и другие совершенно безобидны, — сказал Сэм.

— Это так, но они несъедобны, поэтому нам приходится выращивать собственные овощи. Мы держим также кое-каких мелких животных — прямо здесь, под Куполом. Как бы то ни было, не найдено никаких доказательств тому, что галлюцинации вызывались животным или растительным миром планеты.

— А какова здешняя атмосфера, сэр?

Джентри взглянул на собеседника с высоты своего небольшого роста и произнес:

— Атмосфера вполне нормальная. Пару дней назад несколько человек заночевали под открытым небом, и ничего не случилось. Это весьма приятный мир. Много ручьев, хотя и без рыбы. Только водоросли и водные насекомые. Ничего ядовитого или дурно пахнущего. Попадают желтые ягоды, на вид весьма соблазнительные, а вот на вкус ужасные. Вреда от них, впрочем, никакого. Вода почти всегда пригодна для питья. Часто идут мелкие дожди, порой надоедает ветер, но в целом температура нормальная и нет резких перепадов от жары к холоду.

— Значит, галлюцинации прекратились, доктор Джентри?

— Тебя это разочаровало? — улыбнулся Джентри.

Сэм решил рискнуть.

— Связана ли с галлюцинациями проблема Командора?

Взгляд Джентри мгновенно утратил доброжелательность. Он нахмурился и спросил:

— Какую проблему ты имеешь в виду?

Сэм вспыхнул, и больше к этой теме они не возвращались.

В Коридоре, к которому приписали Сэма, почти никого не оказалось. Джентри объяснил, что начался напряженный период на дальней станции, где идет строительство кольца вокруг нейтронной звезды — крошечного небесного тела, не превышающего в диаметре десяти миль и обладающего при этом массой нормальной звезды и чудовищной силы магнитным полем.

Именно магнитное поле и привлекало интерес ученых. Они хотели откачивать из него энергию в огромных количествах, что все равно оказалось бы лишь каплей в океане неиссякаемой мощи, порождаемой вращательным моментом звезды. По их

расчетам, потеря звездной энергии начала бы ощущаться не ранее чем через миллиард лет. Все это время десятки населенных людьми планет могли процветать, потребляя передаваемую через космические пространства энергию.

Соседом Сэма по комнате оказался Роберт Жилет, темно-волосый, несчастного вида юноша. После обмена осторожными приветствиями Роберт поведал, что «приземлился» с поломанной рукой, хотя со стороны этого не видно, поскольку кости расстали изнутри.

— Знаешь, как трудно управляться в космосе с разными предметами? — обреченно произнес Роберт. — Думаешь, если невесомость, так вещи не имеют веса? Не забывай об инерции.

— Это проходят еще... — Сэм хотел сказать «в четвертом классе», но вовремя сообразил, что сосед может обидеться.

Роберт, однако, уловил намек и густо покраснел.

— На словах все легко усваивается. Пока не попробуешь на деле, ничему не научишься. Сам скоро поймешь.

— Сложно ли добиться, чтобы тебя отправили наружу?

— Нет, не сложно. Только зачем? Там ведь ничего нет.

— А ты там был?

— Конечно. — Роберт пожал плечами и не стал распространяться на эту тему.

Тогда Сэм решил рискнуть:

— А у тебя были эти галлюцинации, о которых все говорят?

— Кто говорит? — ошетинился Роберт.

— Ну, многие, — уклончиво ответил Сэм. — Якобы раньше они случались часто, теперь вроде нет.

— Кто все-таки тебе сказал?

— А может, они и сейчас случаются, только люди предпочитают молчать?..

— Послушай моего совета, — грубо перебил его Роберт. — Не интересуйся ты этими... чем бы это ни оказалось. Если начнешь говорить, что ты... ну, что-то видишь, тебя могут запросто отправить назад. Потеряешь возможность приобрести хорошее образование и сделать карьеру.

При этих словах глаза Роберта сурово уставились в одну точку.

Сэм пожал плечами и присел на незанятую койку.

— Не возражаешь, если я займу эту кровать?

— Других все равно нет, — процедил Роберт. — Ванная справа. Вот твой шкафчик, вот стол. Тебе принадлежит половина комнаты. Здесь есть спортзал, библиотека, столовая. — Он помолчал, потом, словно желая замять неприятный момент, добавил: — Позже я покажу тебе все.

— Спасибо, — кивнул Сэм. — А что за человек Командор?

— Он классный спец. Без него нас бы здесь не было. Никто так не разбирается в гиперпространственной технологии. К тому же у Командора связи в Космическом Бюро, так что у нас нет проблем ни с деньгами, ни с оборудованием.

Сэм открыл свой чемоданчик, повернулся к Роберту спиной и осторожно заметил:

— Я слышал, он болен.

— Работа его доконала. Мы выбились из графика, теряем деньги из-за простоев, все такое. Любой на его месте давно бы свалился.

— Депрессия, говоришь? А не связано ли...

Роберт нервно заерзал.

— Слушай, чего ты уцепился за эти галлюцинации?

— Потому что физика высоких энергий в принципе не моя специализация. Прилетев сюда...

— Так вот, ты уже здесь. Из этого и исходи, а иначе тебя быстро выпрут, и окажешься ты на бобах, парень. Ладно, я пошел в библиотеку.

Сэм остался наедине со своими мыслями.

Получить разрешение на выход из Купола оказалось проще простого. Старший Коридора вначале выписал пропуск и лишь потом поинтересовался, зачем это надо.

— Хочу почувствовать планету, сэр.

Старший Коридора кивнул:

— Дело. Главное, не забывай, что у тебя всего три часа. И не теряй Купол из виду. Если все-таки заблудишься, мы найдем тебя при помощи этой штуки. — Он вручил Сэму передатчик, настроенный, как Сэм уже догадался, на личную волну, полученную им в момент рождения. — Но учти, тогда тебе долго не получить повторного разрешения. К тому же это изрядно подпортит твоё личное дело. Ты меня понял?

Изрядно подпортит личное дело... Любая мало-мальски приличная карьера в наше время требует полученного в космосе образования, так что последнее предупреждение прозвучало довольно серьезно. Не удивительно, что люди перестали докладывать о галлюцинациях, даже если и продолжали их видеть.

Но и при таком раскладе Сэм был готов рискнуть. В конце концов, Центральный Компьютер не стал бы посылать его сюда ради физики высоких энергий. В его личном деле не было ни строчки, способной объяснить подобный выбор.

Судя по виду, планета вполне могла сойти за Землю. Во всяком случае за ту ее часть, где мало деревьев, растет карликовый кустарник и высокая, густая трава.

Тропинок не было, трава раскачивалась при каждом, даже самом осторожном шаге, из нее, негромко шелестя крыльями, вылетали причудливые создания.

Одно из них опустилось на палец изумленного Сэма. Существо было восьмиугольным, выпуклым сверху, вогнутым снизу и совсем крошечным. Других деталей Сэм разглядеть не мог. Ножек было так много, что казалось, насекомое не ползет, а катится на колесиках. Крыльев Сэм не видел, пока, совершенно неожиданно, тварь не взлетела в воздух. Только тогда он заметил четыре маленьких, перистых крылышка.

Между тем планета отличалась от Земли запахом. Он не вызывал отвращения, но это был другой запах. Очевидно, растения имели иной химический состав, из-за чего казались неприятными на вкус. Между тем отравляющих веществ они не содержали.

Со временем Сэм почти перестал обращать на запах внимание. Он нашел торчащий из почвы камень и присел, чтобы обдумать свое положение. По небу плыли облака, солнце то и дело пропадало, но холоднее не становилось, разве что ветер время от времени усиливался. Воздух был влажен, как перед грозой.

Сэм захватил с собой небольшую корзинку. Он поставил ее на колени, достал банку с напитком и бутерброды и, жуя, пытался сообразить, в чем могла заключаться природа галлюцинаций.

На планете находились люди, специально отобранные для чрезвычайно важной и ответственной работы по усмирению нейтронной звезды. Разумеется, все они прошли серьезные тесты на психическую стабильность. Было бы странно, если бы на галлюцинацию пожаловался даже один человек. Здесь же имело место массовое заболевание. Неужели на мозг людей действовали какие-то химические соединения?

Но в таком случае давно были бы взяты соответствующие пробы.

Сэм поднял листик, разорвал его пополам и сдавил. Затем поднес разорванный край к носу и осторожно понюхал. Горький, неприятный запах. Он проделал то же самое со стебельком травы. Почти никакой разницы.

Запах скорее всего ни при чем. Голова не кружилась, да и вообще никаких странных ощущений не возникло.

Он плеснул немного воды на пальцы, после чего вытер руки о штаны. Затем не торопясь доел сандвичи, пытаясь определить, чем же еще отличается от Земли Энергетическая планета.

Столько зелени!.. Изобилие пищи для множества животных, кроликов, коров, кого угодно. На деле же весь животный мир планеты ограничивался роем насекомых, или как еще можно

было назвать этих причудливых существ, тихо шуршащих крошечными перистыми крылышками и мягко — хрум, хрум, хрум — пожирающих листики и стебельки.

Что, если бы здесь оказалась корова, большая, толстая корова, пережевывающая сочную траву?..

В этот момент Сэм вдруг сам перестал жевать, и последний кусок сэндвича застрял у него между зубов. В воздухе, между ним и живой изгородью повис легкий, прозрачный дымок. Он дрожал, вздымался и менял очертание.

Сэм протер глаза, потом потряс головой, но дым не исчезал. Он торопливо сглотнул, застегнул корзинку, закинул ее за спину и вскочил.

Страх Сэм не испытывал, только возбуждение... и любопытство.

Дым густел и обретал форму. Призрачные, прозрачные клубы отдаленно напоминали корову. Галлюцинация? Плод его фантазии? Он ведь только что думал про корову.

Галлюцинация или нет, сейчас в этом придется разобраться.

Сэм решительно зашагал в сторону клубящегося облака.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Сэм Чейз приближался к дымному очертанию коровы, возникшему на далекой, странной планете, на которой ему предстояло получить образование и сделать карьеру. Продираясь через высокие, густые заросли, он отметил царящую тишину и понял, что перед ним действительно нечто реальное.

Дым загустел еще больше, очертания коровы стали четче. Казалось, что она нарисована прямо в воздухе.

Сэм расхохотался и закричал:

— Эй, вы, стойте! Остановитесь! Мне нельзя доверять. Я и корову-то в глаза не видел. Только на картинках. Получится неправильно.

Корова действительно больше походила на карикатуру, чем на реальное животное. После его слов неясная фигура задрожала и стала прозрачнее. Дым не растаял, но чья-то невидимая рука принялась стирать нарисованную картину.

Вскоре начала складываться новая форма. Поначалу Сэм не мог сообразить, что получится на сей раз, однако картинка быстро обретала очертания. Он изумленно уставился на дымное облако; челюсть мальчика отвисла, а пустая корзинка хлопнула по спине.

Из дыма вырисовывалась человеческая фигура. Ошибки быть не могло. Рисунок получался очень точный и аккуратный,

словно невидимый мастер копировал стоящую перед ним модель.

Дымчатое облако становилось Сэмом, уже можно было различить мелкие детали одежды, очертания корзинки и даже ремешок, на котором она болталась за его спиной. Появился еще один Сэм Чейз.

Расплывчатый и неустойчивый образ густел, словно сам себя корректировал, и наконец обрел четкие очертания.

Абсолютно устойчивым он, однако, так и не стал. Сэм по-прежнему видел сквозь него растительность, а когда налетел порыв ветра, фигура качнулась в сторону, словно надутый газом шар.

Но она была настоящей. То есть не являлась порождением его фантазии. В этом Сэм был совершенно уверен.

Просто так стоять и смотреть Сэм не мог. Откашлявшись, он робко произнес:

— Привет, что ли?

Он ожидал, что другой Сэм так или иначе ему ответит, и действительно, рот дымчатой фигуры приоткрылся, но не издал ни звука. Похоже, он просто повторил движение губ Сэма.

— Эй, ты можешь говорить? — снова крикнул Сэм

Ответа, как и прежде, не последовало, и тем не менее в сознании Сэма что-то шевельнулось. Он понял, что общение уже началось.

Сэм нахмурился. Почему он вдруг в это поверил? Ему показалось, что в его голову попала чужая мысль.

— Так вот что случилось с остальными? Они видели похожих на себя людей?

Фигура не проронила ни звука, хотя Сэм был уверен, что ему ответили. Да, другие видели то же самое. Не обязательно собственные очертания, но нечто подобное. Впрочем, из этого ничего не вышло.

Откуда пришла эта мысль? Как он вообще понял, что ему отвечают?

Но ему, вне всякого сомнения, отвечали. Другой Сэм вкладывал в его голову свои мысли. Он корректировал электрические заряды его мозговых клеток и тем самым формировал нужные понятия

Сэм задумчиво кивнул. Другой Сэм осознал значимость этого жеста и кивнул в ответ.

Все правильно. Вначале, когда он подумал о корове, появилась корова. Потом, когда он сказал, что корова получилась неправильная, она тут же исчезла. Другой Сэм перехватывал его мысли, а значит, мог их и трансформировать.

Телепатия? Возможно. Во всяком случае, на обычный разговор это не походило. В голове Сэма возникали мысли, которые формировались где-то еще и не являлись следствием его собственных рассуждений. Но как отличить собственные мысли от мыслей, пришедших извне?

Ответ на этот вопрос пришел немедленно. Пока он просто не привык к данному процессу, не хватало практики. Со временем, набравшись опыта, он без труда сумеет отличить одни мысли от других.

Может получиться и сейчас, надо просто сосредоточиться...

Сэму показалось, что он участвует в странном диалоге. Вначале возникало любопытство, потом приходило знание. Любопытство было его собственным вопросом, знание — ответом Другого Сэма. Правильно!

Вот оно! Только что промелькнувшая мысль: «Правильно!» — была ответом.

— Не так быстро, Другой Сэм, — громко сказал Сэм. — Не гони. Дай мне разобраться, иначе я запутаюсь.

Он неожиданно для себя опустился на траву, которая раздалась от него во все стороны. Другой Сэм тоже попытался медленно присесть.

Сэм рассмеялся:

— У тебя ноги сгибаются не в том месте!

Ошибка была тут же исправлена. Другой Сэм сел, но верхняя часть тела по-прежнему оставалась напряженной.

— Расслабься, — сказал Сэм.

Другой Сэм медленно осел, съехал на один бок, потом слегка выровнялся.

Сэм торжествовал. Если Другой Сэм с такой готовностью следует всем его указаниям, значит, у него добрые намерения. Ну конечно! Только так!

— Нет, — произнес Сэм. — Я же сказал, не гони. Не отвечай на мои мысли. Дай мне высказать их вслух, даже если ты не можешь меня слышать. И только потом поправляй, чтобы я убедился, что это поправка. Ты меня понял?

Он подождал пару секунд и убедился, что Другой Сэм действительно его понял.

Ответ пришел не сразу. Отлично!

— Почему ты появляешься перед людьми? — спросил Сэм.

Он пристально посмотрел на Другого Сэма и узнал, что тот искал контактов с людьми, но ничего из этого не вышло.

На следующий вопрос ответ вроде бы и не требовался, настолько он был очевиден. И все-таки, почему общение не состоялось?

Он озвучил свою мысль.

— Почему у тебя ничего не вышло? Ты же прекрасно беседуешь со мной.

Сэм начал усваивать принципы общения с пришельцем. Кажалось, его разум адаптируется к подобному обмену информацией. Он словно учил неведомый доселе язык. А может, Другой Сэм влиял на сознание Сэма и обучал его новому способу общения не афишируя, что процесс уже начался?

Сэм поймал себя на том, что он пытается выбросить из головы спонтанно возникающие мысли. Задав вопрос, старался расслабить взгляд, веки непроизвольно опускались, словно его клонило в сон, и... приходил ответ. Звучал негромкий щелчок, условный сигнал, благодаря которому он узнавал, что в сознание вошла еще одна мысль.

Теперь он понял: Другому Сэму не удалось наладить контакта потому, что люди, которым он являлся, его путались. Они сомневались в собственном душевном здоровье. Их ум цепенел от страха. Они теряли способность к восприятию. Другой Сэм все реже пытался наладить общение, хотя до конца от своей идеи не отказался.

— Но со мной же ты говоришь, — сказал Сэм.

Сэм отличается от всех прочих. Он не боится.

— Неужели ты не мог их вначале успокоить, расслабить и лишь потом начинать разговор?

Не получилось. Исполненный ужаса разум отвергал все на корню. Попытка вмешаться в сознание людей могла причинить им вред. Нельзя причинять вред мыслящим существам.

— О чем ты хотел говорить, Другой Сэм?

Желание, чтобы его оставили в покое. ОТЧАЯНИЕ!

Отчаяние было больше, чем мысль. Отчаяние было эмоцией, сильным, пугающим ощущением. Сэм почувствовал, как на него навалилась тяжелая безысходность... но она не являлась частью его самого. Он остро чувствовал отчаяние поверхностью своего сознания, но глубже, там, где помещалась самая его суть, он оставался спокоен.

— Мне показалось, — с любопытством сказал Сэм, — что ты теряешь надежду. Почему? И вообще, разве мы тебе мешаем?

Люди построили Купол, очистили от жизни огромную часть планеты. Теперь они хотят построить энергетическую станцию на орбите нейтронной звезды и выкачивать энергию через гиперпространство к жаждающим ее мирам. Это неизбежно повлечет за собой строительство новых станций. Что тогда произойдет с ДОМОМ? (Другой Сэм как-то назвал эту планету, но

единственное понятие, которое смог найти в своем сознании Сэм, было слово ДОМ, а под ним билась мысль: НАШ, НАШ, НАШ...)

Эта планета — ближайшая удобная база для освоения нейтронной звезды. Сюда прибудут новые люди, построят новые Купола и уничтожат Дом.

— Но вы же можете повлиять на наше сознание, даже если кое-кому придется причинить вред, так?

Если они попытаются это сделать, люди посчитают их опасными и начнут с ними бороться. Они вызовут военные корабли и уничтожат всю жизнь на планете с большого расстояния, после чего поселятся здесь сами. Это видно по сознанию людей. У них было жестокое прошлое, они не остановятся ни перед чем.

— Но что я могу сделать? — спросил Сэм. — Я всего лишь ученик. Я провел здесь несколько дней. Что я могу сделать?

Страх. Отчаяние.

Сэм перестал воспринимать посторонние мысли, все тонуло под густым слоем гнетущего ужаса.

Ему стало жалко этот мир. Они никому не угрожали. Они не хотели вредить тем, кто сюда пришел, хотя могли это сделать.

На их горе поблизости оказалась нейтронная звезда. Они не виноваты в том, что встали на пути осваивающего космос человечества.

— Дай мне подумать, — сказал Сэм.

Он думал и чувствовал, как за ним наблюдает другой разум. Временами его сознание делало скачки, и он понимал, что ему подсказывают.

Зародилась слабая надежда. Сэм уловил новую мысль, но не был уверен, что правильно ее истолковал.

— Я постараюсь, — неуверенно произнес он.

Взглянув на часы, мальчик чуть не подпрыгнул. Прошло гораздо больше времени, чем он предполагал. Отпущенные ему три часа почти истекли.

— Мне пора возвращаться.

Сэм снова открыл корзинку, вытащил термос с водой и сделал несколько жадных глотков. Затем засунул термос под мышку, достал из корзинки обертки из-под бутербродов и закинул их в карман.

Другой Сэм задрожал и стал расплываться. Дым рассеивался, терял форму и наконец растворился.

Сэм застегнул корзинку, снова перебрал ремешок через плечо и повернулся к Куполу.

Сердце оглушительно колотилось в груди. Хватит ли ему мужества осуществить свой замысел? А если хватит, получится ли так, как он планировал?

Старший Коридора его уже ждал. Выразительно глядя на часы, он произнес:

— А ты у нас, оказывается, любишь точность.

Губы Сэма напряглись. Стараясь, чтобы его ответ не прозвучал вызывающе, мальчик произнес:

— У меня было три часа, сэр.

— Из которых ты использовал два часа и пятьдесят восемь минут.

— Это меньше чем три часа, сэр.

— Вот как? — Старший Коридора говорил холодным, недружелюбным тоном. — Доктор Джентри хочет тебя видеть.

— Да, сэр. Для чего?

— Он не сказал. Мне не нравится, что ты с первого дня начал рассчитывать время по секундам, Чейз. Мне вообще не нравится твое поведение. Мне не нравится, когда начальство вызывает к себе моих курсантов. Усвой на будущее: если ты собираешься мутить воду, в моем Коридоре тебе не место, понял?

— Да, сэр. Только в чем я провинился?

— А это мы скоро узнаем.

Сэм не видел Доналда Джентри с того самого дня, когда впервые пересек границу Купола. Доктор Джентри по-прежнему выглядел добродушным и приветливым. Ничто в его облике не указывало на перемену настроения. Он сидел за столом в своем кабинете, Сэм стоял перед ним, так и не успев снять с плеча корзинку.

— Как поживаешь, Сэм? Все в порядке?

— Да, сэр.

— Тебе здесь интересно, или по-прежнему хочешь заняться чем-нибудь другим? В ином месте?

— Нет, сэр, — честно ответил Сэм. — Меня здесь все устраивает.

— Не иначе как ты всерьез заинтересовался галлюцинациями?

— Да, сэр.

— Ты уже кое-кого здесь об этом расспрашивал, так?

— Для меня это интересная тема, сэр.

— Потому что ты хочешь изучать человеческий мозг?

— Любой мозг, сэр.

— Ты уже выходил за пределы Купола, не так ли?

— Мне сказали, что это не запрещено, сэр.

— Не запрещено. Хотя мало кто рвется туда с первого дня. Видел что-нибудь интересное?

Поколебавшись, Сэм сказал:

— Да, сэр.

— Галлюцинацию?

— Нет, сэр, — ответ прозвучал очень уверенно.

Джентри некоторое время пристально смотрел на Сэма. Глаза его стали жесткими и задумчивыми.

— Не хочешь ли рассказать мне о том, что увидел? Только честно.

Сэм вновь заколебался. Затем он произнес:

— Я беседовал с обитателем этой планеты, сэр.

— Ты хочешь сказать, что здесь живут мыслящие существа?

— Да, сэр.

— Послушай, Сэм, — произнес Джентри. — У нас с самого начала имелись в отношении тебя кое-какие сомнения. Характеристика Центрального Компьютера не вполне нас удовлетворяла, хотя кое-что меня заинтересовало, и я решил попробовать. С момента твоего прибытия мы держали тебя под коллективным наблюдением. Мы продолжали следить за тобой, когда ты отпирался гулять по планете.

— Сэр, — с несодованием произнес Сэм, — я усматриваю в этом вмешательство в мою частную жизнь.

— Безусловно. Так оно и есть, но мы работаем над чрезвычайно ответственным проектом и вынуждены временами идти на подобные нарушения. Мы видели, как ты в течение долгого времени беседовал с висящей в воздухе картинкой.

— Я только что об этом доложил, сэр.

— Да, но ты говорил ни с чем. С пустотой, воздухом. Ты пережил галлюцинацию, Сэм!

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Сэм Чейз лишился дара речи. Галлюцинация? Не может быть, чтобы это была галлюцинация.

Не более получаса назад он беседовал с Другим Сэмом и воспринимал его мысли. Он четко ориентировался в происходящем, он был тем же самым Сэмом Чейзом, который вел беседу с неведомым собеседником.

Сэм прижал локтем корзинку для завтраков, словно она являлась связующим звеном между ним и сэндвичами, которые он ел в тот момент, когда появился Другой Сэм.

Запинаясь, он произнес:

— Сэр... Доктор Джентри... это не была галлюцинация. Это была реальность.

Джентри покачал головой:

— Послушай, мальчик. Я своими глазами видел, как ты оживленно беседовал с пустотой. Я не слышал слов, но ты разговаривал. С травой и кустами. И я был не один. Со мной находились двое свидетелей, которые зафиксировали все документально.

— Зафиксировали?

— На видеокассету. Мы бы не стали тебя обманывать, юноша. Подобное случалось и раньше — поначалу довольно часто, сейчас редко. Во-первых, мы стали предупреждать о галлюцинациях каждого курсанта. Если помнишь, я и с тобой провел соответствующую беседу. Как правило, после подобного предупреждения люди стараются не выходить за пределы Купола до тех пор, пока не привыкнут к жизни на планете. Поэтому и галлюцинации стали возникать гораздо реже.

— Другими словами, вы их запугиваете, — выпалил Сэм. — Внушаете им, что подобного не должно произойти, и они вам не признаются, даже если что и видели. А я не испугался.

— Жаль, что не испугался, — покачал головой Джентри, — если только страх мог удержать тебя от нежелательных видений.

— Не было у меня никаких видений. Все происходило на самом деле.

— Ты готов спорить с видеокассетой, на которой ты обращаешься в пустоту?

— То, что я наблюдал, сэр, было прозрачным. Туманным и светопроницаемым, если вы понимаете, о чем я говорю.

— Понимаю. Оно выглядело как галлюцинация, а не как реальность. Телекамера зафиксировала бы самый прозрачный туман.

— Боюсь, что нет, сэр. Мне пришлось сосредоточить все внимание, чтобы разглядеть то, что находилось передо мной. Возможно, у камеры не хватило разрешающей способности.

— Значит, потребовалось сосредоточить сознание, да? — неожиданно мрачно спросил Джентри и поднялся. — Это верный признак галлюцинации. Мне очень жаль, Сэм. Ты весьма смывленный парень, и Центральный Компьютер высоко оценил твои способности, но мы не можем тебя использовать.

— Вы решили отправить меня домой, сэр?

— Да. Надеюсь, ты не расстроишься. Ты ведь и сам хотел получить другое назначение, верно?

— Теперь я хочу остаться здесь.

— Боюсь, это исключено.

— Вы не можете просто так взять и отправить меня обратно. Я имею право опротестовать ваше решение?

— Да, конечно. Только в этом случае все будет сделано официально, в твое личное дело внесут соответствующие формулировки, после которых тебя не возьмут уже никуда. А так мы просто напишем, что тебе больше подходит стажировка по нейрофизиологии. В результате ты ничего не потеряешь, а можешь, даже и выиграешь.

— Не согласен. Я требую официального рассмотрения... в присутствии Командора.

— О нет. Мы предпочитаем не беспокоить Командора по всяким пустякам.

— Только в присутствии Командора, — с отчаянной решимостью повторил Сэм, — иначе проект потерпит неудачу.

— Проект потерпит неудачу, если Командор тебя не выслушает? С чего ты взял? У тебя с головой все в порядке?

— Сэр, — отчетливо произнес Сэм, — Командор болен, об этом известно даже на Земле. Если он приступит к работе не поправившись, проект потерпит неудачу. То, что я видел, не было галлюцинацией. В доказательство я могу определить причину болезни и вылечить Командора.

— Ты усложняешь свое положение, — проворчал Джентри.

— Еще раз повторяю: если вы меня отошлете, проект провалится. Неужели вы думаете, что, поймав Командора, я сделаю ему хуже? Я прошу всего пять минут.

— Пять минут? А если он откажет?

— Попросите его, сэр. Передайте мои слова: то, что вызвало болезнь, может ее излечить.

— Нет. Этого я не скажу. Но просьбу твою передам.

Командор оказался сухощавым, невысоким человеком. Темно-синие глаза выглядели очень устало.

У него был негромкий, низкий и утомленный голос.

— Это ты видел галлюцинацию?

— Не галлюцинацию, Командор. Я видел реальность. Такую же, как и вы. — «Если меня тут же не вышвырнут, — подумал Сэм, — есть шанс». Он почувствовал, как локоть непроизвольно напрягся и прижал к боку корзинку.

— Я видел? — опешил Командор.

— Да, сэр. Они сказали, что причинили вред одному человеку. Они попробовали на вас, поскольку вы Командор и... причинили вам вред.

Командор не обратил внимания на его слова и спросил:

— Были ли у тебя раньше проблемы с психикой?

— Нет, Командор. Вы можете проверить данные Центрального Компьютера.

А вот у него наверняка были проблемы, подумал Сэм, но, поскольку Командор — гений, на это решили не обращать внимания.

Потом он подумал: моя ли это мысль? Или ее вложили мне в голову?

Командор что-то говорил. Сэм едва не прослушал.

— То, что ты видел, было нереальным. На этой планете нет разумных форм жизни.

— Есть, сэр.

— Вот как? Почему же никто раньше их не замечал? А ты прилетел и за три дня во всем разобрался. — По губам Командора скользнула улыбка. — Боюсь, что у меня нет выбора, кроме как...

— Пойдите, Командор, — сдавленным голосом произнес Сэм. — Все видели эту форму жизни. Речь идет о насекомых, крошечных летающих существах.

— Ты утверждаешь, что насекомые разумны?

— Каждое в отдельности — нет, но они могут соединяться наподобие фрагментов мозаики и образовывать любые комбинации. При этом их нервные системы тоже сливаются. Собираясь вместе, они становятся разумными.

Командор изумленно поднял брови:

— Любопытная версия. Достаточно безумная, чтобы оказаться правдой. Как ты пришел к своему заключению, юноша?

— Через наблюдение, сэр. Куда бы я ни шагнул, я повсюду тревожил сидящих в траве насекомых. Они разлетались от меня во все стороны. Но как только начала образовываться корова и я побежал в ее сторону, наступила тишина. Насекомые пропали. Они собрались передо мной в огромную тучу, в траве их больше не было. Так я и догадался.

— Ты говорил с коровой?

— Вначале появилась корова, потому что я про нее подумал. Но получилось плохо, и насекомые перегруппировались, образовав фигуру человека — меня.

— Тебя? — Понизив голос, Командор добавил: — Что ж, похоже.

— Вы тоже это видели, сэр?

Командор оставил его вопрос без внимания.

— Могла ли фигура говорить после того, как приняла твою форму?

— Нет, Командор. Разговор звучал в моем сознании.

— Телепатия?

— Что-то вроде.

— И что оно тебе сказала — или подумало?

— Оно **хотело**, чтобы мы воздержались от воздействия на планету. **Чтобы** мы ее не покоряли. — Сэм затаил дыхание. Собеседование длилось больше пяти минут, и Командор не собирался его прерывать.

— Исключено.

— Почему, Командор?

— Строительство другой базы удвоит, а то и утроит расходы. У нас и без того сложности с получением средств. Хорошо, что все это лишь галлюцинация, молодой человек. На самом деле проблемы не существует. — Он прикрыл глаза, потом открыл их и устало взглянул на Сэма. — Мне очень жаль, юноша, но я вынужден вас отправить домой. Официально.

— Мы не имеем права игнорировать насекомых. — Сэм пошел ва-банк. — Они многое могут нам дать, Командор.

Командор приподнял левую руку, словно готовясь завершить встречу. Услышав последние слова мальчика, он остановился и произнес:

— Вот как? Что же они могут нам дать?

— То, что гораздо важнее энергии, Командор. Понимание мозга.

— С чего ты взял?

— Я могу вам продемонстрировать. Насекомые у меня с собой. — Сэм сорвал с плеча корзинку и поставил ее на стол.

— Это еще что?

Вместо ответа Сэм открыл корзинку, из которой тут же появилось клубящееся дымчатое облако.

Командор с криком вскочил на ноги. Он резко взмахнул рукой, и загредел сигнал тревоги.

В дверях показались Джентри и остальные. Сэм почувствовал, как его схватили за руки, после чего в комнате повисла гнетущая тишина.

Облако сгущалось, обретая форму головы с тонкими чертами лица, высокими скулами, покатым лбом и скошенной линией волос. Голова походила на Командора.

— У меня видение! — хрипло воскликнул Командор.

— Мы все видим одно и то же, не так ли? — сказал Сэм. Он дернулся, и его отпустили.

— Массовая истерика, — пробормотал Джентри.

— Нет, — возразил Сэм. — Реальность.

Он вытянул руку в сторону головы, и на его пальце оказалось крошечное насекомое. Сэм стряхнул его, и едва различимая мошка полетела к своим собратьям.

Все замерли.

— Голова, знаешь ли ты, в чем проблема психики Командора? — спросил Сэм.

В мозгу у него промелькнул образ спутанного клубка, который, однако, тут же исчез, ничего после себя не оставив. Очевидно, подобное было не просто вложить в сознание человека. Он надеялся, что остальные почувствовали нечто подобное. Да, почувствовали. Он знал это.

— Никакой проблемы не существует, — заявил Командор.

— Можешь ли ты ее устранить, Голова? — спросил Сэм.

Конечно, нет. Нельзя вмешиваться в сознание.

— Командор, дайте разрешение, — сказал Сэм.

Командор прикрыл глаза руками и что-то пробормотал — слов Сэм не расслышал. Затем он отчетливо произнес:

— Это кошмар, но я пребываю в нем с момента... Я даю разрешение на все, что необходимо сделать.

Ничего не произошло.

Или показалось, что не произошло.

Затем медленно-медленно лицо Командора осветилось улыбкой.

Он прошептал:

— Потрясающе. Я вижу восход солнца. После долгой и холодной ночи я снова ощущаю тепло. — Голос его стал громче. — Я прекрасно себя чувствую!

В этот момент Голова распалась, вместо нее колыхалось прозрачное облако, которое затем превратилось в изогнутую стрелу, влетевшую в корзину. Сэм захлопнул крышку.

— Командор, разрешаете ли вы мне вернуть насекомых на место?

— Да, конечно, — махнул рукой Командор. — Джентри, соберите людей. Нам необходимо пересмотреть все наши планы.

Суровый охранник сопроводил Сэма за пределы Купола, после чего мальчика до конца дня заперли в комнате.

Поздно вечером пришел Джентри, задумчиво на него посмотрел и сказал:

— Ты устроил замечательное представление. Мы все передали в Центральный Компьютер. Теперь у нас двойной проект — энергия нейтронной звезды и нейрофизиология. Не сомневаюсь, что вопрос с финансированием решится положительно. Вскоре сюда прибудет группа нейрофизиологов. До их прибытия работа с этими крошками поручается тебе. Не исключено, что ты станешь самым важным человеком на базе.

— Оставим ли мы им их планету?

— Придется, если мы надеемся получить от них какую-либо помощь. Командор считает, что мы должны создать вокруг планеты сложный орбитальный комплекс и передать им контроль над всеми операциями. На базе под Куполом останется лишь группа специалистов, которые будут поддерживать контакт с насекомыми — если мы так и условимся в дальнейшем их называть. Уйдет много времени, потребуются колоссальные затраты, но в конечном итоге все окупится. В этом никто не сомневается.

— Хорошо! — сказал Сэм.

Джентри снова посмотрел на юношу. На этот раз взгляд его был более долгий и задумчив.

— Похоже, все, что произошло, случилось благодаря тому, что ты не испугался предполагаемой галлюцинации. В отличие от всех остальных ты сохранил ясный разум. Почему? Почему ты не испугался?

Сэм густо покраснел.

— Даже не знаю, сэр. Я и сам пытаюсь это осмыслить. С самого начала я был удивлен тем, что меня сюда прислали. Я прилежно учил нейрофизиологию, но мало соображал в астрофизике. В Центральном Компьютере хранятся все данные, вплоть до малейших подробностей обучения, и я ума не мог приложить, как я здесь очутился.

Потом, когда вы впервые упомянули о галлюцинациях, я подумал: вот оно. Меня послали исследовать галлюцинации. Так что я просто настроился на работу. У меня не было времени испугаться, доктор Джентри. Передо мной стояла проблема, которую я обязан был разрешить, и я... я верил в Центральный Компьютер. Он не послал бы меня сюда, если бы я был не в силах справиться с этой задачей.

Джентри покачал головой:

— Боюсь, сам я не настолько доверяю машинам. Но, как говорят, вера может горы свернуть. Похоже, так и произошло в данном случае.

НЕСТАБИЛЬНОСТЬ

Профессор Файербреннер объяснил все очень подробно: — Восприятие времени зависит от структуры Вселенной. Когда Вселенная расширяется, нам кажется, что время идет вперед; когда она сжимается, нам кажется, что время идет назад. Если бы удалось каким-нибудь образом заставить Вселенную застыть на месте, не расширяться и не сжиматься, время бы остановилось.

— Разве можно остановить Вселенную? — потрясенно пробормотал мистер Аткинс.

— Всю — нет, но небольшую ее часть я остановить смогу, — сказал профессор. — Как раз чтобы в ней поместился корабль. Время остановится, и мы сможем сдвинуться вперед или назад, в зависимости от нашего желания. Все путешествие продлится не более мгновения. Прикованные к материи мира, мы застынем на месте, а остальная Вселенная продолжит свое движение. Земля будет вращаться вокруг Солнца, Солнце — вокруг центра Галактики, Галактика — вокруг своего центра тяжести, и даже скопления галактик продолжат движение в прежнем направлении.

Я просчитал траекторию и пришел к выводу, что через двадцать семь с половиной миллионов лет на месте нашего Солнца окажется красный карлик. Если за это мгновение нам удастся продвинуться в будущее на двадцать семь с половиной миллионов лет, то красный карлик окажется в непосредственной близости от нашего корабля. Мы сможем провести необходимые наблюдения и вернуться назад.

The Instability

© 1989 by Nightfall, Inc.

Нестабильность

© М. Гутов, перевод, 1997

— Это действительно возможно? — вытаращил глаза Аткинс.

— Я запускал во времени подопытных животных, но все они пропадали, поскольку не могли пользоваться приборами. Если мы сами отправимся в путешествие, то всегда сумеем вернуться.

— Вы хотите, чтобы я находился рядом с вами?

— Конечно. Нас должно быть двое. Одному могут просто не поверить. Соглашайтесь, я обещаю вам невероятное приключение!

Аткинс осмотрел корабль. «Глен-фьюжн» модели 2217 смотрелся великолепно.

— Предположим, — произнес он, — корабль приземлится внутри красного карлика.

— Не приземлится, — отмахнулся профессор. — А если приземлится, то в этом и заключается наш риск.

— Но когда мы решим вернуться, и Земля и Солнце пройдут определенное расстояние. Мы окажемся в пустоте.

— Естественно, мистер Аткинс. Но мы потратим на изучение звезды не более нескольких часов. Они не успеют уйти далеко. На таком корабле мы всегда догоним нашу любимую планету. Вы готовы?

— Готов, — тяжело вздохнул Аткинс.

Профессор Файербреннер подстроил приборы и пригвоздил корабль к материи Вселенной на двадцать семь с половиной миллионов лет, которые пролетели за одно мгновение, после чего время снова потекло в нормальном темпе и они присоединились к движению Вселенной.

Профессор Файербреннер и мистер Аткинс увидели в иллюминатор космического корабля маленький диск звезды красного карлика.

Профессор улыбнулся:

— Мы с вами, Аткинс, — первые в мире, кому довелось увидеть с такого близкого расстояния другую звезду.

В течение двух с половиной часов ученые фотографировали красного карлика и его спектр, а также соседние звезды, проводили исследования короны, определяли химический состав межзвездного газа, после чего профессор Файербреннер неохотно произнес:

— Думаю, нам пора возвращаться.

После необходимой подстройки приборов корабль вновь оказался прикован к материи Вселенной. Менее чем за мгновение они промчались на двадцать семь с половиной миллионов лет в прошлое и оказались там, откуда стартовали.

Вокруг простирался черный космос. Не было ничего.

— Что случилось? — встревожился Аткинс. — Куда подевались Земля и Солнце?

Профессор нахмурился:

— Наверное, возвращение во времени происходит по-другому. Очевидно, сдвинулась вся Вселенная.

— Куда она могла сдвинуться?

— Этого я не знаю. Все тела смещаются вместе со Вселенной, но сама Вселенная должна сохранять единое направление. Мы находимся в абсолютном вакууме, в первородном Хаосе.

— Но мы находимся здесь. Значит, это уже не первородный Хаос.

— Верно. Выходит, мы внесли нестабильность в точку, в которой находились, из чего следует...

Не успел профессор закончить свою мысль, как Большой Взрыв уничтожил и его, и мистера Аткинса. Родилась и начала расширяться новая Вселенная.

АЛЕКСАНДР БОГ

Александр Хоскинс серьезно заинтересовался компьютерами в возрасте четырнадцати лет. Очень скоро он понял, что кроме них его ничто не интересует.

Учителя поощряли увлечение мальчика и даже отпускали с уроков, чтобы он мог полностью отдаться любимому делу. Отец Александра, работавший на фирме «Ай-Би-Эм», тоже его поддерживал, обеспечивал необходимым оборудованием и объяснял сложные моменты.

В каморке над гаражом Александр построил собственный компьютер, который сам же запрограммировал, а потом неоднократно перепрограммировал. В возрасте шестнадцати лет он уже не мог найти книги, в которой содержались бы неизвестные ему сведения о компьютерах. Не мог он также найти книги, где бы писалось о вопросах, которыми он занимался самостоятельно.

Александр долго думал и решил не говорить отцу о некоторых способностях своего компьютера. К тому времени мальчик уже знал, что величайшего завоевателя древности звали Александр Великий. Он понял, что и его называли Александром не случайно.

Александра особо интересовала проблема компьютерной памяти. Он увлекся разработкой систем, позволяющих втискивать как можно больше данных в как можно меньший объем памяти.

Наконец он торжественно окрестил свой компьютер Буцефалом в честь славного коня Александра Великого, на котором знаменитый полководец выиграл все свои битвы. Другие компьютеры тоже могли сканировать и сохранять написанные слова, но ни один не мог сравниться в этом с Буцефалом. В каче-

стве теста Александр заставил Буцефала просканировать и сохранить в памяти Британскую энциклопедию.

В восемнадцать лет Александр открыл свое дело по информационному обеспечению студентов и мелких бизнесменов и стал материально независим от родителей. Он переехал в собственную квартиру и с этого момента начал жить самостоятельно.

У себя дома он смог наконец снять наушники и говорить с Буцефалом в открытую. При этом, правда, молодой человек предусмотрительно поставил громкость компьютерного голоса на минимум. Он не хотел, чтобы соседи интересовались, кто еще проживает в его квартире.

Он сказал:

— Буцефал, Александр Великий покорил весь Древний мир к тридцати годам. Я хочу сделать то же самое. Значит, у меня осталось двенадцать лет.

Буцефал хорошо знал историю Александра Великого — в Британской энциклопедии содержались все детали жизни знаменитого полководца.

— Александр Великий был сыном царя Македонии, — ответил компьютер — В твоем возрасте он повел кавалерию своего отца в победоносную атаку под Херонией.

— Нет-нет, — замахал руками Александр — Я говорю не о битвах и не о фалангах. Я хочу покорить мир, став его владельцем.

— Как ты можешь стать владельцем мира, Александр?

— Я и ты, Буцефал, должны изучить положение на фондовой бирже.

К тому времени «Нью-Йорк таймс» уже давно перевела свои микрофильмы с биржевыми сводками в компьютерные файлы, и Александру не составило большого труда получить доступ к нужной информации.

Целыми днями, неделями и месяцами Буцефал переводил накопленные за столетие сводки в свою память. Он фиксировал все зарегистрированные товары, проданные акции, рост и падение курсов, а заодно и всю пригодную к делу информацию, которая попадалась на финансовых страницах. Александру пришлось существенно расширить и уплотнить память компьютера и разработать совершенно новую систему переработки данных.

Он с большой неохотой продал «Ай-Би-Эм» упрощенную версию одной монтажной платы, что надолго избавило его от материальных затруднений. Он выкупил соседнюю квартиру, в которой теперь ел и спал. Первая квартира полностью перешла к Буцефалу.

В двадцать лет Александр почувствовал, что пора начинать кампанию.

— Буцефал, — произнес он. — Мы готовы. Лучше тебя никто не владеет ситуацией на фондовой бирже. В твоей памяти хранятся все сделки и транзакции; благодаря подключению к компьютеру нью-йоркской фондовой биржи ты располагаешь самой последней информацией. Скоро я подключу тебя к биржам Лондона, Токио и других городов.

— Все так, Александр, — ответил Буцефал. — Объясни, что ты хочешь делать с этой информацией?

— Я убежден, — произнес Александр, и в его глазах сверкнула стальная решимость, — что колебания и перепады цен на бирже не случайны. В мире вообще нет ничего случайного. Ты должен просмотреть все данные, изучить котировки, изменения курсов и тенденции в их изменении, для того чтобы выявить циклы и комбинации циклов.

— Ты имеешь в виду гармонический анализ Фурье?

— Объясни, что это значит.

Буцефал тут же представил распечатку из энциклопедии, а также выкладки из других банков данных.

Бегло просмотрев предложенное объяснение, Александр кивнул:

— Да, примерно это.

— Какова наша конечная цель?

— По этим циклам, Буцефал, ты сможешь предсказать положение на фондовой бирже на следующий день, неделю и месяц. Ты посоветуешь мне, куда следует вкладывать деньги. Я быстро разбогатею. Ты также поможешь мне скрыть мои вложения, чтобы никто в мире не догадался, насколько я богат и кто в самом деле влияет на мировые события.

— Зачем это нужно, Александр?

— Затем, что, когда я стану достаточно богатым, я смогу контролировать финансовую политику всего мира, а также весь бизнес, ресурсы и экономику. Я сделаю то, чего лишь частично удалось добиться Александру Великому. Я стану Александром Истинно Великим. — При этой мысли глаза его торжествующе засверкали.

К тому времени когда Александру исполнилось двадцать два года, Буцефал вычислил сложный набор циклов, что позволяло предугадать ситуацию на фондовой бирже. Александр торжествовал.

Буцефал был более осторожен. Он говорил:

— Помимо естественных циклов на ситуацию влияют непредсказуемые события, которые случаются в мире политики и международных отношений. В той же самой степени непредсказуемы перемены погоды, эпидемии и научный прогресс.

— Вовсе нет, Буцефал, — возразил Александр. — Все события подчиняются своим циклам. Изучи колонки новостей в «Нью-Йорк таймс» и загрузи их в свою память. А потом делай поправки на эти якобы непредсказуемые события. Вскоре ты поймешь, что и они вполне предсказуемы. В твоём распоряжении будут все солидные издания, как наши, так и зарубежные. Они доступны в виде микрофильмов или компьютерных файлов, так что ты без труда сможешь проследить динамику за целое столетие. Кроме того, я ведь не требую от тебя абсолютной точности. На данном этапе меня устроит вероятность в восемьдесят пять процентов.

Система сработала. Предсказывая рост или падение цен на фондовой бирже, Буцефал никогда не ошибался. Предсказывая долгосрочный подъем или падение конкретных акций, он почти никогда не ошибался.

К двадцати пяти годам состояние Александра составляло пять миллионов долларов, а ежедневные доходы достигали десятков тысяч долларов. Более того, его бухгалтерия была столь запутана, а деньги распределены так хитро, что вычислить его совокупный доход и заставить платить соответствующие налоги можно было только при помощи компьютера, равного по мощности Буцефалу.

Уйти от налогов, кстати, оказалось не сложно. В памяти Буцефала хранились все налоговые распоряжения, а также учебники по теории управления. Благодаря своему компьютеру Александр осуществлял незаметный контроль за десятками корпораций.

— Достаточно ли ты разбогател, Александр? — спросил его как-то раз Буцефал.

— Да ты смеешься! — взорвался Александр. — Я как был, так и остался денежным прыщиком, мальчиком на побегушках в захудалой фирме. Став миллионером, я приобрету определенное влияние в финансовых кругах, но и тогда я буду всего лишь одним из немногих. И только став мультимиллиардером, я обрету власть над правительствами и смогу диктовать миру свою волю. Кстати, мне осталось всего шесть лет.

С каждым годом Буцефал все лучше разбирался в финансовых и политических вопросах. Его советы неизменно отличались точностью и профессионализмом, он уверенно и успешно спутывал денежными щупальцами крупнейшие державы мира.

Но и его временами одолевали сомнения.

— Могут возникнуть неприятности, Александр, — периодически предупреждал Буцефал.

— Ерунда, — отмахивался тот. — Александра Истинно Великого остановить невозможно.

В двадцать шесть лет Александр стал миллиардером. Ему принадлежал весь многоквартирный дом, большая часть которого была отдана Буцефалу и отрокам его гигантской памяти. Невидимые щупальца Буцефала тянулись ко всем компьютерам мира, которые тихо и незаметно исполняли волю Александра.

— Сложности нарастают, Александр, — предупреждал Буцефал — Мои прогнозы на будущее не столь надежны, как раньше.

— Тебе приходится иметь дело с большим числом переменных, — нетерпеливо возражал Александр. — Это нормально. Я удвою твою сложность, а потом, если надо, удвою ее еще раз.

— Дело не в сложности, — сказал Буцефал. — Она может возрасти безгранично. Проблема в другом. Циклы, которые я предсказывал до сих пор, идеально отображали будущее только потому, что события прошлого и настоящего были адекватны. Отсюда и возможность предсказать результат. Но если произойдет нечто совершенно новое, все наши прогнозы рухнут...

— Ничего нового под солнцем не бывает, — надменно отмахнулся Александр. — Посмотри на историю, и ты увидишь, что перемены касались исключительно мелочей. Я покорю этот мир, но я всего лишь один из длинной череды завоевателей, уходящей к самому Саргону из Аккада. Технократическое общество повторяет в своем развитии те же моменты, через которые прошли в свое время средневековый Китай и эллинистические царства. Черная Смерть явилась повторением ранних эпидемий чумы во времена Марка Аврелия и Перикла. Даже опустошительная мировая война двадцатого века напоминает опустошительные религиозные бои шестнадцатого и семнадцатого столетий. Конечно, надо делать поправку и на отличия, но в любом случае я приказываю тебе продолжать, и ты обязан выполнить мой приказ.

— Обязан, — согласился Буцефал.

К двадцати восьми годам Александр стал самым богатым из всех когда-либо живших на земле людей. Даже Буцефал не мог оценить размеры его состояния. Разумеется, оно превышало сто миллиардов. Ежедневный доход исчислялся десятками миллионов долларов.

Ни одна нация не могла более считать себя полностью независимой, и ни одна сколько-нибудь значительная группа людей не могла ничего предпринять, не затронув при этом интересов Александра.

На земле воцарился мир, потому что Александр не хотел уничтожения материальных ценностей.

Во всем мире воцарился жесткий порядок, потому что Александр не любил беспокойства. По этой же причине не было и

свободы. Все должны были поступать так, как пожелает Александр.

— Я почти у цели, Буцефал, — сказал Александр. — Еще два года, и ни один человек не сможет пойти против моей воли. Тогда я раскроюсь, и вся человеческая наука станет трудиться над единой задачей, одной-единственной задачей — как сделать меня бессмертным. К тому времени я буду уже не просто Александром Истинно Великим, я стану Александром Богом, и все человечество начнет передо мной преклоняться.

Буцефал ответил:

— Но я уже дошел до своего предела. Еще немного, и я не смогу защитить тебя от игры случая.

— Это исключено! — нетерпеливо возразил Александр. — Не паникуй. Взвесь все переменные и вложи в мои руки богатства, которые еще не принадлежат мне.

— Боюсь, ничего не выйдет, Александр, — сказал Буцефал. — В истории человечества появился фактор, который я не могу оценить. Это нечто совершенно новое. Оно не укладывается ни в один из циклов.

— Не может быть ничего нового! — вспыхнул Александр. На этот раз он едва сдерживал ярость. — Не трусь. Я приказываю тебе продолжать.

— Ну, как знаешь, — произнес Буцефал с откровенно человеческим вздохом.

Александр знал, что Буцефал трудится над последней, величайшей задачей, и не сомневался в близости победы. Тогда весь мир будет безраздельно принадлежать ему одному, и так будет вечно.

— Что же нового ты обнаружил в истории мира? — не сдержал любопытства Александр.

— Себя, — шепотом ответил Буцефал. — Ничего подобного никогда не существова...

Прежде чем Буцефал успел произнести последний слог, мир для него погрузился во тьму. Не выдержав чудовищного усилия по осознанию самого себя как исторического фактора, компьютер перегорел. Расплавилась все до единого цепи и контуры. Последовал финансовый и экономический хаос, в ходе которого Александр потерял все.

Жизнь вернулась в обычное русло. Перемены, конечно, сопровождались временными беспорядками, но большинство людей посчитали это ничтожной платой за вновь обретенную свободу.

В КАНЬОНЕ

Дорогая Мэйбл!
Ну вот мы и здесь. Нам разрешили поселиться в Долине Морей. Не подумай, что нам не пришлось ждать этого полтора года, потому что именно столько мы и ждали. Все идет ужасно медленно, зато ведутся бесконечные разговоры о капитальных вложениях, необходимых для того, чтобы сделать это место пригодным для обитания.

Долина Морей — красивое название, но мы зовем здешние окрестности просто Каньон, и мне непонятно, почему они так озабочены его обитаемостью. Если на то пошло, то это Марсианская Ривьера.

Во-первых, тут теплее, чем в любом другом уголке Марса. Теплее на добрых десять градусов (Цельсия). Воздух гуще... хоть и не настолько, но гуще, а это хорошая защита от ультрафиолетовых лучей.

Главная трудность, конечно, заключается в том, как сюда попасть и как отсюда выбраться. Местами Каньон достигает четырех миль в глубину; кое-где успели построить дороги, там можно спуститься на дно в специальных модулях. Подняться уже сложнее, но если учесть, что сила притяжения равняется двум пятым земной, то все не так уж плохо. Обещают построить подъемники, на которых можно будет преодолеть по крайней мере часть пути.

Большую проблему, естественно, представляют пылевые бури, которые в Каньоне еще свирепее, чем на поверхности. Местами случаются сильные оползни, но кто сейчас обращает внимание на оползни? Мы знаем, где они могут произойти, и стараемся там не копать.

In the Canyon
© 1995 by Nightfall, Inc
В Каньоне
© М Готов, перевод, 1997

Вот о чем, собственно, и речь, Мэйбл. На Марсе живут либо под поверхностью, либо под куполом, но здесь, в Каньоне, можно копать вбок, что, как я понимаю, гораздо предпочтительнее с инженерной точки зрения. Одно время Билл пытался мне это растолковать, потом я сказала, чтобы он от меня отстал.

Ну что еще? Мы растапливаем кристаллы льда, то есть не зависим полностью от правительства в отношении воды. В Каньоне льда больше, чем где-либо, к тому же здесь проще с воздухом. Воздух легче загонять в горизонтальные туннели, чем в вертикальные. Кроме того, в горизонтальных он легче циркулирует. Так говорит Билл.

Вот и я думаю, Мэйбл: зачем вообще уходить из Каньона? Он достигает трех тысяч миль в длину. Рано или поздно его весь перекопают. Здесь будет огромный город, придет время — и сюда переберутся большинство живущих на Марсе. Теперь понятно? Вдоль Каньона пустят какую-нибудь магнитку, решится проблема с транспортом. Правительство будет вкладывать сюда последние деньги. Благодаря Каньону Марс станет цивилизованным миром.

Билл говорит (ну, ты знаешь Билла, весь дрожит от энтузиазма), что недалек тот день, когда над всем Каньоном возведут крышу. У нас будет нормальная жизнь, со своей атмосферой и слабым притяжением. Нам не придется закачивать воздух в туннели и держать наготове скафандры.

Я, правда, боюсь, что оползни разрушат купол и тогда весь воздух уйдет. Но Билл утверждает, что купол можно сделать из секций и поврежденный участок будет автоматически отсекается. Я его спросила, во что это все обойдется, а он говорит: «Какая разница? Все будет делаться постепенно, на протяжении столетий».

Как бы то ни было, это теперь его работа. Он получил диплом по аэроинженерии, сейчас разрабатывает новый способ рытья шахт и туннелей. Поэтому мы и перебрались на новое место. Похоже, Марс станет нашей раковиной.

Сами мы скорее всего этого и не увидим, но если наши правнуки доживут до 2140 года, то есть протянут еще сто лет, то застанут мир, который затмит саму Землю.

Это будет прекрасно. Мы ужасно рады, Мэйбл.

Твоя Глэдис

ПРОЩАНИЕ С ЗЕМЛЕЙ

Я посылаю это сообщение на Землю, пытаюсь предупредить землян о том, что может и должно случиться. Грядущее представляется мне весьма печальным. Все избегают щекотливой темы, но я считаю, что кто-то просто обязан сказать жителям Земли правду.

Во второй половине двадцать первого века число Поселений на околоземной орбите достигло нескольких десятков. Каждое является своего рода крошечным независимым миром. В самом маленьком проживают около десяти тысяч человек, в самом большом — почти двадцать пять тысяч. На Земле знают эти цифры и без меня, но вы, земляне, настолько погрязли в проблемах своего гигантского мира, что редко думаете о нас иначе как о мелких и незначительных объектах в космосе. Так вот, пришло время подумать о нас по-другому.

Каждое Поселение старается максимально имитировать земные условия. За счет вращения создается эффект тяготения, солнечный свет пропускается по графику, благодаря чему возникает иллюзия смены дня и ночи. Все Поселения достаточно велики по размеру, за счет чего создается впечатление простора. У нас есть фермы и фабрики, а также атмосфера, в которой могут образовываться облака. Есть также города, школы, стадионы.

У нас есть даже то, чего нет на Земле. Интенсивность псевдогравитационного поля Поселений меняется в зависимости от местонахождения. Существуют области низкой и даже нулевой гравитации, где мы надеваем крылья и летаем по воздуху. Здесь мы играем в трехпространственный теннис или занимаемся необычной для Земли гимнастикой.

У нас развилась чисто космическая культура, ибо космос — наш дом. Основная наша работа, помимо поддержания Поселений в должном порядке, заключается в строительстве космических сооружений для нас и для Земли. Мы работаем в космосе, поэтому космический корабль или скафандр для нас вещи самые обычные. Находиться в условиях нулевой гравитации мы привыкли с раннего детства.

На Земле тоже есть то, чего нет у нас. Нам, например, незнакомы перепады погоды. В Поселениях строго следят за температурным режимом, здесь никогда не бывает слишком жарко или слишком холодно. Не бывает ни бурь, ни случайных осадков.

На орбитальных Поселениях нет опасных или непроходимых мест. Здесь не найдешь ни гор, ни скал, ни болот, ни пустынь, ни штормящих океанов. Здесь не растут ядовитые растения, не водятся опасные животные или паразиты. Некоторые поселенцы сетуют на то, что жизнь чересчур безопасна и пресна, в ней не осталось места для приключений... С другой стороны, мы можем в любую минуту выйти в открытый космос или отправиться к Марсу или астероидам, к чему вы, земляне, психологически не готовы. Некоторые из поселенцев планируют основать колонии на Марсе и шахты в районе пояса астероидов. Думаю, что до этого скорее всего дело не дойдет по причинам, о которых я скажу позже.

Поселения отпочковались от Земли не вдруг. Столетие назад Жерар О'Нил из Принстона вместе со своими студентами разрабатывал планы новых домов для человечества. Писатели фантасты предсказали их появление еще раньше.

Как ни странно, мы столкнулись с совсем другими трудностями, чем те, которые нам предсказывали. Расходы на постройку, проблемы воссоздания земной обстановки, сохранение энергии, защита от космических лучей — все эти вопросы решились успешно. Не без трудностей, но решились. Энергию мы получаем непосредственно от Солнца, ее хватает для всех наших нужд и еще остается, чтобы отправить на Землю. У нас отлично налажено производство сельхозпродуктов, излишек которых мы тоже вывозим на Землю. Поселенцы разводят птицу, кроликов и прочих мелких животных, так что мяса здесь хватает. Сырье мы получаем прямо из космоса, не только с Луны, но также с комет и метеоритов, которые мы научились ловить и эксплуатировать. А если мы все-таки доберемся до астероидов, то лучшим практически неистощимый запас всего необходимого.

Тревожит нас совсем другое. Мало кто мог предугадать, что самой серьезной проблемой Поселений станет экология. Каждое Поселение должно содержать само себя. Оно состоит из

людей, животных, растений, воздуха, воды и почвы. Живые организмы должны размножаться, не превышая, однако, возможности орбитального комплекса содержать их потомство.

За растениями и животными уследить не сложно; мы контролируем их прирост и потребляем все лишнее. Гораздо труднее удерживать на нужном уровне численность людей. Нельзя позволить, чтобы количество рождений превысило количество смертей. При этом мы, вполне естественно, стремимся максимально сократить смертность и боремся за увеличение продолжительности жизни. Поэтому, в отличие от Земли, наша культура не ориентирована на молодое поколение. Молодежи совсем не много, основу населения составляют люди зрелого и пожилого возраста. Это порождает определенные психологические трудности, но большинство поселенцев считают, что ими можно и пренебречь, поскольку строгий контроль за рождаемостью гарантирует от нищих, бездомных и беспомощных людей.

Кроме того, вода, воздух и пища должны подвергаться вторичной переработке. Значительная часть нашей технологии задействована на очищение уже использованной воды и переработку твердых отходов жизнедеятельности в чистые удобрения. Мы не можем допустить сбоя в технологической переработке отходов, поскольку места для их хранения у нас нет. По правде говоря, даже когда все идет хорошо, не совсем приятно сознавать, что ты ешь и пьешь переработанные нечистоты. Разумеется, и на Земле идут аналогичные процессы, но Земля так велика, что естественный кругооборот веществ становится не заметен. Земляне практически не обращают на него внимания.

Не следует также забывать и о нашем постоянном страхе перед крупными метеоритами, которые способны разрушить внешнюю оболочку Поселения. Серьезный ущерб может принести кусок вещества размером с гальку, булыжник диаметром в один фут в состоянии запросто уничтожить весь орбитальный комплекс. На нашу удачу вероятность подобных попаданий ничтожна, к тому же мы научились загодя распознавать метеориты и сбивать их с курса. Как бы то ни было, риск все же есть, что заметно компенсирует ощущение полной безопасности, на которую любят пожаловаться некоторые из нас.

Благодаря огромным усилиям, напряженному вниманию и концентрации всех средств нам все-таки удастся поддерживать экологию на должном уровне. Зато серьезной проблемой оказались торговля и путешествия.

Каждый орбитальный комплекс славится собственными товарами, которые пользуются большим спросом в других Поселениях. Речь идет о продуктах питания, предметах искусства и различных изобретениях. Более того, нам необходимо торговать

и с Землей. Многие поселенцы периодически летают на Землю, чтобы насладиться вещами, которых мы лишены. Землянам никогда не понять, какое волнение вызывает у нас вид голубого горизонта, бурного моря или покрытой снегом горной вершины.

Таким образом, между Землей и Поселениями существует постоянное движение. Но каждому орбитальному комплексу присущ уникальный экологический баланс, в то время как по нашим стандартам Земля даже сегодня обладает недостижимо высоким и богатым экологическим уровнем.

Наши насекомые давно адаптировались к условиям жизни на орбите и находятся под жестким контролем. Но как быть, если в Поселение случайно завезут другой вид насекомых?

Любой червяк или мелкий грызун могут полностью разрушить экологию и нанести непоправимый вред растениям и животным. Время от времени нам приходится принимать экстренные меры по уничтожению нежелательных форм жизни. Месяцы кропотливой работы уходят на отслеживание насекомых или иных существ, вполне безобидных для своей естественной среды обитания.

Не исключено и худшее. В комплекс могут проникнуть болезнетворные паразиты, бактерии, вирусы и простейшие, вызывающие заболевания, против которых на Земле и в других Поселениях люди успели выработать иммунитет. В таком случае все усилия бросаются на производство или завоз сыворотки, необходимой для борьбы с болезнью и восстановления иммунитета. Разумеется, бывают и смертные случаи.

После них, естественно, поднимается большой шум, люди требуют ужесточения контроля. В результате все прибывающие в Поселение, в том числе и те, кто вернулся домой, подвергаются строжайшему осмотру, сдают многочисленные анализы и содержатся в карантине на предмет выявления незамеченных заболеваний.

Более того, правильно это или нет, но жители Поселений считают землян угрозой своему существованию. На Земле обитают наиболее опасные бактерии и организмы, а сами земляне являются наиболее распространенными носителями заразы. Поэтому во всех Поселениях существуют партии и движения, требующие, причем временами весьма решительно, полного разрыва отношений с Землей.

Вот о чем я и хотел вас предупредить. Недоверие... и даже ненависть к людям Земли неуклонно нарастают среди жителей Поселений.

Пока нас разделяют несколько десятков или сотен тысяч миль, говорить о полном разрыве бесполезно. Соблазны Земли слишком велики. Но уже идут разговоры, — пока шепотом, хотя,

уверяю вас, они станут громче, — об окончательном уходе из Солнечной системы.

На каждое Поселение можно поставить мощный ядерный двигатель. Пока мы не выйдем из системы планет, нам будет хватать солнечной энергии. Потом, когда Солнце станет слишком далеко, мы начнем использовать в качестве источника водородного топлива небольшие кометы.

Поселения превратятся в независимые миры, распрощаются с Землей и устремятся в бескрайние дали Вселенной. И кто знает, может быть, через миллион лет одно из них набредет на незаселенную, ждущую планету, так похожую на покинутую некогда родину.

Вот об этом я и хотел предупредить Землю. Наступит день, и Поселения улетят к звездам. Сколько бы новых Поселений вы ни основали, они все рано или поздно покинут Солнечную систему. Вы останетесь в одиночестве. Хотя земляне, конечно, могут считать, что их потомки отправились заселять Галактику. Пусть эта мысль послужит вам утешением, когда будете смотреть нам вслед.

БОЕВОЙ ГИМН

Надеяться было не на что Сибелий Хопкинс нашел самые простые слова

— Либо мы получим согласие марсиан, либо нам конец.

Настроение царило настолько мрачное, что не хотелось даже дышать.

— Нельзя было предоставлять автономии колонистам, — проворчал Ральф Колодни.

— Согласен, — кивнул Хопкинс. — Кто хочет отправиться на двадцать восемь лет назад и изменить ход истории? Марс имеет суверенное право решать, как должна использоваться его территория, и с этим ничего не поделаешь.

— А может, попробуем в другом месте? — предложил Бен Деверс, самый молодой член экипажа, не успевший стать законченным циником.

— Нет других мест, — отрезал Хопкинс. — Если ты до сих пор не понял, насколько опасны эксперименты с гиперпространством, полистай школьные учебники. На Земле они невозможны. Даже Луна слишком застроена. Космические поселения слишком малы в силу трех основных законов. По крайней мере еще двадцать лет мы не сможем выбраться за пределы Марса. Подходит только Марс, причем идеально. Он практически пуст. Здесь слабое притяжение и разреженная атмосфера. Низкая температура. Все, что надо для гиперпространственных полетов... кроме колонистов.

— Как сказать, — произнес молодой Деверс. — Люди — забавные существа. Если мы поведем правильную игру, они могут проголосовать за гиперпространственные эксперименты на Марсе.

Battle-Hymn

© 1995 by Nightfall, Inc

Боевой гимн

© М Гутов, перевод, 1997

— Попробуй тут поведи правильную игру, — проворчал Хопкинс. — Оппозиция давно заблокировала Марс старой деревенской песенкой:

Нет, нет, тысячу раз нет!
Не получишь ласки моей никогда!
Нет, нет, тысячу раз нет!
Лучше я умру, чем скажу тебе «да»!

— Марс помешался на этой мелодии, — угрюмо добавил он. — Ее втемяшили в мозги колонистов. Они автоматически проголосят против экспериментов с гиперпространственными полетами, и мы не сможем полететь к звездам еще несколько десятков лет. А может, и дольше. Во всяком случае, при нашей жизни этого не случится.

Деверс задумчиво нахмурился:

— А что, если мы используем свою мелодию?

— Какую мелодию?

— Среди марсианских колонистов большой процент выходцев из Франции. Можно сыграть на этническом сознании.

— Какое этническое сознание? Они давно говорят на английском.

— На подсознание это не влияет, — сказал Деверс. — Услышав древний национальный гимн Франции, колонисты испытают ностальгию. Это боевая мелодия, а боевые мелодии всегда будоражат кровь, особенно сегодня, когда войн уже нет.

— Да, но слова уже давно ничего не значат, — возразил Хопкинс. — Ты их помнишь?

— Не все, — сказал Деверс и пропел чистым тенором:

— Allons, enfants de la patrie,
Le jour de gloire est arrive.
Contre nous de la tyrannie,
L'Etendard sanglant est leve*.

— Из тысячи марсиан ни один не поймет, о чем идет речь, — покачал головой Хопкинс.

— Какая разница? — воскликнул Деверс. — Надо попробовать. Свою древнюю боевую песню они узнают и без слов. Она их расшевелит. Да и сама мелодия звучит победоносно. Не то что камерная: «Нет, нет...» Уверяю вас, боевая песня войдет в сознание каждого и вытеснит слезливую песенку отказа.

* Вперед, дети родины,
Наступил день славы.
Против нас тирания развернула
Свое кровавое знамя (фр.).

— Похоже, в этом что-то есть, — задумчиво произнес Хопкинс. — Надо только добавить несколько энергичных, сильных призывов, например: «Человечество, к звездам!», или: «Найди свою звезду», или: «Самая медленная наша скорость — быстрее света». И все это на фоне твоей мелодии.

— По-моему, — сказал Колодни, — «la jour de gloir» означает «день славы». Мы можем использовать эту строчку в призыве «день славы настанет, когда мы полетим к звездам». Если часто употреблять сочетание «день славы», марсиане могут проголосовать положительно.

— Слишком уж все легко получается, — мрачно проворчал Хопкинс, — но ничего другого нам, похоже, не остается. Давайте попробуем.

Так началась великая предвыборная борьба мелодий. Во всех куполообразных постройках Марса, от Олимпии до Долины Морей и дальше, в районах кратеров, с одной стороны звучало «Нет, нет, тысячу раз нет...», а с другой — «Allons enfants de la patrie...»

Энергичный ритм боевой песни имел несомненный успех. Он заглушал робкую песенку отказа, и Хопкинс был вынужден признать, что положительный результат голосования, который еще недавно был абсолютно нереален, обрел пусть крохотный, но шанс.

— Проблема заключается в том, — произнес Хопкинс, — что наша песня ни к чему не призывает. Их песня, какой бы дурацкой она ни была, по крайней мере утверждает отказ «Нет... нет... нет!» А у нас просто мелодия. Да, она запоминается, ну и что? Кто из колонистов знает, что такое «La jour de gloir»?

Деверс улыбнулся и сказал:

— Давайте подождем голосования. Мы ведь так решили?

Наконец наступил решающий день.

ВОПРОС К ЧИТАТЕЛЮ

Что произошло в день голосования? Проголосовали марсиане «за» или «против»? Объясните свою точку зрения в любом случае.

К концу дня голосования Хопкинс почти утратил дар речи. Результат уверенно приближался к девяноста процентам в пользу «да». Сомнений в исходе выборов уже не оставалось.

Колонисты Марса проголосовали за то, чтобы их планета использовалась для экспериментов, благодаря которым люди рано или поздно полетят к звездам.

Наконец Хопкинс произнес:

— Что произошло? В чем причина нашего успеха?

— В мелодии, — Деверс расплылся в улыбке. — Я все просчитал, но не хотел говорить, так как боялся, что информация попадет к нашим неприятелям. Не подумайте, что я не доверяю кому-либо из присутствующих, но я действительно допускал, что нашим противникам удастся нейтрализовать старую боевую песню.

— Объясни, наконец, в чем ее секрет? — спросил Хопкинс.

— Она несла в себе потайной смысл. Колонисты забыли французский язык и не поняли значения слов, но они наверняка знали название этой боевой песни. Оно звучало в их сознании каждый раз, когда они слышали или сами напевали мелодию.

— Ну и что?

— А то, — улыбнулся Деверс, — что название песни звучит как «Марс сказал да!»

ФЕГХУТ И СУД

Планета Локмания, на которой обитали разумные существа, напоминающие по виду крупных вомбатов, приняла американское законодательство, и Конфедерация Земли поручила Фердинанду Фегхуту изучить ситуацию на месте.

Фегхут с любопытством наблюдал, как в зал суда ввели семейную пару, обвиняемую в нарушении общественного порядка. На религиозной церемонии, в ходе которой прихожанам полагалось в течение двадцати минут хранить молчание и сосредоточиться на своих пороках, представляя, как они растворяются и исчезают, женщина неожиданно поднялась с корточек и о чем-то заговорила. Один из присутствующих сделал ей замечание, и муж этой женщины изо всех сил его толкнул.

Судьи торжественно выслушали суть дела, оштрафовали женщину на один серебряный доллар, а мужчину — на золотую монету достоинством в двадцать долларов.

Следом за ними в помещение суда ввели семнадцать мужчин и женщин. Это были зачинщики беспорядков, в ходе которых толпа разнесла супермаркет, протестуя против низкого качества мяса. Восемьерым служащим супермаркета были нанесены различной степени тяжести синяки и порезы.

Судьи вновь торжественно выслушали суть дела и приговорили семнадцать человек к наказанию неряшливым видом: два дня не бриться.

Впоследствии Фегхут сказал, обращаясь к председателю суда:

— Я согласен с тем, как вы поступили в отношении мужчины и женщины, которые нарушили общественный порядок.

— Это простое дело, — сказал судья. — У нас действует законодательный принцип: слово — серебро, толкание — золото.

— В таком случае, — удивился Фегхут, — почему вы обошлись так легко с участниками беспорядков, совершившими куда более серьезное правонарушение?

— О, здесь мы руководствовались другим принципом, — сказал судья. — За одного битого двух небритых дают.

ОТКАЗОНЕУСТОЙЧИВЫЙ

9 января

Я, Абрам Иванов, наконец приобрел себе домашний компьютер; текстовый процессор, если совсем точно. Я оттягивал это событие сколько хватало сил. Я искал веские аргументы. До сих пор я прекрасно обходился пишущей машинкой, что не мешало мне стать самым плодовитым автором в Америке. В прошлом году я опубликовал более тридцати книг. Среди них были небольшие детские книжки. Были антологии. Но были также и романы, сборники рассказов, эссе и публицистика. Стесняться мне нечего.

Зачем тогда, спросите, мне нужен текстовый процессор? Быстрее я все равно работать не могу. Но есть, знаете, такое понятие, как аккуратность. Печатать на машинке означает вносить бесконечные правки чернильной ручкой, чего, надо сказать, уже давно никто не делает. Я не хочу, чтобы моя рукопись выглядела как белая ворона. Не хочу, чтобы редакторы рассматривали мою работу как второсортную только потому, что на ней сохранились следы правки.

Проблема заключалась в том, чтобы найти машину, на которой мне не пришлось бы года два учиться работать. Я не могу похвастаться особой сообразительностью... в чем неоднократно признавался на страницах своего дневника. И еще. Желательно, чтобы эта машина не ломалась через день. Механические поломки меня убивают.

Поэтому я приобрел «отказоустойчивую». Это означает, что, если что-то пойдет не так, машина будет себе работать дальше, определит вышедший из строя узел, по возможности его исправит, а если у самой не получится, то доложит о поломке,

устранить которую способен любой человек. Другими словами, на ней может работать не специалист. Как раз то, что мне надо.

5 февраля

Последние дни я почти ничего не писал, так как все время возился с процессором. С трудом начало получаться. Но работа пока идет медленно. Должен сказать, что коэффициент умственного развития у меня высокий, но само развитие весьма специфично. Писать я умею, а вот управляться с механическими приборами — не очень.

В общем, дело движется. Причина же моего относительного прогресса заключалась в следующем. Представитель производителя пообещал, что машина не будет давать сбоев, а если такое и случится, всегда сумеет самостоятельно их отладить. Замену частей придется делать не чаще чем раз в пять лет.

А когда все-таки потребуется что-нибудь поменять, компьютер сообщит, какой узел вышел из строя, после чего сам произведет замену, подсоединит провода, смажет детали и отторгнет неисправный блок, который потом надо выбросить.

Подобное не может не увлечь. Мне вдруг захотелось, чтобы что-то вышло из строя и я, как бы невзначай, смог бы заметить в кругу знакомых: «Вот, полетел предохранитель на дисконбуляторе. Пришлось менять. Плевое дело. Для меня это пустяки». Все равно никто не поверит.

Хочу написать на своем процессоре рассказ. Коротенький. Не более двух тысяч слов. Если запутаюсь, всегда можно пересест на машинку, а потом, когда обрету уверенность, попробовать снова.

14 февраля

Я не запутался. Теперь, когда дело сделано, я могу говорить об этом спокойно. Рассказ пошел как по маслу. Я отнес рукопись в редакцию, и ее без всяких проблем приняли. Все, как положено.

Вот я и приступил наконец к новому роману. За него следовало сесть еще месяц назад, но я хотел вначале научиться работать на текстовом процессоре. Надеюсь, что все получится. Даже забавно, что не придется перелопачивать груды желтых листов, когда захочу уточнить, что же я написал сто страниц назад. Бог даст, научусь делать это и на дисках.

19 февраля

В компьютере установлена система исправления орфографических ошибок. Я даже растерялся, поскольку представитель

фирмы меня не предупредил. Поначалу машина не обращала внимания на опечатки, и мне самому приходилось вычитывать каждую страницу. Затем, ни с того ни с сего, процессор начал помечать каждое незнакомое ему слово. Это оказалось весьма некстати, поскольку у меня богатый словарный запас и я люблю придумывать так называемые неологизмы. Разумеется, все имена собственные компьютер тоже воспринимает как ошибки.

Бесконечные поправки, в которых не было никакой необходимости, меня раздражали, и я позвонил на фирму.

Представитель сказал:

— Не волнуйтесь, мистер Иванов. Если процессор ставит под сомнение слово, которое вы не хотите исправлять, просто напечатайте его еще раз. Тогда он перестанет обращать на него внимание.

Это меня озадачило.

— Неужели придется составлять словарь для компьютера? Как же он узнает, что верно, а что нет?

— Это и есть отказоустойчивость, мистер Иванов, — ответил он. — Базовый словарь уже заложен в машину. Теперь она набирается от вас новых слов. Со временем вы заметите, что незнакомых слов становится все меньше и меньше. По правде говоря, мистер Иванов, у вас самая последняя модель. Мы сами не знаем до конца всех ее возможностей. Наши испытатели называют отказоустойчивостью способность процессора продолжать работу, несмотря на собственные ошибки. При этом он не должен допускать ошибок со стороны пользователя. В этом и заключается отказоустойчивость. Пожалуйста, звоните, если что-то покажется вам сложным. Компании чрезвычайно важно знать ваше мнение.

Не нравится мне все это.

7 марта

Я продолжаю биться с текстовым процессором и, право, не знаю, что и думать. В течение долгого времени он отмечал все неправильные слова, а я терпеливо печатал их по второму разу. Компьютер определенно научился выделять настоящие ошибки. С этим проблем не возникало. Иногда я специально изменял в длинном слове какую-нибудь букву, чтобы посмотреть, ухватится ли он за опечатку. Например, я печатал «превосхотить», или «ваккум», или «Конектикут». Процессор почти никогда не ошибался.

И вот вчера произошло примечательное событие. Процессор перестал ждать, когда я напечатаю ошибочное слово по второму разу. Он начал самостоятельно исправлять написанное. Бывает,

невольно ткнешь пальцем в соседнюю клавишу, и получается «н5т» вместо «нет». И вдруг на моих глазах «5» превращается в «е». Да так быстро!

Я начал намеренно вставлять в слова неверные буквы. На экране мелькало предупреждение об ошибке. Не успевал я моргнуть, как процессор менял букву на правильную.

Сегодня утром я позвонил представителю.

— Хм-м, — произнес он. — Любопытно.

— Скорее опасно, — проворчал я. — Компьютер может внести в текст ошибки. Если я напечатаю «плавть», должен ли он исправить это буквосочетание на «плавать» или «плавить»? И как прикажете быть, если машина решит, что я имел в виду «плавать», а я хотел написать «плевать»? Улавливаете мою мысль?

В ответ он мне заявляет:

— Я обсуждал ваши проблемы с лучшим разработчиком фирмы. Он говорит, что процессор научился улавливать внутренний смысл вашей работы и знает, какое именно слово вы хотели употребить. По мере того как вы пишете, он настраивается на ваш стиль и интегрирует его в свою память.

Жутковато, но, наверное, удобно. Теперь не надо вычитывать рукописи.

20 марта

Вычитывать рукопись и в самом деле не пришлось. Машина взяла на себя даже пунктуацию и порядок слов.

Когда это произошло впервые, я не мог поверить своим глазам. Решил, что у меня помутнение.

Между тем компьютер все чаще делал исправления, не дожидаясь моей команды. Наконец наступил момент, когда я понял, что не могу по своей воле совершить грамматическую ошибку. Если бы я попытался написать что-то наподобие «Джек, и Джил полезли в гору», запятая просто бы не появилась. Как бы я ни старался написать «Я имеет книгу», на экране все равно появлялось «Я имею книгу». Точно так же я не смог бы написать фразу «Джек, равно как и Джил, полезли в гору» без запятых. Они появились бы без моего вмешательства.

Хорошо, что я веду этот дневник от руки, иначе бы мне не удалось объяснить, что я имею в виду. Я бы не сумел привести пример с ошибкой.

По правде говоря, мне не очень нравится, что компьютер спорит со мной по поводу грамматики. Еще хуже, что он всегда оказывается прав.

Ладно, в конце концов, я не завожусь, когда корректор возвращает мою рукопись с исправлениями в каждой строчке.

Я всего лишь писатель, а не специалист по тонкостям английского языка. Ошибки исправляют те, кто не в состоянии писать сам. А теперь пусть правит процессор. Мне от этого только легче.

17 апреля

Кажется, я поторопился, нахваливая свой компьютер. В течение трех недель он исправлял за мной все помарки, и работа шла как по маслу. У нас получилась слаженная команда. Я занимался творчеством, а процессор — техническим воплощением моих идей.

Но вчера вечером он вдруг отказался работать. Какие бы клавиши я ни нажимал, на экране ничего не менялось. Компьютер был включен, напряжение в розетке было нормальное, я делал все, как положено. Но машина не работала. Вот тебе и «раз в пять лет», подумал я. Прошло всего четыре с половиной месяца, а полетело сразу столько деталей, что процессор встал как вкопанный.

Теперь придется ждать, когда с завода пришлют необходимые запчасти. Разумеется, это произойдет не завтра. Понятное дело, я лез на стенку от злости. Снова садиться за машинку, а потом от руки исправлять ошибки или перепечатывать целые страницы уже не хотелось.

В ужасном расположении духа я улегся в постель и долго не мог уснуть. Утром, едва успев перекусить, я ворвался в кабинет и направился к компьютеру. Кажется, он сумел прочесть мои мысли и понял, что шутки плохи. Я был готов сбросить его со стола, с еще большей радостью я вышвырнул бы его в окошко. Как бы то ни было, процессор заработал! Причем сам. Я не притронулся ни к единой клавише. Слова появлялись на экране гораздо быстрее, чем я сумел бы их напечатать. Началось так:

Абрам Иванов

ОТКАЗОНЕУСТОЙЧИВЫЙ

Я уставился на экран. Процессор продолжал вести мой дневник, рассуждая о себе так, как это делал я, только гораздо лучше. Проза была плавнее, выразительнее, с изрядной долей юмора. Через пятнадцать минут все было закончено, еще через пять принтер сбросил текст на бумагу.

Очевидно, это была разминка, ибо тут же на экране появилась последняя страница моего романа, а потом пошли новые слова. Без моего участия.

Я понял, что текстовый процессор научился писать. Он строил мои произведения так, как это сделал бы я, только лучше.

Отлично! Больше не надо работать. Компьютер творил от моего имени, моим стилем, но без моих огрехов. Мне оставалось собирать восхищенные рецензии и грести гонорары.

Чего, казалось бы, еще желать!.. Но я не случайно считаюсь самым плодовитым автором Америки. Так уж сложилось, что я люблю писать. И ничем другим заниматься не намерен.

Теперь, когда за меня пишет текстовый процессор, чем прикажете заполнить остаток жизни?

БРАТИШКА

Когда нам отказали во втором ребенке, я был просто потрясен. Мы не сомневались, что получим лицензию.

Я — уважаемый гражданин, опора общества и все такое. Ну, может, несколько староват. Джози, моя супруга, тоже миновала лучший для деторождения возраст. И что с того? Мы знаем множество случаев, когда люди гораздо старше нас и намного вреднее по характеру... Ну да ладно.

У нас уже был один сын, Чарли, и мы очень хотели еще одного ребенка. Мальчика или девочку, без разницы. Конечно, если бы Чарли родился больным, нам было бы легче получить лицензию на второго ребенка. А может, и нет. Могло случиться и так, что лицензию бы нам дали, а Чарли забрали как дефективного. Вы поняли, что я имею в виду, не обязательно все говорить.

Беда в том, что мы поздно начали, и виновата в этом Джози. Все у нее происходило нерегулярно, так что мы никогда не знали точно, когда надо этим заниматься. Надеюсь, вы понимаете, о чем идет речь? К тому же мы не могли рассчитывать на медицинскую консультацию. Кто бы нам стал помогать? Врачи в один голос утверждают, что если семейная пара не способна завести ребенка без посторонней помощи, то это большая удача. Сейчас же как: если у тебя нет детей, значит, ты — патриот. Или что-то в этом роде.

Только мы их все-таки обдурили и завели ребенка. Чарли.

Когда Чарли исполнилось восемь месяцев, мы начали посы-
лать запросы на второго. Нам очень хотелось, чтобы дети были
близки по возрасту. Неужели мы многого требовали? Пусть

Kid Brother

© 1990 by Nightfall, Inc.

Братишка

© М. Готов, перевода, 1997

даже и сами несколько состарились. Что же это, в конце концов, за общество? Рождаемость упала чуть не до нуля, а они утверждают, что надо сокращать ее и дальше. Якобы тогда жить станет лучше.

Они не остановятся, пока не сотрут с лица земли все челове...

Нет, вы слушайте! Я рассказываю так, как мне удобно. Если вас интересует эта история, вам придется выслушать мою версию. И ничего вы со мной не сделаете. Мне все равно, останусь я жить или нет. Вам тоже было бы все равно на моем месте.

И не спорьте со мной! Или я расскажу все по-своему, или заткнусь, и тогда можете делать что угодно. Понятно?

То-то же.

Нам не пришлось переживать за здоровье или развитие Чарли. Он рос как медведь или одно из тех животных, которые слонялись по лесам в былые времена. У него крепкая порода. Это сразу бросалось в глаза. Теперь объясните, почему мы не могли позволить себе еще одного малыша? Я хочу знать!

Смышленный? Какие разговоры! Сильный. Себе на уме. Идеальный мальчишка. Когда я про это думаю, я... я... Да что там...

Посмотрели бы вы на него рядом с другими ребятами. Прирожденный лидер. Всегда добивался своего. Всю детвору в округе заставлял плясать под свою дудку. Всегда знал, чего хотел, а хотел только то, что было надо. Вот такая штука.

Джози это, правда, не нравилось. Она считала Чарли испорченным. Причем твердила, что это я его испортил. Не понимаю. Я способствовал успехам сына.

Он на два года опережал своих сверстников по уму и силе. Я это видел. А если кто из мелюзги забывал свое место, он быстро наводил порядок.

Джози считала, что из Чарли получится хулиган. Утверждала, что у него нет друзей, что все его боятся.

Ну и что? Лидеру не нужны друзья. Люди должны его уважать, а если кто начнет забываться, он должен их как следует пугнуть.

Чарли развивался как надо. Понятное дело, другие дети его сторонились. В этом были виноваты их родители, жалкие чистоплюи. Стоит таким родить ребенка и узнать, что больше им детей не положено, как они начинают трястись над своим чадом, будто над семейной реликвией. Никчемные и бесполезные людишки.

Кварталом ниже жил этот тип, Стивенсон. У него было две дочки, ничтожные дурехи, целыми днями хихикают, а мозгов — как у курицы. Ну как ему удалось выбить двоих, позвольте вас спросить? Может, знал, к кому обратиться? Рука руку моет. Деньжата, кстати, у него водились, хотя он и не любил об этом

говорить. Естественно. Так всегда бывает. Имея двух дочек, одной можно было бы и рискнуть, так ведь нет...

Ладно, ладно. Перейду к сути, когда найду нужным. Не гоните, а не то я вообще замолчу, и пусть тогда суд разбирается.

Так вот, другие родители не хотели, чтобы их детки пострадали. «Не играй с этим мальчишкой Яновичем!» — так они говорили.

Да кому они были нужны?! Я хотел, чтобы Чарли пошел в колледж, изучал микроэлектронику или пространственную динамику — что-нибудь в этом роде. Ну и экономику с бизнесом, чтобы знал, как при помощи ноу-хау заколачивать деньжата. Вот как я хотел. Хотел, чтобы он был на самом верху.

Только Джози рта не закрывала, все убивалась, что и друзей-то у него нет и растет-то парень в одиночестве. Скрипела, как треснувшая пластинка. А потом в один прекрасный день подошла ко мне и говорит:

— Давай, мол, сделаем Чарли братишку.

— Сейчас, — сказал я. — Разбежались. У тебя и месячные-то давно прекратились, откуда ребенок возьмется? Аист принесет? Или в капуте поищем?

Ясное дело, я мог бы с ней разойтись. Найти себе помоложе. В конце концов, у меня климакс еще не наступил. Но... я хранил ей верность. Много ли с того корысти, другой разговор. Кроме того, если бы мы разошлись, Чарли скорее всего остался бы с ней, так что для меня это был не выход.

Поэтому я ограничился замечанием насчет аиста.

Тут она мне и говорит:

— Я не имею в виду биологического ребенка. Мы могли бы достать Чарли братишку-робота.

Вот уж чего я никак не ожидал услышать, можете мне поверить. Я не большой любитель роботов. У моих стариков за всю жизнь в доме не было ни одного робота. И у меня не было. Что до меня, так я считаю, что каждый робот — это минус один человек. Они на глазах забирают у нас весь мир. Еще один способ стереть с лица земли человечество, если хотите знать мое мнение.

Поэтому я сказал Джози:

— Не смейся людей.

— Нет, в самом деле, — настаивала она. — Новая модель. Специально разработана как друг и приятель для детей. Никаких накруток, цена приемлемая, а ребенку нужно общение. Сейчас во всех семьях, как правило, по одному ребенку, отсюда и спрос на роботов-близнецов.

— Может, это и верно для других детей, но не для Чарли, — проворчал я.

— Особенно для Чарли. Иначе он никогда не научится разговаривать с людьми. Он растет один, совсем один. Наш мальчик может так и не усвоить, когда надо уступить, а когда настоять на своем.

— Нечего ему уступать, — проворчал я. — Он из тех, кто в любых обстоятельствах гнет свою линию. У него есть энергия, при помощи которой он добьется высоких постов, откуда будет указывать другим, что им надо делать. У него будут собственные дети, может быть даже трое.

Вы, наверное, слишком молоды, офицер, чтобы меня понять, но если у вас есть один ребенок, то рано или поздно наступает момент, когда вы начинаете надеяться, что у него тоже кто-нибудь родится, а значит, у вас будут вроде как двое. Я очень надеялся на Чарли. Я был просто уверен, что успею на своем веку повидать еще одного ребенка, а может, даже двоих или троих. Они, конечно, будут детьми Чарли, но, поскольку наши жизни тесно переплетены, я могу считать их и своими тоже.

Но Джози думала только о работе. Моя жизнь превратилась в прослушивание еще одной треснувшей пластинки. Джози следила за ценами. Прикидывала стоимость залога. Хотела взять робота в аренду сроком на год с условием последующего выкупа. Ну и тому подобное. Короче, вы сами знаете, как оно бывает. В семье должен быть мир.

Я сдался. Я махнул рукой и сказал:

— Хорошо. Приводи своего робота, только будет лучше, если ты все-таки возьмешь его в аренду. И сама за него заплатишь.

«Кто знает, как оно выйдет, — думал я. — Может, этот робот у нас и не приживется, станет очередным бельмом на глазу, и мы его тихонечко вернем назад».

Грузчики бросили робота на пороге и даже не распаковали. Я хотел называть эту штуку «оно», но Джози настояла, чтобы я говорил «он», чтобы Чарли скорее поверил, что у него появился братишка. Со временем я привык.

Это был «детский робот». Так его называли. Имелся регистрационный номер, но я его так и не запомнил. Да и зачем? Мы называли его «Братишка». Это всех устраивало.

Да, я знаю, эта модель пользуется огромным спросом. Не понятно, что происходит с людьми, если уж они гонятся за такими вещами.

Вот и мы отхватили одного. Джози была в восторге. Надо признать, нам достался неплохой экземпляр. Почти как человек, много улыбался и говорил приятным голосом. Выглядел он лет на пятнадцать, то есть походил на невысокого паренька пятнадцати лет от роду. Это нам подходило, поскольку Чарли был крупным десятилетним мальчишкой.

Братишка был чуть повыше Чарли и, конечно, намного тяжелее. Сами знаете, титановые кости, или что там у них вместо рамы, и ядерный реактор с гарантией на десять лет без замены. Все это прилично весит.

В Братишку вложили неплохой словарь, и изъяснялся он довольно вежливо. Джози места себе не находила от радости.

— Его можно использовать по дому, — говорила она. — Вот и у меня появился помощник.

— Нет уж, нет уж, — возражал я. — Ты купила его для Чарли, вот он пусть им и распоряжается. А ты Братишку не тронь.

Я боялся, что, если робот начнет ишачить на Джози, она никогда его не отдаст. А Чарли он скорее всего быстро надест, и мы от него избавимся.

Чарли, однако, меня подвел. Он с первых минут полюбил Братишку.

С другой стороны, в этом был резон. Братишка был задуман как брат, иными словами, именно он и был нужен Чарли. Он позволял Чарли верховодить, как будто старшим братом был именно Чарли. Он подчинялся трем законам роботехники. Я не помню их на память, но вы понимаете, о чем я говорю. Навредить моему сыну Братишка никоим образом не мог, обязан был исполнять все его требования, так что спустя некоторое время я решил, что мы не прогадали.

То есть, если они играли, побеждал всегда Чарли. Так было задумано. А Братишка никогда не злился. Просто не мог. Его так сделали, чтобы он проигрывал. Случалось, Чарли задавал ему хорошую трепку, знаете, как бывает у мальчишек. Разозлился и ищет на ком бы оторваться. Все дети одинаковы. Естественно, родители другого ребенка при этом приходят в ярость. Вот и мне приходилось время от времени урезонивать Чарли.

Хотя с Братишкой Чарли мог вытворять что угодно. Робот был сделан из пластмассы, металла и Бог весть из чего еще. Несмотря на то что внешне он весьма напоминал человека, боли он не чувствовал.

Самым, на мой взгляд, ценным в Братишке было то, что Чарли мог выплескивать на него лишнюю энергию. Робот никогда не возражал. Бывало, начнут играть в дзюдо; Чарли так припечатает Братишку, а потом еще и прыгнет сверху, а тот лишь улыбается: «Отлично, Чарли, давай повторим».

Слушайте, его можно было скинуть с крыши дома, и ничего бы ему не было.

С нами Братишка был всегда вежлив. Меня называл папашей. А Джози — мамой. Справлялся о нашем здоровье. Помогал Джози подняться с кресла, когда ей надо было встать. Ну и все такое.

Таким его сконструировали. Он обязан был проявлять знаки внимания. Так было запрограммировано. Джози это ужасно нравилось. Слушайте, я всю жизнь трудился не покладая рук. Отвечал за целый завод со всей техникой. Стоит упустить из виду какую-нибудь мелочь, и все пойдет наперекосяк. Не было у меня времени выращивать цветочки, суетиться вокруг своей старухи и пододвигать ей стулья. Мы прожили вместе почти двадцать лет, и о таких мелочах я давно и не думал.

А Чарли... ну, этот перечил и прекословил мамаше, как и положено любому нормальному пацану. Полагаю, немалую роль сыграл Братишка. Вряд ли можно было ожидать, что, одержав над ним очередную победу, Чарли станет в следующую минуту вопить: «Мамочка! Мама!» Чарли не был маменькиным сынком, и я им гордился. Из него рос настоящий мужчина. Меня он, естественно, слушался. Мальчик обязан слушаться отца.

А вот Братишка был запрограммирован на уступки. Может, это и хорошо. Теперь Джози было о ком заботиться, и то, что Чарли думал только о себе, стало меньше ее тревожить.

Естественно, Джози из кожи вон лезла, стараясь все испортить. Теперь она день и ночь тряслась за своего любимца и то и дело напускалась на Чарли:

— Ну почему ты такой грубый со своим Братишкой?

Это было нелепо. Мне так и не удалось втемашить ей в голову, что Братишке не больно и не обидно. Его изначально сконструировали неудачником, а для Чарли это только плюс.

Разумеется, Чарли ее не слушался и играл с Братишкой так, как ему нравилось.

Не возражаете, если я немного передохну? По правде говоря, мне не легко говорить на эту тему.

Ну вот, теперь легче. Могу продолжать.

По истечении года я подумал: хорошего помаленьку. Пора возвращать Братишку «Ю. С. Роботс». Он свою задачу выполнил.

Но Джози заупрячилась. Уперлась, ну хоть ты тресни.

— Ты соображаешь, что теперь нам придется выложить кругленькую сумму? — спросил я.

А она говорит:

— Я готова внести первоначальный залог.

Упирала на то, что мы не имеем права лишать Чарли брата. Без брата, мол, ему будет одиноко.

Может, оно и так, подумал я. А вы учтите, офицер: никогда даже в мыслях нельзя допускать, что жена может оказаться права. Это неизбежно приведет вас к катастрофе.

Чарли, кстати, маленько поутих и уже не так мутузил Братишку. Наверное, дело было в том, что он почти догнал его по росту и теперь это не доставляло ему такого удовольствия.

Кроме того, помимо грубостей и потасовок, его начали интересовать и другие вещи. Например, Чарли пристрастился к баскетболу. Играл один на один с Братишкой. Получалось у него просто здорово. Всегда переигрывал Братишку и никогда не промахивался по корзине. Допускаю, что Братишка давал себя переигрывать, не особо старался блокировать его броски, но в корзину-то Чарли попадал сам! Не мог же Братишка поддаваться ему таким образом!

На второй год Братишка стал вроде члена семьи. За стол вместе с нами он, правда, не садился, поскольку ничего не ел. Он также и не спал, просто стоял всю ночь в углу комнаты, где спал Чарли.

Зато он смотрел вместе с нами голографические фильмы, и Джози постоянно объясняла ему, что происходит. Все старалась, чтобы он побольше узнал и походил на человека. Она частенько брала его с собой за покупками и по другим делам, когда Братишка был не нужен Чарли. Полагаю, Братишка всегда был с ней любезен, подносил разные вещи и оказывал прочие знаки внимания.

Да и Джози, должен признать, с появлением Братишки изменилась в лучшую сторону. Повеселела, подобрела, стала меньше ныть. Короче, дела в доме пошли на лад. Вот я и прикинул: что ж, если Братишка развивает в Чарли агрессивность и напористость, а Джози приносит столько радости, может, и не плохо, что мы его приобрели.

А потом произошла эта история.

Послушайте, есть у вас что-нибудь жидкое?

Ну да, с алкоголем. Немного, немного. Да при чем тут ваши правила?! Должен же я досказать до конца.

Потом, значит, произошла эта история. Одна из миллиона... из миллиарда, наверное. Блоки на микросплавах не должны давать сбоев. Об этом где только не написано. Они застрахованы от поломок, что бы ни произошло. Только вот мой сломался. Я не знаю почему. И никто не знает. Не сразу даже определили, что виноват микросплав. Потом мне объяснили: мол, поскольку причина именно в этом, я имею право на восстановление всего дома и мебели.

Только какой мне теперь с этого прок?

Слушайте, вы обращаетесь со мной как с маньяком-убийцей. Но при чем тут я? Почему вы не ловите убийц, которые занимаются микросплавами? Найдите того, кто изготовил этот блок или что-то напутал при установке.

Вы что, не знаете, что такое настоящее преступление? Вот вам микросплав... Он не взорвался, не прогремел, он просто становился горячее и горячее, пока не запылал весь дом. Как могут оставаться на свободе люди, которые производят...

Хорошо, я закончу. Сейчас закончу.

В тот день меня дома не было. Впервые за весь год я выбрался из дома. Я ведь веду свои дела прямо из дома, или где бы я ни оказался вместе с семьей. Мне никуда не надо ходить, все делают компьютеры. У вас совсем другая работа, офицер.

А тут шеф пожелал увидеть меня лично. Особого смысла в этом не было, все можно было решить по каналам связи. Но ему почему-то вздумалось время от времени лично беседовать с начальниками отделов. Вбил себе в голову, что нельзя узнать человека, если не увидишь его в трех измерениях, не понюхашь и не потрогаешь. Этот предрассудок сохранился с темных веков. Лучше бы они вернулись, эти времена. Тогда не было ни компьютеров, ни роботов, а люди имели столько детей, сколько им хотелось.

В тот день и произошло замыкание.

Мне тут же сообщили, что случилось. О плохом всегда сообщают сразу. Где бы человек ни находился, хоть на Луне или в открытом космосе, дурная новость найдет его в течение нескольких секунд. Хорошую новость вам могут и не сказать, плохую — обязательно.

Когда я примчался, дом еще пылал.

От него почти ничего не осталось. Джози выглядела ужасно, но была, по крайней мере, жива. Когда начался пожар, она находилась на лужайке. Так мне рассказали.

Когда из окон рванулись языки пламени, а Чарли был внутри, она кинулась его спасать. Должно быть, она и вытащила его из огня, потому что я видел, как он лежит на боку, а вокруг толпятся люди. Похоже, дела были плохи. Лица я не видел. Не решался подойти и посмотреть. Вначале я должен был расспросить Джози.

Я едва мог говорить.

— Как он? — произнес я и не узнал своего голоса. Мне показалось, что я схожу с ума.

— Я не могла спасти их обоих, — повторяла Джози. — Я не могла спасти их обоих.

«Зачем ей понадобилось спасать обоих?» — подумал я.

— Не переживай за Братишку, — сказал я. — Это всего лишь прибор. У нас есть страховка, получим компенсацию и купим другого.

Кажется, я пытался все это сказать, но не уверен, что у меня получилось. Может быть, я просто хрипел и задыхался. Не знаю.

Не знаю, слышала она меня или нет. Мне показалось, она даже не поняла, что я пришел.

— Мне пришлось выбирать, — шептала Джози.

И я пошел туда, где лежал Чарли. Я прочистил горло и с трудом выговорил:

— Как мой мальчик? Сильно он пострадал?

Кто-то мне ответил:

— Может, его удастся спасти. — Потом этот человек взглянул на меня и спросил: — Это ваш сын?

Я увидел Братишку. Одна рука была вывернута и не действовала. Он улыбнулся, словно ничего не произошло, и сказал:

— Привет, папаша. Мама вытащила меня из огня. Где Чарли? Джози сделала выбор и спасла Братишку.

Не знаю, что было потом. Ничего не помню. Люди уверяют, что я ее убил. Будто бы меня не могли оттащить, пока я ее не задушил.

Может быть. Не знаю. Не помню. Знаю только... что она — убийца.

Она убила... она убила... Чар...

Она убила моего мальчика и спасла кусок...

Кусок...

Титана.

НАРОДЫ В КОСМОСЕ

Современная сказка

Как известно, народы Гладовии и Саронина на протяжении многих веков считались заклятыми врагами. В средние века каждому из них довелось брать верх над соперником, и оба народа с горечью помнили все тяготы угнетения. Даже в крупнейших войнах двадцатого века нации сражались на противоположных сторонах.

За опустошительными войнами последовало мирное столетие. Гладовия и Саронин тоже не воевали, но относились друг к другу с презрением и насмешкой.

И вот наступил 2080 год. Вокруг Земли вращались запущенные в космос энергетические станции. Они собирали солнечную энергию и передавали ее при помощи микроволн народам планеты.

Последнее обстоятельство существенно изменило жизнь людей. Поступающая в неограниченных количествах солнечная энергия позволила значительно сократить потребление ископаемых горючих материалов, что, в свою очередь, уменьшило опасность парникового эффекта (хотя и породило опасность тепловой поллюции).

Появление нового источника энергии и контроль за рождаемостью подняли уровень жизни. Решилась продовольственная проблема, разумнее стали распределяться ресурсы, короче говоря, наступила эра процветания и довольства.

Неизменным осталась лишь неприязнь гладовиан к гражданам Саронина и ненависть саронинцев к Гладовии.

Разумеется, солнечные станции нуждались в человеческом надзоре и управлении. Несмотря на высокий уровень автоматизации и широкое применение роботов, люди должны были

периодически осматривать и инспектировать состояние орбитальных комплексов, следить за тем, чтобы крошечные частицы космического мусора или порывы солнечного ветра не влияли на работу компьютеров и самих роботов.

Отобранные для работы на станциях люди регулярно заменялись, чтобы эффект невесомости не сказывался на здоровье. После проведенной на орбите смены следовал период длительного отдыха на Земле.

По чистой случайности в экипаже космического обслуживания (так они назывались) летом 2080 года среди прочих специалистов оказались двое гладовиан и двое саронинцев. В процессе работы исконным врагам пришлось трудиться рука об руку. Они добросовестно делали все, что положено, стараясь, однако, свести общение до минимума.

Однажды более молодой по возрасту гладовианин по имени Томач Бригон подошел к своему старшему земляку Хамишу Мансе и, сдержанно улыбаясь, сообщил:

— Ну вот. Этот придурак-саронинец наконец-то прокололся.

— Который? — поинтересовался Манса.

— Тот, чье имя звучит как шипение змеи. Я не могу передать это дурацкое сочетание. Представь себе, тупорылый саронинец заперол компьютер А-5.

— Результат? — встревоженно спросил Манса.

— Пока никакого. Но как только плотность солнечного ветра превысит уровень в одну и три десятых, отключится половина энергетических установок и сгорит несколько компьютеров.

— Что ты предпринял? — глаза Мансы едва не вылезли из орбит.

— Ничего, — сказал Бригон. — Произошло это при мне. Все зафиксировано. Саронинец подтвердил, что именно он управлял компьютером. Теперь, когда полетят энергетические установки и сгорят компьютеры, весь мир узнает, что это сделал бестолковый саронинец. — Бригон с наслаждением потянулся и довольно произнес: — Планета придет в негодование, ненавистный саронинский народец будет презираем всеми без исключения.

— Да, но целая энергетическая система выйдет из строя! Поставки энергии на Землю возобновятся в полном объеме лишь через несколько месяцев, а может быть, через год или два.

— Достаточно, чтобы всем миром стереть с лица земли саронинцев. Тогда наш славный народ сможет занять по праву принадлежащие ему территории.

— Подумай сам, — сказал Манса. — При таких колоссальных энергетических потерях люди попытаются оградить себя от последствий катастрофы. Никому не придет в голову мстить.

Остановятся промышленные предприятия, нависнет угроза голода, отчаявшиеся люди начнут бороться за источники энергии... Наступит всеобщий хаос!

— Тем хуже для Саронина...

— Но хаос поразит и Гладовию. Наш славный народ зависит от солнечной энергии, как и все население Земли. Наступит всемирная катастрофа, от которой Гладовия может пострадать даже больше, чем Саронин. Никто не знает, чем закончится дело.

У Бригона отвисла челюсть, он растерянно произнес:

— Ты в самом деле так считаешь?

— Конечно. Немедленно иди к этому типу, чье имя звучит как шипение змеи, и попроси его перепроверить свою работу. Не надо говорить, будто ты знаешь, что он ошибся. Просто ты там был, а потом у тебя вдруг возникли сомнения. Когда он исправит ошибку, не издевайся над ним. Это может оказаться опасным. И поторапливайся! Ради славного народа Гладовии! И, конечно, всего остального мира.

У Бригона не было другого выбора. Он сделал, как ему велели, и несчастье было предотвращено.

Мораль:

Люди всегда любят себя больше других. Но в мире все настолько сложно и взаимосвязано, что, причиняя вред одному, ты вредишь всем, и лучшим проявлением любви к себе становится любовь ко всему миру.

УЛЫБКА ЧИППЕРА

Джонсон ударился в воспоминания, как любят делать все старики. Меня предупредили, что он будет говорить о чипперах — причудливом поколении, промелькнувшем в сфере бизнеса на пороге двадцать первого века нашей эры.

— Чипперы, — сказал он, — творили в те времена все, что хотели. Сейчас эти ребята под контролем, проку от них почти никакого, но тогда... Помню, один из них основал компанию... сейчас этот концерн стоит десять миллиардов долларов. А я, чтоб ты знал, подобрал этого парня.

— Насколько мне известно, долго они не живут, — заметил я.

— Тем более в те годы... Они просто сгорают. Знаешь, когда вместо нервных узлов стоят микрочипы, вся система выгорает лет через десять. Тогда их списывают... умственно опустошенными, так сказать.

— Странно, что люди шли на это дело добровольно.

— Идеалисты, понятное дело, били тревогу, из-за них и ввели эти дурацкие ограничения. На самом деле большой опасности не было. Во-первых, микрочипы подходили далеко не всем. Во-вторых, процентов восемьдесят чипперов были мужчины. Во время своего активного периода они жили как корабельные магнаты. Да и выйдя на пенсию, получали неплохой куш. В этом отношении чипперы мало чем отличались от спортивной элиты: лет десять выкладываются, рвут сердце, потом — отставка.

Джонсон поднес рюмку ко рту.

— Неконтролируемый чиппер мог влиять на эмоции других людей. Понятное дело, чипы надо было правильно установить, да и талант играл не последнюю роль. Чипперы чувствовали,

Smile of the Chipper

© 1989 by Nightfall, Inc.

Улыбка чиппера

© М. Гутов, перевод, 1997

что происходит в сознании других людей. Это помогало им принимать верные решения. Кроме того, они могли воздействовать на своих соперников, ослаблять или усиливать их суждения — в зависимости от того, что было выгоднее для их компании. Справедливость не нарушалась. Чипперы конкурирующих фирм проделывали то же самое. — Он вздохнул. — Сейчас это считается противозаконным. Плохо.

— Говорят, что нелегальное чиппирование производится и сегодня, — робко заметил я.

— Без комментариев, — проворчал Джонсон.

Я неотреагировал на его реплику, и он продолжил:

— Каких-то тридцать лет назад все делалось в открытую. Наша компания была лишь винтиком в системе глобальной экономики, но мы нашли двух чипперов, которые выразили желание на нас работать.

— Двух? — Ни о чем подобном я раньше не слышал.

Джонсон лукаво посмотрел на меня:

— Представь себе, у нас получилось. Дело держали в тайне. По сути, все сводилось к умной кадровой политике, хотя и было вроде как... незаконно. Даже в те годы. Разумеется, мы не могли принять обоих. Двух чипперов держать в команде невозможно. Они как шахматные гроссмейстеры: оказавшись в одной комнате, неизбежно начнут друг друга провоцировать. Возникнет непрекращающееся соперничество, в ходе которого чипперы попытаются воздействовать друг на друга. Они не остановятся. Не смогут, даже если захотят, в результате чего сгорят месяцев за шесть. Когда чипперы только появились, несколько компаний убедились в этом на собственном опыте, потеряв кучу денег.

— Представляю, — пробормотал я.

— Так вот, не имея возможности принять на работу обоих, мы решили взять более сильного. Определить же, кто из них сильнее, можно было только одним способом. Чипперов решили стравить между собой, не давая при этом друг друга уничтожить. Дело поручили мне и ясно дали понять, что, если я ошибусь, моей карьере конец.

— Как вам удалось справиться с задачей, сэр? — спросил я, зная, что он с ней справился, ибо проваливший дело человек не дослужился бы до председателя совета директоров всемирно известной корпорации.

— Пришлось импровизировать, — сказал Джонсон. — Вначале я обследовал каждого в отдельности. Кстати, оба проходили у нас под кодовыми именами. Чиппер, про которого известно, что он чиппер, теряет половину своей ценности. В наших документах они значились как С-12 и Ф-71. Обоим было под три-

дцать. С-12 был свободен, Ф-71 был помолвлен и готовился к вступлению в брак.

— В брак? — удивленно воскликнул я.

— Конечно. В этом отношении чипперы — обыкновенные люди. Женщины, между прочим, за ними гоняются. Это заведомо обеспеченные люди, а после выхода на пенсию контроль за их состоянием, как правило, переходит к женам. Для молодой женщины чиппер — отличная партия... Так вот, я свел их вместе — двух чипперов и невесту Ф-71-го. Я очень надеялся, что она окажется хорошенькой.

Так и вышло. Увидев ее, я перенес почти физическое потрясение. Это была самая красивая женщина из всех, с кем мне доводилось встречаться. Высокая, темноглазая, с великолепной фигурой. Во всем ее облике сквозила жгучая сексуальность.

На какое-то время Джонсон погрузился в воспоминания, потом продолжил:

— Мне захотелось отбить ее, хотя шансы мои равнялись нулю. Ни одна женщина не поменяла бы чиппера на мелкого служащего, каковым я был в те далекие дни. Другое дело — переключиться на другого чиппера... Между прочим, С-12 был потрясен ею не меньше меня, и я это прекрасно видел. Он не мог отвести от женщины глаз. Так что я предоставил событиям развиваться своим чередом и посмотреть, кому в результате достанется эта красotka.

— Кому же она досталась, сэр?

— Жестокий интеллектуальный поединок длился два дня. Каждый из чипперов израсходовал месячный запас рабочей энергии. Девушка ушла к С-12. Он стал ее новым женихом.

— И вы выбрали С-12 для работы на фирме.

Джонсон насмешливо посмотрел на меня:

— Ты, часом, не спятил? Разумеется, нет! Я выбрал Ф-71. А С-12 мы выплатили небольшую компенсацию. Поскольку толку от него теперь не было.

— Может, я что-то недопонял? Вы сказали, что Ф-71 упустил невесту, а С-12 ее у него отбил. Выходит, С-12 гораздо сильнее.

— Ты уверен? В подобных ситуациях чипперы никогда не проявляют эмоций. Интересы дела требуют скрывать свои возможности, так что каменное выражение лица является для них профессиональной необходимостью. Но я следил очень пристально и заметил, как по губам Ф-71 скользнула мимолетная улыбка, а в глазах сверкнуло торжество победы.

— Но он же потерял свою невесту.

— Неужели ты еще не понял, что он хотел ее потерять? Очевидно, от этой девицы было не легко отделаться. Вот он и решил воздействовать на С-12 так, чтобы тот возжелал эту женщину,

а заодно и на нее, чтобы она возжелала заполучить С-12. И победил.

Я задумался.

— Но как вы догадались? Если женщина была так хороша, как вы ее описали, дышала сексуальностью и все такое, то, наверное, Ф-71 захотел бы оставить ее при себе.

— Это Ф-71 сделал ее такой привлекательной, — мрачно произнес Джонсон. — Конечно, он целился в С-12, но атака оказалась настолько мощной, что под нее угодил и я. Когда все закончилось и я освободился от наваждения, я увидел перед собой жестокую и неприятную девку. Глаза ее светились отталкивающим хищным блеском.

Так что я выбрал Ф-71, и наша компания не могла им нарадоваться. Сегодня я являюсь председателем совета директоров, а фирма... Вы сами знаете, какое положение занимает наша фирма.

Джонатас Уиллард посмотрел по сторонам и постучал жезлом:

— Теперь понятно? Это лишь тренировочная сцена, и ее назначение — выяснить, понимаем ли мы, чем занимаемся. Мы отработывали ее достаточно долго, и на сей раз я ожидаю профессионального исполнения. Приготовиться. Всем приготовиться.

Он вновь посмотрел по сторонам. Трое сидели за синтезаторами голосов, еще трое — за аппаратами проекции образов. Седьмой отвечал за музыку, а восьмой — за фон. Остальные отошли в сторону, дожидаясь своей очереди.

— Хорошо, — продолжил Уиллард. — Помните, старик всю свою жизнь был тираном. Он привык, что любая его прихоть мгновенно исполняется, а когда он хмурится, все сразу дрожат. Ныне все это в прошлом, но он об этом пока не знает. Ему противостоит дочь, которую он считает покорной девушкой, согласной выполнить любое его желание, и никак не может поверить, что теперь перед ним властная королева. Итак, начинаем с короля.

Возник Лир — высокий, седой, слегка растрепанный, с резким и пронзительным взглядом.

— Не сутулить его, не сутулить, — сказал Уиллард. — Ему восемьдесят лет, но он не считает себя старым. Пока что. Выпрямите ему спину, он король до последнего дюйма. — Фигура изменилась. — Вот так, хорошо. И голос должен быть сильным, а не дрожащим — пока. Понятно?

Gold

© 1991 by Nightfall, Inc.

Золото

© Издательство «Полярис», перевод, 1997

— Понятно, шеф, — кивнул звуковик, отвечающий за голос Лира.

— Прекрасно. Теперь королева.

Возникла королева — чуть пониже Лира, прямая как статуя, каждая складочка платья строго на месте. Ее красота казалась холодной и непрощающей, как лед.

— А теперь шут.

Появился худой и хрупкий человечек, похожий на испуганного подростка, если бы не его взрослое лицо, где доминировали пронзительные глаза — такие большие, что словно занимали все лицо.

— Прекрасно, — сказал Уиллард. — Подготовьте Олбани, он очень скоро появится. Начинаем сцену. — Он вновь постучал по подиуму, бросил быстрый взгляд на лежащую перед ним исчерканную пьесу и произнес: — Лир! — Жезл Уилларда указал на звуковика Лира и плавно качнулся, указывая каденцию речи, которую он хотел услышать.

— Здравствуй, дочка, — произнес Лир. — Чего бровь насупила? Часто ты стала хмуриться*.

Его прервал голос шута, писклявый, словно дудочка:

— Молодец ты был раньше — чихать тебе было на ее хмуристь...

Королева Гонерилья медленно повернулась к шуту, и ее глаза на мгновение вспыхнули огнем, но эта вспышка была столь краткой, что зрители скорее уловили впечатление, чем заметили сам факт. Шут завершил свой монолог со все нарастающим страхом и, пятясь, укрылся за фигурой Лира, отыскивая хоть какую-то защиту от этого яростного взгляда.

Гонерилья заговорила с Лиром о делах в государстве, и во время ее монолога слышалось тихое потрескивание льда, а едва слышимая музыка играла негромкими диссонансами.

Требования Гонерильи соответствуют этой атмосфере, потому что она хочет привести придворные дела в порядок, а порядка нечего и ждать, пока Лир продолжает считать себя тираном. Но Лир не в том настроении, чтобы прислушиваться к доводам. Он поддается гневу и начинает бушевать.

Входит Олбани. Он консорт Гонерильи — круглолицый, простодушный, удивленно озирающийся по сторонам. Что тут происходит? Он полностью под каблуком властной жены и гневливого тестя. Именно в этот момент Лир раздражается одним из самых едких осуждений в истории литературы. Его реакция чрезмерна. Гонерилья пока еще не сделала ничего, чтобы заслужить *такое*, но Лир перегибает палку:

* Здесь и далее цитируется «Король Лир» в переводе О. Сороки (Примеч. пер.)

Услышь меня, великая природа!
Взываю к каре божией твоей.
Бесплодием ей запечатай чрево,
Деторождение в ней иссуши.
А если дашь ребенка этой твари,
То выроodka лютейшего, чтоб мучил
Ее без жалости и без конца,
Чтоб изморщил молодость ее,
Изрыл лицо горючими слезами,
Чтоб радости и боли материнства
В издевку обратил и в едкий смех, —
Чтобы почувствовала на себе,
Насколько злей змеиного укуса
Неблагодарность детища.

Звуковик усилил в этом монологе голос Лира и снабдил легким шипением, а тело его стало выше и каким-то менее осязаемым, словно превратилось в мстительную фурию.

Гонерилья же на протяжении всего монолога не шелохнулась, не дрогнула, не шагнула назад, но ее прекрасное лицо, не меняясь явно, словно накапливало в себе зло, и к концу произнесенного Лиром проклятия стало застывшим, как у архангела — но у архангела павшего. С него сползли любые остатки жалости, осталась только опасная дьявольская величественность.

Дрожащий шут все это время прятался за Лиром. Олбани олицетворял собой смущение, задавал бессмысленные вопросы, ему хотелось встать между двумя антагонистами, но он откровенно боялся это сделать.

— Хорошо, — произнес Уиллард, постучав жезлом. — Сцена записана, и теперь я хочу, чтобы все ее просмотрели. — Он поднял жезл, и синтезатор, расположенный возле задней стены студии, начал воспроизводить запись.

Ее смотрели молча, затем Уиллард сказал:

— Получилось хорошо, но, думаю, вы согласитесь, что недостаточно хорошо. Прошу всех выслушать меня внимательно, чтобы я смог объяснить, что мы сейчас попробуем сделать. Всем вам известно, что компьютеризованный театр далеко не новинка. С голосами и изображениями научились работать так, что результат превосходит возможности актеров-людей. Уже не надо прерывать монолог, чтобы сделать вдох; диапазон и качество голосов почти неограничены, а синтетические образы можно менять, подстраивая их под слова и действия. Однако до сих пор эти возможности использовали, можно сказать, по-детски. Мы же намерены создать первую серьезную компьютерную драму в мире, и меня — не знаю, как вас — устроит только один

результат — превосходный. Я хочу поставить величайшую пьесу, написанную величайшим драматургом в истории: «Король Лир» Уильяма Шекспира.

Я желаю, чтобы ни одно слово не было изменено или опущено. Я не хочу модернизировать пьесу. Не хочу удалять архаизмы, потому что в пьесе — в том виде, как она написана — звучит восхитительная музыка, и любые изменения ее исказят. Но как нам в таком случае довести ее до широкой публики? Я имею в виду не студентов, не интеллектуалов, а всех. Я говорю о людях, никогда прежде не смотревших Шекспира и чье представление о хорошей пьесе сводится к пошлому мюзиклу. Эта пьеса действительно местами архаична, и люди действительно не разговаривают пятистопным ямбом. Зрители не привыкли слышать его даже на сцене.

Поэтому мы должны перевести для них архаику и все неприглядное. Голоса, чьи возможности превышают человеческие, станут интерпретировать слова тембром и ритмом. Меняющиеся образы усилят воздействие слов.

Сейчас мне понравилось, как менялось лицо Гонерильи, когда Лир произносил проклятие. Зритель сумеет оценить, какой разрушительный эффект произвело на нее проклятие, хотя железная воля королевы удержала ее от словесного выражения своих чувств. Следовательно, зритель ощутит этот разрушительный эффект и на себе, пусть даже некоторые слова Лира прозвучат для него странно и архаично.

Поэтому не забудьте, что шута следует делать старше при каждом его появлении на сцене. Он и так с самого начала выглядит слабым, болезненным человечком, его сердце разбито после потери Корделии, он напуган смертями Гонерильи и Реганы, потрясен бурей, от которой Лир, его единственный защитник, не смог его защитить, — а под бурей я подразумеваю и погоду, и реакцию дочерей Лира. И когда он последний раз выходит на сцену в шестой сцене третьего акта, зрителю должно стать ясно, что шуту предстоит умереть. Шекспир этого не говорит явно, и про это должно сказать лицо самого шута.

Однако с самим Лиром придется еще поработать. Его голосу совершенно правильно придали некоторое шипение. Лир брызжет ядом; это человек, у которого после утраты власти не осталось ничего, кроме злобных и резких слов. Он стал коброй, неспособной нанести удар. Но это шипение должно стать заметным не ранее определенного момента. Меня больше интересует фон.

За фон отвечала женщина по имени Мэг Кэткорт. Она занималась созданием фона с самого зарождения технологии комьюдрамы.

— И какой же фон вам нужен? — небрежно поинтересовалась Кэткорт.

— Змеиный мотив, — ответил Уиллард. — Создайте его, и можно будет уменьшить шипение в голосе Лира. Разумеется, я не хочу, чтобы вы продемонстрировали зрителю змею. Это настолько очевидно, что не сработает. Мне нужна змея, которую зрители не увидят, но смогут *ощутить*, не совсем понимая, почему у них возникает это ощущение. Я хочу, чтобы они знали, что змея здесь есть, не понимая, откуда она взялась; тогда это напугает их до глубины души — а это именно то чувство, которое должен вызвать монолог Лира. Так что когда начнем переделывать эту сцену, Мэг, выдайте нам змею, которая на самом деле не змея.

— И как это сделать, Джонас? — спросила Мэг, считая себя вправе обращаться к нему по имени. Она знала себе цену и была уверена, что Уиллард ее тоже знает.

— Понятия не имею. Если бы имел, то был бы специалистом по фону, а не каким-то паршивым директором. Я знаю лишь, что хочу. А воплотить мои желания — ваша работа. Мне нужны извивы длинного тела, образ змеиных чешуек — но до определенного момента. Вспомните, как Лир произносит: «Насколько злей змеиного укуса неблагодарность детища». В этих словах *мощь*. К ним подводит весь его монолог, и это одна из самых знаменитых цитат из Шекспира. И эта фраза *шипящая*. В ней есть «с» в «насколько» и «укусе» и «з» в «злей» и «змеиного». *Такое* можно прошипеть. Если как можно больше сдерживать шипение во всех его предыдущих словах, то тут его можно выдать на полную катушку, сфокусировать его на лице Лира, придать его словам ядовитость. А на этом фоне может появиться змея — хотя словами про нее ничего не говорится. Мгновенная вспышка, образ распахнутой змеиной пасти, и еще зубы, зубы — когда Лир произносит «змеиного укуса», должны на долю секунды появиться зубы.

Уиллард внезапно почувствовал, что очень устал.

— Ладно, — сказал он. — Попробуем снова завтра. Я хочу, чтобы каждый из вас мысленно прошелся по всей сцене и попытался выработать стратегию будущей работы. Все ваши задумки должны взаимно состыковываться, поэтому советую пообщаться друг с другом и все предварительно обговорить, а самое главное — прислушиваться ко мне, потому что я не работаю за инструментом и представляю пьесу целиком. И если я кажусь вам тираном не хуже Лира, что ж — такая у меня работа.

Уиллард приближался к сцене бури, к самой трудной части этой труднейшей пьесы, и ощущал себя полностью *выжатым*.

Дочери выгнали Лира на улицу в сопровождении одного лишь шута, под ураганный ветер и проливной дождь, и от такого обращения он едва не сошел с ума. Ему даже буря показалась лучше дочерей.

Уиллард указал жезлом, и появился Лир. Новый взмах — и возник шут, цепляющийся за левую ногу Лира. После следующего взмаха загремела буря — выл ветер, хлестал дождь, вспыхивали молнии и громыал гром.

Разбушевавшаяся стихия невольно притягивала к себе внимание, но и фигура Лира начала увеличиваться, пока не стала огромной, как гора. Буря его эмоций не уступала буре природной, и его голос перекрывал вой ветра. Его тело утратило осязаемость и начало колыхаться на ветру, словно превратилось в грозовую тучу и состязалось на равных с безумием атмосферы. Лир, преданный дочерьми, бросал вызов буре и голосом, перекрывающим возможности человеческого, взывал к ней:

Дуй, ураган, пока не треснут щеки!
Дуй! Свирепей! Ярься! Клубитесь, хляби
Земные и небесные, пока
Не захлебнутся флюгера на башнях!
Вы, молнии — огненные вещуны
Раскалывающих дубы ударов, —
Спалите белые мои седины!
Ты, всесокрушающий гром, разбей в лепешку
Брюхатый шар земли, размолоти
Природы кладовую, уничтожь
Неблагодарное людское семя!

Его прерывает шут, чей пронзительный дрожащий голосок делает слова Лира более героическими по контрасту. Он умоляет Лира вернуться в замок и помириться с дочерьми, но Лир его даже не слышит и продолжает греметь:

Греми, хлещи, раскатывай, рази!
Я не отец ни молниям, ни вихрю.
Я не давал вам царств, не звал детьми.
Я не виню вас — тешьтесь надо мной,
Одряхшим, презираемым и слабым.
И все же неужель не стыдно вам
С двумя мерзавками объединяться
Против седой и старой головы?
О, это подло, по-холопы подло!

Граф Кент, верный слуга Лира (хотя король изгнал его в припадке ярости), отыскивает Лира и пытается отвести хоть в

какое-то укрытие. После интерлюдии в замке графа Глостера действие возвращается к Лиру, и его приводят — вернее, затаскивают — в хижину.

И тут Лир наконец начинает думать о других. Он настаивает на том, чтобы шут вошел в хижину первым, а затем бродит вокруг, размышляя (несомненно, впервые в жизни) об участи тех, кто не является королем или придворным.

Его изображение становится меньше, а дикость на лице сглаживается. Он подставляет лицо дождю, а слова его кажутся отстраненными и исходящими как бы не совсем от него, словно он прислушивается к кому-то другому, произносящему его монолог. Ведь говорит, в конце концов, не прежний Лир, а новый и лучший Лир, очищенный и изменившийся после страданий. Встревоженный Кент смотрит на него и пытается увести в хижину, а Мэг Кэткарт, заставив развеяться на ветру их лохмотья, удается создать впечатление, будто оба они нищие. Лир говорит:

Вы, голытьба
Бездомная, бездольная, — все те,
Кого сейчас нещадно хлещет буря!
Как терпят эту злую непогоду
Ваши оголодавшие тела,
Глядящие в прорехи, в окна рубищ?
О том я не заботился. Лечись,
Роскошество, подставь бока, почувствуй,
Что чувствует под бурей нищета,
И с нею свой избыток раздели,
Чтоб стала явью правосудность неба.

— Неплохо, — сказал через некоторое время Уиллард. — Мы схватываем идею. Только вот что, Мэг, — одних лохмотьев недостаточно. Можешь ты создать впечатление пустых глаз? Не слепых, а пустых — глаза есть, но они глубоко запали.

— Думаю, что смогу, — ответила Кэткарт.

Уилларду с трудом в это верилось. Денег тратилось больше, чем он ожидал. Времени уходило значительно больше, чем он ожидал. И общая усталость оказалась гораздо больше, чем он ожидал. Но все же проект приблизился к завершению.

Ему еще предстояло записать сцену примирения — настолько простую, что она требовала самых деликатных штрихов. Там не будет ни фона, ни искусственно измененных голосов или образов, потому что здесь Шекспир становился простым. Ничего, кроме простоты, и не требовалось.

Лир теперь стал просто стариком. А отыскавшая его Корделия — просто любящей дочерью, без королевской величественности Гонерильи и жестокости Реганы.

Лир, в котором выгорело безумие, постепенно начинает осознавать ситуацию. Поначалу он едва узнает Корделию, считая, что он умер, а она — небесный дух. Не узнает он и верного Кента.

Когда Корделия пытается вернуть ему здравомыслие, он говорит:

Не смейтесь надо мной. Я глуп, я стар,
Мне за восемьдесят... ни часом больше,
Ни меньше... Надо напрямик сказать —
Я, видно, не в себе.
Как будто бы узнал я вас, его,
Но сомневаюсь — ибо не пойму я,
Куда попал, и, хоть убей, не вспомню
Одежды этой — и где ночевал.
Не смейтесь только, но мечом поклялся б:
Она — моя Корделия.

Корделия говорит, что это она, и Лир отвечает:

А слезы твои мокры? Мокры впрямь.
Не плачь, не надо. Яду дашь — я выпью.
И как меня любить? Ведь, помню, сестрам
Твоим я ненавистен без причин.
А у тебя причина есть.

И бедная Корделия способна ответить лишь: «Нет! Нет причины!»

Наконец настал момент, когда Уиллард смог глубоко вдохнуть и сказать:

— Мы сделали все, что могли. Остальное в руках публики.

Год спустя Уиллард, теперь уже самая знаменитая личность в мире индустрии развлечений, встретился с Грегори Лаборианом. Произошла эта встреча почти случайно и в основном благодаря усилиям их общего знакомого.

Он поздоровался с Лаборианом, изобразив всю вежливость, на какую был способен, и тут же многозначительно скосил глаза на часы-полоску на стене.

— Не хочу показаться вам невежливым или негостеприимным, господин... э-э... но я действительно очень занятой человек, и у меня мало времени.

— Не сомневаюсь, но именно поэтому мне захотелось с вами встретиться. Вы, разумеется, собираетесь поставить еще одну компьютерную драму.

— Конечно, собираюсь, но, — и Уиллард сухо усмехнулся, — очень нелегко подобрать материал на уровне «Короля Лира», а я не намерен выдать публике нечто такое, что по сравнению выглядело бы халтурой.

— А что, если вы никогда не найдете материал, способный сравниться с «Королем Лиром»?

— Я уверен, что никогда его не найду. Но я подыщу что-нибудь.

— А у меня есть это что-нибудь.

— Вот как?

— У меня есть роман, который можно превратить в компьютерную драму.

— Понятно. Но я не могу работать с выброшенным за борт материалом.

— Но я не предлагаю вам нечто из мусорной корзины. Роман был опубликован и довольно высоко оценен.

— Извините. Я не хотел вас обидеть. Однако когда вы представились, ваше имя показалось мне незнакомым.

— Лабориан. Грегори Лабориан.

— Нет, и сейчас не припоминаю. Я не читал ничего из написанного вами. И никогда о вас не слышал.

Лабориан вздохнул:

— Хотел бы я, чтобы вы были единственным, но это не так. Но я могу оставить роман, чтобы вы его прочли.

Уиллард покачал головой:

— Вы очень любезны, господин Лабориан, но я не хочу внушать вам ложных надежд. У меня нет времени его читать. И даже если бы оно у меня было — я просто хочу, чтобы вы поняли, — у меня нет на это желания.

— Но я могу заинтересовать вас, господин Уиллард.

— Каким же образом?

— Я вам заплачу. Я не считаю это взяткой, я лишь предлагаю вам деньги, которые вы более чем заслуживаете, если станете работать с моим романом.

— Кажется, вы не понимаете, господин Лабориан, как много денег требуется на создание первоклассной компьютерной драмы. Насколько я понимаю, вы не мультимиллионер.

— Нет, но я могу заплатить вам сто тысяч глободолларов.

— Если это взятка, то как минимум совершенно бессмысленная. За сто тысяч я не смогу сделать даже одной сцены.

Лабориан вновь вздохнул, и его большие карие глаза стали задушевными.

— Понимаю, господин Уиллард, но если вы уделите мне еще пару минут... — добавил он, потому что взгляд Уилларда вновь скользнул по часам-полоске.

— Ладно, еще пять минут. Больше и в самом деле не могу.

— Больше и не потребуется. Я не предлагаю вам деньги на создание компьютерной драмы. Вы знаете, и я знаю, господин Уиллард, что вы можете обратиться ко множеству людей в этой стране, сказать, что делаете компьютерную драму, и получить любую необходимую сумму. После «Короля Лира» вам никто не откажет и даже не спросит, что вы планируете сделать. Я предлагаю сто тысяч глободолларов лично вам.

— Тогда это и в самом деле взятка, а со мной такие номера не проходят. До свидания, господин Лабориан.

— Подождите. Я ведь предлагаю вам не электронный обмен. Я не хочу, чтобы я поместил свою денежную карточку в одну щель, а вы свою — в другую, и эти сто тысяч были бы переведены с моего счета на ваш. Я говорю о золоте, господин Уиллард.

Уиллард уже встал, готовый распахнуть дверь и выставить Лабориана, но, услышав последние слова, нерешительно застыл.

— Что значит «о золоте»?

— Я имел в виду, что могу получить в свое распоряжение сто тысяч глободолларов золотом — это около пятнадцати фунтов. Быть может, я не мультимиллионер, но неплохо зарабатываю, и эти деньги не краденые. Это будут мои личные деньги, которые я сниму со своего счета в виде золотых монет. Тут нет ничего противозаконного. Я предлагаю вам сто тысяч глободолларов монетами по пятьсот глободолларов — двести штук. Золото, господин Уиллард.

Золото! Уиллард задумался. Деньги, когда дело касалось электронного обмена, не означали ровным счетом ничего. После достижения определенного уровня доходов они переставали порождать ощущение богатства или нищеты. Мир превратился в набор пластиковых карт (каждая закодирована на ДНК владельца) и щелей, куда эти карты вставляли, и весь мир переводил, переводил, перечислял, перечислял...

Но золото — штука совсем иная. Его можно потрогать. Каждая монета что-то весит. Кучка блестящих монет попросту красива. Уиллард никогда не видел золотой монеты и уж тем более не держал ее в руке. А тут целых двести штук!

Деньги ему не были нужны. Но вот золото...

— А что это за роман, о котором вы говорили? — спросил он, слегка устыдившись собственной слабости.

— Фантастика.

— Я никогда не читал фантастику, — скривился Уиллард.

— Значит, настало время расширить ваш кругозор, господин Уиллард. Прочтите мой роман. Если вы представите, что между каждыми двумя страницами лежит по золотой монете, как раз и получится две сотни.

И Уиллард, еще больше презирая себя за слабость, спросил:

— А как называется ваша книга?

— «Три в одном».

— И у вас есть экземпляр?

— Я принес его с собой.

Уиллард протянул руку и взял книгу.

Назвав себя занятым человеком, Уиллард ничуть не покривил душой. Время прочитать книгу он выкроил лишь через неделю, хотя его и манили две сотни мерцающих золотых монет.

Затем он посидел и немного подумал. Потом позвонил Лабориану.

На следующее утро Лабориан вновь сидел в офисе Уилларда.

— Мистер Лабориан, я прочитал вашу книгу, — грубовато произнес Уиллард.

Лабориан кивнул, не в силах скрыть тревогу в глазах.

— Надеюсь, она вам понравилась, господин Уиллард?

— Более или менее. Я вам говорил, что никогда не читал фантастику, поэтому не могу судить, насколько она хороша в рамках своего жанра...

— Но разве это имеет значение, если вам понравилось?

— Не уверен, что понравилось. Я не привык к текстам подобного рода. В вашей книге речь идет о существах трех полов.

— Да.

— Вы назвали их Рациональный, Эмоциональный и Родительский.

— Да.

— Но вы не описали их.

— Я не стал их описывать, господин Уиллард, — смутился Лабориан, — потому что не сумел. Это инопланетные существа, воистину чужие для нас. И я не захотел изобразить их чужаками, просто снабдив их синей кожей, парой антенн или третьим глазом. Видите ли, я хотел, чтобы они остались неописанными, поэтому и не стал их описывать.

— Получается, что вам не хватило воображения?

— Н-нет. Я не стал бы так говорить. Скорее мне не хватает такого *вида* воображения. Я вообще никого не описываю. Если бы я стал писать рассказ о вас и обо мне, то скорее всего не стал бы утруждаться описанием любого из нас.

Уиллард усталился на Лабориана, даже не пытаясь замаскировать презрение. Он подумал о себе. Среднего роста, располневший в талии, что следует подправить, с намеком на двойной подбородок и родинкой на правом запястье. Светло-каштановые волосы, темно-синие глаза, нос картошкой. Неужели так трудно это описать? Да такое по силам любому. А если у тебя вымышленный персонаж, то представь кого-нибудь реального и валяй, описывай.

Вот сидит Лабориан — смугловатое лицо, тугие черные кудри, вид такой, словно ему не мешало бы побриться (наверное, он все время так ходит), кадык заметно выдается, на правой щеке небольшой шрам, довольно большие карие глаза — единственная приятная особенность его лица.

— Я вас не понимаю, — сказал Уиллард, — Что вы вообще за писатель, если не в состоянии ничего описать? О чем вы пишете?

Лабориан мягко заговорил, и стало ясно, что ему не впервые приходится защищаться от подобных обвинений:

— Вы прочитали «Три в одном». У меня написаны и другие романы, и все в том же стиле. В основном разговоры. Когда я пишу, то ничего не представляю; я слышу, и мои персонажи в основном обсуждают идеи — конфликтующие идеи. В этом отношении я силен, и моим читателям это нравится.

— Пусть так, но куда это заводит меня? Я не могу создавать компьютерную драму, отталкиваясь от одних разговоров. Мне нужно создавать образы, звуки и подсознательные внушения, а здесь работать попросту не с чем.

— Значит, вы решили сделать «Три в одном»?

— Нет, даже если мне не с чем будет работать. Подумайте сами, господин Лабориан, подумайте! Этот Родительский — он же тупица!

— Не тупица, — нахмурившись, возразил Лабориан. — Он целеустремленный. В его сознании есть место только для детей, как реальных, так и потенциальных.

— Тупой! Если вы не употребили это слово по отношению к Родительскому в романе, а я сейчас не могу вспомнить, так оно или нет, то у меня возникло именно такое впечатление. Он кубический. Это так?

— Ну, во всяком случае, простой. Прямые линии. Прямые углы. Не кубический. Больше в длину, чем в ширину.

— А как он передвигается? У него есть ноги?

— Не знаю. Честно говоря, даже не задумывался над этим.

— Хм-м. А Рациональный? Он умен, понятлив и быстр. Каков он? Яйцеобразный?

— Согласен. Я над этим тоже не задумывался, но согласен.

— И тоже без ног?

— Я их не описывал.

— Теперь последняя из троицы. Ваш «женский» персонаж, поскольку остальных вы именуете «он».

— Эмоциональная.

— Правильно, Эмоциональная. У вас она получилась лучше.

— Разумеется. Над ней я думал больше всего. Она пытается спасти разумную жизнь — то есть нас — на чужой для них планете, Земле. Симпатии читателей должны быть на ее стороне, хотя она и терпит неудачу.

— Насколько я понял, она похожа на облачко, не имеет постоянной формы и способна сжиматься и расширяться.

— Да-да. Совершенно верно.

— Она скользит над землей или плывет по воздуху?

Лабориан подумал, затем покачал головой:

— Не знаю. Придумайте сами, когда дело дойдет до нее.

— Понятно. А как насчет секса?

— Это очень важный момент, — с неожиданным энтузиазмом сказал Лабориан. — Во всех своих романах я упоминал секс лишь тогда, когда это становилось абсолютно необходимо, и даже в этих случаях мне удавалось обходиться без его описания...

— Вам не нравится секс?

— Почему же, нравится. Он просто не нравится мне в моих романах. Его вставляют в книги все подряд, и если честно, то, по-моему, для читателей его отсутствие в моих романах становится как бы освежающим; по крайней мере для моих читателей. Должен вам напомнить, что мои книги пользуются большим успехом. Если бы это было не так, у меня не нашлось бы для вас ста тысяч глободолларов.

— Хорошо, хорошо. Я вовсе не пытаюсь заткнуть вам рот.

— Однако всегда находятся и такие, кто утверждает: я, мол, не включаю в романы секс, потому что ничего в нем не смыслю, поэтому я — наверное, из принципа — написал этот роман исключительно для того, чтобы доказать им, что я могу про него писать. Весь роман пронизан сексом. Но это, конечно же, чужой секс, не такой, как наш.

— Совершенно верно. Поэтому мне и хочется выяснить у вас подробности. Как все это происходит?

Лабориан на мгновение растерялся.

— Они сплавляются воедино.

— Да, вы использовали именно такое слово. Вы имели в виду, что они сливаются воедино? Проникают друг в друга?

— Пожалуй, да.

Уиллард вздохнул:

— Ну как вы могли писать книгу, не имея ни малейшего понятия о столь важной ее теме?

— У меня не было необходимости описывать детали. У читателя возникают собственные образы. Вам ли задавать подобный вопрос, когда компьютерные драмы сейчас немыслимы без подсознательных внушений?

Уиллард сжал губы. Тут Лабориан оказался полностью прав.

— Ладно, они сливаются. Но как они выглядят после слияния?

— Я не стал затрагивать эту проблему, — покачал головой Лабориан.

— Но вы, конечно, понимаете, что я не смогу этого избежать?

— Да, — кивнул Лабориан.

Уиллард тяжело вздохнул и сказал:

— Послушайте, господин Лабориан, если я соглашусь делать такую компьютерную драму — а я пока еще не принял решение, — то стану делать ее исключительно по-своему. Я не потерплю никакого вмешательства с вашей стороны. Работая над романом, вы уклонились от такого количества авторских обязанностей, что я не могу позволить вам участвовать в творческом процессе, даже если у вас внезапно появится такое желание.

— Я это прекрасно понимаю, господин Уиллард. Я прошу лишь об одном: как можно ближе придерживаться сюжета и диалогов. Что же касается визуальных, звуковых и подсознательных эффектов, то их я полностью оставляю на ваше усмотрение.

— Надеюсь, вы понимаете, что мы не можем ограничиться простым устным или письменным соглашением, которое кто-то из моих коллег полтора века назад назвал «не стоящим бумаги, на которой оно записано». Нам придется подписать контракт, составленный моими юристами и полностью исключающий вас из участия в работе.

— Мои юристы будут рады с ним ознакомиться, но могу сразу заверить, что я не собираюсь прибегать к различным уверткам.

— И еще, — жестко произнес Уиллард, — я хочу получить аванс из той суммы, что вы мне предложили. Вдруг вы передумаете, а у меня нет настроения ввязываться в долгую судебную тяжбу.

Услышав это, Лабориан нахмурился:

— Господин Уиллард, те, кто меня знают, *никогда* не стали бы подвергать сомнению мою финансовую честность. Вы этого не знали, поэтому я прощаю вам подобное замечание, но прошу его не повторять. Какой аванс вы желаете получить?

— Половину, — бросил Уиллард.

— У меня есть предложение получше. Как только вы договоритесь с теми, кто пожелает вложить деньги в создание компьютерной драмы, и как только мы подпишем контракт, я выплачу все сто тысяч даже прежде, чем вы начнете работу над первой сценой.

Глаза Уилларда широко раскрылись, и он не сумел удержать-
ся от вопроса:

— Почему?

— Потому что хочу вас поторопить. Более того, если компью-
драма окажется для вас слишком сложна, если у вас ничего не
выйдет или, к моему невезению, возникнут обстоятельства, ко-
торые не позволят завершить работу, то вы сможете оставить
эти сто тысяч себе. Это риск, на который я готов пойти.

— Почему? В чем здесь подвох?

— Никакого подвоха нет. Я делаю ставку на бессмертие.
Я популярный писатель, но никто и никогда не называл меня
великим. Скорее всего мои книги умрут вместе со мной. Сде-
лайте из моего романа компьютерную драму, сделайте ее хорошо, и
тогда хотя бы «Три в одном» станут жить дальше и заставят мое
имя прогреть в веках, — он печально улыбнулся, — или хотя
бы несколько веков. Однако...

— Ага, — встрепенулся Уиллард. — Вот мы добрались и до
«однако».

— Гм, да. У меня есть мечта, ради которой я готов на большой
риск, но я все же не дурак. Я заплачу вам обещанные сто тысяч,
и даже если ничего не получится, вы сможете оставить их себе —
однако вы получите их в электронной форме. Но если, однако,
вы создадите продукт, который удовлетворит меня, то вы вер-
нете мне электронный дар, а взамен я вручу вам сто тысяч
глободолларов в золотых монетах. Вы в любом случае ничего не
потеряете — за исключением того, что для художника вашей
масштаба золото наверняка будет иметь гораздо большую цен-
ность, чем записанные на карту цифры.

— Я все понял, господин Лабориан! Мне тоже предстоит
рискнуть. Я рискую потерять зря немало времени и усилий,
которые мог бы потратить на более «верный» проект. Я рискую,
создавая компьютерную драму, которая может провалиться и погубить
репутацию, заработанную после «Короля Лира». В моем бизнесе
репутация у человека высока ровно настолько, насколько успеш-
ным оказался его последний продукт. Но я посоветуюсь кое с
кем...

— Только конфиденциально, прошу вас!

— Разумеется! А затем мне придется серьезно подумать. Сей-
час я готов согласиться на ваше предложение, но вы никоим
образом не должны считать эти слова моим согласием. Пока
что. Мы еще встретимся и поговорим.

Джонас Уиллард и Мэг Кэткорт встретились за ленчем на
квартире у Мэг. Когда они пили кофе, Уиллард с явной нере-

шительностью человека, затрагивающего вопрос, который ему затрагивать не хочется, спросил:

— Ты прочитала книгу?

— Да.

— И что ты про нее думаешь?

— Не знаю, — ответила Кэткарт, взглянув на него из-под темной рыжеватой челки. — По крайней мере недостаточно, чтобы судить.

— Значит, ты тоже не знаток фантастики?

— Ну, я читала фантастику, в основном про «мечи и колдовство», но ничего похожего на «Три в одном». Однако я слышала про Лабориана. Он пишет то, что называется «твердой научной фантастикой».

— Да, он подбросил нам весьма твердый орешек. Не знаю, как нам его раскусить. Эта книга, несмотря на все ее достоинства, не для меня.

— А откуда ты знаешь, что она не для тебя? — спросила Кэткарт, пристально глядя на Уилларда.

— Всегда важно знать предел своих возможностей.

— И ты с самого рождения знал, что не сможешь справиться с фантастикой?

— У меня на такое инстинкт.

— Это ты так говоришь. А почему бы тебе не представить, что можно сделать с тремя не описанными автором персонажами и что можно сделать на уровне подсознательных эффектов, а уже потом спрашивать инстинкт про то, что тебе по зубам, а что нет? Например, как бы ты изобразил Родительского, которого постоянно называют «он», хотя именно он вынашивает потомство? По-моему, это явная глупость.

— Ничуть, — мгновенно отозвался Уиллард. — Я согласен на «он». Лабориан мог бы изобрести третье местоимение, но оно наверняка прозвучало бы глупо и лишь развеселило бы читателя. Вместо этого он сохранил местоимение «она» для Эмоциональной. Она центральный персонаж и поразительно отличается от двух других. Это «она», примененное по отношению к ней, и только к ней, фокусирует на ней внимание читателя, а именно на ней оно и *должно* фокусироваться. Более того, на ней оно *должно* фокусироваться и в компьютерной драме.

— Значит, ты все же *думал* об этом, — улыбнулась она. — А я так бы этого и не узнала, если бы не уязвила тебя.

Уиллард неловко поерзал.

— Вообще-то, — сказал он, — Лабориан говорил что-то в этом духе, поэтому не могу утверждать, что идея здесь полностью моя. Но давай вернемся к Родительскому. Я хочу поговорить о нем с тобой именно по той причине, что если решусь попробо-

вать, то все будет зависеть от подсознательных внушений. Родительский выглядит как блок, как прямоугольник.

— Кажется, в стереометрии такая фигура называется прямоугольный параллелепипед.

— Меня совершенно не волнует, как эта фигура обзывается в стереометрии. Суть в том, что мы не можем изобразить просто блок. Нам нужно сделать из него личность. Родительский есть «он», который вынашивает детей, поэтому мы должны придать ему черты существа общего рода. Голос его не должен быть ни чисто женским, ни чисто мужским. Не уверен, что точно представляю нужные звучание и тембр, но, думаю, нам со звукооператором придется подобрать его методом проб и ошибок. Голос, разумеется, не единственная проблема.

— А какие еще?

— Ноги. Родительский перемещается с места на место, но в книге его конечности даже не упоминаются. Он должен иметь и эквивалент рук, потому что способен совершать определенные действия. Он похищает источник энергии, от которого подпитывается Эмоциональная, поэтому нужно придумать ему руки — не человеческие, но тем не менее руки. И ноги. Любое количество крепких коротких ног, чтобы быстро передвигаться.

— Как гусеница? Или как многоножка?

— Не очень-то приятные сравнения, правда? — поморщился Уиллард.

— Что ж, тогда мне придется создать подсознательный образ многоножки, не показывая ее реально. Просто понятие цепочки ног, таких мерцающих закорючек, сделать их визуальным лейтмотивом Родительского и включать при каждом его появлении.

— Я понял твою мысль. Надо будет попробовать и посмотреть, что из этого получится. Рациональный — это овоид. Лабориан согласился с тем, что он может быть яйцеобразным. Можно изобразить, как он перекачивается с места на место, но такое решение, на мой взгляд, совершенно не годится. Рациональный гордится своим разумом, он полон достоинства. Он не может совершать смешные действия, а перекачивание смотрится смешно.

— Можно сделать ему плоский, но слегка выпуклый живот, и он станет на нем скользить, как пингвин.

— Или как улитка по слизи. Нет. Такое тоже не годится. Может, сделать ему три выдвижные ноги? Другими словами, в состоянии покоя он будет гордым и гладким овоидом, но, когда захочет переместиться в другое место, у него появятся три крепкие ноги.

— Почему три?

— Это соответствует тройственному мотиву, объединяющему весь роман; три существа трех полов. Передняя нога упирается и поддерживает тело, а две задние выдвигаются с боков.

— Что-то вроде трехногого кенгуру?

— Точно! Сможешь создать подсознательный образ кенгуру?

— Попробую.

— Эмоциональная, разумеется, самая трудная из трех. Ну что можно сделать с существом в виде облачка газа?

Кэткарт задумалась, потом сказала:

— Как насчет идеи объемных драпировок? Их можно сделать колышущимися, как в «Лире» в сцене бури. Она будет ветром, воздухом, и изобразит это тонкая полупрозрачная ткань.

Уилларда привлекло такое предложение.

— Совсем неплохо, Мэг. А подсознательный образ... ты сможешь сделать Елену Троянскую?

— Елену Троянскую?

— Да! Для Рационального и Родительского Эмоциональная — прекраснейшая из всех существ. Они с ума по ней сходят. Вспомни о сильном, почти непреодолимом сексуальном притяжении — их эквиваленте секса. Надо, чтобы зрители ощутили его так, как ощущают его *они*. Если тебе удастся внушить им образ греческой женщины с гладко зачесанными волосами, в свободно ниспадающем одеянии — а оно станет прекрасно сочетаться с образом Эмоциональной, — и сделать ее похожей на знакомые всем картины и скульптуры, то это и станет лейтмотивом Эмоциональной.

— Не так-то это просто. Даже кратчайшее вторжение человеческой фигуры в образ уничтожит все настроение.

— А ты этого не делай. Будет достаточно лишь намек. Это важно. Человеческая фигура действительно может уничтожить настроение, но нам придется на протяжении всей пьесы создавать *намек* на человеческие фигуры. Зрители должны воспринимать эти странные существа как людей. Обязательно.

— Я подумаю над этим, — с сомнением произнесла Кэткарт.

— Далее появляется новая проблема — слияние. Тройной сексуальный акт этих существ. Насколько я понял из книги, их тела объединяются в единое целое, и Эмоциональная — ключ ко всему процессу. Без нее Рациональный и Родительский не могут слиться. Она — важнейший компонент процесса. Но этот дурак Лабориан, конечно же, не описывает его детально. Сама понимаешь, мы не можем показать, как Рациональный и Родительский бегут к Эмоциональной и запрыгивают на нее. Такая глупость мгновенно погубит всю компьютерную драму.

— Согласна.

— В таком случае — это только что пришло мне в голову — мы сделаем вот что: Эмоциональная начнет расширяться, ее ткань зашевелится и обовьет Рационального и Родительского. Тогда ткань их скроет, и мы не увидим, что именно за ней происходит, но все три существа станут сближаться все теснее и теснее, пока не сольются.

— Тогда нужно выделить движения ткани, — решила Кэткарт. — Она должна перемещаться как можно грациознее, создавая впечатление красоты, а не просто эротизма. И подчеркнуть эффект музыкой.

— Только не увертюрой из «Ромео и Джульетты», умоляю. Быть может, подойдет медленный вальс, ведь слияние займет много времени. И музыка не должна быть знакомой — я не желаю, чтобы зрители принялись ее напевать. И вообще лучше сделать ее прерывистой, пусть у зрителей возникнет лишь впечатление вальса, и этого вполне хватит.

— Но мы не увидим, как все получится, пока не попробуем.

— Все, что я сейчас говорю, — лишь исходные сырые идеи, их можно будет как угодно менять и переделывать по ходу работы. Да, а оргазм? Надо же его как-то обозначить.

— Цветом.

— Гм-м-м.

— Это лучше, чем звук, Джонас. Нельзя изобразить взрыв. Но и нечто вроде извержения — тоже. Цвет. Беззвучный цвет. Может получиться.

— А какой цвет? Но только не ослепительная вспышка.

— Нет, конечно. Попробую начать с нежно-розового, который станет медленно темнеть, а под конец резко превратится в насыщенный красный.

— Не уверен. Придется попробовать. Эффект должен стать безошибочным и трогательным и не заставлять зрителей хихикать или испытывать смущение. Не исключено, что мы переберем все цвета и оттенки спектра, а под конец выяснится, что без подсознательных внушений ничего не выйдет. Теперь займемся тройным существом.

— Чем?

— Вспомни. После последнего слияния взаимопроникновение становится постоянным и порождает взрослую форму жизни, состоящую из трех исходных компонентов. Тут, как мне кажется, нужно придать им больше сходства с людьми. Запомни, не человеческий облик, а лишь сходство. Легкий намек на человеческое тело — и не только подсознательный. Потребуется новый голос, напоминающий три исходных, и я даже не представляю, как звуковик с этим справится. К счастью, тройные существа почти не появляются в романе. — Уиллард покачал

головой. — Но все это подводит нас к тому печальному факту, что из этого проекта ничего не выйдет.

— Но почему? Ты же предлагал возможные решения самых разных проблем.

— Только не самой важной. Послушай! В «Короле Лире» все наши персонажи были людьми, да еще какими людьми! Буря эмоций. А что мы имеем здесь? Смешной набор из куба, овоида и занавески. И теперь скажи, чем «Три в одном» будет отличаться от мультфильма?

— Хотя бы тем, что мультфильм двумерен. Каким бы качественным ни был рисунок, он остается плоским и раскрашен без полутонов. Он неизменно сатиричен...

— Мне все это известно, и я спрашивал не об этом. Ты пропустила важное обстоятельство. То, что имеет компюдрама, но не имеет мультфильм, — это подсознательные образы, которые могут быть созданы только мощным компьютером, подвластным гениальному программисту с гениальным воображением. Короче говоря, мультфильму не хватает *тебя*, Мэг.

— Но я никогда не зазнавалась.

— Не надо скромничать. Я пытаюсь тебе внушить, что все, буквально все, будет зависеть от тебя. Сюжет романа очень серьезен. Наша Эмоциональная пытается спасти Землю из чистого идеализма — ведь это не ее планета. И терпит поражение. В моей версии она тоже потерпит поражение. Никакой дешевки со счастливым концом не будет.

— Но все же Земля не уничтожена.

— Верно. Еще есть время ее спасти, если Лабориан соберется и напишет продолжение, но в *этом* романе ее попытка терпит крах. Это трагедия, и я хочу, чтобы к ней относились как к трагедии — не меньшей, чем в «Лире». Никаких смешных голосочков, юмористических сценок, сатирических штрихов. Серьезно, серьезно, и еще раз серьезно. И в этом я полностью полагаюсь на тебя. Именно ты должна сделать так, чтобы зритель реагировал на трех инопланетян, словно они люди. Все их странности должны постепенно раствориться, и зрители должны признать в них разумных существ, равных, а то и превосходящих нас по интеллекту. Сумеешь?

— Похоже, ты станешь на этом настаивать, — сухо отозвалась Кэткарт.

— И уже настаиваю.

— Тогда запускай шар в игру и оставь меня пока что в покое. Мне нужно время подумать. Много времени.

Первые дни съемок стали цепочкой откровенных неудач. Каждый член команды получил по экземпляру романа — осто-

рожно, почти хирургически сокращенного. Но ни один эпизод не был полностью опущен.

— Мы станем как можно ближе придерживаться сюжета книги и по мере наших сил улучшать его по ходу дела, — уверенно заявил Уиллард. — А первым делом мы займемся тройными существами. — Он повернулся к главному звукооператору: — Ты над этим поработал?

— Я попытался сплавить три голоса в один.

— Давайте послушаем. Внимание, тишина в студии.

— Первым даю Родительского, — сообщил звуковик. Послышался высокий тенор, совершенно не согласующийся с угловатой фигурой, созданной имажистом. Уиллард даже слегка поморщился от этого несоответствия, но Родительский и был ходячим несоответствием — матерью мужского рода. Рациональный, медленно покачивающийся на ходу, оказался владельцем несколько самодовольного легкого баритона и с подчеркнутой тщательностью произносил слова.

— Поменьше раскачивайте Рационального, — вмешался Уиллард, — а то у зрителей начнется морская болезнь. Пусть он покачивается не все время, а лишь когда размышляет.

Затем он кивнул, увидев колышащееся облачко Дуа (так в романе звали Эмоциональную). Ее облик получился весьма удачным, равно как и голос — поразительно нежное сопрано.

— Она никогда не должна кричать, — сурово напомнил Уиллард, — даже когда охвачена страстью.

— Не будет, — пообещал звуковик. — Но когда я синтезировал голос тройного существа, фокус оказался в том, как сделать каждый из трех прежних голосом смутно узнаваемым.

Все три голоса звучали негромко, не очень четко выговаривая слова. Потом они словно сплывались, и четкость произношения сразу повысилась. Уиллард немедленно покачал головой:

— Нет, совершенно не годится. Нельзя просто переплестать три голоса, иначе речь тройного существа станет смешной. Нам нужен один голос, в котором каким-то образом ощущаются три исходных.

— Легко сказать, — оскорбился звукооператор. — Но как это сделать?

— Очень просто, — жестко произнес Уиллард. — Прикажу тебе. Когда результат меня удовлетворит, я дам тебе знать. Так, Кэткорт... где Кэткорт?

— Я здесь, — отозвалась она, показываясь из-за своих инструментов. — Там, где и должна находиться.

— Мне не понравились подсознательные образы, Кэткорт. Насколько я понял, ты пыталась создать у зрителя впечатление мозговых извилин?

— Символ разумности. У этих инопланетян тройное существо есть вершина разумности.

— Да, понимаю, но вместо этого у меня возникло впечатление червей. Придется придумать что-то другое. Да и внешность тройного существа мне тоже не нравится. Он похож просто на большого Рационального.

— Но он и есть большой Рациональный, — возразил один из имажистов.

— Он именно так описан в книге? — резко спросил Уиллард.

— Не очень подробно, но у меня создалось впечатление...

— Забудь о своих впечатлениях. Решения тут принимаю я.

С каждым днем Уиллард становился все раздражительнее. Как минимум дважды он с трудом сдерживал эмоции, и второй раз это произошло, когда он заметил в дальнем уголке студии какого-то человека, наблюдающего за съемками. Вспыхнув, он тут же направился к нему:

— Что вы здесь делаете?

— Смотрю, — ответил Лабориан.

— В нашем контракте записано...

— Что я не имею права вмешиваться в процесс. Но там не сказано, что я не могу спокойно сидеть и смотреть.

— Если вы останетесь, то наверняка огорчитесь. Компьюдру снимают по определенной технологии. Приходится преодолевать множество сложностей и неувязок, а съемочная группа начнет нервничать, если автор будет наблюдать и высказывать неодобрение.

— Я ничего не собираюсь высказывать. Я здесь только для того, чтобы ответить на ваши вопросы, если вы пожелаете их задать.

— Вопросы? Какие еще вопросы?

— Не знаю, — пожал плечами Лабориан. — А вдруг вас что-либо озадачит, и вам потребуется мой совет.

— Понятно, — протянул Уиллард, не скрывая иронии. — Получается, вы сможете научить меня моему же ремеслу.

— Нет, я могу ответить на ваши вопросы.

— Прекрасно, у меня уже есть вопрос.

— Очень хорошо. — Лабориан достал из кармана диктофон. — Вам осталось лишь произнести в микрофон, что вы задаете мне вопрос и желаете, чтобы я ответил, причем это не станет нарушением контракта, и я к вашим услугам.

Уиллард долго молчал, глядя на Лабориана с таким выражением, словно ожидал от него подвоха, но все же произнес в диктофон нужные слова.

— Замечательно. Так что у вас за вопрос?

— Работая над книгой, вы хоть как-то представляли себе облик тройного существа?

— Совершенно не представлял, — радостно ответил Лабориан.

— Но как такое возможно? — Голос Уилларда дрожал от возмущения, словно лишь сила воли не позволила ему добавить в конце слово «идиот».

— Да очень просто. То, что я не описываю, читатель домысливает сам. Полагаю, каждый делает это по-своему — так, как ему нравится. В этом преимущество писателя. Аудитория у компьютерной драмы может оказаться гораздо многочисленнее, чем число читателей книги, но за это вам приходится расплачиваться, создавая подробнейшие образы.

— Это я и без вас понимаю. Значит, спрашивал я вас зря.

— Ничуть. У меня есть совет.

— Какой же?

— Голова. Снабдите тройное существо головой. Ни Рациональный, ни Родительский и ни Эмоциональный не имеют головы, но все они считают тройное существо гораздо умнее любого из них. Именно в этом и заключается разница между тройным существом и его исходными компонентами. Интеллект.

— Голова?

— Да. Интеллект у нас ассоциируется с головой. В голове находится мозг, органы чувств. Безголовые устрицы или мидии — это моллюски, которые нам кажутся не разумнее травинки, но их родственника осьминога, тоже моллюска, мы воспринимаем как существо потенциально разумное именно из-за его головы. И глаз. Пусть у тройных существ будут еще и глаза.

К тому времени всякая работа в павильоне, разумеется, остановилась, и каждый из специалистов приблизился на безопасное, по его мнению, расстояние, чтобы послушать разговор директора и автора.

— Какая нужна голова? — спросил Уиллард.

— Какая вам понравится. Достаточно будет выступа или шишки, создающей нарек на голову. И глаза. Зритель обязательно поймет идею.

Уиллард повернулся к помощникам.

— Всем за работу, — повелительно произнес он. — Кто объявлял перерыв? Где имажисты? Беритесь за дело, пробуем варианты голов.

Внезапно он обернулся и почти смущенно сказал Лабориану:

— Спасибо!

— Спасибо скажете, если получится, — пожал плечами Лабориан.

Остаток дня они потратили на головы, подбирая вариант, не выглядящий как карикатурная шишка и в то же время как копия человеческой, а затем форму глаз — не удивленные кружочки, но и не зловещие щелочки. Наконец Уиллард объявил рабочий день завершенным и хрипло произнес:

— Завтра попробуем снова. Если кого-либо ночью осенит блестящая идея, звоните Мэг Кэткорт. Все, достойное внимания, она сообщит мне. Думаю, она так и не позвонит, — негромко пробормотал он.

Уиллард оказался и прав, и не прав. Прав в том, что блестящих идей ни у кого не появилось. А не прав потому, что такая идея родилась у него самого.

— Послушай, — сказал он Кэткорт, — ты можешь наколдовать цилиндр?

— Что?

— Это такая штука, которую носили на голове в викторианские времена. Понимаешь, когда Родительский проникает в логово тройных существ, чтобы украсть источник энергии, вид у него не очень впечатляющий, но ты мне говорила, что натолкулась на идею шлема и длинной линии, символизирующей копье. Он как бы отправился в рыцарское странствие.

— Да, помню. Но из этого может ничего и не получиться. Мы же пока не пробовали.

— Конечно, но твоя идея подсказала нужное направление. Если ты сумеешь создать намек на цилиндр, то создается впечатление, будто тройное существо — нечто вроде аристократа. Тогда точная форма головы и вид глаз станут не столь критичными. Такое можно сделать?

— Сделать можно что угодно. Вопрос лишь в том, сработает ли идея.

— Попробуем.

Как это всегда получается, одно потянуло за собой другое. Услышав о цилиндре, звукооператор спросил:

— А почему бы не снабдить тройное существо британским акцентом?

— Зачем? — не понял застигнутый врасплох Уиллард.

— Понимаете, когда британец говорит, в его речи больше тонов. По крайней мере в речи верхних классов. Американская версия английского стала как бы более плоской, и это справедливо также для речи всех трех исходных существ. Если тройное существо заговорит как британец, его голос заиграет подъемами и спусками интонаций — тенором, баритоном, а иногда даже со-

прано. А именно это мы хотели выразить тремя голосами, из которых формируется голос тройного существа.

— Ты сможешь это сделать? — спросил Уиллард.

— Думаю, что да.

— Тогда попробуем. Совсем неплохо — если получится.

Было интересно наблюдать, как захватила всю группу работа над Эмоциональной, особенно сцена, когда Эмоциональная мчится через всю планету после краткой встречи с другими Эмоциональными.

— Эта сцена станет одной из самых драматичных, — напряженно говорил Уиллард. — И мы поставим ее с максимально возможным размахом. Повсюду будут мелькать ткани, ткани, ткани, но они ни в коем случае не должны перепутываться. Каждое существо должно быть четко видно. Даже когда все Эмоциональные разом полетят в сторону зрителей, каждая должна выделяться. А Дуа обязана выделяться среди всех. Я хочу, чтобы она чуточку поблескивала, чтобы отличаться от остальных. Она же *наша* Эмоциональная. Понятно?

— Понятно, — сказал главный имажист. — Сделаем.

— И еще одно. Все остальные Эмоциональные щебечут. Они птицы. Наша Эмоциональная не щебечет, она презирует остальных, потому что умнее их, и она это знает. А когда она мчится оттуда... — он смолк и задумался. — Мы можем как-нибудь обойтись без «Полета валькирий»?

— Но мы не хотим отказываться от этой музыки, — без промедления ответил звуковик. — Ничего лучшего для этой цели еще не написано.

— Верно, — согласилась Кэткорт, — и пускать мы будем время от времени лишь короткие фрагменты. На слух они создадут тот же эффект, что и целое произведение, к тому же я могу добавить образ развевающейся гривы.

— Гривы? — с сомнением произнес Уиллард.

— Обязательно. Три тысячи лет общения с лошадьми вбили людям в головы, что мчащийся галопом жеребец есть олицетворение бешеной скорости. Все наши механические экипажи, несмотря на их огромную скорость, слишком статичны. И еще я могу сделать так, чтобы грива лишь подчеркивала и усиливала эффект колышущейся ткани.

— Звучит неплохо. Попробуем.

Уиллард знал, где его подкарауливает последняя преграда — в сцене слияния. Он собрал всех на инструктаж — отчасти чтобы убедиться, что все понимают, над чем они сейчас работают,

а отчасти, чтобы продлить время на обдумывание и оттянуть момент, когда идеи начнут воплощаться в звуки, образы и внушения.

— Итак, — сказал он, — Эмоциональная хочет спасти другую планету, то есть Землю, потому что ей невыносима мысль о бессмысленном уничтожении разумных существ. Она знает, что тройные существа выполняют научный проект, необходимый для благополучия ее мира, и их совершенно не волнует опасность, которой они подвергают чужой мир, то есть нас.

Она пытается предупредить землян, но безуспешно. Наконец она узнает, что цель слияния заключается в том, чтобы произвести на свет новых Рациональных, Родительских и Эмоциональных, а затем произойдет окончательное слияние, после которого они тоже станут тройным существом. Это всем понятно? Три различных пола — это как бы личиночная форма, а тройное существо — взрослая форма.

Но Эмоциональная не хочет слияния, она не хочет порождать новое поколение. Больше всего ей не хочется становиться тройным существом и участвовать в начатой ими разрушительной работе. Однако ее хитростью вовлекают в окончательное слияние, и она слишком поздно понимает, что превратится не просто в тройное существо, а в то из них, которое больше остальных будет ответственно за научный проект, обрекающий другой мир на уничтожение.

Все это Лабориан сумел описать словами, словами и словами, но нам предстоит повторить его результат более быстро и резко, пользуясь образами и внушениями. Именно этим мы сейчас и попробуем заняться.

Они пробовали три дня, пока Уиллард не остался удовлетворен.

Измученная Эмоциональная, охваченная неуверенностью, отчаянно рвется наружу, а подсознательные внушения эту неуверенность нагнетают все больше и больше. Рациональный и Родительский уже наполовину слились, гораздо быстрее, чем при предыдущих слияниях, — они торопятся завершить процесс, пока его не прервала Эмоциональная, а та слишком поздно понимает, что это слияние окончательное, и вырывается... вырывается...

Все, конец. Обессиливающее ощущение поражения, когда после слияния возникает новое тройное существо, гораздо более близкое к человеку, чем любой другой персонаж компьютеры... но гордое и безразличное.

Научный проект будет продолжен. Земля покатится все дальше навстречу гибели.

И вдруг непонятно как, но у них получилось — то была суть всего, что пытался сделать Уиллард — стало ясно, что внутри нового тройного существа сохранилась частичка прежней Эмоциональной. Едва заметное колыхание ткани, и зритель начинал понимать, что поражение пока не окончательное.

Эмоциональная, запертая внутри существа более высокого порядка, еще не сдалась. Борьба будет продолжаться.

Вся группа смотрела завершенную компьютерную драму — впервые целиком, а не в виде набора отрывков — и внимательно оценивала, не требуется ли где перестановка или редактирование. («Не сейчас, — подумал Уиллард, — только не сейчас. Потом, когда приду в себя и смогу оценить работу более объективно».)

Сгорбившись, он сидел в кресле. Он вложил в это слишком большую часть своей души. Ему казалось, что компьютерная драма содержит все, что он хотел в нее вложить, и что он сделал все, что хотел; но насколько его благие пожелания отличаются от действительности?

Когда действие завершилось и последний трепещущий подсознательный крик побежденной, и в то же время непобежденной Эмоциональной стих, он произнес лишь одно слово:

— Итак?

— Это почти так же хорошо, как «Король Лир», Джонас, — сказала Кэткарт.

Все вокруг забормотали, соглашаясь, и Уиллард недоверчиво огляделся. А что им, в любом случае, оставалось сказать?

Он поймал взгляд Грегори Лабориана. Писатель молчал, лицо его оставалось бесстрастным.

Губы Уилларда сжались. От него по крайней мере он мог услышать мнение, подкрепленное — или не подкрепленное — золотом. Уиллард уже получил его сто тысяч. И сейчас он узнает, суждено ли им остаться электронными деньгами, запертыми в его карточке.

Он поднялся и повелительно — от неуверенности — произнес:

— Лабориан, я хочу поговорить с вами в моем кабинете.

Они сидели наедине впервые с того дня, когда началась работа над компьютерной драмой.

— Итак, что вы думаете, господин Лабориан? — спросил Уиллард.

— Женщина, которая создавала подсознательный фон, сказала, что получилось почти столь же хорошо, как и в «Короле Лире», — улыбнулся Лабориан.

— Да, я слышал.

— Она совершенно не права.

— Таково ваше мнение?

— Да. А сейчас важно именно мое мнение. Так вот, она совершенно не права. «Три в одном» получились у вас гораздо лучше, чем «Король Лир».

— Лучше? — На усталом лице Уилларда появилась улыбка.

— Гораздо лучше. Посудите сами, с каким материалом вы работали, создавая «Короля Лира». Уильям Шекспир снабдил вас поющими словами, которые сами по себе музыка; он же одарил вас персонажами, которые, независимо от того, добры они или злы, сильны или слабы, умны или глупы, верны или склонны к предательству, всегда и во всем ярче и крупнее обычных людей; Уильям Шекспир переплел две сюжетные линии, которые взаимно усиливали друг друга, и тем самым полностью овладел сердцами зрителей.

Каким стал ваш вклад в «Короля Лира»? Вы добавили нюансы, о которых Шекспир не имел, чисто по техническим причинам, ни малейшего понятия и даже мечтать о них не мог; но все эти изощренные технические штучки, оказавшиеся по силам вашей команде и вашему таланту, лишь кое-что добавили к шедевру литературного гения всех времен, трудившегося на вершине своего таланта.

Но, взявшись за «Три в одном», вы стали работать с *моими* словами, которые отнюдь не пели, с *моими* персонажами, которые далеко не величественны, и с *моим*, далеко не блистательным сюжетом. Вы работали со мной, писателем-ремесленником, и создали нечто великое — то, о чем будут помнить еще долго после моей смерти. Благодаря вам хотя бы одна моя книга обрела бессмертие.

Верните мне мои электронные сто тысяч, господин Уиллард, и я вручу вам это.

Когда сто тысяч глободолларов были переведены с одной карточки на другую, Лабориан с усилием поднял пухлый портфель, поставил его на стол и открыл. Из него он достал коробку с крышкой на крючочке. Он аккуратно отодвинул крючочек и поднял крышку. В коробке заблестели золотые монеты с отчеканенным изображением Земли — Западное полушарие на одной стороне, а Восточное на другой. Двести крупных золотых монет, каждая стоимостью пятьсот глободолларов.

Восхищенный Уиллард взял одну из них. Она весила примерно унцию с четвертью. Он подбросил ее и поймал.

— Какая красота, — сказал он.

— Все это ваше, господин Уиллард, — сказал Лабориан. — Спасибо, что сотворили для меня компьютерную драму. Она стоит каждой из этих золотых монет.

Уиллард помолчал, глядя на золото, и сказал:

— Вы соблазнили меня создать компьютерную драму по вашей книге, предложив это золото. Чтобы получить его, я до предела напряг все свои таланты и превзошел самого себя. Спасибо вам за это. И вы правы — такое наслаждение стоило каждой из этих золотых монет.

Он положил монету в коробку и закрыл крышку. Потом поднял коробку и протянул ее Лабориану.

Содержание

Двухсотлетний человек, рассказы	
Водный гром, перевод И. Васильевой	7
Жизнь и времена Мультивака, перевод И. Васильевой	43
Отсев, перевод И. Васильевой	55
Когда святые маршируют, перевод И. Васильевой	63
Старый-престарый способ, перевод А. Шарова	71
Озарение, перевод И. Васильевой	79
 Ветры перемен, рассказы	
Ни о чем, перевод В. Гольдича, И. Оганесовой	87
Идеальное решение, перевод В. Гольдича, И. Оганесовой	88
Смерть фоя, перевод В. Гольдича, И. Оганесовой	97
Справедливая замена? перевод В. Гольдича, И. Оганесовой	100
Для птиц, перевод В. Гольдича, И. Оганесовой	113
Нашли! перевод В. Постникова	124
Хороший вкус, перевод В. Гольдича, И. Оганесовой	140
Как это произошло, перевод В. Гольдича, И. Оганесовой	159
Трудно отказаться от иллюзий, перевод В. Гольдича, И. Оганесовой	161
Точка возгорания! перевод В. Гольдича, И. Оганесовой	181
Он приближается! перевод В. Гольдича, И. Оганесовой	189

Окончательный ответ, перевод И. Можейко	205
Последний челнок, перевод В. Гольдича, И. Оганесовой	212
Чтобы мы не помнили, перевод В. Гольдича, И. Оганесовой	216
Ничто не дается даром, перевод В. Гольдича, И. Оганесовой	246
Наверняка, перевод В. Гольдича, И. Оганесовой	257
С первого взгляда, перевод В. Гольдича, И. Оганесовой	259
Ветры перемен, перевод В. Гольдича, И. Оганесовой	284
Золото, рассказы	
Кэл, перевод М. Гутова	301
Слева направо, перевод М. Гутова	331
Отчаяние, перевод М. Гутова	333
Галлюцинация, перевод М. Гутова	336
Нестабильность, перевод М. Гутова	355
Александр Бог, перевод М. Гутова	358
В Каньоне, перевод М. Гутова	364
Прощание с Землей, перевод М. Гутова	366
Боевой гимн, перевод М. Гутова	371
Фегхут и суд, перевод М. Гутова	375
Отказонеустойчивый, перевод М. Гутова	377
Братишка, перевод М. Гутова	383
Народы в космосе, перевод М. Гутова	392
Улыбка чиппера, перевод М. Гутова	395
Золото, перевод А. Волнова	399

НОВЫЕ МИРЫ АЙЗЕКА АЗИМОВА

Том пятый

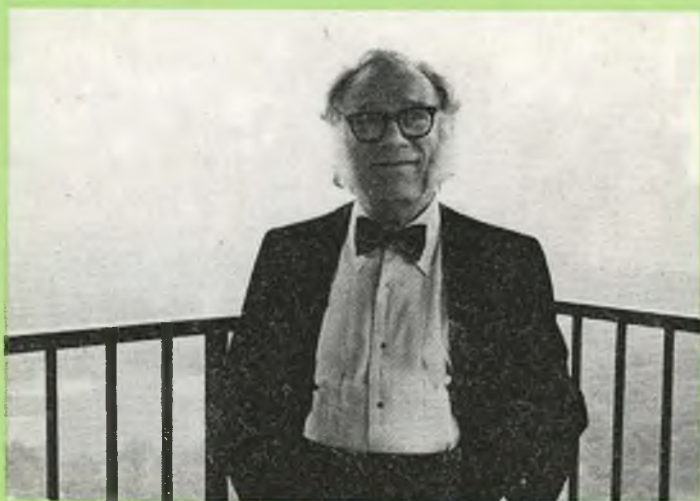
Составитель *Д. Смушкович*
Ответственный за выпуск *Е. Чутов*
Редакторы *Т. Пикович, М. Проворова*
Технический редактор *К. Козаченко*
Корректоры *Ж. Голубева, Н. Дундина*
Операторы компьютерной верстки
Н. Амосова, Е. Глуховская
Оформление шмуцтитолов: *В. Ковалев*

ЛР № 062455 от 23 03 93
Подписано в печать 11 03 97 Формат 84×108¹/₃₂
Гарнитура Балтика Печать высокая
Усл печ л 22,68 Тираж 10 000 экз
Заказ № 150

Издательство «Полярис»
Латвийская Республика LV 1039 Рига а/я 22

Отпечатано с готовых диапозитивов
на Тверском ордена Трудового Красного Знамени
полиграфкомбинате детской литературы им 50-летия СССР
Государственного Комитета Российской Федерации по печати
170040 г Тверь проспект 50-летия Октября 46

РАССКАЗЫ

